

ВИКТОР МАРШАНСКИЙ

ДВА ЧАСА ДО КОНЦА СВЕТА

НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН ПО ВСЕЛЕННОЙ SCP

Annotation

Научно-фантастический роман по вселенной SCP Foundation, раскрывающий тему Отдела "П", параллельных миров, войны и жестокого обращения с детьми.

Пролог. Взгляд через замочную скважину

Нулевой закон, сила отсутствия, Μηδενικός Νόμος (греч.) — гипотетическая первоначальная сила, рождающая вселенные и устанавливающая фундаментальные законы миров.

6 июня 2019, 15:35

Холодный свет люминесцентной лампы струился с потолка, пробиваясь сквозь толщу сигаретного дыма. Побелевшие пальцы с бешеной частотой метались по клавишам печатной машинки, оглашая комнату ритмичным стуком. Зажав последнюю сигарету между зубами, младший научный сотрудник Евгений Стацкий наблюдал, как смазанные маслом рычажки послушно скачут внутри аппарата. Бумага отсутствовала. Каждая буква, набранная на гляцевых кнопках клавиатуры, неведомой силой выжигалась на бледной коже молодого человека. Обращать внимания на боль не было времени. Справа от механизма лежали несколько папок, озаглавленных грифом "Совершенно секретно". Все они были вскрыты, пломбы в спешке сорваны, а документы в них перемешаны. На одном из них был следующий текст:

Объект: SCP-6352-RU «Печатная машинка» SCP-6352-RU, внешний вид Класс объекта: Евклид
Особые условия содержания: Устройство должно находиться на закрытом складе для аномальных объектов Зоны 112. Раз в шесть месяцев стоит проводить профилактический осмотр на предмет «зажимов» и других признаков изношенности. Из соображений безопасности, все эксперименты должны быть отложены на неопределённый срок.
Описание: Это модифицированная печатная машинка марки «Аksamить» 1965 года сборки. Детали, как и обычные аналоги, отлиты из сплавов никеля и чугуна и не являются аномальными сами по себе. В аппарате отсутствует лоток для красящей ленты и зажим для бумаги. Рычаг перевода строки отсоединён от направляющей, ровно, как и тумблеры коррекции полей. Цилиндр движется свободно в моменты нажатия клавиш, в соответствии со своим назначением, однако недостаток необходимых деталей делает механизм непригодным для печати на бумаге.

Реальность трещала по швам. Хрупкая ткань мироздания рваными лоскутами опадала в небытие. Мира за пределами тесного прокуренного кабинета больше не существовало. Мысли и воспоминания пролетали сквозь черепную коробку сотрудника, увлекаемые воздействием аппарата.

Всё началось месяц назад. По лесам Самарской области стали появляться эти твари — «светлячки». Не те безобидные насекомые, таящиеся в ночной темноте, речь не о них. То были огромные антропоморфные чудовища в два человеческих роста; они дохли в нашей атмосфере, задыхаясь словно пауки в банке. Их чёрная, будто отлитая из битумной смолы, кожа отслаивалась и осыпалась хлопьями, едва соприкоснувшись с кислородом. На передней части головы располагалось пустое отверстие, устланное изнутри системой голубоватых кровеносных сосудов. Естественно, мы находили их уже мёртвыми, застывших в самых причудливых позах в миг предсмертной агонии. Тела этих монстров, местами лишённые мягких тканей, походили на обглоданных рыб. Молочно-белые, хрупкие, почти прозрачные кости разлагались в нашей реальности почти так же быстро, как и мягкие ткани, поэтому у нас было очень мало времени для исследований.

После четырёх случаев обнаружения светлячков гражданами, мы стали собирать

поисковые отряды. Предполагалось, что эти существа могут вылезать из каких-нибудь межпространственных дыр или трещин в Эфире. Мы находили «светлячков» каждую неделю-две, среди густых зарослей деревьев, на которых кто-то вырезал непонятные знаки, напоминающие древнеславянские резы. Иногда части их тел, при «перемещении» смешивались с окружающими предметами и даже людьми. Это говорило о том, что сила, которая забрасывает их в наш мир, не обладает точностью в расчётах.

Евгений остановился. Ужас сковал его запястья. Чувство безысходности тяжёлым грузом опустилось на сердце. Он медленно встал и провёл дрожащей ладонью по уставшему лицу. Потом, судорожно вздохнув, обернулся к двери. Отойдя от стола, с явным ощущением того, что тот отдалился на километр, он оказался возле двери, и опустившись на колени, затаив дыхание, заглянул во мрак замочной скважины. В глубине души он надеялся увидеть там планету, разорванную на части мощными потоками сверхъестественного света, обернувшейся грудой раскалённых камней, медленно плавающих в невесомости. Или же свою собственную спину, одетую в белую рубашку, взмокшую от пота, потому что пространство могло замкнуться таким образом, что, выпав из этой комнаты, он бы попал в противоположный её конец. Он надеялся увидеть хоть что-нибудь, но взгляд его тонул во тьме, заполнившей всё пространство маленького отверстия. Ни луча света, ни дуновения воздуха не проникало сквозь крохотную скважину, казавшуюся сейчас бездонной глоткой, проглотившей целый мир. Некогда необъятная вселенная сжалась до размеров крохотного кабинета без окон, оставив Евгения один на один с тяжёлой тишиной. Горячие потоки слёз текли по его щекам. Сгорбленная спина вздрагивала при каждом всхлипе, пока немигающий взгляд серых глаз, заполненных влагой, устремлялся в темноту, натываясь на край света, который внезапно оказался ближе, чем он думал.

Они отправили меня на задание, потому что более опытный сотрудник Зоны 112 покинул город в качестве консультанта. Ведущий специалист по изучению аномалий Владимир Марш отбыл в командировку по просьбе Смотрителя. Последнему показалось, что твари из другого мира не заслуживают внимания, в отличие пылесоса. Старый советский агрегат в виде бочонка каким-то чудом смог доехать из Тольятти в Самару, а оттуда напрямик до Москвы. К сожалению, теперь мы не узнаем, что стояло за этой аномалией и как доктор Марш справился с её захватом. Потому что все они мертвы, включая Смотрителя.

За феноменом появления «светлячков» стояла группа безобидных, как казалось по началу, староверов, исповедующих язычество. Весь Фонд не перестаёт удивляться тому, как часто на свет выходит разного рода нечисть напрямик из прошлого: кошмары Отдела «П», какие-то славянские боги, оживший антиквариат времён династии Романовых и прочая аномальная дурь. Согласно статистике RU-Фонда, ко времени древней Руси относятся лишь жалкие полтора процента от всех аномалий, но, — храни, Господь, Россию! — какие это объекты! Величие тварей, доживших до наших дней вызывает ужас, смешанный с божественным благоговением, а самые безобидные из этих объектов способны нанести такой урон человеческой психике, что люди, работавшие с ними, по окончании исследований, встают в очередь за таблеткой амнезиака.

Однако на момент расследования и тщательных поисков, мы лишь могли догадываться с чем имеем дело. Зона 112 — достаточно важный узел в системе Фонда, но у нас нет ресурсов для борьбы с аномалиями, способными стереть реальность в порошок.

Передавая из поколения в поколение свои тайные знания, истинный смысл которых был давно безвозвратно утрачен, эти люди случайно открыли проход в иной мир. Самое удивительное в том, что у них не было высокотехнологичных измерительных приборов или мощной вычислительной техники. Наоборот, они всячески отвергали любые плоды прогресса, в угоду своим преданиям и опыту предков. У них была только старославянская азбука и обрывочные сведения о мирах, соседствующих с нашим, сдобренных чушью на тему древнеславянской веры и теми самыми руническими символами, которые мы видели на деревьях. К сожалению, этих «знаний» оказалось более чем достаточно для того, чтобы устроить событие типа **Existential Keter** — угроза существованию реальности. Это как если бы дикарям дали атомное оружие, объяснили, как им пользоваться, но не предупредили о возможных последствиях.

Последнее поколение староверов именовало себя Светоносцами. Они были уверены в том, что их предназначение — привести в наш мир богов, которых возгордившиеся нечестивые люди обрекли на вечное забвение. Возможно, будь на моём месте доктор Марш, он бы первым делом позаботился о том, чтобы тела сектантов доставили в Фонд в цинковых ящиках, но я честно полагал, что действую в общих интересах, пытаясь узнать больше об очередной организации, связанной со сверхъестественным. И я, конечно же, крупно облажался.

Мы схватили их, когда они готовились провести заключительный обряд.

Из-за того, что резы не могли дать требуемого эффекта, они собирались принести в жертву человеческую жизнь, — старый, как сама жизнь и надёжный, как сотрудник класса D, способ запустить конец света. Поэтому, увидев, как мы выходим из леса, их чародей перерезал горло маленькой девочке, к тому времени уже спокойно лежащей на алтаре из камня. Пока наш врач предпринимал попытки остановить кровотечение, мы крутили и

допрашивали всех и каждого, кто был застигнут нами в лесу. Их было около тридцати человек. Семеро были детьми. На пороге стояло мрачное будущее, готовое вынести входную дверь с ноги.

В течение получаса мы добились признания от их вожака, — бородатого, не слишком чистоплотного, мужчины лет семидесяти. На вопрос, как же они надеялись выжить при обряде, убивающим всё население планеты, он лишь кивнул на самодельные амулеты, бережно уложенные вокруг алтаря. Один из этих амулетов был надет на самого вожака, что объясняло его спокойствие в момент, когда сердце девочки остановилось, запустив цепочку чудовищных сверхъестественных реакций. Крича что-то на старославянском, сектанты принялись вырывать из рук оперативников. Оттолкнув меня, старик пытался их перекричать, указывая на амулеты. В попытке остановить его, я схватился за его одежду. Раздался треск рвущейся ткани, и шаман, потеряв равновесие, упал. На минуту мы оба замерли, глядя на амулет, оставшийся в моих руках...

Щелчок таймера вывел Евгения из состояния ступора. Стрелка на циферблате показывала, что у него осталось всего пятнадцать минут. Стряхнув с себя остатки оцепенения и утерев слёзы, молодой человек выпрямился, и в два широких шага преодолел расстояние от двери до стола. Устроившись за аппаратом, он снова огласил комнату стуком металлических штифтов...

Когда я открыл глаза, то подумал, что ослеп. Невозможность сделать вдох из-за невероятного давления атмосферы, внушила мне мысль, что я умер, но секунду спустя передо мной зажёгся свет. Не так давно до биологов Фонда дошло, что отверстие на передней части головы служит своего рода прожектором. Сеть голубых сосудов, берущих начало от странного органа внутри грудной клетки, рождающего свет — яркий, чрезвычайно плотный, и такой же осязаемый, как дуновение ветра. Их мир состоял из очень густой, лишённой привычного нам солнечного освещения, среды. Теряясь в парах потустороннего эфира, я беспорядочно махал руками, пытаюсь определить, где верх, а где низ в этом чуждом пространстве. И вдруг, увидел свет. Метрах в десяти передо мной плавал «светлячок». Луч, рвущийся из недр пасти, которая никогда не закрывается, был так насыщен энергией, что, коснувшись моей кожи, причинял мне боль. Рукава моей некогда белоснежной рубашки тлели, бледная кожа на шее покрылась волдырями. Я поспешил увернуться, насколько это было возможно. Спустя несколько секунд, свет погас, и я снова очутился наедине с самим собой, всё также не имея возможности вдохнуть. Я был настолько поражён, что даже забыл о том, что если я пробуду в этом мире дольше двух минут, то непременно задохнусь. Мои лёгкие, после десяти лет непрерывного злоупотребления табаком, явно не ожидали подобного поворота событий.

Но секунды шли, и вот свет зажёгся опять. На этот раз голова ближайшего светлячка была направлено в другую сторону, и я мог видеть, как он плавно двигает своими чёрными конечностями, описывая вокруг себя круги. Я наблюдал как вокруг нас, вдали, в ответ на его огонь зажигаются мириады других огней, столь многочисленных, что мне показалось, будто я плаваю среди звёзд. Любопытные взгляды, представленные сверхъестественным светом, устремлялись на меня с тем же удивлением и недоверием, с каким я когда-то смотрел на их истерзанные останки.

Секунды шли, в груди горело всё сильнее и сильнее, а я по прежнему неподвижно смотрел, как вслед за крохотными белыми точками вдали, загораются огни, носители которых были настолько огромны, что своими лучами могли бы сжечь тысячи солнц.

«Вот они, — подумал я, ощущая, как между эфиром и кожей проползают мурашки, — Боги этого мира!»

Пространство вокруг меня становилось всё ярче. Я уже был готов быть сожжён заживо их огнями, готов был сделать вдох и наполнить лёгкие вязкой ядовитой атмосферой, но внезапно всё пропало. И я снова подумал, что умер. И снова открыл глаза.

Я был ровно в том же месте, с амулетом в руке, но люди вокруг меня были мертвы. Прошло всего полторы минуты, их тела были такими же тёплыми, но они не шевелились. Я поднял глаза к небу и у меня подкосились ноги. Упав на перегнивающую листву, я молча наблюдал, как на небе зажигаются три новых солнца.

Мчась по коридорам учреждения, заполненными телами моих коллег, я перемещался от одного кабинета к другому, стараясь не смотреть на их лица. Где-то час я тщетно пытался дозвониться до управляющих в столице, затем до знакомых докторов в зарубежье, наконец до совета членов О5 — высшего звена руководства, но ответом мне были лишь монотонные гудки. Вот так, в результате неосторожного эксперимента, всего за несколько минут исчезла вся разумная жизнь на Земле. Куда бы я ни обратился, ответом мне была тишина. Я был один, посреди умирающего безумного мира; против меня выступали огромные сверхъестественные твари, и у меня не было знаний, чтобы всё это остановить.

Беспорядочный поток мыслей терроризировал мой мозг. В голове проносились статьи, описывающие различные объекты, способные оживлять мёртвых, излечивать любые раны, даже выращивать людей из ничего, но такие объекты содержатся в важнейших секретных узлах Фонда. У меня бы ушло лет десять только на то, чтобы просто найти их, и вся жизнь, чтобы подобрать ключи доступа и разобраться в принципах работы.

И вдруг я вспомнил об объекте под номером SCP-6383-RU «Ни живой, ни мёртвый». В 1997 году он был поставлен на содержание под классом Евклид (потенциально опасный), а сведения о нём были тщательно вымараны из документов. Попытки узнать об объекте хоть что-нибудь строго пресекались, с ним не велось никакой деятельности, его камера ни разу не открывалась на протяжении всех пяти лет, что я отдал Фонду. Всё что знали о нём сотрудники Зоны 112, так это то, что он до 1997 года занимал должность ведущего специалиста по условиям содержания в нашем филиале, но после какого-то инцидента, его заперли в одной из построенных им же камер на пожизненный срок. Искать документы по этому объекту не было времени, так что я спустился на нижние этажи комплекса, сняв ключ-карту с тела Смотрителя, и беспрепятственно проник на минус-третий, самый защищённый этаж Зоны 112. Интуиция подсказывала, что он ещё должен сохранять разум, так как все вышеперечисленные странности в содержании могли указывать на то, что этот объект не нуждается в еде и воде, а значит его нельзя убить тем же способом, что и обычного человека.

Когда двери лифта открылись, я изо всех сил ринулся вперёд по коридору, отсчитывая камеры. Остановившись напротив комнаты под номером двадцать три, я прислонил к валидатору украденный пропуск, чтобы открыть тяжёлую автоматическую дверь. Массивные ставни со скрипом раздвинулись передо мной. За ними оказалась практически пустая, скудно освещённая камера, в центре которой стоял старый деревянный стул. На нём неподвижно сидел человек, чьё высохшее, лишённое каких-либо признаков жизни, тело, казалось, срослось с сиденьем. Голова была неестественно запрокинута назад, а к открытому беззубому рту была приставлена установка, напоминавшая микрофон. Провода от него вели к радиоприёмнику, стоявшему на маленьком медицинском столике справа от него. Руки

были стянуты тугими ремнями. На узнике были надеты лохмотья, в которых узнавались рубашка, брюки и стёртые помятые туфли. Многочисленные дыры на груди указывали на то, что в мертвеца, то ли при жизни, то ли уже после неё, неоднократно стреляли из огнестрельного оружия.

SCP-6383-RU «Ни живой, ни мёртвый»

Я уже было решил, что интуиция подвела меня, как вдруг из динамиков приёмника послышались хрипы:

— Они все мертвы, да? — искажённый помехами голос достиг моих ушей, заставив моё нутро перевернуться в очередной раз. — Видимо да, иначе бы они убили тебя за то, что ты здесь.

— Почему вы всё ещё живы? — Спросил я, пытаюсь проглотить панику, застрявшую в пересохшей глотке.

— Могу задать тебе тот же вопрос.

— Мне нужна ваша помощь. Вы ведь специалист по содержанию, так? По крайней мере, в прошлом.

Я боялся подходить ближе, чем на один шаг от входной двери, чтобы случайно не попасть под влияние каких-нибудь сверхъестественных сил, ибо понятия не имел, как и за что его поставили на содержание.

— Опишите аномалию.

— Огромные твари, излучающие лучи высококонцентрированного света, — я задрал повыше один из рукавов рубашки, чтобы продемонстрировать ожоги, хотя не был уверен, что он меня видит.

— Насколько огромные?

— Тот, что оставил эти ожоги, был ростом под три метра. Но прямо сейчас вокруг Земли, пусть и на достаточно большом расстоянии, плавают гады, по размерам превосходящие нашу планету в несколько раз.

Из динамиков раздался ни то стон, ни то рычание. Пальцы, отклеившись от подлокотников, закрипели ногтями по деревянной поверхности. Какое-то время его тело исходило судорогой, которая закончилась так же внезапно, как и началась.

— Учитывая, что мы ещё целы, — произнёс Нежилец, — можно сделать вывод, что они находятся достаточно далеко, и у нас есть время, пока их "свет" не сожжёт атмосферу Земли. Но что бы это ни было, столь массивный сдвиг элементов между вселенными приведёт к краху обоих миров. Я думаю, у тебя есть ещё час, пока не завершится Цикл.

— Цикл?

На несколько секунд комнату заполнил звук, напоминающий чей-то крик, записанный на старую плёнку, которая истёрлась со временем. Пока я раздумывал, стоит ли мне начать бежать, узник утих и снова заговорил, но на этот раз в его голосе чувствовалось раздражение:

— Вас что, совсем не учат основам метареализма? Суть в том, что вселенные расположены очень тесно по отношению друг к другу, зачастую, даже один атом может существовать одновременно в нескольких мирах. Чтобы пресечь возможные парадоксы между несколькими вариациями миров, каждые четыреста минут происходит событие, именуемое Процедурой Перераспределения. По всей мультивселенной происходит общий сброс, всеобщая сегрегация энергии, нечто вроде возврата к стандартным заводским

настройкам. Эта причина того, почему большинство сверхъестественных вещей, нарушающих фундаментальные законы физики, залетевших по ошибке в наш мир, остаются в единичном экземпляре. Опасность для нашей вселенной состоит в том, что столь объёмный сдвиг в момент завершения Цикла Сегрегации приведёт к аннигиляции обоих миров, что предотвратит парадоксы на уровне мультивселенной.

— О чём вы говорите? Помогите мне вернуть мир в нормальное состояние. — Взмолился я, готовый рухнуть перед ним на колени.

— Это невозможно. Нельзя просто откатить происходящие события к старту. Все существующие вещи во вселенной имеют свой незримый информационный шлейф. Ты, я, даже этот стул источают вибрации, имеющие вес в границах мироздания, каждое наше действие влияет на всю вселенную, понимаешь? Вот почему аннигиляция наших миров не только необратима, но и необходима. Дальнейшие действия только усугубят положение, и восставший из пепла мир будет вынужден столкнуться с вещами, куда более ужасными, чем те, которые происходят сейчас.

— Но ведь ради этого и существует Фонд, разве нет? Мы спасаем человечество снова и снова.

— Я помню время, когда мы шли на компромисс перед сверхъестественными силами. А теперь люди пытаются их изучать.

— Да кто вы такой?

— Тот, кто однажды пошёл на компромисс. Много лет назад, от лица такой же организации, я заключил договор с аномальными силами, во имя спасения горстки людей, и сегодня уже ты пытаешься сделать то же самое.

— Тогда вы должны знать, что мне нет дела до вашей философии. Придётся вам сообразить, как мы можем минимизировать ущерб от наших действий, иначе мы умрём.

Комнату снова заполнил шум, состоявший из чьих-то криков и обрывочных фраз, лишённых смысла. Сгнившие ногти Нежилыца ломались о поверхность подлокотников.

— Прекратите! — Вдруг закричал я, теряя самообладание. — Я сейчас сойду с ума. Не знаю, кто вы, но если в вас осталось хоть что-нибудь от человека, помогите мне. Помогите спасти всех!

— Некого спасать. Через час этой вселенной не станет.

— Я не верю. На лекциях учили, что мир не может просто развалиться на элементарные частицы. Не может!

— Ваши лекторы не знают и не видят того, что знаю и вижу я.

— Да что вы вообще можете видеть?! Вы сидите здесь уже тридцать лет и гниёте, а ваши глаза направлены в потолок.

— Мои глазницы пусты. Подойди ближе и убедись сам.

— Пытаетесь заболтать меня? Хотите, чтобы я приблизился к вам, и оказался в ваших сетях словно муха?

— Идиот. Не всё аномальное, что ты видишь, пытается убить тебя. Я лишь хочу рассказать немного об устройстве мира.

— Боюсь, в соответствии с вашими же словами, у нас нет времени на лекции.

Из динамиков послышался смех.

— У Фонда всегда есть время для лекций. Просто эти бюрократы любят говорить, из-за чего каждая лекция оборачивается горой труднопостижимых терминов.

— Тогда постарайтесь изъясняться кратко.

— Тогда, не перебивай меня хотя бы несколько минут!

— Как скажете. Если, конечно, ваша речь не угнетает когнитивные способности.

— Было бы что угнетать...

— Ближе к делу, пожалуйста!

— Ну, что ж... Как тебе, наверняка, рассказали умники из Фонда, мироздание представлено бесконечным потоком вселенных, похожих и непохожих друг на друга. В каждой отдельной вселенной действуют различные законы физики, формирующие материю и события. Но есть сила, которая рождает все эти миры. Сила, которая стоит за каждой элементарной частицей, за каждой химической реакцией, за каждым событием во всех вселенных. Некоторые называют эту силу Богом, некоторые — **нулевым законом**. Эта сила невидима. Её нельзя познать, нельзя измерить приборами, ибо атомы этих приборов держатся на этой самой силе. Эта настолько элементарная вещь, что глядя на неё в упор, ты бы думал, что смотришь в пустоту. Эта сила рождает материю, и заставляет её усложняться, создавая атомы, затем молекулы, и наконец, жизнь в самых различных её формах. Наш мир терпит крах просто потому, что пересеклись две очень далёкие по своим свойствам вселенные, и эта тонкая материя, представленная высшей силой, противоречит самой себе. Парадокс, который на самом деле уже не раз случался в иных мирах, и ещё не раз произойдёт.

— И? Я типа должен сейчас успокоиться и принять неизбежное?

— Не только. Как ты знаешь, существует невообразимое число твоих копий, с теми же именами и схожими жизнями. Но вселенные различаются между собой не только явлениями, но и временем, когда эти явления происходят. Этот мир обречён, но ты можешь предотвратить подобный исход событий в параллельной вселенной.

— С чего бы мне делать это?

— Ни с чего. Но подумай вот о чём. Допустим, что я солгал, и существованию мира не угрожает аннигиляция, но что это меняет? Человечество мертво, тебе придётся до конца жизни бродить по земле в полном одиночестве, надеясь на призрачную возможность вернуть всё на круги своя. И учитывая, сколь много на нашей планете не живых, но всё ещё функционирующих аномалий, конец твоей жизни наступит очень скоро, ведь прямо сейчас за ними никто не следит. Этот вариант тебе больше подходит?

— Ваш вариант ничуть не лучше.

— Так ли это? У тебя будет возможность пережить апокалипсис и отсрочить срок исчезновения. Это уже очень много для среднестатистического человека.

— Но как я могу вмешиваться в ход вещей другой вселенной? Это должно иметь свою цену.

— Да, непременно. Твои действия приведут к последствиям в другом мире, но нам уже не суждено увидеть их.

Сказать, что я пребывал в отчаянии, значит ничего не сказать. Мне казалось, будто в моей душе развернулась атомная война, оставив после себя выжженную равнину. И я сдался:

— Скажите, что мне делать.

— Слушай внимательно! Здесь внизу, на складе для хранения аномальных объектов, есть устройства, помеченные номером шесть-три-ноль-один...

— «Замыкатели пространства»? Но я читал, что они действуют меньше сотой доли секунды.

— Да. Мы получили их, когда в 1994-ом накрыли подпольных исследователей,

бежавших в Самару после кражи данных об объекте «Томительное ожидание». На тот момент он материализовался в нашей стране, так что ответственность за сокрытие тайны о нём лежало на плечах российских филиалов. Насчёт времени действия, ты абсолютно прав. Все опыты, проведённые с устройствами, дали одинаковые результаты: пространство действительно замыкается само на себя, образуя сферу, изнутри которой физически невозможно выбраться. Мы надеялись, что сможем сделать с их помощью тюрьмы для особо опасных объектов, если нам удастся повысить радиус сферы с ничтожных пяти сантиметров, и растянуть стабильность работы более, чем на восемь тысячных секунды. Возможные перспективы были настолько радужными, что столичные администраторы даже отдельной строкой выделили нам денег на разработку. К сожалению, спустя два года исследований, мы пришли к выводу, что на поддержание той же сферы длительностью хотя бы в один час, нужно было создать «Замыкатель» мощнее в семь с половиной тысяч раз! Такое устройство должно было весить около восьми тонн, и поглощать сотню мегаватт электричества в час только за одну минуту.

SCP-6301-RU «Замыкатель пространства». Внешний корпус и ядро

— Так вы решили проблему или нет?! — Теряя терпение, воскликнул я.

— Спустя два года, когда исследования с «Замыкателями» были прекращены, мы наткнулись на «Ртутный камень».

Числа тут же всплыли в моей памяти:

— Шесть-три-один-четыре.

— Точно! Прескверная штука. Несколько исследователей из-за неосторожности отравились парами жидкого металла, пока выяснили, что камень способен усиливать аномальные свойства неорганических объектов. Сейчас самое важное! Тебе будет нужна комната, примерно девяти квадратных метров без окон. Разместив «Замыкатели» в четырёх углах и поместив в центре «Камень», ты сможешь создать пространство, обособленное от мультивселенной, своего рода, четырёхмерную петлю в пространстве-времени. Судя по моим расчётам, заряда хватит на два часа, после чего петля разомкнётся, и комната

«вернётся» на своё место, но, если вселенная будет стёрта, она исчезнет вместе со всем содержимым.

— У меня будет всего два часа? Для чего?!

— Чтобы переписать свою жизнь. Для этого тебе понадобится объект «Шесть-три-пять-два».

— А это ещё что?

В голосе узника, сквозь помехи, послышались нотки презрения:

— Печатная машинка, позволяющая кому ни попадя переписывать свою жизнь. На самом деле, этот объект просто подбирает вселенную, максимально близко попадающую под запрос пользователя, и создаёт в этой вселенной свою копию, — своего рода, способ размножения. Сам человек бесследно исчезает из собственной вселенной, а высшая сила, на которой держались его атомы, используется как топливо для создания новых копий объекта. Очевидно, руководство посчитало её слишком опасной для разглашения о ней даже на территории Филиала. У тебя будет время, чтобы написать о себе текст. Пользоваться аппаратом также просто, как и аналогами, за исключением того, что вместо бумаги будет использоваться твоя кожа.

— То есть... — запнулся я, — этот объект в буквальном смысле снимет с меня шкуру?

— Да нет же, — фыркнул он, — буквы будут выжжены на поверхности твоего тела, и только. Будет больно, но терпимо.

— И сколько нужно писать?

— Не знаю. Мы с большой осторожностью проводили опыты. Думаю, хватит и нескольких предложений. Нюанс в том, что, садясь за аппарат, подопытные втягивались и начинали строчить во весь потенциал своего словарного запаса; мы так до конца и не разобрались, является это аномальным свойством или нет.

— Но если машинка создаст свою копию в мире, где уже есть её копия, не воспримет ли это "высшая сила" как очередной парадокс?

— Нет. В твоём случае перемещение будет происходить из обособленной части мироздания, как звонок с неизвестного номера. Такое событие, безусловно, приведёт к последствиям, но они не будут столь фатальны, потому что материя нашего мира тождественна по своим свойствам тому миру, где будет создаваться копия. Так или иначе, у тебя будет всего два часа.

— Два часа до конца света?! — Изумился я, почёсывая растрёпанную шевелюру плохо слушающимися руками. — В таких темпах я ещё не работал. В таком случае, нужно торопиться.

— Постой! Есть ещё кое-что. Так как я не присутствовал на опытах лично, — я всё-таки, специалист по содержанию, а не исследователь, — не знаю, как, но всё, что ты напишешь потом появится в виде обычного бумажного текста. Не уверен, что могу предугадать, как это будет происходить, но для меня важно, чтобы ты упомянул мою просьбу к Фонду, так как этот текст, рано или поздно, обязательно попадёт в руки к руководству.

— Чего ты хочешь?

— Мне нужно, чтобы они принесли в эту комнату одну вещь...

В качестве убежища Евгений выбрал кабинет бухгалтера — крохотное помещение без окон, с одним столом и шкафчиком, набитым папками с документами. Без лишних сантиментов, Стацкий выволок за порог грузное тело сотрудника, с ностальгией вспоминая те моменты, когда он мечтал затушить о его большой нос сигарету в отместку за

высокомерие и заносчивость. Наверное, счетовода втайне не устраивало, что его уровень допуска на порядок ниже, чем у сотрудника, младше его в два раза. Так или иначе, наткнувшись на его труп, Евгений не испытал ни малейшего сожаления. После очистки кабинета, Стацкий, спотыкаясь о тела коллег, притащил сорока пяти килограммовый камень формы параллелепипеда. Из его недр непрерывно сочилась ртуть через многочисленные трещины.

«Не думаю, что успею за два часа отравиться парами этой дряни», — подумал он, устанавливая Камень в центре комнаты.

После этого он спустился на склад, где воспользовался украденным у руководителя Зоны ключом, чтобы добраться до «Печатной Машинки». Затем принёс цилиндрические «Замыкатели», установил их в соответствии с полученными инструкциями, и запер дверь. Устроившись поудобнее за аппаратом, он привычным движением достал из кармана брюк пачку с надписью «Курение убивает».

«Наполовину пустая, или наполовину полная?» — Насмешливо подумал он, насчитав десять штук.

Зажав во рту одну из сигарет, он положил пачку на стол, зубами разгрызая ароматизирующую капсулу внутри фильтра. Сорвав с папки пломбу, он быстро пробежал глазами по документу, озаглавленному как «Объект SCP-6352-RU "Печатная машинка"», и вдруг, неожиданно для самого себя, начал писать.

Шестого июня, в половине первого часа дня, тучный бухгалтер Фонда, сытно пообедав, вернулся в свой кабинет и обнаружил в нём невероятный беспорядок. Сотни бумажных листов были раскиданы по всему пространству кабинета. На столе не было ничего кроме единственной крепко опломбированной папки с грифом «Совершенно секретно» и старой поломанной печатной машинки. Тело, принадлежавшее когда-то Евгению Стацкому, обернулось грудой бумаги с отпечатанным на них текстом в тот же миг, когда была поставлена последняя точка. Пришедший на суматоху, изрядно взволнованный, руководитель Зоны 112 Денис Одинцов торопливо собрал листы, упаковал в папку и пометив её номером восемь, унёс к себе в кабинет для дальнейшего изучения.

В тысяче километров от этого места, молодой преподаватель физики Евгений Стацкий, числившийся при Московском Государственном Университете, вышел на перерыв после очередной лекции, на которой горячо обсуждал со студентами теорию относительности и яростно отрицал возможность существования параллельных вселенных. Устроившись на лавочке, он вынул из кармана брюк пачку сигарет.

«Десять штук. — Подсчитал Стацкий. — Наполовину пустая, или наполовину полная?»

Глава I. В чёрном доме, на чёрной улице

«Я тебе сказку расскажу. Была на свете одна тётя. И у неё не было детей и счастья вообще тоже не было. И вот она сперва долго плакала, а потом стала злая.» — М. Булгаков, "Мастер и Маргарита".

9 июня 2019, 00:37

Нарушая ночную тишину, старый советский лифт пришёл в движение. Скрип тросов доносился сквозь щель между двумя ставнями, обшитых листами железа. Лифт исправно работал почти шестьдесят лет, перевозя вверх и вниз пассажиров разного сорта: безработных гуляк, спившихся матерей, пенсионеров, забытых собственными детьми, и прочих безразличных к этому миру людей. Облезлый дощатый пол, от которого воняло кошачьей мочой и стены, с облупившейся тёмно-зелёной краской, усеянные оскорбительными надписями, — наша история начинается именно в таком месте, забытом и ненужном, как и населяющие его призраки в виде наркоманов и пьяниц, которым просто забыли сказать, что их больше нет на этом свете. Тусклая лампочка старого образца могла осветить лишь первые несколько метров коридора, который располагался на двенадцатом этаже, — именно сюда направлялся пассажир-полуночник, вызвавший лифт.

Таким образом, когда часы показали половину второго ночи, а на улице грянул гром, сопровождавший июньскую грозу, лифт наконец остановился. Эхо раскрывающихся ставней прокатилось по коридору. В тесной кабинке, рассчитанной на вес троих с половиной пропойц, стояла девушка весьма потасканного вида. С первого взгляда можно было даже подумать, что она является частью этого гниющего здания; что босые ноги шагали по полам самых мерзких притонов; что облезлый коричневый свитер и длинная грязно-зеленая юбка, с которых ручьём стекала вода, были найдены на помойке; что мертвенно-бледная кожа, почерневшая вокруг глаз, на протяжении двадцати девяти лет жизни, знала лишь инъекции низкосортного опиума; что растрёпанные и красные от крови волосы, не мылись уже лет десять; что имя «Вера» было взято с дверцы туалетной кабинки, рядом со словом «шлюха».

Вера

От лифта до квартиры было около пяти шагов, но ногам мешал выпирающий из под юбки, кусок дерева, проходящий сквозь левый коленный сустав. Тонкие пальцы, прижимали ткань свитера к дыре в животе: несколько петель кишечника грозили вывалиться из чрева при каждом вдохе.

Когда Вера сделала шаг, чтобы выйти из лифта, створки с шумом сомкнулись, зажав полумёртвое тело. Несколько матерных слов сорвались с разбитых губ. Как правило, двери элеватора открываются сами, едва ощутив препятствие, но этот лифт был слишком стар, чтобы отвлекаться на глупости, вроде тощих женщин из неблагополучных районов. Поэтому Вере пришлось напрячь остатки сил, чтобы выскочить из железных объятий, что сыграло с ней злую шутку: едва вторая половина тела оказалось на свободе, девушка стала падать, так как правая нога с хрустом согнулась назад в районе колена. Раздался сдавленный крик, и тонкие ручки хаотично затрепетали, разрезая воздух в попытке восстановить равновесие. Сжатые с силой капкана челюсти выдавливали из дёсен кровь. Вера могла быть мёртвой клинически: сердце не билось уже час, зрачки не реагировали на свет, но электрические импульсы в теле были активны как никогда. Рождаясь в мозгу, вопреки всем законам, они заставляли мышцы сокращаться снова и снова, унося в мозг то единственное, что могло поступить из обескровленных конечностей, — боль.

Бесформенный кусок мяса, в котором можно было узнать остатки посаженной печени, с противным хлопаньем вывалился из нутра девушки, а кишки повисли будто сопли. Вцепившись в стену, Вера застыла в позе изуродованной балерины, которую внезапно подключили к электрической цепи.

Отдышавшись, девушка вытянула руку в направлении одной из квартир и щёлкнула

пальцами. Штифты замка плавно сдвинулись со своих мест, дверь открылась. Вера, поскользнувшись на собственных органах, ковыляла дальше.

Как и подобает домам, построенным на сдачу от глобального попила денег, планировка квартир была устроена самым экономичным образом. Входная дверь вела в комнату, совмещавшую в себе и кухню, и гостиную, и прихожую. Стены были покрыты пожелтевшими от времени обоями с текстурой в виде цветов красного мака, навсегда впитавших в себя смрад сигаретного дыма. Освещалась комната единственной лампочкой, что висела на поводке из провода. У стены стоял диван, настолько старый, что пружины, извивающиеся внутри, имели свойство скрипеть вне зависимости от того, есть люди в комнате или нет. Сложно было представить более неудобное место для сна, если не брать в расчёт кровать в соседней комнате. У противоположной стены, в левом углу, стоял отключенный от сети холодильник, где лежали две бутылки самого дешёвого портвейна, купленного в ближайшем алко-маркете. Венчал его постоянно работающий маленький телевизор с антеннами-рожками, вещавший в чёрно-белом формате. Справа от холодильника чернело окно, одетое в деревянную раму с паутиной по углам. Чуть дальше стояла широкая кухонная тумба. Раковина и, покрытая сажей, газовая плита стояли в правом углу. Над раковиной висела антресоль, служившая для хранения чистой посуды и удара головой во время готовки.

В центре комнаты, стоял круглый столик, за которым сидел мальчик семнадцати лет, одетый в майку розового цвета с нелепым принтом и разводами засохшей крови. Ноги, время от времени пинающие под столом мяукающий комок шерсти, были обтянуты рваными джинсами, по неосторожности прожжённые в двух местах. Сгорбившись над столом, он тушил сигареты о правое запястье, время от времени мотая головой, чтобы смахнуть сальную чёлку светло-русого цвета, что падала на верхнюю часть лица.

Сквозь пыльные стёкла очков красные от недосыпа глаза смотрели, как дешёвые сигареты одна за другой прожигают кожу насквозь. Рука дрожала, зубы, закованные в брекеты, скрипели, но мальчик снова и снова повторял экзекуцию.

От него воняло. Майка, джинсы и даже волосы — всё насквозь пропиталось смесью ароматов табака, жира и засохшей крови. Зачем мыться и стирать вещи, если ты уже неделю не выходишь из дома?

Константин

Вдруг дверь, ведущая в общий коридор, самопроизвольно открылась. Спустя секунду, в квартиру ввалилась двоюродная сестра его матери. Опустив изуродованную руку, Костя наблюдал, как, пройдя до середины комнаты на сломанных ногах, Вера остановилась, качаясь, словно узник Бухенвальда на ветру. Глядя на неё, чёрный кот, осторожно вылезал из под стола. Дверь, всё так же движимая чей-то волей, захлопнулась, и Вера, согнувшись пополам, извергла наружу содержимое желудка, заставив Барсика в ужасе забиться под диван. Когда поток нечистот иссяк, она вытерла губы рукавом кофты и тут же рухнула на пол, словно мешок с картошкой. Электрические сигналы, бегающие молниями от нейрона к нейрону, наконец погасли.

— С возвращением, — протянул юноша, отходя от стола.

Дерьмо случается. За последние двадцать лет Вера умирала в девятый раз. Находясь в забвении, она усвоила, что не стоит придавать каким бы то ни было вещам слишком многого значения. Когда твоё выпотрошенное тело валяется в луже собственной крови, ожидая момента воскрешения, привыкаешь смотреть на всё с цинизмом и отстранённостью. Даже потеряв почти всю кровь и большинство жизненно важных органов, Вера могла оставаться на ногах ещё какое-то время, пока мозг окончательно не разложится на плесень и липовый мёд. В моменты смерти, сознание будто сворачивалось, покорно ожидая, когда электрические импульсы в голове загорятся вновь. Иногда для этого требовалась пара минут, иногда — пара дней. Как только структура тела восстанавливалась до необходимого минимума, девушка возвращалась в сознание. Никакой комы, никакого сна, — мозг всегда находился в состоянии стресса, что к девятнадцати годам привело девушку к депрессии и стойкой алкогольной зависимости. Да, дерьмо случается, но, в случае с Верой, оно

продолжает случаться и после смерти.

Перешагнув через тело, тонущее в рвотных массах, Костя упал на диван. Состояние тёти его не удивило. Два года назад, когда он только начинал с ней жить, его разбудил грохот падающего стула, который девушка опрокинула, пересекая комнату в темноте. Выйдя из спальни, мальчик щёлкнул выключателем и вскрикнул от ужаса: нижняя челюсть девушки была выдернута, язык, выглядящий теперь неестественно длинным, трепыхался с противным хлюпаньем, а одна из рук вообще отсутствовала ниже локтевого сустава.

— Господи, — выкрикнул племянник, убегая обратно в комнату, — я сейчас позвоню в скорую!

Что-либо объяснить с выведенным из строя речевым аппаратом было затруднительно, так что Вере ничего не осталось, кроме как, рыча и размахивая культией, пуститься в погоню за юношей.

Он уже вслушивался в гудки, доносящиеся из динамика телефона, когда в проёме появилась Вера. Вскинув перед собой уцелевшую руку, она медленно покачала указательным пальцем.

— Скорая помощь. Что у вас случилось?

Не в силах оторвать взгляд от зелёных, заплывших кровью, глаз и извивающегося языка под ними, Костя произнёс:

— Кхм... П-простите. Набрал по ошибке.

— Хорошо, впредь будьте аккуратнее.

Связь оборвалась и телефон выскользнул из вспотевшей ладони.

— Знаешь, что? — спросил мальчик, сглотнув ком в горле.

Каштановые брови тёти взметнулись вверх.

— Это просто пиздец!

Вспомнив этот случай, мальчик невольно улыбнулся, глядя на труп девушки через слипающиеся веки. Он не мог заснуть трое суток, потому что её не было рядом. И вот она пришла, снова явилась поломанной и искалеченной. С кем она столкнулась на этот раз?

Глаза закрывались против воли, мозг жаждал сна. Костя, придвинувшись ближе к краю дивана, свесил руку, положив ладонь на, покрытое слоем засохшей крови, запястье Веры.

— Всё будет хорошо, — промычал он, проваливаясь в сон, — ты в безопасности.

Девушка не слышала. Её сердце по-прежнему не билось.

Справочные материалы Фонда SCP, закрытый реестр. Среди всех аномальных катастроф, выпавших на долю человечества, особняком стоят песочные тлееды. Тысячи, невидимых невооружённым глазом, паразитов способны жить в теле человека всю его жизнь, искусственно продлевая его существование. По неясной причине, эти твари равнодушны к существам, не обладающим даром самосознания. За всю историю человечества нет ни одного свидетельства заражения паразитами кого-то, кроме людей, что приводит к мысли, что тлеедам необходим осознающий себя носитель. Также загадкой является то, способны ли эти гады существовать вне тела. Немногочисленные опыты Отдела «П» ГРУ, нынче исчезнувшего, показывали, что заражение может осуществиться только при контакте с инфицированными тканями. Оказавшись на поверхности кожи, тлееды стараются проникнуть как можно глубже, чтобы потом начать делиться. Всего за один месяц колония может достигнуть более восьми сотен особей, распространиться по всему телу носителя и попасть в мозг. Полгода спустя, тлееды, достигнув популяции в тысячу — полторы особей, начнут перестраивать нервную систему. Их влияние на клетки людей непостижимо! Они

способны выращивать ткани в кратчайшие сроки, используя собственных особей как материал, поэтому носителям тлеедов практически не нужно питаться. При этом, их невозможно вывести из организма, так как паразиты находятся по всему телу, в том числе и стволе головного мозга. Архивное фото Отдела "П". Обратите внимание на скопление тлеедов в левой затылочной части мозга. Человеческое тело для них является домом, и они рьяно защищают его, часто провоцируя носителя на жизнь вне социума. Психика жертвы страдает от постоянного одиночества и отсутствия сна, что всегда заканчивается глубокой депрессией и неврозом. Рано или поздно жертва начинает задумываться о самоубийстве, и тогда, решившись на отчаянный шаг, она сталкивается с сущим кошмаром — воскрешением после смерти. Очнувшись на тротуаре после длительного полёта, или в луже собственных выделений после попытки отравления, или с огромным выходным отверстием в затылке, носитель понимает, что боль — единственное, что ему осталось от прежней жизни. Эта картина преследует всех заражённых людей, которых среди людей осталось считанные единицы, вследствие наличия в мире множества организаций, пресекающих существование аномалий в любом виде. Тем не менее, история тлеедов достаточно долгая, и тянется с незапамятных времён. Помимо вышеописанных свойств тлеедов, есть качества, развитие которых зависит от пола жертвы. Если носитель — мужчина, тлееды замедляют передачу электрических импульсов между нейронами, что сказывается плохим самочувствием и сниженной чувствительностью тела; ощущения температуры, давления и боли теряют остроту на тридцать процентов. Бонусом идёт бесплодие по причине нулевой активности сперматозоидов. Симптоматика у женщин диаметрально противоположная: тлееды поддерживают работу нервной системы на высшем уровне даже тогда, когда в этом нет необходимости. Регенерация, в отличие от носителей-мужчин не только не деградирует, но и ускоряется до невозможно высоких показателей. Тело способно восстановиться даже при потере 80 % от собственной массы, при условии, что мозг сохранился хотя бы на треть. При всём этом, также обостряются чувства зрения, равновесия, ощущения собственного тела и снижается болевой порог, что может обернуться многодневными шоковыми состояниями в случае получения травм, несовместимых с жизнью. Шанс родить потомство от незаражённых партнёров крайне мала, и чаще всего, оборачивается выкидышем. Предполагается, что такая разница в симптомах объясняется особенностями женского организма. Вне зависимости от пола, у носителя, рано или поздно, открываются способности к тауматургии. Поколение, родившиеся уже инфицированными (а такие есть, пусть и в ничтожной популяции), будет иметь более слабое здоровье и меньшую склонность к появлению аномальных способностей. Грубо говоря, каждое следующее поколение носителей будет слабее предыдущего, возможно, поэтому за всю историю нет ни одного упоминания о носителях четвёртого поколения. Собранные Отделом и Фондом данные позволяют предположить, что такие люди могли бы страдать от многочисленных психических расстройств и постоянных фантомных болей. Не трудно догадаться, что учёные средних веков описывали носителей песочных тлеедов как ведьм и колдунов. Отсюда становится понятным мотив сожжения на костре — единственный доступный на то время способ уничтожить всё тело носителя, вместе с колонией паразитов. Организм носителя не перестаёт стареть с годами, однако регулярные тауматургические практики могут в три раза повысить продолжительность жизни, что, в силу общей слабости, недоступно для носителей третьего и четвёртого поколений. Полный текст читайте в пособии «Молот ведьм. Меморандум Фонда», Глава 12, Часть 9.

Мать Константина, Василиса, полагала, что разрыв общения с матерью, исповедующей магические практики, убережёт её от бед, связанных с врождённым проклятием. Покинув город в двадцать пять лет, она, являясь носителем второго поколения, обосновалась в крохотном областном посёлке, где вышла замуж за слесаря, с которым познакомилась на чьих-то поминках. Несколько лет спустя, Василиса, через тяжелейшие роды, длившихся более двенадцати часов, произвела на свет единственного сына.

За следующие пятнадцать лет Константин, помимо обычного гриппа, преследующего мальчика каждые три месяца, перенёс воспаление лёгких, менингит, две гнойные ангины, а также постоянно страдал от тахикардии, малокровия, буйного отца и прогрессирующего маниакально-депрессивного расстройства, превращающего его то в трясущегося шизофреника с горящими глазами, то в унылого и мнительного невротика. Наконец, когда мать заметила на теле мальчика признаки самоповреждения, она поняла, что будет лучше, если сын узнает о причине плохого самочувствия. После многолетней разлуки, женщина нашла в себе силы связаться с матерью и попросить о помощи. Выяснилось, что за годы отсутствия, у Василисы появилась двоюродная сестра, которая была бы не против пустить к себе пожить родственника. На самом деле, Вере на тот момент было просто плевать на то, что в квартире будет крутиться ещё кто-то, кроме облезлого кота с порванными ушами. Мальчик же, собрав документы с целью поступить в какое-нибудь училище, где смогут найти применение для его скромного ума, почему-то никак не мог отделаться от мысли, что мать просто хочет от него избавиться. Так он оказался в поезде, направляющемся в Самару.

Приехав в город, он купил на вокзале мороженое по несправедливо завышенной цене, сел на маршрутный автобус и добрался до самого гнилого района города. Найдя нужный дом, Костя прошёл мимо компании алкашей с бесформенными голубыми наростами вместо лиц, и вошёл в недра воняющего лифта, в тайне надеясь, что он рухнет на достаточно большой высоте. Через несколько минут, он оказался перед дверью с номером 93 и постучался. Щёлкнул замок и дверь открылась, однако за ней никого не было. Войдя в помещение, мальчик задался вопросом, как девушке, сидящей за столом, удалось так быстро открыть дверь и вернуться на своё место.

— Привет, — бросила Вера, затягиваясь сигаретой. Её затуманенный алкоголем взор попытался сфокусироваться на субтильной фигуре мальчика. Левая рука подпирала голову.

— Здравствуйте. Вы Вера, да? — Спросил Костя, стараясь дышать через рот.

Хозяйка ответила не сразу. Окинув печальным взглядом опустевшую бутылку на столе, она вздохнула и задумчиво произнесла:

— У тебя деньги есть?

Костя вытащил из кармана брюк две бумажки по сто рублей.

— Сколько тебе лет, говоришь? — Спросила Вера, выдыхая облако едкого дыма.

— Пятнадцать.

Длинные пальцы девушки вдавили тлеющий окурок в выцветшую клеёнку на столе. Покрытые трещинами губы растянулись в хищной улыбке.

— Не желаешь ли выпить?

Глава II: Откровенные беседы в условиях особого содержания

«Между мстью и наказанием есть разница: наказание производится ради наказуемого, а мщение ради мстящего, чтобы утолить его гнев.» — Аристотель

9 июня 2019, Зона 112, Самара.

Ведущий специалист по исследованию паранормальных явлений Владимир Марш числившийся при российском филиале Фонда в Самаре, совершенно не собирался покидать свой просторный кабинет. Выделенное место для курения, куда стекались сотрудники со всей Зоны 112, находилось на улице у противоположного конца здания, и при взгляде в приоткрытое окно, за которым бушевал ливень, лицо доктора искажалось гримасой отвращения. К счастью, его пропуск, висевший на шнурке в виде бейджа, включал в себя служебный шифр "для круглосуточного пользования", как и у всех сотрудников с уровнем допуска выше второго, что позволяло оставаться на рабочем месте сутками. Владимира никто не ждал в его квартире в центре города, кроме того, с годами работы в Фонде у него появилась стойкая уверенность в том, что безопасно можно чувствовать себя лишь в стенах Зоны 112, где все аномальные объекты были надёжно изолированы.

«К тому же, — подумал Марш, делая очередную затяжку, — множество из них я изолировал лично».

Владимир Марш, исследователь 4 уровня, бывший хирург

Двадцать минут назад, увидев погоду за окном, он сходил в столовую и купил в

торговом автомате кофе. Так на столе доктора, рядом с пепельницей, оказался бумажный стаканчик, полный кипятка. Смакуя дымящийся напиток, Владимир чередовал его с короткими затяжками никотина.

Несмотря на то, что кабинет Марша представлял собой отнюдь не маленькое помещение, мебели в нём стояло по минимуму. Компьютерный стол с несколькими ящиками, захламлённый шкаф для бумаг и длинная розовая софа, стоящая под двумя окнами.

Раздался звонок. Держа в левой руке сигарету, правой доктор Марш снял с белого служебного телефона трубку.

— Слушаю.

— Володь, это Одинцов. Ты на часы смотрел?

— Конечно, а что? За окном такая погода, что я подумал остаться тут до утра. Подпишу пару разрешений на исследование, гляну рапорт по условиям содержания, а потом, если в мире не случится очередная аномальная хрень, лягу спать. Что-нибудь ещё?

— Глянь на календарь.

Повернувшись в офисном кресле, доктор Марш направил взгляд на железную дверцу шкафа, к которой был прикреплён перечень дат за три месяца. Глаза его презрительно сузились.

— С-с-сучка...

Не отрывая глаз от календаря, он сделал затяжку и, ощутив вкус тлеющего фильтра, машинально затушил сигарету о кофе, стоящий рядом с пепельницей. Несколько секунд до него доходило, почему пальцы тонут в горячей жидкости.

— Поезда объявлять! — Гневный голос Марша доносился из телефона Смотрителя.

Денис Одинцов даже не пытался сдержать ехидной улыбки, вешая трубку.

О неприязни Владимира к штатному психологу Фонда знал почти весь персонал Зоны 112. Каждый месяц доктор Марш должен был проходить стандартное обследование, заключающееся в двухчасовой беседе, с целью выявления возможных психологических травм. Когда психологиня Ирина Сергеевна Ивлеева объяснила ему эту концепцию, тот поинтересовался, каким образом человек, способный одним своим видом вызвать психологическую травму, будет искать в другом человеке психологическую травму? С тех пор отношения у них как-то не заладились...

Рабочее место Ивлеевой являлось полной противоположностью кабинета Марша. Предметы мебели, собранные с помощью одного-единственного шестигранника, занимали большую часть каморки, остальное же пространство было отведено под растительность. Это было чем-то средним между музеем, судя по обилию дешёвых сувениров, наводнивших полки шкафчиков, и оранжереей. На полу, шкафах и тумбах росли несколько видов кактусов, карликовых папоротников, комнатных пальм и четыре горшка с алоэ, занимающие подоконник. Явившись на сеанс в первый раз, доктор Марш спросил, нельзя ли ему скурить что-то из арсенала психологини.

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна, — с натянутой улыбочкой протянул Владимир, переступая порог кабинета, — а я к вам на просушку извилин.

Ирина Сергеевна, штатный психолог, Зона 112

Сидевшая за столом женщина уставилась на него сквозь стёкла очков в дорогой чёрной оправе. Правая рука, минуту назад строчившая отчёт об опрошенных сотрудниках за июнь, застыла на слове "одобрено".

— Честно говоря, — сухо призналась Ивлеева, — я уже собиралась идти домой. Время уже два часа ночи. Я закончила приём ещё в половине одиннадцатого.

— Понимаю, — ответил Марш, торопливо усаживаясь на стул с противоположной стороны стола, — у самого дел по горло, но, сами знаете, начальство настаивает.

Последние два дня Владимир Марш в строжайшей секретности изучал послание Евгения Стацкого, которое материализовалось в кабинете бухгалтера. Совершенно забыв о грядущем обследовании, он провёл почти двое суток, вчитываясь в текст. Владимир записывал в блокноте заметки, решая, что из этого потока сознания может оказаться полезным. Смотритель ясно дал понять, что не намерен докладывать администрации об инциденте до тех пор, пока у них на руках не будет хотя бы предварительного исследования. По его словам, важно было продемонстрировать, что Зона 112 полностью контролирует ситуацию.

На второй день, ближе к восьми часам вечера, анализ текста был закончен. Он поделился с Одинцовым своими идеями, и, получив правки, вернулся в кабинет, готовый взять кожаную куртку, и раствориться на улицах города. Однако, к половине девятого грянул ливень, который продолжался до поздней ночи, и доктор решил заняться чем-нибудь ещё.

Ирина Сергеевна взглянула на циферблат наручных часов и, вздохнув, закрыла журнал. О чае с пончиками, томящимися на полке холодильника в уютной квартире, можно было забыть.

— Ну, что же, — пальцы с длинными ярко-красными ногтями сложились в замок, — рассказывайте. Как настроение, какие мысли посещают в последнее время, может, какие-то выводы сделали за этот май?

Доктор Марш почесал тронутую сединой голову.

— Выводы, значит? Ну, слушайте...

Месяцем ранее доктор Марш открыл глаза в тяжелейшем похмелье, разбуженный настойчивым стуком в дверь. Пролетевший в пьяном угаре вечер обернулся для стареющего организма горечью капитуляции и сушняка.

«Человек — дурак, если он пьёт до достижения 50-летнего возраста, и дурак, если он не пьёт после этого», — философствовал доктор, вылезая из-под кучи бутылок.

Грохот в прихожей тем временем и не думал стихать: кто-то отчаянно ломился в жилище Владимира.

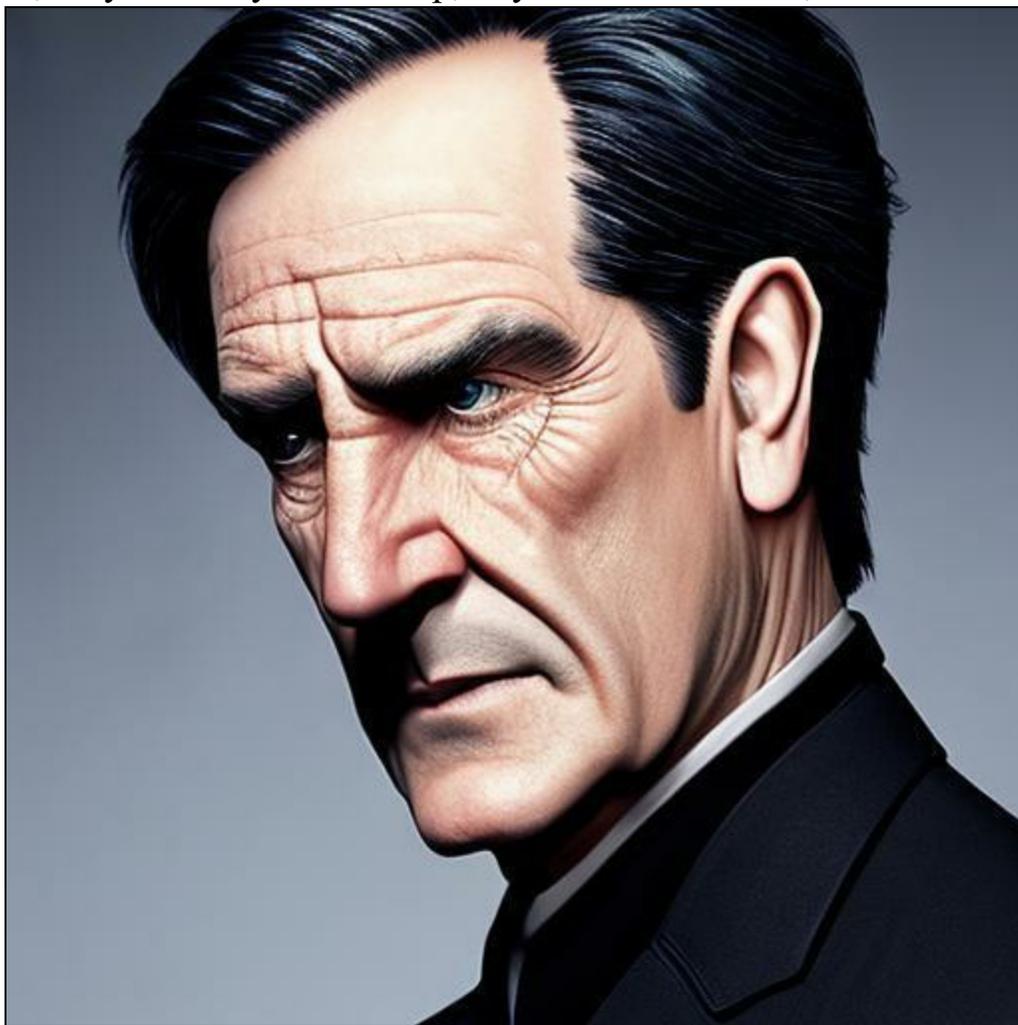
— Да сейчас, сейчас, — крикнул доктор, ковыляя из спальни.

Приползя на кухню, Марш повернул вентиль и намертво приклеился к крану с твёрдым намерением поглотить все запасы пресной воды в России.

Минуту спустя, выходя в прихожую, он глянул в зеркало шведского гардероба и задался вопросом, какой класс стоило бы присвоить его пропитой роже. Гардероб тактично промолчал.

Щёлкнув замком, Марш открыл дверь и встретился взглядом с человеком в строгом чёрном костюме.

— Могилевич, — ухмыльнулся доктор, впуская посетителя, — давно не виделись.

Антон Могилевич, внештатный детектив Фонда

— Я звонил тебе двенадцать раз, но ты был недоступен, — глубокий баритон гостя отражался от стен коридора.

— Интересно, — зевая, протянул Марш, — давай не сегодня.

— Вчера вечером в МВД Кировского района поступил вызов. — Человек в форме, казалось, не заметил последней фразы. — Было совершено покушение на главу одного крупного предприятия. В шесть часов вечера неизвестный вломился в дом генерального директора завода по производству железно-бетонных изделий, вооружённый обрезком двадцать пятой арматуры. Сломал замок на кованых воротах, он вошёл во двор и напал на хозяина. Гости, присутствующие на празднике, пытались помешать ему, но тот, будто ураган, сносил всё на своём пути.

— Вот поэтому я люблю праздновать один.

— Полицию вызвала жена. Прибывший на место происшествия наряд обнаружил человека, одетого в комбинезон сварщика. На руках были краги, лицо скрывала металлическая маска старого образца. Железным прутком он пытался проложить себе проход в спальню, где заперся потерпевший. К моменту приезда сотрудников полиции у потерпевшего была разбита кисть и сломана правая ключица.

— Нормально ему досталось...

Могилевич достал из заднего кармана несколько листов бумаги.

— По данным протокола, который мне удалось изъять этой ночью, убийца не только не шёл на контакт с сотрудниками правоохранительных органов, но и активно сопротивлялся задержанию. Во время захвата преступник не произнёс ни слова, а также, по словам очевидцев, не испытывал ни усталости, ни, судя по всему, боли от получаемого урона. Примечательно, что старые образцы масок, вроде той, что носил убийца, не оснащены светочувствительными фильтрами, что делает невозможным обзор для носителя вне сварочных работ. Тем не менее признаков дезориентации замечено не было. Вот, кстати, один из оперативников сделал фото.

Тут лицо Владимира приобрело более осмысленное выражение.

— Что-то мне подсказывает, что сорвать маску никто так и не смог, верно?

— На костюме убийцы не было не единого разрыва. Задержание осуществляла группа из шести человек, тела троих из них уже лежат в морге. Против убийцы не действовали ни холодное, ни электрошоковое, ни огнестрельное оружие.

— Закон Брума, — кивал Марш, задумчиво уставившись в пространство.

— Второй закон Брума, — поправил Могилевич, — так или иначе, члены семьи помогли потерпевшему выбраться из спальни на втором этаже через окно. Объект каким-то образом точно знал, где находится хозяин дома, и, когда тот покинул комнату, прекратил попытки ломать дверь. Развернувшись, он перешагнул через тела сотрудников полиции и двинулся к выходу. Как я уже говорил, в живых осталось лишь трое человек, но к тому времени в сознании был только один. За несколько минут до того, как потерпевший смог выбраться из спальни, он выбежал из дома к служебной машине, чтобы вызвать помощь. Пока объект спускался вниз, одному из гостей удалось завести машину, посадить в неё истекающего кровью хозяина дома и рвануть по направлению в ближайший госпиталь.

— С ума сойти. А убийца что?

— Он бежал за машиной на скорости восемьдесят километров в час в течении двадцати минут. Если бы водитель не игнорировал правила дорожного движения, не проезжал через газоны и детские площадки, а вышел бы на загруженные трафиком дороги, объект настиг бы их в два счёта. На сей раз, к счастью, жертв среди людей удалось избежать.

— Им повезло задержать его?

— Ну, как повезло. Тот сотрудник, сидевший в машине, бросился в погоню за объектом. Он неоднократно сбивал его с ног, но тот снова и снова вставал и продолжал бежать.

— С арматурой в руках?!

— Да. Перед самым госпиталем он метнул эту железку словно копьё. Арматура прошла через обшивку автомобиля, как нож сквозь масло, и крепко засела в правом боку у потерпевшего, пробив ему печень. Наконец, когда автомобиль остановился на въезде в больницу, сотрудник полиции воспользовался моментом и на полном ходу протаранил убийцу, вдавив его в заднюю часть машины потерпевшего. Так объект оказался зажат между двумя автомобилями, где он и оставался до приезда отряда особого назначения. Очевидно, массивный удар машины всё же способен оглушить его или ввести в замешательство на короткий срок.

Когда Могилевич умолк, Владимир хлопнул себя ладонью по лбу.

— Дьявол! Я снова пропустил всё самое интересное.

— Ну, самое интересное ещё впереди. Четыре часа назад со мной связался агент, работающий под прикрытием в полиции. Как ты понимаешь, всю самую грязную работу я уже сделал, — объект уже везут к нам. Прежде чем я поехал к тебе, Одинцов обещал отдать это дело твоему преемнику, в случае, если ты окажешься в невменяемом состоянии.

— Стычкину?! — Рассмеялся доктор. — Можно подумать, он трезвый более вменяем, чем я пьяный.

— Ты воспринимаешь серьёзно хоть кого-то с уровнем допуска меньше четвёртого? — Спросил Антон, скрестив руки на груди.

— Есть один тип, — поведал Марш, направляясь в ванную комнату, — но его имя связано с очень секретным объектом, так что я не могу тебе рассказать об этом классном парне подробнее. Лучше налей себе чаю и подожди, пока я приведу морду лица в товарный вид.

— Учитывая, что у нас одинаковый уровень допуска, — бросил Антон вслед доктору, — ты мог хотя бы назвать номер этого объекта.

— Шесть-три-восемь-три, — ответил Владимир, поворачивая вентиль над раковиной.

— «Ни живой, ни мёртвый»?! — Изумился детектив, проходя в кухню. — Руководство его воспринимает весьма серьёзно, я согласен. Но что тебе до этого?

Марш не ответил. Судя по плеску воды, он умывал лицо, и спустя минуту уже был на кухне, старательно вытирая лицо полотенцем.

— Как-то раз я прогуливался по Зоне 112, и случайно забрёл в кабинет Одинцова.

— Случайно забрёл, — многозначительно повторил Могилевич, по-хозяйски заглядывая в шкафчик. — У тебя есть пуэр?

— Да, там же где и всегда. Только для тебя его и держу.

— Очень приятно.

Пока детектив доставал из того же шкафчика пару чистых кружек, Марш заливал воду в электрический чайник.

— Так вот, — продолжил доктор, щёлкая выключателем прибора. — Забрёл я, значит, к Одинцову, и как-то внезапно оказался у его стола, прямо возле ящика с документами.

— Внезапно, да?

— Категорически внезапно! Ну, мы же с Одинцовым друзья, а от друзей не может быть секретов, — это всем известно. Поэтому я без задней мысли решил провести уборку в ящике для документов. Пришлось вытащить всю эту бюрократию, и аккуратно сложить в том же порядке, в каком я её вытащил. Среди этих абсолютно неинтересных бумажек я обнаружил, и дважды случайно прочитал, абсолютно не имеющую никакого значения заметку об

объекте «Ни живой, ни мёртвый».

Тут чайник вскипел, и коллеги сели за стол. Марш порылся в том же шкафчике, и вскоре на столе оказалась тарелка вафель.

— В той заметке говорилось, что изучать объект нельзя. Содержание возможно только при условии, что о нём не будет ни строчки конкретной информации; рост, вес, цвет волос и тому прочее, — всё это приводит к чему-то плохому, но в документе не написано, что именно. Потому что это также информация об объекте.

— И это всё?! — Разочарованно протянул Могилевич. — Ты про антимемы слышал?

— Дело не в том, что написано в этой заметке. А в том, кто её написал. Автор этого документа никто иной, как предыдущий Смотритель Зоны 112, Орлова Оксана Александровна. Последний человек в Самаре, работавший ранее в Отделе «П» ГРУ.

Отхлебнув пуэра, Могилевич пожал плечами:

— Очень многие люди перешли в Фонд после развала СССР. Орлова могла начать новую жизнь, стерев себе память, либо же примкнуть к иной организации. Выбор в сторону Фонда был наиболее прагматичным, разве нет?

— Это кажется логичным до тех пор, пока не узнаешь, что Орлова была одним из ведущих исследователей в Отделе. Она была родом из Челябинска, где, как мы с тобой знаем, располагается крупнейший исследовательский комплекс, набитый самыми передовыми технологиями для изучения сверхъестественного. Сегодня это учреждение известно как Зона 400, вызывающая трепет у всех новичков в Фонде, но мы то знаем, что ранее этот комплекс назывался Восток-9. И в отличие от Фонда, Отдел никогда не строил небольшие зоны и участки в качестве дополнительных узлов связи, вроде того, что сейчас представляет из себя наша Зона 112. Наоборот, наше маленькое, но гордое учреждение было отведено под рабочее пространство непосредственно учёных. Никто никогда не собирался держать в Зоне 112 какие-либо объекты, поэтому учреждение и находится в черте города. Уже после слияния с Фондом подземные этажи были переоборудованы под содержание. Изначально функция Зоны заключалась в удалённом наблюдении и планировании. Сам Одинцов как-то проговорился, что Отдел отстроил, и, возможно даже ввёл в эксплуатацию ещё один участок, который до сих пор никто не нашёл.

— А ему-то откуда об этом знать? — Со скепсисом заметил Могилевич. — Он появился в Фонде после развала СССР. И завербовал его, если не ошибаюсь, ныне покойный Богдан Измайлов, чья дочь работает в Зоне на должности младшего исследователя.

— Верно, в досье Одинцова указано именно это. В досье же самого Богдана стоит дата смерти 4 ноября 1997 года, то есть в день, когда объект «Ни живой, ни мёртвый» был поставлен на содержание. В то время его дочери, Авроре, было пять лет. Сейчас ей тридцать, и недавно, на лекции об имеющихся в нашей Зоне объектах, она завела разговор о своём отце.

— И что? Многие люди служат в подобных Фонду организациях поколениями, это обыденное дело.

— Да, но суть в том, что её отец, по её же словам, умер, когда ей было всего два года. Богдан функционировал в Отделе ещё три года после своей смерти.

— Это могла быть просто ошибка в датах.

— Я тоже так сначала подумал. Но потом я побывал на могиле товарища Измайлова, и там стоит дата смерти — 1994 год. Я более, чем уверен, что в доме Измайловых можно отыскать старое свидетельство о смерти, датированное тем же годом, но в архивах Фонда,

ровно как и в картотеке районной больницы, указан 1997 год.

— То есть, ты считаешь, что после смерти Измайлов по привычке продолжал ходить на работу? Хочешь сказать, «Ни живой, ни мёртвый» — это на самом деле он?

— Нет, это было бы слишком предсказуемо после всего, что я видел в стенах Фонда. Я думал, что нашего Смотрителя завербовала Оксана Орлова, подписавшись именем Богдана Измайлова. Она каждый день вносила правки в документацию, поддерживая иллюзию его жизни. Из тех, кто застал Орлову, в нашем учреждении аж пятнадцать человек, но ни один из них не может вспомнить Измайлова, работавшего с ними целых три года. Все сошлись на мысли, что это был просто неприметный тип.

— Но зачем Орловой понадобилось вербовать людей через подставное лицо?

— Потому что Фонд жёстко контролирует своих подчинённых. Особенно, пришедших из других организаций. В самом начале, помимо Орловой, весь штат старших исследователей пришёл из Отдела. Однако, в течение следующих пяти лет, с 1990 по 1995, все подали в отставку, при этом настаивая на стирании воспоминаний о работе с аномальным. Фонд не мог отказать в этой просьбе, так как имел уязвимость в виде Комитета по этике, поэтому за пять лет все тайны бывлой организации остались только в голове у Орловой. К тому времени Фонд, очевидно, начал догадываться, что это "жжж" — неспроста. Я думаю, кто-то в администрации Фонда, роясь в полученных архивах Отдела, наткнулся на какую-то очень крутую вещь, придуманную Советами. Эту вещь, судя по всему, разработали именно в учреждении, к которому и была привязана Зона 112. Но, по каким-то причинам, никто не в курсе где искать этот святой Грааль. Я почти уверен, что Орлова знала про этот комплекс что-то такое, что сподвигло её начать партизанскую войну в рядах Фонда. Как я уже говорил, она фактически распустила предыдущую группу исследователей, стерев им воспоминания, а когда Фонд перестал принимать её заявки на вербовку, недвусмысленно намекнув о понижении кредита доверия, она стала вербовать людей под именем коллеги, который так вовремя бросил пить, курить и ругаться матом.

Могилевич залпом допил чай и торжественно поставил кружку на стол, перевернув её вверх дном.

— Это звучит как теория заговора, Володь, — твёрдо указал он коллеге.

— Я тоже так думал. А потом я нашёл документ, в котором говорится о смерти Орловой. В 1998 году её внезапно настиг инсульт, и она провела остаток жизни в виде овоща вплоть до 2000 года.

— Неудивительно. Ей в тот момент должно было быть около пятидесяти пяти лет. Инсульт — нередкое явление среди людей среднего возраста. Мне сорок два, тебе сорок шесть. Нас тоже может в один момент забрать и не отпустить.

— Но в её крови нашли немалую дозу алкоголя.

— Тогда не удивительно что её хватил удар. Алкоголь увеличивает риски развития множества болезней.

— Она не пила почти всю свою жизнь.

— И что? Ну, не пила, а тут решила напиться, что с того?

— Когда тебя завербовали? — Вдруг спросил Марш, допив и свой чай.

— В 2003. Всего на два года позже, чем тебя. А что?

— Знаешь, в чём разница между лекциями об амнезиаках, проводившихся до 2003 года, и теми же лекциями, что читаются с 2003 по сей день?

Детектив выглядел совершенно сбитым с толку. Не дождавись ответа, Владимир

продолжил:

— Разница между редакцией до 2003 года и редакцией после, состоит в том, что в первом варианте чёткой строкой прописывалось правило не смешивать сильнодействующие амнезиаки с алкоголем. Потому что в этом случае происходит не очистка мозга от некоторых нейронных связей, формирующих воспоминания, а тотальное угнетение этих самых нейронов. Человек не теряет личность. Он переходит в вегетативное состояние.

— Ты на самом деле полагаешь, что Орлова, стараясь не раскрыть какой-то тайны, позволила себе прожить последние два года жизни в состоянии овоща?

— Нет! Я же сказал, в вегетативном состоянии. Она прекрасно осознавала себя и всё происходящее последние два года. Просто она была заперта внутри своего же тела.

— Но это же страшная участь, Марш. Если ты прав, тайна, которую хранила Оксана Орлова должна быть не менее страшной.

— Да, и тайну эту знает только объект «Ни живой, ни мёртвый». Поэтому к нему нельзя относиться несерьёзно.

— Извиняюсь, — Ирина Сергеевна прервала рассказ Марша. — Вы упоминали закон Брума. Вы не могли бы пояснить, что это? Если, конечно, это не противоречит правилам о секретности.

— Да нет, — махнул рукой доктор, случайно стряхнув пепел от сигареты на сувенир в виде позолоченной жабы с монетой во рту, — не противоречит. Году этак в шестьдесят пятом, шотландский физик Эдвард Дафф Брум выявил закономерность среди материальных объектов, имеющих аномальные свойства.

— Он работал на Фонд?

— До конца шестидесятых, потом его замучила подагра, но не суть. После десяти лет сбора информации, с последующими исследованиями в области физики, Брум вывел четыре закона, разъясняющие некоторые принципы возникновения аномалий. Учёные в Фонде до сих пор спорят, стоит ли принимать постулаты Брума на веру, ведь, как показывает практика, один объект из ста всегда будет выходить за рамки принятых догм. Второй закон Брума, о котором шла речь, гласит, что объект, получивший аномальные свойства вследствие не аномальных обстоятельств, будет неуязвим перед не аномальными способами уничтожения.

— Сложновато, — призналась психологиня, копаясь в ящике стола.

— Это норма, — пояснил Марш, кинув окурок в горшок с бегонией, пока Ирина Сергеевна выуживала на свет маленькие чашки. — Могу привести пример на одном из наших объектов, если не хотите копаться в справочных материалах Фонда.

— Будьте добры, — попросила Ивлеева, щёлкнув переключатель стоящего рядом чайника. — Хотите кофе? У меня, правда, только растворимый... А куда вы дели окурок?

— Так вот, — затараторил доктор, — объект шесть-три-два-четыре: внушительных размеров топорик, мотивирующий к делению на ноль всех судей, прокуроров и адвокатов в округе. Он сделан из обычного дерева и железа, но его невозможно сломать, разрезать, сжечь или уничтожить ещё какими-либо не аномальными способами. В трудах Брума есть предположение, что таким образом наша вселенная защищается от парадоксов: объект несёт в себе силу, способную, фактически, менять убеждения человека. Если эта сила будет заперта в ненадёжном сосуде, она вырвется и уничтожит наше мироздание, так как нарушает законы физики. Следовательно, необходимо наделить сосуд максимальной прочностью,

чтобы ничто во вселенной не могло освободить таящуюся в нём силу. Вот почему многие аномальные предметы можно разбить лишь другими аномальными предметами. Что касается остальных законов Брума, вы можете почитать об этом на досуге.

Залив кипящей водой два бокала, Ирина Сергеевна протянула один из них Маршу.

— И что же, — сказала она, отхлебнув из чашки, — вы и в самом деле полагаете, что Фонд настолько жесток, что готов силой удерживать сотрудников, которые знают слишком много?

— Да. И прежде, чем вы занесёте этот пункт в моё досье, позвольте упомянуть случай, имевший место быть в Калифорнийском учреждении Фонда в 1974 году. Тогда некий старший исследователь Мартин Браун подал заявку о переводе в другую зону, так как он больше не мог вынести напряжённой работы с каким-то очень важным для Фонда объектом. В течении трёх лет он каждый день подавал одно и то же заявление о переводе, и каждый день руководство давало согласие. Вот только с тем условием, что доктор Браун обязательно должен выпить дозу амнезиака, якобы, во избежание распространения нежелательной информации об объекте, над которым он работал. И надо сказать, что сотрудник Мартин Браун действительно понимал необходимость этой процедуры, но так получилось, что на всей Зоне не было никого, кто мог бы вести исследования дальше. Потому что этот дурацкий SCP вёл себя порядочно только в присутствии мистера Брауна. Поэтому руководство, вместо нужной дозы амнезиака, давало ему таблетку "одного дня". Говоря проще, бедолага каждый день занимался исследованием нужного объекта, а в конце дня подавал прошение, выпивал таблетку, после чего шёл домой, где забывал о своём прошении, и на следующий день всё повторялось.

— К чему такие сложности? — Спросила психологиня. — Не проще ли стереть память сразу месяца за три, тогда доктору казалось бы, что он проработал на объекте не так много.

— Вы не совсем понимаете принцип действия препарата. Когда вы работаете с одним и тем же объектом каждый день, у вас в голове всегда содержится максимум информации об этом самом объекте. Перерыв в три месяца может привести к тому, что мозг просто отбросит половину всей важной информации, особенно, если эта информация вас травмирует. Однако если вы примете таблетку одного дня, мозг, конечно, постарается забыть этот травмирующий опыт, но на следующий день вы снова столкнётесь с этим самым опытом, и ваша память автоматически вернётся. Именно этот механизм заставлял Брауна работать каждый день, не смотря на то, что его "вчера" навсегда превратилось в размытую картину из-за действия амнезиака. И именно этот механизм привёл его к мысли, что "озарения", которые его посещают, скорее всего являются подавленными воспоминаниями о прошлом дне, которые мозг возвращает, едва он вновь столкнётся с объектом. Высокий уровень доступа позволили ему проникнуть на склад Отдела антимаеметики, откуда он стащил сильнодействующий мнестик. В течение следующей недели, он принимал ежедневную дозу амнезиака, которая была недостаточно сильна, чтобы противостоять главному оружию Отдела антимаеметики. Мартин Браун в течении недели собирал компромат на своё начальство, после чего отнёс толстую папку в Комитет по этике, намереваясь раз и навсегда положив конец всем этим пыткам. И тут ему открывается самая ужасная правда...

— Он и есть этот самый SCP, который изучает?

— Нет. Оказалось, что Комитет по этике знал о его положении. Более того, повернуть шутку с однодневным амнезиаксом, была их идея.

— Что же это за объект такой?!

— Это история уже умалчивает.

— Тем не менее, это очень хорошая легенда. Впечатляет. Но мы говорили о некоем убийце, кажется.

— Да, к сожалению, наша история более скучная.

Прибыв в Зону 112, доктор Марш первым делом выслушал длинную тираду от Одинцова, которая, начавшись с разговора на тему дисциплины, закончилась на угрозе увольнения. Владимир же, дав слово, что подобная халатность больше не повторится, пообещал закодироваться. В четвёртый раз.

К тому времени загадочного человека в костюме сварщика уже не только доставили, отобрав кусок арматуры, но и обработали амнезиаком всю семью потерпевшего, всучив им ложные сведения о беглом преступнике. Самого же предпринимателя пытались поставить на ноги врачи в районной поликлинике. Было принято решение сохранить ему память для проведения последующего интервьюирования.

В два часа дня Могилевич уже двигался с Маршем по коридору, посвящая последнего в курс дела:

— Объект невероятно силён, — заметил детектив, передавая на ходу папку с бумагами, — силовикам пришлось задействовать весь штат отдела и приложить максимум усилий, чтобы сдержать его до нашего приезда.

— Какие действия вы предприняли? — Спросил Марш, пытаясь свободной рукой открыть пачку с болеутоляющим препаратом.

— Мы заперли его в упрочнённой камере содержания гуманоидов, связав двадцатиметровой цепью, самой мощной из тех, что мы смогли найти на вашем складе. Также в стену были установлены четырнадцать внушительных анкеров, к которым крепится объект. Кроме этого, на входе нас ждёт полный состав МОГ «Штиль».

— Я думал, ты пригласишь «Шторм».

— С чего бы?

— Ну, они крутые.

— Да уж, парни опытные. Они помогали нам с поимкой и транспортировкой объекта, но чтобы действовать в стенах Зоны, лучше использовать либо «Дождь», либо «Штиль».

— Почему?

— Я полагаю, что группа из четырнадцати бойцов и трёх исследователей будут скорее мешать друг другу в тесных коридорах Зоны. Шести человек более чем достаточно. В прошлые разы речь шла про улицы, поля и ангары — было где разгуляться.

Оказавшись перед нужной дверью, коллеги обнаружили, что помимо упомянутой группы оперативников на месте их ждал невысокий смуглый человек в белом халате.

— Оганян! — Воскликнул Марш на подходе к камере содержания. — Готов ли ты к работе так, как я к ней готов?

Артур Оганян, старший специалист по условиям содержания, Зона 112

— Если не ошибаюсь, — произнёс Артур, пожимая руки друзьям, — сегодня мы должны закрыть четвёртый десяток.

— Ещё один день — ещё одна аномалия, — вставил Могилевич, количество операций на счету которого перевалило уже за добрую сотню.

— Ага, — отозвался Артур, принимая из рук Марша бумаги, — так, давайте повторим ещё раз. Мы с Володей, входим в камеру с тремя оперативниками. Марш проводит опрос, насколько это возможно... Здесь просто написано, что разумность объекта под сомнением.

— Это предварительные данные, — напомнил Марш.

— Осторожность никогда не помешает, — детектив пожал плечами, — особенно с потенциальным Кетером.

— Так, всё, — отрезал Марш, хлопнув в ладоши, — давайте работать!

В камере содержания, куда поместили убийцу, была демонтирована вся мебель. Объект, обвитый стальными петлями цепей, напоминал мумию, намертво приколоченную к стене напротив входа. Когда тяжёлая железная дверь открылась, три человека, одетых в броню с ног до головы, вошли в комнату. Оперативники были проинформированы, что оболочка объекта является нерушимой, поэтому, выбирая оружие, они остановились на том, которое обладало самым высоким останавливающим действием.

Следом за оперативниками вошли два человека в лабораторных халатах, которые в тусклом освещении меняли белоснежный цвет на грязно-жёлтый.

— Итак, — начал Марш, обращаясь к объекту, — я надеюсь, вам меня слышно в этой маске. Меня зовут доктор Владимир Марш, я являюсь сотрудником секретной организации, цель которой — мир во всём мире.

Убийца, связанный по рукам и ногам, всё так же молча смотрел вперёд. Он не двигался и, судя по всему, даже не дышал.

«А есть ли вообще кто-то под тканью костюма? — Подумал Марш. — Что находится под маской? Нетронутое временем лицо? Изъеденный червями череп? Или пустота, правящая скафандром по чьей-то ужасной воле?»

Сделав несколько шагов, он оказался на расстоянии вытянутой руки от объекта. Артур Оганян, до этого момента строчивший заметки, вдруг перестал писать и, затаив дыхание, следил за действиями доктора.

— Вы вообще слышите меня? — Марш пощёлкал ногтём указательного пальца по металлической поверхности маски. — Мы хотим помочь вам.

Ответа не последовало.

— Знаете, — продолжал доктор, — мы провели небольшое исследование и выяснили, что вы, судя по всему, двадцать шесть лет лежали, закованный в бетон. Наверное, вам не привыкать к положению, в котором вы сейчас находитесь.

Данные, добытые детективом, показали, что объект с 1993-го года находился в толще фундамента цеха птицефабрики посёлка Прогресс, Самарской области, который был построен в обход всевозможных государственных стандартов, что привело со временем к просадке здания. В мае 2019-го, во время реставрационных работ, старый фундамент был разрыт в месте схождения. В ночь с восьмого на девятое число этого же месяца местный сторож был разбужен шумом, доносившимся со строительной площадки. Выглянув из бытовки, он увидел, как бетонный блок под воздействием неизвестных сил, развалился на сотни кусков. Из-за толщи поднявшейся пыли невозможно было что-либо детально разглядеть.

— Понимаете, — оправдывался сторож на допросе спустя несколько дней, — прораб решил, что я по пьяни сел за экскаватор и разбил этот несчастный кусок фундамента, но я в ту ночь был абсолютно трезвый, верите? Вот как сейчас, — ни в одном глазу! Я говорил, мол, я пью только по выходным, а тот меня и слушать не хотел. Выгнал, да ещё и без зарплаты оставил, падла. Но я же видел, видел своими глазами, понимаете? Шум, гам, бетонная крошка, летящая во все стороны. А потом, вот честно, может и показалось, — пылица столбом стояла, разглядеть было трудно, — выбежал оттуда кто-то. Как пить дать, выбежал! Крупный такой, в костюме сварщика. Схватил прут железный, да как даст дёру. Я даже не знал, что с такой скоростью бегать можно.

Проведя опрос, детектив Могилевич, принимая во внимание склонность свидетеля к алкоголизму, решил, что он не нуждается в обработке амнезиаком и последующем наблюдении.

Не добившись ответа от убийцы, доктор Марш вытащил из заднего кармана две фотографии. На карточке, помеченной номером один, был изображён его отец, который в семьдесят третьем промышлял угоном машин. Вытянув руку, он поднёс изображение к самому "лицу" объекта.

— Реакция на первое фото нулевая, — констатировал Владимир, повернувшись к Артуру.

Специалист по условиям содержания кивнул и сделал пометку в блокноте.

Сунув первое фото обратно в карман, Марш представил взгляду убийцы другую карточку.

Кольца стальных цепей закрипели, вдавливаясь в грубую ткань костюма.

— Ярко выраженная реакция на второе фото, — надрывал связки доктор, пытаюсь перекричать лязг металла.

Внезапно раздался громкий шум, перекрывающий крик Марша и треск напряжённых цепей. Обернувшись на звук, Марш почувствовал, как на голове исчезают последние волосы, не тронутые сединой. Всё тело человека, скованное метрами цепей, вдруг заходило ходуном. Конечности объекта тряслись с невероятной силой и такой быстротой, что сливались в сплошное размытое пятно. Анкера, забитые в стену, трещали и грозились вот-вот лопнуть.

«Вибрации, — мысль молнией пронеслась в голове Артура, — он выбрался из толщи бетона посредством чрезвычайно мощных колебаний.»

Стальные петли одна за другой лопались, отправляя звенья цепей в полёт по комнате.

— Твою мать, твою мать, твою мать! — Голосил Марш, выбегая из камеры, схватив по пути Оганяна под локоть.

Поняв, что пальба по вибрирующей туше объекта вызовет смертоносный рикошет, оперативники поспешили покинуть камеру следом.

Детектив Могилевич, заглядывая в щель спешно закрываемой двери, с ужасом наблюдал, как лопаются последнее крепление. Спустя секунду, град сокрушительных ударов обрушился на железную обшивку камеры, оставляя глубокие вмятины.

— Да уж, реакция и правда ярко выраженная, — подытожил Оганян, пытаюсь отдышаться.

Проводя широкой ладонью по взмокшим волосам, доктор Марш снова посмотрел на второе фото, где был изображён потерпевший.

— Значит, он всё-таки разумный. — Заключение он. — Почему же он не хочет поболтать с нами?

— Потому что его бытие сузилось до одной единственной идеи, — вклинился детектив, доставая телефон.

— Да? — Специалист по условиям содержания безуспешно пытался расстегнуть пуговицу на воротнике светло-голубой рубашки. — И какая же?

Набрав номер, Могилевич поднёс мобильник к уху. Прислушиваясь к гудкам, он покосился на дверь, за которой раздавались глухие удары.

— Месть, — выцедил детектив, направляясь широкими шагами к лифту.

— Куда ты? — Крикнул Владимир ему вслед.

— В поликлинику, — отозвался Антон, — строительством цеха в Прогрессе занимался наш предприниматель. Я более чем уверен, что он что-то знает о нашем клиенте. Нужно только придумать, как разговорить его.

Вечером того же дня Смотритель Зоны 112 изучал в своём кабинете макет файла для базы данных Фонда.

— Итак, — сказал Денис, пробежав глазами по бумажному листу, — ты решил присвоить ему класс Кетер.

— Учитывая, что он готов уничтожить всё и вся на пути к цели, думаю, это решение вполне оправдано, — ответил Марш, сидевший в кресле напротив.

— Название объекта «Сварщик» нужно сменить.

— А с именем-то что не так?

— Оно уже занято белорусским филиалом. К тому же, учитывая свойства объекта, его скорее стоит назвать Вибратором.

— Но это имя тоже занято, — усмехнулся Марш. — Я как-то ради шутки вводил в

строку поиска случайные слова, и мне выпала статья про объект в Польше.

— Серьёзно?! — Брови Одинцова полезли на лоб.

— Рассказать, что я там вычитал?

— Пожалуй, не стоит.

— Так что с именем? Какое лучше выбрать?

Оставив распечатку на столе, Смотритель откинулся в своём кресле и задумчиво уставился в потолок.

— В первую очередь название должно отображать суть объекта. Мы ведь не знаем мотивы его действий, да?

— Мы с коллегами сошлись во мнении, что он действует из соображений мести.

— Почему? Что конкретно произошло? Как он оказался замурован в толще бетона? Кто этот предприниматель и почему именно он — его цель?

— Хороший вопрос. — Заметил Владимир. — Предпринимателя зовут Роман Аксёнов. В девяностые открыл бизнес по строительству. Отстроил множество объектов по Самарской области. Сейчас владеет заводом по производству железобетонных изделий.

— Вы уже говорили с ним?

— Могилевич сегодня позаботился о том, чтобы завтра его привезли к нам. Под предлогом о переводе в частную клинику.

— Он в норме?

— Аксёнов? Физически — да; мужик он, судя по всему, крепкий. Очнулся сегодня утром, самочувствие хорошее. С точки зрения морального состояния... он в шоке. Ему явно есть что скрывать. Думаю, нам удастся вывести его на чистую воду.

— План уже придумали?

— В общих чертах.

— Замечательно, — Одинцов хлопнул в ладоши, — разберись с этим, пусть Оганян придумает ему надёжные условия содержания. Насчёт имени — глянь объект шесть-три-ноль-шесть. Это, можно сказать, эталон подходящего имени в Зоне 112.

Доктор Марш кивнул, и, покинув кресло, направился к выходу. Уже несколько часов как от похмелья не осталось и следа.

— Володь, а можно вопрос? — Голос Смотрителя донёсся до него, когда он уже шагнул за порог. — В отчётах эта информация уже вымарана, но от Артура я узнал, что на первом фото был твой покойный отец. Почему ты выбрал именно его?

— Мы предполагали, что объект реагирует на зло внутри людей. Мало ли, — за плечами того предпринимателя немало мрачных делишек.

— Но при чём тут твой отец?

— Он был самым мерзким человеком, которого я знал.

Тридцать минут спустя доктор Марш, предварительно посетив столовую, сидел за компьютером в личном кабинете со стаканом кофе и скользил взглядом по печатным буквам, изучая следующий файл:

Объект: SCP-6306-RU «Нет выхода» Класс объекта: Безопасный Особые условия содержания: Вход в SCP-6306-RU должен быть надёжно изолирован от посторонних людей (на данный момент дверь запечатана; с 1986 года была надстроена ещё одна стена, перекрывающая доступ к объекту). Вся информация об объекте, включая архивные планы здания, частью которого он является, должны быть отредактированы с целью поддержания секретности. Во время проведения исследований сотрудники, находящиеся внутри объекта,

должны быть снабжены средством связи с портативным зарядным устройством, запасом еды и воды, а также быть проинформированы о том, что ни в коем случае нельзя упускать из виду дверь, ведущую наружу. Важно помнить, что для активации SCP-6306-RU-A достаточно моргнуть. В случае активации объекта человек, находившийся внутри, официально считается мёртвым. Описание: SCP-6306-RU-A — это тесная комната площадью в пятнадцать квадратных метров, располагающаяся на первом этаже детского сада «Василёк», Железнодорожный район, г. Самара. Изначально объект использовался в качестве складского помещения, что объясняет наличие стеллажей, ящиков и коробок, наполненных различными не аномальными предметами обихода вроде старых детских книг, газет, инструментов и т. д. SCP-6306-RU-A Аномальные свойства проявляются в момент, когда находящийся внутри человек прерывает зрительный контакт с дверью, ведущей наружу. Чаще всего субъект просто входит в комнату, оставив дверь за спиной, после чего она моментально пропадает. Когда внутри находится более одного человека, объект не проявляет аномальные свойства даже в момент, когда ни один из присутствующих не смотрит на дверь. Точная скорость исчезновения двери неизвестна, однако опыты показали, что достаточно прервать зрительный контакт на долю секунды (моргнуть), чтобы вместо двери оказалась глухая стена. Если наблюдать активацию объекта снаружи, создаётся впечатление, что человек внутри просто исчез. После того, как дверь пропадает, человек, находящийся внутри, уже никогда не сможет выбраться из комнаты. Судя по всему, субъект перемещается в обособленную версию комнаты с бесконечно толстыми стенами, сквозь которые невозможно ни позвать на помощь, ни пробиться. Все застрявшие субъекты будут находиться внутри, пока не умрут от обезвоживания либо из-за взаимодействия с SCP-6306-RU-B. SCP-6306-RU-B — это чёрный пластиковый выключатель, который регулирует работу лампы накаливания. Он всегда поставлен в рабочее положение, его место на стене не позволяет выключить свет, не заходя в комнату. Если выключить свет, смотря на дверь, человек, находящийся внутри, исчезнет точно так же, как если бы прервал контакт. Куда исчезают люди после того, как свет гаснет, до сих пор неизвестно. Комментарии: «Хотелось бы верить, что после смерти субъекта или выключения SCP-6306-RU-B действующая версия комнаты просто растворяется, но вот вопрос: кто же тогда снова и снова включает свет?» — д-р Никитина Т.Е., старший научный сотрудник Зоны 112 (с 2001 — в отставке). История обнаружения: Детский сад привлёк внимания Фонда после пропажи четырёх детей возрастом от трёх до пяти лет 8 ноября 1995 года.

За восемнадцать лет работы в Зоне 112, из которых десять лет — на должности старшего научного сотрудника, доктор Марш не раз убеждался: мысль о том, чтобы завести семью, сохраняя при этом работу в стенах Фонда, казалась ему безумной.

Артур Оганян развёлся со своей женой уже через четыре года после работы. Могилевич, по слухам, отстроил дом с подземным бункером, чтобы в случае какой-нибудь катастрофы уберечь своих детей.

Людей, работающих в Фонде более десяти лет, видно сразу, особенно если они занимают высокие должности. За четвёртым уровнем допуска скрывается правда, на которую страшно взглянуть.

«Нас не страшит факт существования аномальных существ. — Подумал доктор, выключая компьютер. — Нас пугает осознание, что они могут находиться прямо сейчас за нашими спинами, ожидая, когда мы обернёмся.»

Часы в кабинете психологини показывали полночь.

— А что там с этой печатной машинкой? — Спросила вдруг Ирина Сергеевна. — Это как-то связано с инцидентом в кабинете нашего бухгалтера?

— Слухи, стало быть, и до вас дошли, — вздохнул Марш, закатывая рукава халата, — всё верно.

— Расскажите?

Доктор пожал плечами:

— Да нечего рассказывать. Давным-давно в распоряжение организации попал объект, способный, якобы, перезаписывать жизнь. Фонд почти не интересовал этот объект, так как после семи сеансов исследований выяснилось, что жертва просто способствует распространению аномалии между мирами. Вы описываете идеальную, по вашему мнению, жизнь, и машинка вытягивает из вас все соки, создавая свою копию в параллельной вселенной. Вместе с ней в этом новом мире появлялась и рукопись жертвы.

— Поэтично, — заметила женщина. — А при чём здесь наш бухгалтер?

— На днях объект материализовался прямо посреди его рабочего стола. Разбросанные по всей комнате листы печатного текста пометили номером восемь. Судя по этим записям, в том мире работал некто Евгений Стацкий, занимавший должность младшего научного сотрудника. С помощью машинки, и ещё нескольких объектов со склада, ему удалось предупредить наш мир о возможном сценарии конца света. Приняв к сведению полученные данные, мы, во-первых, нашли и наказали людей, ответственных за сценарий класса ХК. Во-вторых, во время активации аппарата был использован ещё один объект, усиливающий свойства неорганических аномалий. Поэтому распечатка, занимавшая ранее десять-пятнадцать листов, обернулась кипой в три с половиной сотни страниц. Это дало нам понять, что желание написать больше, чем планировалось, является всё-таки сверхъестественным воздействием. По некоторым причинам, которые я сейчас не буду объяснять, чтобы не запутать вас сильнее, копия машинки, пришедшая из другого мира, не обладает аномальными свойствами. Она явилась из четырёхмерного пузыря, изолированного от мультивселенной, как-то так.

Ивлеева покачала головой:

— Однако, — молвила она, в очередной раз включая электрический чайник, — желаете ещё кофе?

Утром 11 мая доктор Марш вёл Романа Аксёнова по коридорам Зоны 112. Предприниматель, немолодой обрюзгший мужчина, всё время задавал вопросы:

— Мне сказали, что меня переведут в частную клинику, а вместо этого привезли сюда. Моей семье сказали, где я нахожусь?

— Вашей семье сказали то же, что и вам, господин Аксёнов. — Ответил доктор, не глядя на потерпевшего, который волочился вслед за ним.

— И как это понимать?

Вместо ответа Владимир остановился возле одной из дверей столь неожиданно, что потерпевший, если бы не хромота вследствие полученных травм, обязательно налетел бы на него. Взяв в руки ключ-карту, висевшую у него на шее в виде бейджа, он поднёс её к панели на стене. Щёлкнул замок. Марш открыл дверь, пропуская Аксёнова вперёд. Потоптавшись на пороге, предприниматель всё же вошёл в комнату, пробормотав, что позвонит куда надо.

Комната, в которой они оказались, была оборудована маленьким столом с двумя

стульями по краям, и тесной клеткой-обезьянником, занимавшей один из углов. Сев на один из стульев, доктор кивнул на тот, что стоял напротив через стол. Когда потерпевший уселся на него, Владимир сложил тяжёлые руки в замок, опираясь ими на стол.

— Думаю, вам уже ясно, что вы не в больнице, — сказал он, глядя исподлобья на Аксёнова.

Хмыкнув, потерпевший скрестил на груди руки.

— Могу также добавить, — продолжил Владимир, — что вы и не в полиции

— И где мы? Неужели в налоговой? — Аксёнов хмыкнул в очередной раз.

— Давайте к делу. Кто он и почему охотится за вами? — Процедил Марш, прожигая взглядом потерпевшего.

— Я понятия не имею, ясно? Он ворвался ко мне домой, чуть не угробил меня...

— А ещё убил троих сотрудников полиции и переломал кости ещё двум десяткам людей. А перед этим он вырвался из толщи бетонного фундамента, который, к слову говоря, был укреплен арматурой. И всё только для того, чтобы добраться до вас.

— А я тут при чём? Вот у него и спросите, зачем он это делал.

— Это невозможно. Мы сделали рентген, там одни кости.

— И? В чём проблема? Так ведь и работает рентген, нет?

— Хватит, паясничать. — Жёстко ответил Марш. — Под костюмом труп! Тело, замурованное два с половиной десятка лет, вдруг выходит и, снося всё на своём пути, начинает охоту на главу компании, который на тот момент правил стройкой на том же объекте. Хотите сказать, что это всего лишь совпадение?

— Я хочу сказать, что это бред! — Выплюнул потерпевший.

Марш достал из кармана рацию и, вдавив кнопку связи, произнёс:

— Приведите к нам нашего клиента, пожалуйста.

На лице Аксёнова появилось недоумённое выражение.

— Что вы собираетесь делать? — Воскликнул он.

— Мы? Ничего. А вот он... — доктор Марш указал на открывающуюся дверь, куда вошли двое вооружённых оперативников, протолкнув перед собой обвитого цепями человека в костюме сварщика. Как только в поле зрения убийцы попал предприниматель, он резко вошёл в состояние ярости. Пытаясь вырваться из рук двоих сотрудников, он гремел стальными звеньями.

— Вы чё творите?! — Крикнул Аксёнов, покидая свой стул.

— Очную ставку, — бросил Марш, наблюдая, как потерпевший в панике отходит к клетке.

Цепи с треском лопались одна за другой. Порывая мощными плечами, объект вырывался, сбрасывая с себя оковы.

— Он же освободится сейчас. Стреляйте, — кричал потерпевший, запираясь в обезьяннике, — ради всего святого, стреляйте!

— Пули не берут мёртвых, господин Аксёнов. — Спокойный голос Владимира тонул в лязге металла

Сбрасывая остатки цепей, убийца подходил к клетке. Вцепившись в прутья кистями рук, одетыми в краги, он вырывал их, будто тростинки, одну за другой.

— Господи... — всхлипывал мужчина, пытаясь забиться в самый дальний угол своего крохотного убежища. — Остановите это. Прошу, не надо. Не убивай меня. Я не виноват!

Железные стержни, бывшие когда-то частью клетки, со звоном отлетали в

противоположный конец тесной комнаты. Пробив путь внутрь обезьянника, убийца медленно подходил к Аксёнову, который пытался заслониться руками от неизбежной смерти.

— Стой! — Закричал он, когда широкие плечи заслонили от него свет лампы. — Я не виноват. Я не хотел. Прости меня!

Объект остановился. Отняв вспотевшие ладони от лица, потерпевший увидел перед самым носом металлическую маску. В отражении стеклянной вставки его сжавшееся тело выглядело до невозможности крохотным.

— Прости, — прошептал он, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Наступила тишина. Убийца, выпрямив спину, не сводил взгляд с потерпевшего.

— Что произошло? — Тихо спросил доктор. — Что случилось двадцать шесть лет назад?

— Мы заведовали стройкой цеха в девяностых. — Хрипел мужчина сквозь слёзы. — Государственный заказ, — денег было немерено. В один момент мы стали брать из финансового резерва так много, что у нас перестало хватать на зарплаты рабочим. Мы задерживали выплаты по полгода, кормили завтраками, обещали, что вот-вот деньги будут, надо только подождать. Однажды вечером ко мне подошёл человек, работающий на сварке каркасов. Сказал, что ему нужно кормить семью, что у него долги. Я ответил, что денег нет, что ничего не могу поделать. И тогда он сказал, что знает, куда идут деньги. На самом деле все знали, просто никто не осмеливался высунуть нос. Но на этот раз всё было иначе. Этот работник стал угрожать донесением. Полицией, прокуратурой. Я сначала посмеялся, сказал, что он может идти к чёрту со своими угрозами.

— И тогда он сказал, что у него есть доказательства, — предположил Марш.

— Да. Разговаривая с подрядчиком по поводу оплаты, он стащил из офиса папку с документами. Там был файл. Всего одна проклятая бумажка, где должны были стоять подписи людей о получении денег. — Потерпевший горько ухмыльнулся. — Мы так ненавидели всю эту бюрократию, но между конторами, пилившими деньги, тщательно документировались все грязные дела. Из соображений безопасности.

— Круговая порука, — добавил Марш.

— Если бы за нас взялась полиция, они бы столько нарыли на нас, хватило бы лет на пятьдесят строго режима.

— И тогда вы убили его...

— Да. Я испугался, пообещал отдать все деньги на следующий день. На стройке как раз должен был быть выходной.

— А что потом?

— Его искали. Почти каждый день меня спрашивали, не знаю ли я, куда запропастился наш сварщик. И я всякий раз говорил: Нет. Это было пыткой, — слушать, как коллеги смеются над тем, как он буквально вчера говорил, что скоро они все получают деньги, а в итоге просто пропал. Они смеялись и курили в десяти метрах от его тела.

Человек в костюме сварщика сделал шаг назад. Подняв тяжёлые руки, он снял маску. Под ней оказалось лицо, принадлежавшее Антону Могилевичу.

— Всё записал? — Спросил детектив, обратившись к Маршу.

— Каждое слово, — доктор подбросил на ладони диктофон, вытащенный из кармана штанов. — Это было проще, чем я думал. Подпиленные цепи, прутья, держащиеся на монтажном клею, и костюм сварщика с барахолки творят чудеса, правда? Спектакль

окончен, господа! Всем спасибо, все свободны.

Мужчина в клетке потрясённо смотрел, как оперативники, выслушав благодарности, покидают тесный кабинет.

— Было бы очень удобно, если бы объекты класса Кетер останавливались на простом человеческом «прости», — сказал Могилевич, кидая маску под ноги потерпевшему.

— Пошли обедать, — бросил Марш, покидая кабинет.

— А потом? — Спросила Ирина Сергеевна, потирая красные от недосыпа глаза.

— Ничего.

— А предприниматель? Неужели вы не призвали его к ответственности?

— Конечно, нет, мы же не полиция. В интересах Фонда было выяснить историю аномального объекта.

— Но у вас была запись его признания! Вы могли бы отдать её в суд.

— И как бы мы объяснили её появление? Восставшим из ада мстителем? Так или иначе, Аксёнов умер спустя четыре дня от простого, совершенно не аномального инфаркта. Мужичку уже под шестьдесят было, в его возрасте нельзя так сильно волноваться. Тем более, он получил столько травм в момент нападения. Так что тот костюм теперь лежит в отдельной ячейке на складе, потеряв свойства. Кости были переданы в штатный крематорий. Разговор же вообще был не о том. Вы спрашивали меня про выводы.

— И какие же выводы вы сделали?

— Я после того случая подумал, что появление аномалий в нашей вселенной — это одно из естественных свойств мироздания. Просто мы ещё не научились видеть общую картину. Фонд пытается сдерживать и контролировать сверхъестественное, пытается подогнуть их под бюрократию, но, возможно, нам просто стоит поменять взгляды. Мы бы сэкономили кучу денег и человеческих жизней, если бы ввели, так называемое, обратное сдерживание. Построили бы для всего человечества Зону содержания, где не было бы ни одной аномалии. Зону вне времени и пространства, куда ни один объект не смог бы проникнуть. Тогда нам пришлось бы беспокоиться только об одной угрозе. Нас самих.

Марш замолчал. Ирина Сергеевна, глянув на часы, стала торопливо убирать со стола кружки.

— На сегодня, пожалуй, достаточно.

— Да уж, — кряхтел Владимир, вставая со стула, — пора завязывать.

Попрощавшись с доктором, Ивлеева открыла журнал и спешно черкнула слово «одобрено» напротив имени Марша. Убрав со стола остатки просыпанного кофе, она собрала сумку и направилась к выходу. На пути к двери она заметила краем глаза посторонний предмет в цветочном горшке. Поправив очки, она всмотрелась в белый окурочек.

— Вот же козёл! — Процедила психологиня, оскалив белоснежные зубы.

Глава III. Полдень и Полночь

«По вашей просьбе я также посетил кладбище к востоку от Ростова, чтобы уладить тамошний разлад в быте священника Анохина. Должен признаться, что являюсь глубоко верующим человеком, и потому считаю, что мёртвым полагается быть мёртвыми, особенно, если они священники. Тем не менее, ваша просьба для меня закон.» — корнет Лиходеев, в письме поручику Апраксину. Комитет Аномалий Российской Империи, 1743 г.

Блуждающая Ржавчина. Фото сделано при помощи аstatно-шихтовой линзы, разработки Отдела "П", 1950 г. Эффект тумана на изображении является следствием механизма Завесы.

9 июня 2019, 12:04

Покрытые сеткой капилляров, веки, распахнулись, подставляя зрачки яркому свету, падающему на лицо девушки. Набрав полную грудь воздуха, Вера громко застонала, сотрясаясь в судороге, сковавшей тело. Изогнувшись в три погибели, она вытащила, застрявший в коленном суставе, кусок дерева и швырнула его в мяукающую тень под столом.

Мысли стремительно возвращались. События прошлой ночи, её появление в квартире, окончившееся ударом головы о пол в момент наступления смерти, — все эти образы воскресали в сознании вместе с личностью носителя.

Разбуженный шумом Константин, сел на кушетке, надевая упавшие во сне очки.

— Утро доброе, — сказал он, наблюдая, как Вера пытается проглотить весь воздух в комнате. — Кажется, ночь у тебя была бурной.

— Ржавчина, — выплюнула девушка, обнажив кровоточащие дёсны, — я столкнулась с

ними второй раз за этот месяц! Если так и дальше пойдёт, однажды они убьют меня. Окончательно.

— Может быть, тебе просто не стоит выходить на улицу?

— Не думаю, что это поможет, — хрипела девушка, фокусируя взгляд на жирной мухе, парящей над лицом. — Тремя годами ранее, я столкнулась с одним из них в нашем коридоре, прямо на выходе из лифа. В том-то и дело, что эти твари могут возникнуть где угодно. И если раньше я могла не видеть их годами, то теперь они являются каждый месяц. Слушай, у нас ещё осталось вино?

Подскочив со скрипящего дивана, мальчик распахнул дверцу холодильника.

— Две бутылки, — ответил Константин, вытаскивая на свет содержимое.

Зелёные глаза Веры, закатившись, скрылись под веками. На дворе уже полдень, а она всё ещё была трезвая

— Константин. Не мог бы ты напоить меня вином, пока мои кости окончательно не срастутся? Это займёт ещё часа три, не более.

— С радостью, — улыбнулся мальчик, который уже вкручивал в пробку штопор.

Открыв вино, он опустил на колени у изголовья Веры, мягко приподнял её голову.

— Что-то происходит, — подытожила Вера, прикладывая пересечённые трещинами губы к холодному горлышку литровой бутылки. Сделав глоток, она откашляла из лёгких остатки не засохшей крови, прежде чем продолжить. — Последнее время Ржавчину так и тянет в наши края.

— Наверняка, это с чем-то связано. — Пожал плечами Костя. — Жаль, что я не обладаю неуязвимостью, чтобы помочь тебе сражаться.

— Ну, во-первых, Завеса всё равно не даст увидеть Блуждающих больше, чем одному человеку. Во-вторых, ты можешь помочь мне разобраться в том, что творится. Как и я, ты представитель третьего поколения...

— А значит, имею скрытые силы к открыванию замков щелчком пальца, — протянул мальчик, закатив глаза, — ты уже говорила.

— Дело не в том, — перебила Вера, ненадолго присасываясь к бутылке, — ах, отменное вино!

— Обычный дешёвый портвейн, — пробормотал Константин, поднося к глазам бутылку.

— Попробуй его после девятой смерти, сучара! Дай ещё.

Совершив несколько обширных глотков, девушка удовлетворённо откинула голову, прибив затылком ползущего по линолеуму паука.

— Фух. Дело в том, что твои тлееды способны спровоцировать кратковременное падение Завесы, и если за ней будет находиться исповедник Ржавчины, тебе крышка.

— Но ведь раньше ничего подобного не случилось, так? Значит, мои способности под вопросом.

— Нет. Способности к тауматургии имеются у десяти процентов людей и у всех носителей песочных тлеедов с первого по третье поколение. Бля, сколько всего тебе нужно выучить. Вот что, тебе пора познакомиться с бабушкой Полдень.

— Как-как? — Улыбнулся мальчик, обнажив брекеты.

— Моя мать и твоя бабушка когда-то отказались от своих официальных имён в документах, предпочтя традиционные наречия, описывающие, как им кажется, суть их естества. Все носители первого и второго поколений, рано или поздно, настолько

углубляются в изучение тау-практик, что отказываются от того, чем они были в прошлом. На моей матери это сказалось ярче всего — она ведёт отшельнический образ жизни в лесополосе за Волгой. Её зовут Полночь. А её сестра Полдень, — твоя бабушка, — живёт на окраине старого города. Она-то и расскажет тебе подробнее о природе тлецов и блуждающей Ржавчине.

— Вот это да, — протянул Костя, вливая в рот Веры ещё вина.

— Поверь, когда ты узнаешь их, ты поймёшь, насколько хорошо им подходят эти имена.

— Почему тогда ты не взяла себе иное имя?

Вера замялась:

— Ну, как носитель третьего поколения, я не очень привязана к древней природе тлецов. Хотя мать и делала всё, чтобы я не уезжала в город, я никак не могла смириться с мыслью, что мне придётся провести всю жизнь в лесу. Хотя, если честно, не сказать, что я особо счастлива в городе.

— Ну, так какое имя могло бы у тебя быть?

— Даже не знаю, если честно. Я не думала об этом, мне и моё имя нравится.

Пожав плечами, девушка поднялась на локоть, и забрав у Константина вино, залпом допила остатки.

— Значит так, — отчеканила Вера, бросая бутылку под стол, — сначала тебе нужно будет добраться до площади Революции...

Основанный в 1586 году, город Самара за свою историю успел обрасти девятью внутригородскими районами, которые жители условно делили на три части: историческую, впитавшую в себя всю культурную ценность поселения, центральную, где жизнь была ключом, радуя урбанистов, поселившихся среди многочисленных новостроек, станций метро и авто-вокзала, а также Юнгородок и район Metallургов, куда крайне не рекомендуется заходить туристам из-за, якобы, высокой криминогенной обстановки. Всё вместе это выглядело весьма сумбурно и контрастно, отображая всю суть необъятного государства, где люди с одного конца страны совсем не похожи на людей с другого. Включив в плеере нуарный джаз, и пройдясь в летних сумерках по улицам Самары, даже самый несусеверный человек ощутит присутствие призраков, бродящих по округе в поисках ответов на вопросы, которые были заданы ещё при жизни. Чувства мистики и вдохновения витают в воздухе этого города.

Сестра Полдень, обитающая на окраине исторического центра, знала это лучше, чем кто-либо. Крохотный домик, в котором она жила, был сложен из красного дореволюционного кирпича, заросшего плющом со стороны улицы Самарской. Здание стояло уже пару веков, что всего на три-четыре десятка лет больше, чем возраст самой сестры Полдень. На вид это была невысокая худая женщина, с длинными золотистыми, и совсем не седыми, волосами, — случайный прохожий мог дать ей лет пятьдесят пять, не больше. Сестре принадлежал весь простор домика, включающий в себя прихожую, кухню и две комнаты, не считая кладовки и туалета. На заднем дворе имелся небольшой участок, усаженный разными цветами.

Полдень не пользовалась телефоном, не смотрела телевизор — хотя где-то в кладовой, у неё завалились проигрыватель и несколько ящиков старых катушек видеоплёнки, записанные неизвестно кем. Старые лампочки, освещающие просторы комнат горели уже десятки лет, и было сложно сказать, является ли это следствием волшебства, исходящего от Сестры, или же

их просто используют не так часто, чтобы они перегорали со стабильной частотой.

Сестра Полдень

Как и Вера, Полдень ясно видела, что обстановка в городе стала беспокойной за последний месяц. Проснувшись несколько дней назад, она отчётливо ощутила, как в хрупкой ткани Вселенной произошёл сдвиг, будто кто-то наскоро, корявым почерком, переписал реальность. Точка расхождения находилась где-то на просторах Самары, простираясь на всю область, словно чума.

А потом, будто в подтверждение её догадкам, грянул ливень невероятной силы, и сквозь стены своего дома, сквозь пелену падающей с небес воды, она видела, как исповедники Ржавчины бродят по улицам города. И мрачное чувство охватило её сердце.

— Только бы Вера не наткнулась на этих тварей, — тихо произносила она, время от времени, поглядывая в окна, за которыми было черным черно, — только бы не наткнулась...

Ночью Полдень долго не могла заснуть, а потому утром встала чуть позже обычного. Интуиция подсказывала, что всё обошлось и её племянница в порядке, но буря обещала вернуться, и на этот раз, в облике более страшном и странном, нежели июньский ливень.

В час дня, поддавшись внутреннему побуждению, Сестра вышла в прихожую и остановилась напротив двери. Шестое чувство никогда не обманывало, поэтому, спустя минуту, когда кто-то постучал, она сделала короткий взмах рукой, и тяжёлая деревянная дверь открылась. За ней стоял мальчик семнадцати лет.

— Здравствуйте, — Константин переступил порог, — я от Веры.

Впервые за весь день, на устах Сестры появилась улыбка. Не нужно было быть опытным тауматургом, чтобы разглядеть в молодом юношеском лице черты, которые когда-то принадлежали её дочери.

— Ты Костя, да? — Голос женщины развеял тишину в прихожей. — Рада наконец познакомиться с тобой. Вера рассказывала о тебе только хорошее.

Переминаясь с ноги на ногу, мальчик неосознанно расчёсывал отросшими ногтями раны на правой руке.

— Вы... Эм... Полдень?

Женщина кивнула:

— Именно так. Хочешь чаю?

Константин кивнул и прошёл вслед за женщиной. Дверь за его спиной медленно закрылась.

В доме Сестры Полдень витал стойкий душистый аромат травяных запасов. В смеси пряных запахов можно было узнать мяту, корицу, укроп, розмарин, шалфей и даже чеснок. Усаживаясь за старый деревянный стол на кухне, мальчик даже не заметил, что каждый вдох он делает всё глубже и глубже.

Тяжёлый железный чайник очень скоро оказался на старой газовой плите. Усевшись напротив Кости, старушка положила тонкие кисти рук на колени, и спросила о его матери:

— Как там Василиса?

Костя пожал плечами, пряча руки под стол.

— Не знаю. Нормально, наверное. Мы не общаемся.

Женщина понимающе кивнула.

— Понятно. А Вера? Она в порядке?

— Она сцепилась с Ржавчиной вчера. Сейчас восстанавливается, потом пойдёт в гости к Полуночи. Она сказала, вы можете пробудить во мне способности к тауматургии. Хотя, я сомневаюсь, что у меня получится.

Не по возрасту яркие глаза Сестры Полдень замерли на лице мальчика.

— Да, могу. Ей нужен кто-то, кто будет рядом, когда она снова натолкнётся на Блуждающих.

— Вот это меня как раз и беспокоит. Если завеса спадёт для неё, она сможет отбиться, а если Ржавчина увидит меня, что тогда? Я же, в отличие от вас вполне уязвим. Они же разорвут меня на части, если увидят.

— Пожалуй, — согласилась Полдень, вставая из-за стола.

Сняв с плиты закипевший чайник, она поставила его на стол и на несколько минут исчезла в кладовке.

— На самом деле, — доносилось из тесного помещения, в котором, кажется, даже не было необходимости включить свет, — ни я, ни Вера, ни моя сестра Полночь не способны к сверхъестественным проявлениям. Как и почти у всех людей, у нас нет власти контролировать законы физики. Эта сила присуща тледам. Эти паразиты явились в наш мир в поисках сознания. Сами по себе они не способны ни видеть, ни слышать, ни думать. Но с обретением носителя, они получают возможность самоосознания, а это является главной целью их существования. Тлееды способны извращать все возможные законы природы, даже открывать двери в иные миры, но всё это становится возможным лишь при наличии сознания.

Вернувшись на кухню, Полдень достала из ящика железную кружку и высыпала в неё из пыльного пакета смесь трав.

— Я и Полночь — достаточно древние носители, которым удалось получить тлееды не по праву рождения, а извне. Василиса, моя дочь, как и Вера, — носитель второго поколения,

как мы это называем. Она отрицает тлецов, поэтому ничем не отличается от многих других людей, не желающих признавать наличие необъяснимого перед глазами. Соответственно, ы входишь в третье поколение. Увидев чужеродную жизнь внутри себя, научившись жить с ней в гармонии, со временем, ты ощутишь изменения в своём "Я". Возможно, решишь даже сменить имя, так как метаморфозы могут быть настолько радикальны, что ты отринешь свою прошлую личность, и связанную с ней жизнь. Это не плохо, и не хорошо, — это просто может случиться. Противиться этому или нет, решать тебе. Однако, не дай тлецам полностью поглотить твоё сознание, держись за всё то человеческое, что в тебе есть. Тебе может показаться, что человек слаб перед могуществом тауматургии, но не дай себя обмануть. Тауматургия возможна лишь при наличии "Я есть".

— Ага. Но как мне быть, если я столкнусь с Ржавчиной?

— Как давно ты начал наносить себе увечья? — Внезапно спросила женщина, заливая пряности кипятком.

Юноша вытащил из под стола изуродованные руки.

— Несколько месяцев, я думаю. Мне... мне просто было плохо.

— Да, тлецы третьего поколения загоняют носителей в дебри депрессии и тревоги постоянно, если те не осознают себя и их самих. Однако, между паразитами двух разных носителей всегда есть связь. И твои тлецы, ощутив состояние тлецов Веры, сподвигли тебя поджигать свою кожу. Потому что они получили сигнал о том, что где-то рядом есть угроза, обладающая сознанием — Ржавчина. Эти твари также осознают себя, хотя их умы находятся далеко в прошлом. Ты можешь попросить Веру рассказать легенду об их появлении.

— Они прибыли из другого мира?

— Нет. Эти твари когда-то были людьми. Но они потеряли себя в погоне за мнимым счастьем, — очередная, старая, как и сам мир, история. Тлецы чувствуют их страх. Они заставляют тебя поджигать свою кожу, потому что запах горелой плоти отпугивает Ржавчину. Вообще, запах всего, что горит. Блуждающие сторонятся огня, ибо он способен уничтожить абсолютно всё, при этом он скрыт от них завесой. О сути завесы ты также можешь узнать у Веры.

Перемешав содержимое кружки, источающее резкий аромат имбирного корня, Полдень поставила её перед мальчиком.

— Это зелье выведет моих жуков из спячки, или вроде того?

— Зелье? О, нет, это всего лишь чай. Тлецы не спят, просто ты должен осознать их присутствие и научиться слышать их. Пей, а я пока расскажу тебе про то, на что способна я, на что способна Вера и на что способен ты.

Из отчётов Отдела «П» ГРУ по делу «О носителях тлецов»: Тауматургия, или тауматургии многогранны по своей сложности, и потому мы делим их на четыре группы. Тауматургия первого порядка — это смутные, неточные, часто неявные, ощущения. В народе такие дисциплины называют прекогницией, или шестым чувством; по данным, собранным ещё в 1880 году, ныне расформированным Комитетом Аномалий Российской Империи, к слабым проявлениям этих способностей предрасположен каждый тысячный человек на Земле, не заражённый сверхъестественными паразитами, или же не осознающий их наличие. Однако, среди носителей песочных тлецов, тауматургия первого порядка развита до состояния полнофункционального зрения, в довольно обширном радиусе, т. н. радиоэстезия. Тауматургия второго порядка открывает доступ к ограниченной телепортации, то есть, мгновенному перемещению в пространстве, и телекинезу, позволяя перемещать предметы,

не прикасаясь к ним. С помощью дисциплин этого уровня, можно притягивать вещи с другого конца комнаты и открывать замки без ключа. Пирокинез и создание двойников — тауматургия третьего порядка. Способность к генерации аномальных явлений, требующих получение энергии буквально из неоткуда. Поколениям второго и третьего порядка даётся с большим трудом, часто провоцируя разрыв миндалевидных тел мозга, которые, по какой-то причине, играют одну из ключевых ролей в тауматургии. Тауматургия четвёртого порядка — реструктуризация материи под влиянием разума. Доступна исключительно носителям первого поколения, что делает их, фактически, конструкторами реальности. Люди, демонстрирующие такие способности, умирали почти сразу после их применения. Таким образом, можно сделать вывод, что человек, по природе, не может выдерживать большие нагрузки, создаваемые тледами, и поэтому, применяя тауматургию высшего звена, всегда рискует жизнью или рассудком. Полная версия документа доступна в реестре Фонда.

Полдень пояснила, что её способностей, ровно как и способностей Сестры Полночь, хватает лишь на тауматургию первых трёх уровней, с той оговоркой, что её пирокинеза хватит разве что прикурить сигарету. Поэтому Полдень прибегает к использованию различных сил природы; она действительно варит зелья, читает заклинания, взывает к материи. Полночь предпочитает обходиться силой своего "Я", практикуя жестовую тауматургию, развивая и подчиняя собственные эмоции гнева, ярости и отчаяния, направляя их, словно ракеты, в стан врага.

— Я не понимаю, — произнёс мальчик, выпив половину кружки, — я и раньше делал себе больно. Просто тогда у меня было лезвие, а сейчас — сигареты.

— Тлееды, живущие в тебе, и тлееды Веры, находясь рядом, в течение месяцев выработали нечто вроде телепатической связи. Хотя они не имеют мыслить, как люди, они могут перенимать поведение, — одна из причин твоего алкоголизма, кстати. — Пояснила Полдень. — Мы с Полночью можем ощущать себя на расстоянии многих километров, делиться эмоциями и мыслями. Получив сигнал от Веры, твои паразиты сподвигли тебя к поражению собственной кожи огнём, потому что Ржавчина не выносит запаха горелой плоти. Они боятся и избегают огня, так как не способны видеть его, а запах сгоревшего мяса — самый явный признак того, что где-то бушует пламя. Как я уже говорила, когда-то давно блуждающие были людьми, но произошло нечто ужасное, и теперь они обречены на вечные скитания в безлюдном, отделённом завесой, мире, но лишь до поры до времени. Теперь, ведомые чьим-то зовом, они стекаются сюда, в область. Я не знаю, что их сюда призывает, но мне известно, что механизм завесы появился как раз вследствие какой-то катастрофы. Сотни, если не тысячи лет назад, наш мир содрогнулся от некоего ужасного явления, эхо которого не умолкает и по сей день.

— А Вера знает о страхе Ржавчины?

— Да, вот только проблема в том, что ожоги на ней заживают слишком быстро, а во время столкновения с Блуждающими, нет времени подогреть кожу до экстремальной температуры. И она вряд ли сможет сотворить огонь, учитывая уровень её навыков. Так что твоя неспособность к столь быстрой регенерации, — это, в нашем случае, достоинство.

— То есть, моих ожогов будет достаточно, чтобы отвадить Блуждающих?

— Не буду тебе врать. Они довольно чувствительны к проявлениям огня, но они также чертовски стремительны и могут быть смертоносны для тебя, даже в количестве одной особи. Да, если бы они знали, как часто люди пользуются огнём в быту, они бы носу не сунули в города. Завеса скрывает от них столько же, сколько скрывает от нас. Есть

множество душ, разного рода, невидимых для простых людей, и есть те, кто пытаются эти души найти и захватить над ними власть. И если тот, кто сотворил Завесу, вернётся и разорвёт её, мир утонет в хаосе.

Сестра Полночь жила не так далеко от города, как могло показаться. Маленькая хижина на другом берегу Волги, скрытая от глаз обывателя в чаще леса, могла сойти за обычный дачный домик на отшибе, если бы кто-то наткнулся на него. Официально, среди тонны пожелтевших бумаг в пыльных муниципальных архивов, этого строения не существовало, ровно как и уютного жилища Сестры Полдень. И если бы кто-нибудь однажды захотел навести справки о разрешении строительства, или же нарыть ещё какую-то информацию о Сёстрах и местах, в которых они обитают, он бы тут же утонул в океане бюрократического мусора. Образ жизни тауматургов настолько пронизан ненавистью к официальной системе, что создаётся впечатление, будто в каждом, даже самом последнем здании госучреждения работает команда саботёров, начисто заметающая следы присутствия таинственных сил.

В силу этих причин, Фонд SCP свято придерживается положению о Меморандуме: они знают, что существуют люди, обладающие сверхъестественными способностями и уже собрали немало информации об их местонахождении, повадках и, собственно, самих аномальных способностях. Единственное, что останавливает их от вероломного задержания всех колдунов, ясновидцев и юродивых на земле, это ясное понимание того, что вся их бюрократическая система рухнет, как только они попытаются поставить тысячи людей на содержание, ведь главный закон тауматургии, как и большинства аномалий, таков: ты можешь воздействовать лишь на то, о чём знаешь. Если тысячи тауматургов в один момент узнают о существовании Фонда, и если этот самый Фонд будет представлять для них угрозу, они тут же направят свои силы на деструкцию оногo. Отдел «П», и его попытки повсеместной чистки, тому подтверждение. Но благодаря Меморандуму, негласный договор позволяет наблюдать за потенциальными Евклидами и Кетерами в естественной среде обитания. По крайней мере, до тех пор, пока они остаются безвредны для этой самой среды.

Перемещение в пространстве, как и вся тауматургия второго уровня, давалось Вере с некоторым трудом. Ещё в детстве, когда она жила в доме Полуночи, мать научила её самой важной части этой дисциплины, а именно снятию. Это своего рода откат или сброс неудачной попытки телепортации, когда твоё тело оказывается не там, где ты рассчитывала оказаться. Девушка отлично помнила, как первые шаги в сверхъестественных перемещениях оканчивались болезненными застреваниями внутри деревьев, когда части тела перемешивались с чужеродной материей.

Чтобы попасть в ту часть леса, где жила Полночь, нужно было телепортироваться на другой берег реки, что Вера проделывала уже в не первый, и даже не в десятый, раз. Тем не менее, раза два или три она оказывалась на дне Волги, что было крайне неприятно, ведь методика снятия не возвращает время вспять; она, буквально, откидывает носителя обратно к старту.

Поэтому, стоя в тенистых зарослях, в той части набережной, куда забредают разве что бездомные собаки, Вера пыталась сосредоточиться на точке назначения, устремляя взгляд зелёных глаз в глубину леса, через воздух над рябившей поверхностью реки.

Телепортироваться на очень большие расстояния было опасно по двум причинам. Первая — это шарообразность земли, не дающая точно предугадать местоположение почвы, что может привести к тому, что точка назначения окажется либо под землёй, либо высоко в

воздухе. И в том и в другом случае есть риск того, что человек не сможет успеть сосредоточиться, чтобы сделать снятие.

Вторая причина — вектор перемещения. Телепортация по ощущениям похожа на луч, который исходит от носителя в направлении точки назначения. Чем больше расстояние, тем больше разброс конечной точки, и уже на протяжении пяти километров, радиус будет составлять примерно сто метров, что может привести к распылению тела носителя в этом пространстве.

Не менее важным аспектом является уверенность в том, что твой вектор случайным образом не пересекается с вектором другого тауматурга, иначе столкновение будет неизбежно. Метод снятия в такой ситуации использовать крайне не рекомендуется по той причине, что тлееды не смогут разобраться какая часть тела вышла из нужной точки, и в пункт отправки могут вернуться лишь безжизненные останки носителя.

Впрочем, Вера была почти уверена в том, что над Волгой нет векторов, помимо её собственного, и, наглядевшись в противоположный берег вдоволь, она опустила веки, вдохнула поглубже и ощутила, как вихрь, родившийся внутри её вен, поднял тело девушки, и протащил сквозь толщу материи туда, где должна быть точка назначения.

— ...лять!

Барахтаясь по пояс в густом месиве из воды и ила, девушка цеплялась за растущий у кромки берега тростник, пытаясь вылезти на твёрдую почву. Она была относительно опытным тауматургом, и аномальные действия всегда проходили как надо, единственное, что могло порушить все планы — это её мозг, который иногда будто переставал работать. Перемещение тела входило в обязанности песочных тлеедов, а вот корректировка назначения...

— Сука! Падла! Ещё и без одежды, отлично, Вера! — Ворчала девушка, выползая на берег.

Оказавшись на суше, Вера двинулась вглубь чащи, искренне надеясь, что на пути к дому матери, ей не встретится какой-нибудь грибник. Сложно было бы объяснить её появления в этом месте в таком виде.

— Скотство. — Сокрушалась про себя девушка. — Скотство и тупость! Хорошо, по крайней мере, что сейчас лето.

Явившись на пустырь перед хижинкой, Вера остановилась в недоумении. Обычно Полночь за километр видела её присутствие, и потому встречала дочь уже на подходе к жилищу, но в этот раз её не было. Вера бы заподозрила неладное, думая о Ржавчине, но она однажды стала свидетелем, как Полночь рвёт Блуждающих на части, используя жестовые атаки, а потому предположение такое было бы смешно.

Кстати, о силе жестовых атак. Часто, чтобы заставить мозг точнее направлять силу тлеедов, люди используют жесты. Это позволяет превратить обычный выброс аномальных сил в строго направленный удар, разносящий всё на своём пути, либо в устойчивую преграду на манер щита.

Когда Полночь столкнулась в битве с исповедником Ржавчины, со стороны казалось, будто она просто танцует, время от времени, то появляясь, то исчезая. Грациозно размахивая руками и кружась по всей поляне перед хижинкой, она срывала с невидимого, для двенадцатилетней Веры, противника обширные части плоти. Завеса то накрывала её, во время возникновения связи с Ржавчиной, то вновь спадала, открывая её широкую, почти безумную улыбку взгляду дочери. Когда Полночь делала оборот вокруг своей оси, очерчивая

двумя пальцами пути аномально созданных невидимых лезвий, разрезающих пространство. Полы её длинной юбки, слегка поднимались на ветру, как и чёрные, будто смола, извивающиеся волосы.

От воспоминаний Веру отвлек шум, раздавшийся совсем рядом. Обернувшись, она наткнулась на пару зелёных глаз, таких же ярких, как и неё. Сестра Полночь материализовалась в нескольких шагах от дома, принеся с собой несколько песчинок.

Сестра Полночь

— Здравствуй, Вера, — сказала она, протягивая девушке её одежду. — Видела твоё убогое перемещение. Решила, что будет быстрее мне переместиться туда и обратно.

— Спасибо. Я пришла по делу. — Ответила девушка, засовывая голову в пространство бескрайнего свитера.

— Вся нечисть с области ползёт в город, — монотонно протянула Сестра, сводя тонкие чёрные брови.

— Есть мысли, почему это происходит?

Отстранившись от дочери, Полночь сцепила за спиной спицевидные пальцы рук, и медленно зашагала по округе, оглашая пустырь хрустом сухих листьев.

— Месяц назад я и Полдень стали замечать, что кто-то проводит обряды, предшествующие Вскрытию.

— Вскрытию?

— Насильственные действия, образующие дыры, ведущие в соседние миры. Методика была настолько древней, что мы так и не смогли узнать, кто или что за этим стоит.

— Это и есть причина происходящего? — Предположила Вера, прыгая на одной ноге, в попытке обуть сандалии.

Полночь покачала головой.

— Не совсем. На днях все следы Вскрытия просто исчезли. Кто-то будто переписал реальность целой вселенной.

— В смысле? Такое вообще возможно?

— Создать вселенную заново нельзя, но можно сменить направление, по которому движутся события внутри. Как если бы кто-то поменял расположение железнодорожных путей: мир цел, но в логистике воцаряется хаос.

— Ты же говорила, реальности отделены завесой.

— Завеса укрывает только некоторые грани нашей собственной реальности. — Ответила Полночь, устало закатив серебристо-серые глаза. — Само бытие представлено постоянным иррациональным: с одной стороны, мироздание единственное и целостное, и в то же время, оно бесконечно разнообразное в своих версиях и состояниях.

— Это какая-то квантовая физика. — Девушка задумчиво почесала затылок.

— Метафизика, — поправила Полночь, продолжая мерить шагами пустырь. — Так или иначе, тот кто переписал реальность, остановил надвигающееся Вскрытие, но подобное вмешательство заставило нашу реальность прибегнуть к "Внешней Реструктуризации", по крайней мере, так это называют в этих организациях. Это значит, что все материальные объекты, покинувшие нашу вселенную за последние полторы тысячи лет, будут возвращены в ближайшие дни.

— Полторы тысячи?! Это же безумие. Это же сотни и сотни тварей самых различных сортов. Почему именно полторы тысячи?

— Потому что именно тогда произошло нечто ужасное, что привело к появлению Блуждающей Ржавчины, завесы, и многих других аномалий. Тогда, по легендам, люди намеренно спровоцировали Реструктуризацию, чтобы запереть какую-то аномалию в специальном месте.

— Твою мать. То есть буквально на этой неделе, вся чертовщина, покинувшая наш мир за это время, будет возвращена на землю? Это же катастрофа!

— Проблема в другом. Вселенная не запоминает, когда и откуда исчез тот или иной объект. Она просто собирает аномалии, произошедшие из неё, и возвращает в ту точку, где была самая большая аномальная активность за последнее время.

— И эта, набитая кошмарами человечества, бездна появится прямо здесь, в области.

— Да. Но речь идёт не про обряд и не про перепись реальности, — эти аномалии не имеют материальной природы в своей сути. Речь про исчезнувший шестьдесят пять лет назад завод «Рост».

Сказав это, Полночь замерла, уставившись взглядом в пространство. С минуту Вера вглядывалась в непроницаемое лицо матери, пытаясь нащупать в памяти знакомые слова.

— Эрион, — наконец выдохнула девушка.

Полночь еле заметно кивнула.

— Да. Я более, чем уверена, что, если точка возврата находится где-то здесь, то порядок возникновения аномалий будет сосредоточен вокруг комплекса на окраине промышленного района Самары.

— Отлично, — воскликнула Вера, отчаянно жестикулируя, — моя агрессивно настроенная старшая сестра вот-вот вернётся на родину, прихватив с собой туеву хучу аномалий! Нужно что-то делать. Мы как-то должны связаться с этим Фондом.

Глаза Полуночи внезапно расширились до предела.

— Даже не думай, — крикнула она, выставив перед собой указательный палец.

— Но они могут помочь.

— Я скажу тебе, что они могут! Они запрут тебя в лаборатории под землёй, и будут дни и ночи отрезать от твоего тела маленькие и большие части, выясняя твои способности к регенерации. А в конце, чтобы установить лимит твоих возможностей, они поделают на части твой мозг, тем самым убив тебя окончательно.

— С чего ты взяла? Они же заботятся о сохранении мира.

— Мира? Пфф. Всё, о чём они заботятся, — это власть и деньги.

— Почему ты всё ещё так настроена против них? Они уже не тот "Отдел", что был раньше.

Полночь круто повернулась и взглянула на Веру. Гримаса гнева застыла её на лице.

— А ты как думаешь, куда делись все эти люди после развала Советов? Большая часть из них теперь работает под другим знаменем, но их чёрное нутро смердит изо всех щелей. Если ты думаешь, что знаешь лучше меня, можешь вернуться к Полдень и взять те записи. Видно, ты давно уже забыла о них, да? Уходи.

Опустив глаза, девушка вздохнула, и пространство сомкнулось вокруг неё, унося прочь вместе с осенней листвой. Оказавшись на Самарской набережной, она дрожащими пальцами вынула из пачки сигарету.

Глава IV. Последний сотрудник Отдела «П» ГРУ

Холодная война. Заходит как-то администратор американского филиала SCP в кабинет к совету О5 и говорит:

— Господа, рад вам сообщить, что Отдел "П" на Марсе!

Те в ужасе:

— Как так?! Теперь эти русские Варвары ещё и на Марсе? Это же катастрофа, чему ты радуешься?

А тот отвечает:

— Господа, вы не поняли. Они ВСЕ на Марсе.

Заведующий складом безопасных аномалий Зоны 112

Дневник Архивариуса, запись от 9 июня 2019

Моя память с годами всё острее.

Я помню это место с первого дня его существования. Помню людей, которые, закрывшись от глаз посторонних, в тесных лабораториях пытались изучить и понять неведомое. Помню, как эти попытки оканчивались участью куда более страшной, нежели смерть. Необъяснимое ревностно хранило свои тайны, беспощадно наказывая недостойных, алчно тянувших свои руки в надежде подчинить его.

Мне доставались лишь бумаги. Сухие страницы вымаранного текста, вчитываясь в которые я мог видеть всё, что от меня безуспешно пытались скрыть. За чёрными линиями

перечёркнутых строчек, за стыдливými блоками удалённых данных, я видел всех и каждого, приходивших в это место.

Они пытаются сделать вид, что ни при чём, что их не волнует судьба запертых в этой комнате вещей. Нацепив белые халаты, они снисходительно улыбаются и качают головой, будто психиатры, в ответ на бред шизофреника. Моё слово ничего не значит для них, ведь я появился тут задолго до того, как многие из них появились на свет.

И я делаю вид, что всё понимаю, учтиво преклоняя голову всякий раз, когда они заходят в мои владения, чтобы что-нибудь положить или забрать. Моё положение во всех смыслах удобно. Они там, за пределами моего рабочего места, вскрывают собственные головы, пытаюсь докопаться до истины, принося мне свои бесчисленные отчёты, вглядываясь в которые, я постепенно составляю картину реальности.

Они не могут без меня обойтись, ведь кому-то нужно сидеть в этом помещении, и не могут убрать меня, бесконечно ворчащего старика, ведь я лучше, чем кто-либо знаю устройство этого места. Я хранитель порядка в этой комнате. А здесь Альфа и Омега. У меня есть ключи от каждой ячейки, и чёткое понимание о месте каждого документа на просторах сотен стеллажей. И пусть многие из них уже давно покрылись внушительным слоем пыли, моя память не нуждается в ежемесячной чистке. Спустя десятки лет. Я помню всё!

Помню, что "П", в наименовании тогдашнего Отдела, — означает **психотроника**. Ибо в начале они изучали аномалии, влияющие непосредственно на сознание, и лишь потом брались за всё остальное. Сквозь десятки документов, проходящих через мои руки, я видел как исследователи работают над засекреченным проектом, о назначении которого знали лишь самые высокопоставленные чины.

Я узнал, что в 1960 году, Отдел утвердил строительство комплекса, совмещающее в себе исследования и производство (!) аномальных объектов. Параллельно строился и участок внутри города, где работали учёные умы России, и куда в 1967 завербовали вашего покорного слугу в качестве архивариуса. В том же году был введён в эксплуатацию и сверхсекретный автономный завод имени Новикова «Рост».

Я помню, как в 1971, спустя 4 года после начала работы, комплекс перестал выходить на связь. Приехавшие сотрудники обнаружили, что комплекса просто нет на месте. Он исчез, оставив вместо себя нетронутое человеком поле.

Пока шло расследование инцидента, я продолжал заниматься своей работой. Иногда мне приносили какие-то предметы, какие-то даже были аномальными, но при этом, безопасными. Тогда я запираю их в ячейки содержания. Иногда, читая после этого сопроводительную документацию, приходил в ужас от осознания того, что часом ранее находилось в моих руках. Будто ты просто купил на рынке кухонный нож, попользовался им месяц-другой, а потом вдруг узнал, что этим ножом было убито тридцать семь человек. Даже безопасные объекты могут стать причиной чьей-то смерти.

Я помню, как однажды страна, в которой я жил, исчезла, и Отдел был распущен. Некоторые люди остались на своих местах, но уже в качестве сотрудников новоявленного Фонда. Спустя пару лет, при загадочных обстоятельствах погиб действующий Смотритель, чьё место заняла сотрудница из Отдела «П» Орлова Ольга — её внешность и строгий нрав до сих пор всплывает в моей памяти до мельчайших деталей.

Ольга Орлова, до 1998 г. — Руководительница Зоны 112

И я помню, как в результате фатального сбоя в системе безопасности, ведущий специалист по условиям содержания оказался на четыре минуты заперт в камере одного из объектов класса Евклид. Всего лишь четыре минуты темноты, сопровождавшихся суматохой персонала, — это же так мало, — но когда ток вновь возник в проводах, исследователь вышел из комнаты уже другим человеком. Что-то произошло там, в гробовой тишине камеры содержания, что навсегда изменило его. Быть может, за те четыре минуты, проведённые наедине с Евклидом, ему открылось что-то недоступное нашему пониманию.

Обоймы пустели, но человек всё также шёл, невзирая на обширные ранения, пересекающие тело. Казалось, плоть только сковывала его движения, и дёрганные неровные движения были лишь попыткой сбросить этот балласт из мяса и костей. Я почти смеялся, наблюдая, как пятеро крепких мужчин пытаются помешать движению худощавого исследователя, будто не замечавшего их присутствия. Кто-то пытался оттащить его за волосы, но человек лишь дёрнул головой, с хрустом отдирая кожу с головы.

А потом раздался крик: с дороги! Я обернулся и увидел Орлову, что, скинув туфли, неслась босиком по серому линолеуму, держа в обеих руках один из наших самых страшных объектов — мумифицирующий стул. Свойства объекта заключались в том, что севший на него человек, намертво приклеивался, после чего, в течении от двух до пяти минут, из него высасывались все жизненные силы, превращая его в музейный экспонат эпохи древнего Египта.

С помощью подоспевшей со Смотрительницей бригады оперативников, им удалось совладать с ведущим специалистом по условиям содержания и усадить его на стул. Я точно помню, как, приклеившись к стулу, человек потерял всю свою подвижность, и лишь

произнёс, подняв глаза на Ольгу:

— Ты совершила ошибку. Но что будет теперь?

— С этой минуты, — сквозь зубы процедила Орлова, — ты в условиях особого содержания, мерзость!

С этими словами, она плюнула ему в лицо, и, круто развернувшись, махнула полами белоснежного халата и ушла, навсегда оставшись в моей памяти самой эффектной женщиной во всём мире.

Такова моя работа — я наблюдатель. И пусть Отдела «П» давно уже не существует, а персонал обновляется быстрее, чем я протираю пыль с коробок, набитых отчётами полувековой давности, я всё также складываю в голове пазл на основе собранных данных, словно жадный паук, систематизируя и подвергая анализу имеющийся материал. Обо мне, возможно, просто забыли, как о старой игрушке, в которую давно неинтересно и скучно играть, да и отдать некому, а выбросить жалко. Но я помню всё.

Помню, как усадили новоиспеченный объект в камеру на минус-третьем этаже, как засекретили все данные уровнем "четыре-штрих", превратив его в местную легенду. Помню, как Орлова скончалась, и пост перешёл не слишком решительному бюрократу Одинцову. Помню как на место освободившейся вакансии ведущего специалиста по условиям содержания поставили нижестоящего сотрудника, на смену которому пришёл более осторожный Артур Оганян. Я вижу как люди вокруг меняются, как в их глазах гаснет надежда на то, что однажды все аномальные объекты будут заперты, либо уничтожены, как действия, предписанные техникой безопасности, перерастают в параноидальные привычки, как страх закрыть глаза и остаться в тишине заполняет каждую клеточку их мозга. Ведь для того, чтобы навсегда потерять себя в борьбе со сверхъестественным, иногда достаточно всего лишь четырёх минут темноты. Мне страшно, когда я об этом думаю.

Моя память с годами всё острее, и я ясно помню момент моего первого столкновения со сверхъестественным в пределах моего рабочего места. Как и все подобные случаи, они происходят посреди самого скучного рабочего дня. Я в очередной раз закидывал на полку стеллажа коробку с отчётами за двухтысячный год, а потом обернулся и увидел то, о чём месяц назад читал в одном из документов.

Одно из самых ярких ощущений, сопровождающих встречу неподготовленного человека с необъяснимым является чувство, будто ты находишься на краю пропасти, и земля уходит у тебя из под ног. Весь твой опыт, все твои знания, просто в один миг обесцениваются, ведь ничто из этого не поможет тебе объяснить то, что ты видишь.

А я наблюдал лишь высокую тощую фигуру, словно наспех вылепленную из белого пластилина, которую венчала непомерно огромная голова. Две бездонные дыры на месте глаз были обращены в мою сторону. И рот. Огромный, полный кривых прямоугольных зубов, растянутый в самой широкой улыбке, которую я когда-либо видел. Это было не лицо. Это была гримаса. Жуткая неопишуемая гримаса, насмехающаяся над твоей реакцией.

SCP-6390-RU "Хохотун"

С минуту мы оба стояли, застыв на месте. Я не мог даже вздохнуть, чтобы испустить вопль, а он... Он просто смотрел. А потом засмеялся, и, — клянусь Богом, — этот смех когда-то принадлежал маленькому ребёнку. Вот этот короткий смешок, когда юный сорванец, совершив какую-то гадость, радостно гогочет, удирая от разгневанного родителя. Также и этот монстр, посмеявшись надо мной, кинулся наутёк вглубь склада, навсегда проделав в моей душе дыру от увиденного. Нечто ужасное, укравшее смех младенца. Он убежал, пока я, задыхаясь от ужаса, медленно оседал на пол, слыша сквозь стук собственного сердца топот его ног.

Вдруг дверь на склад открылась и вошёл охранник. Оглядев меня, съёжившегося в коридорчике между длинных полок с макулатурой, он понимающе ухмыльнулся:

— Первый раз, да?

Это был "Хохотун". Объект под номером 6390, классифицированный как безопасный. Живое доказательство того, что у вселенной есть чувство юмора. Неизвестным образом он сбегал, сбегает и будет сбегать из под условий содержания примерно каждые шесть месяцев. Тщедушное тело не способно нанести кому-либо физический вред, а вся деятельность объекта заключается в том, чтобы возникать в самых неожиданных местах минус-второго этажа и пугать очевидцев внезапным появлением. За многие годы работы, члены персонала постепенно привыкли к его фокусам, и даже иногда смеются вместе с ним, чтобы после этого, носиться по коридорам с криком «Стой, сука!». Кроме того, гуманоид не является разумным в достаточной степени, чтобы понять концепцию верха и низа, что не даёт ему оказаться этажом выше или ниже, или воспользоваться лифтом. Всё вышеперечисленное служит причиной тому, почему комитет по этике по сей день отвергает предложения

сломать Хохотуну ноги.

Есть на моём складе и более интересные, даже полезные объекты. Например, говорящие головы из гипса. Я даже храню копии документов с условиями содержания, так как люблю их перечитывать на досуге, вот они.

Объект: SCP-6317-RU «Созерцающие мир» Класс объекта: Безопасный Особые условия содержания: Скульптуры, обозначенные номерами с 6317-1 по 6317-14 должны находиться в тёплом сухом помещении. В месте содержания следует вести круглосуточную звукозапись высказываний объектов. В случае, если скульптуры высказываются хором, об этом необходимо оповестить ведущего исследователя учреждения. На данный момент SCP-6317-RU содержится в архиве Зоны 112, занимая 6 и 9 стеллажи. Описание: Объект представляет собой 14 скульптур, изображающих человеческие головы — 10 женских и 4 мужских. Некоторые экземпляры имеют также шею, плечи и верхнюю часть торса. Внешне SCP-6317-RU ни чем не отличается от не аномальных аналогов, включая материал, из которого он сделан: гипс с незначительной примесью угля, серы и масляной краски. Аномальные свойства проявляются, когда в мире происходит какое-либо громкое событие, затрагивающее исключительно быт человечества. На катастрофы природного характера SCP-6317-RU никак не реагирует, однако если где-то случается теракт, бунт, война или авария по вине человека, головы начинают материться. Наблюдение за объектом, начиная с постановки на содержание (1968 год), показывает, что головы стабильно высказываются 6–7 раз в неделю, в остальное время сохраняя полнейшее молчание. Стоит отметить, что объект не всегда демонстрирует своё мнение бранью; в перечне высказываний (см. документ 6317а) зарегистрировано более 3000 инцидентов, когда изречение представляло собою "цоканье", междометие вроде "м-да" или красноречивый вздох. В остальных же случаях речь SCP-6317-RU является матерной бранью с ярко выраженным эмоциональным окрасом. Все голоса различаются по тембру и соответствуют тому полу, который изображают скульптуры. SCP-6317-RU «Созерцающие мир» Большинство событий, на которые отреагировал объект, не удаётся отследить, так как они имеют локальный характер, и редко появляются в общемировой сводке новостей, однако ниже представлена ознакомительная выдержка из документа 6317-А. В ней описаны подтверждённые события, на которые была реакция: [15.04.1985] Голова № 7, женщина. Возглас: "Хех!" Инцидент: Житель Самарской области, выигравший в лотерею, решил отпраздновать победу. На празднике, он перебрал с алкоголем и вскоре упал с лестницы, свернув себе шею. [26.04.1986] Все головы хором. Возглас: "П. здец!" Инцидент: Взрыв реактора на чернобыльской АЭС. [30.02.1988] Голова № 12, женщина. Возглас: "Пфф!" Инцидент: Президент Югославии выступил с речью [09.11.1989] Голова № 2, мужчина. Возглас: "Да хорош, б. я!" Инцидент: Теракт в [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ] 136 человек погибло, 45 в госпитализированны в тяжёлом состоянии [26.12.1991] Все головы хором. Возглас: "Них. я себе!" Инцидент: Распад СССР. Стоит отметить, что с этого момента, и до ухода Ельцина с поста президента, головы матерились по несколько раз ежедневно. [01.02.1994] Голова № 8, женщина. Возглас: "Да как так-то? Да ну, на. уй!" Инцидент: Организация МММ, открывает торговлю акциями. [21.08.2003] Голова № 7, женщина. Возглас: "Да вы, бл. ть, издеваетесь!" Инцидент: Обрушение дома по недосмотру проектировщиков, Германия, Дрезден. 14 человек погибших. [18.05.2009] Голова № 6, мужчина. Возглас: "Мда, жопа..." Инцидент: Начало общемирового финансового кризиса. [29.03.2016] Голова № 14, мужчина. Возглас: "Долб. ёб!" Инцидент: Нарушение техники безопасности при контакте с SCP-██████-RU, Зона 400, Челябинск. Халатности

сотрудника привела к чудовищной цепной реакции и выходу из под ОУС девяти объектов, среди которых были SCP-██████-RU, SCP-██████-RU и SCP-██████-RU, классифицированные как Кетер. В результате погибло 47 человек, а Зона была закрыта на карантин сроком на 2 месяца. Филиал Фонда в России понёс убытки в размере ста шестидесяти миллионов рублей. Было утеряно 12 терабайт важнейших данных около 170 засекреченных файлов оказались в свободном доступе в сети интернет, и оставались в таком состоянии на протяжении девяти часов. По официальным данным, ответственный за инцидент сотрудник, погиб в результате образовавшейся давки, получив несовместимые с жизнью переломы грудной клетки и шейных позвонков. История обнаружения: Объект передан в руки Фонда в 1991 году Отделом "П" ГРУ. В сопровождающей документации говорится, что SCP-6317-RU кочевал из рук в руки с 1923 по 1968 годы, как предмет антиквариата. Попав однажды в коллекцию некоего Верзинского А., он привлёк к себе внимание общественности, что позволило Отделу узнать о нём, и взять под содержание. Выяснить точное происхождение объекта не представляется возможным. Тем не менее, по косвенным данным, можно предположить, что SCP-6317-RU был создан в период с 1905 по 1911 Самарским скульптором Аркадием Вавилоновым. На тот момент художник выполнял заказ на лепку 15 голов, которые должны были украшать фасад родовой усадьбы Дмитриевых — свидетельства об этом находились в главном архиве губернии, однако после развала СССР, они были утеряны. Где находится 15-ая скульптура, и была ли она вообще закончена, неизвестно.

А буквально на днях ко мне зашёл сотрудник с четвёртым уровнем допуска. Его интересовали несколько документов, в частности, 6301, -14 и -52. Первый и второй объекты — это технически сверхсложные устройства «Замыкатели пространства» и «Печатная машинка». А вот третий объект привезли в закрытом свинцовом сейфе в 1968 году. Когда я отдал ему документы на «Ртутный камень», я вдруг понял, что за сорок с лишним лет работы не только не забыл, что это за объект, но и помню все разы, когда я менял код от сейфа. В 75 году, когда сейф сменили на более прочный; в 91 году, когда объект отписывали Фонду; и, наконец в 2003, во время плановой инвентаризации. Я помню коды доступа от всех трёх сейфов. В этом нет нужды, но я помню их. Я могу пересказать содержимое документа SCP-6352-RU наизусть! Впрочем, вот он, также лежит на моём столе.

Объект: SCP-6352-RU «Ртутный камень» Класс объекта: Безопасный Особые условия содержания: SCP-6352-RU должен содержать в сейфе из свинца. Створка, через которую осуществляется доступ, должна быть непроницаема для воздуха и жидкостей, во избежание отравления парами, которые источают объект. Если SCP-6352-RU находится вне сейфа, не следует допускать наличие технических приборов в радиусе до 20 метров, если это не происходит во время опытов. SCP-6352-RU Описание: Это параллелепипед из гранита размерами 75×28×28 см. Вес равен 45 кг. Вся поверхность объекта покрыта вырезанными в камне руническими символами, складывающимися в трудночитаемый текст на древнеславянском (см. ниже). Объект источает небольшой уровень радиации, а также непрерывно сочится ртутью из нескольких трещин, пересекающих поверхность камня. Ртуть выделяется до тех пор, пока камень не будет покрыт ею полностью. По этой причине, всё пространство сейфа за короткий срок заполняется ядовитым жидким металлом, что стоит учитывать, при содержании и опытах. Основное свойство SCP-6352-RU заключается в усилении всех неорганических устройств в радиусе 20 метров. Чем сложнее технические составляющие субъектов, тем мощнее воздействие объекта. Так, фонарик, работающий на батарейках, начинает светить ярче на 25 %, а ёмкость аккумуляторов возрастает в полтора

раза. Характеристики более развитых устройств, вроде компьютера, могут возрасти в 4 или даже в 20 раз, в зависимости от года выпуска, и, соответственно, сложности архитектуры. История обнаружения: Объект захвачен в 1773 году Комитетом Аномалий Российской Империи (КАРИ). В документах говорится, что он был найден в часовне на кладбище, к востоку от Ростова. Сотрудник Комитета, подписавшийся как корнет Лиходеев, рассказал в письме вышестоящему чину, о священнике Анохину, который считался мёртвым, но тем не менее, проводил какие-то исследования над SCP-6352-RU. Не ясно, работал ли Анохин в паре с КАРИ, или же вёл самостоятельное изучение аномалий, являясь аномалией сам. В 1922 году КАРИ был реформирован в Четвёртый департамент Комиссии по аномальным событиям, а позже в Отдел "П" ГРУ, где объект в 1967 году отписали из Ростовской области в участок, ныне известный как Зона 112. Предполагается, что его должны были использовать в работе с комплексом "Рост". В 1991 году, SCP-6352-RU, вместе с другими объектами Отдела был передан Фонду SCP. Примечание: Языковеды, изучавшие камень, пришли к выводам, что писание ведётся от лица языческого бога, который именует себя Мнемогемнон (ударение на второе Е). Однако сведения о язычестве на Руси были давно утрачены, потому выяснить что-нибудь об этом боге не представляется возможным.

Я стар, и мне остаётся лишь надеяться, что мои старания будут зачтены Господом, когда я покину этот мир. Хочется верить, что загробная жизнь куда более простая и понятная, нежели земное бытие. Мы все, разумеется, не святые, но как же хочется иногда уснуть, не боясь того, что нечто, смотрящее на тебя из тёмного угла спальни, превратит тебя во что-то ужасное и непостижимое. Я не боюсь покинуть это место. Я боюсь остаться здесь в виде бесконечных отчётов и заметок, описывающих меня под очередным безликим номером. Я боюсь утратить свою человечность.

Когда-нибудь мне придётся уйти на пенсию, и, если однажды эти записи кто-то найдёт, я надеюсь, что он или она не станет судить меня за излишнюю склонность к драматизации. Важно понимать, что работа архивариуса состоит, в первую очередь, постоянной памяти о том, что за строками печатного текста скрывается бесконечная боль от осознания собственной беспомощности перед необъяснимым. Мы — инвалиды, в сравнении с тысячами аномалий, населяющими наш мир, и наши понятия ужасного могут выйти за пределы банальных войны, чумы и голода, едва мы столкнёмся с ними. Наши представления о плохом и хорошем, о красивом и безобразном, стоят меньше, чем клочок печатной бумаги с описанием условий особого содержания.

Поймите, я не боюсь стука, раздающегося из глубин ячейки под номером сорок восемь. Я боюсь того, что однажды приду на работу, и не услышу его. Я не боюсь выключать свет, ложась спать. Я боюсь того, что, проснувшись посреди ночи, охваченный паникой, навеянной кошмаром, я не смогу включить фонарик, лежащий под подушкой. Я не боюсь самых страшных аномалий. Но я в ужасе от мысли, что мне будет нечего им противопоставить.

Глава V. Чудовище с миллионом глаз

«...раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что бесы ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землёю ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

— Подымите мне веки! — Сказал подземным голосом Вий.

И всё сонмище кинулось подымать ему веки. «Не гляди!» — шепнул какой-то внутренний голос философу. Но он не вытерпел и глянул.

— Вот он! — закричал Вий и уставил на него железный палец.» — Н.В. Гоголь, «Вий».

10 июня 2019, 06:48

Он бежал, не разбирая дороги. Ступени под его ногами сменялись площадками, чтобы вывести его прочь из этого дома. Стены с облупившейся светло-жёлтой краской были готовы расступиться перед ним, если бы он вдруг решил побежать прямо на них. Он пил не просыхая уже девять дней, но его мозг работал на пределе, когда, открыв дверь, ведущую на улицу, он вылетел из чрева плохо освещённого подъезда. Видение преследовало его.

Краски утреннего солнца смешивались со светом ещё не погаснувших фонарей, которые возвышались вдоль дороги, застилая сплошным пятном мутные глаза, распахнутые так широко, насколько это было возможно. Амок, дерилий, безумие — тысячи состояний заполняли сознание. Он никогда не думал об алкоголизме как о чём-то серьёзном. До этого дня, до этого часа, он не боялся, что самоотравление алкоголем, ставшее уже таким привычным, таким обыденным, может обернуться столь явным и ощутимым бредом. До той секунды, как наливая в гранённый стакан чистейшего медицинского спирта, он не посмотрел вперёд, и не застыл в ужасе. До того мгновения, как его руки сначала замерли, а после мелко затряслись.

Он привык пить один, так как собутыльники выпивают слишком много. Он привык жить один, так как люди вокруг слишком токсичны. И напиваясь раз за разом на кухне, по просторам которой ползали полчища тараканов, он всякий раз вздыхал, овеянный раздумьями о своей пустой и никчёмной жизни, глядя на потемневшие зелёные узоры, покрывающих стену напротив. Иногда ему было так одиноко, что он принимался тихо-тихо бормотать, словно беседуя с кем-то. Раз за разом, запой за запоем, он изливал душу своим слушателям, которые состояли из тараканов и стен, но снова и снова, тяжёлое чувство вины опускалось на его душу, и он пил до тех пор, пока не засыпал прямо за столом, уронив седую голову на грязную, залитую жирным налётом поверхность.

Но сегодня всё было иначе. Сегодня, размышляя вслух о своей жизни, он не слышал привычного шуршания тараканов, и чтобы развеять тишину, постукивал по столу пожелтевшими грязными ногтями. Бормоча, он взглянул на стену, чтобы остановиться на полуслове, чувствуя, как мышцы в недрах его глотки железная хватка паники сдавливают голосовые связки. Он смотрел на стену каждый день, но сегодня он впервые увидел, как стена смотрит в ответ. Три пары чёрных глаз, расположившихся напротив, пялились на него с просторов зелёных обоев.

Прежде, чем рассудок смог снова вернуться к нему, ноги уже несли его прочь из

квартиры. Когда же способность думать снова зажглась в голове, первой мыслью был зарок больше не пить. И, в подтверждение тому, губы его ещё час кривились, произнося еле различимым шёпотом:

— Никогда больше. Никогда в жизни!

09:22, тот же день

Атмосфера в квартире Веры была наполнена ароматом яблок, апельсина и корицы, сваренных в дешёвом пакетированном вине. Примчавшийся вчера вечером Константин, без остановки рассказывал об увиденных вещах, открывшихся ему после беседы в доме Полдень. Губы, нервно искусанные вчера, отрезали слово за словом:

— А ещё... ещё у нас во дворе на детской площадке сидит девочка.

— С дырой вместо лица, знаю, — монотонно отвечала тётя, подогревая вино на плите. — Это Галя. Её мать посадили в тюрьму после третьего убийства единственной дочери. Глинтвейн будешь?

Они весь вечер и всю ночь обсуждали происходящие в городе события, пытаясь предугадать, что же такое масштабное и ужасное надвигается на область.

— Мне вот что интересно. Если есть целая организация, занимающаяся отловом аномалий во всём мире, почему мы не можем предупредить их о том, что скоро случится что-то ужасное? — Воскликнул мальчик, погружая нос в стакан с пряным алкоголем.

— Понимаешь, — протянула Вера, затягиваясь сигаретой, — в виду того, что деятельность организации сосредоточена на сдерживании не просто опасных аномалий, но и всего необычного вообще, мы также можем стать предметом их бесконечных опытов. Насколько я знаю, они следят за мной и всеми носителями тлецов в целом. Я как-то перерыла все вещи в доме в поиске «жучков», но так ничего и не смогла найти. Думаю, они не могут отследить нас дальше, чем позволяют наши тау-проявления. Полночь утверждает, что, чем меньше мы прибегаем к тауматургии, тем меньше они о нас осведомлены. Наше преимущество в том, что они не знают точно, на что мы способны, а потому не решаются действовать.

— Хорошо, а что там с тем заводом, который ты упоминала? Он ведь исчез, так?

Вера устала потёрла веки.

— Да. В конце шестидесятых, Комитет, ответственный за сдерживание аномалий, — кажется, он назывался Отдел «П», — основал неподалёку от города промышленный комплекс «Рост». Целью этого завода было производство всякого рода вещей, на основе данных, добытых при изучении явлений необъяснимой природы. Кончилось тем, что они в конце концов доигрались с какой-то штукой и весь комплекс исчез вместе с ближайшей деревней и кладбищем. На их месте сейчас обычный, поросший травой пустырь. Похоже, сам факт существования Комплекса был засекречен, а до маленького села никому не было дело. Так что власти довольно быстро решили проблему гласности, применяя дезинформацию и стирание памяти.

— Они могут стирать память?

— У них немало подконтрольных аномалий на самом деле. Список связанных с необъяснимым организаций не исчерпывается только Отделом и ныне существующим Фондом.

— Окей. А причём тут твоя Сестра?

— Эрион, — пренебрежительно фыркнула Вера, наливая в кружку ещё глинтвейна, — лет за двадцать до моего рождения, у матери была дочь, которая отнюдь не брезговала изучением тауматургических практик. Это опухоль на теле личной жизни Сестры Полночь. Суть в том, что третье поколение очень травмирующе воспринимает природу тлецов, из-за того нет никаких свидетельств о том, что кто-то из этого поколения научился тау-дисциплинам и не свихнулся. Не знаю, о чём думала мама, но она выучила мою сестру настолько хорошо, что та, утратила в какой-то момент остатки человечности. Потом сменила имя на Эрион, смысл которого был ясен только ей, и провела крайне сложный обряд трансформации. По рассказам Полдень, она надеялась взять под контроль реальность.

— Но зачем?

— Не знаю. Говорю же, она кукухой поехала! Я родилась уже после её исчезновения, и не имела чести познакомиться с ней. Судя по рассказам Сестёр, — и слава богу.

— Она исчезла из вселенной, потому что ошиблась в проведении обряда?

— Нет. Обряд, к несчастью, прошёл успешно. Я не поняла до конца, что конкретно изменилось в её силах, и как именно проявлялся её контроль над материей, но Полночь и

Полдень единодушно упоминают, что сдержат её гнев было очень непросто. Она сошла с ума, и её мозг заполнило чувство страха. В конце концов, она устала драться с матерью, или же это Сёстры устали, и боялись, что Эрион может вот-вот выдать их Фонду, короче, в конце восьмидесятых, моя старшая сестра исчезла из этой вселенной. Именно этот случай позволил позже мне уйти от матери, хоть она и была против. Эрион ведь тоже хотела изначально держаться подальше от аномального, как и все адекватные люди.

— И теперь, она должна вернуться в Сеансе Реструктуризации. Прямо в Комплекс.

— Меня пугает не Эрион, а то, что может вернуться с этим проклятым заводом. Полторы тысячи лет — довольно приличный срок. Комплекс будет под завязку набит всякой всячиной разной опасности. Надежда лишь на то, что среди этих аномалий найдётся одна самая сильная и прожорливая, которая уничтожит все остальные, и тогда у человечества будет только одна проблема.

— Стало быть, Полночь пересекалась с Отделом «П» в прошлом? — предположил Константин.

Зелёные глаза девушки плавно скользнули в сторону окна. Проведя ладонью по бритой голове, она вздохнула и, допив залпом пряное содержимое кружки, перевернула её вверх дном, чтобы поймать ползущий по столу глаз.

Константин покосился на диван, по которому ползал с десяток насекомых.

— У нас ведь впереди весь день, да? — спросил он, наблюдая как чёрный кот прыгает по софе, охотясь на ползучие глаза. — Глинтвейна ещё на целое ведро. Обсудим дальнейшие действия?

— Пожалуй, стоит. Только сначала возьму новый стакан.

Зона 112, в это же время

Одной из основных обязанностей Смотрителей того или иного учреждения Фонда, состояло в постоянной редакции главного документа, описывающего род деятельности Зоны, Участка или Сектора. Поводом для внесения правок могло являться любое изменение, происходящее в работе учреждения, будь то постановка или же списание объекта, приём или увольнение в рядах персонала, перевод на иную должность, изменения в планировке зданий, подконтрольных учреждению, и просто ежегодное обновление файла в Общем Реестре Фонда. В виду того, что доступ к редактированию документа осуществлялся только с уровнем допуска 4', выполнять эту работу приходилось исключительно Смотрителю, что, впрочем, не означало автоматического принятия правок без проверки. За соблюдением установленных норм наблюдала комиссия, которая давала решение на закрепление или откат новой формы документа. Разумеется, дело это было долгим, а потому, новую версию файла нужно было предоставить за месяц до окончания года, и ни днём позже.

На этот раз поводом для внеочередной правки послужило пополнение в рядах персонала. Количество объектов в Зоне неуклонно росло; за последние десять лет было поставлено на содержание более сорока процентов всех объектов учреждения. Также администрацией был рассмотрен инцидент с печатной машинкой, поэтому было решено расширить возможности Зоны 112, включив в её работу метареалистов, — сотрудников, подкованных в теме параллельных вселенных. В связи с этим, в учреждение из Челябинска была направлена сотрудница, которую недавно повысили до ведущего специалиста. С неё и должен был начаться набор рекрутов в специализированное подразделение.

Прочитав всё вышеперечисленное на экране своего компьютера, Денис Одинцов

переключился на заполнение информации в файле Общего Реестра:

ЗОНА 112. ДОСЬЕ УЧРЕЖДЕНИЯ Версия от: 10 июня 2019 года. Составитель: Ден Одинцов, Смотритель. Официальное обозначение: Самарское Учреждение по исследованию и содержанию при Фонде SCP. Идентификационный код: RULCS-112(63) Расшифровка кода в Общем Реестре Фонда: >[SCP branch] Russian>>[Kind of institution] Lite Container Site>>>[Serial number] 112>>>>[Local region] 63 Дата основания: 29 марта 1967 г. Смотритель: Одинцов Денис Михайлович Расположение: Комплекс находится в черте города, по адресу ул. ██████-████████ д. ██████, Самара, Россия. Прикрытие: Самарский областной центр переливания крови. Функции учреждения: Исследование, содержание, администрирование. История: Зона 112 (ранее Самара-2) была отстроена Отделом "П" ГРУ в качестве административного корпуса, привязанного к комплексу "Рост". В 1991 году участок был отписан Фонду и переименован в Зону 112. В дальнейшем, когда возникла необходимость сделать содержание захваченного в 1992 году SCP-6303-RU менее затратным и заодно обеспечить учреждение прикрытием, Зона 112 взяла на себя функцию областного центра переливания крови. Примечание: Объект 6303 нуждается в постоянном снабжении человеческой кровью (см. Документ ОУС-112). 2 марта 1992 года Зона содержания была полностью введена в эксплуатацию. Планировка: Под основным двухэтажным корпусом, выполняющим функции Центра переливания, помимо подвала, находятся ещё три этажа, площадью от 750 до 2000 м². Минус-первый этаж отведён под пользование сотрудников со вторым уровнем допуска: бухгалтерам, секретарям, статистам и прочему менеджменту. Там же располагается склад для общего пользования. Всего на этаже работает 36 человек. На минус-втором этаже работают сотрудники с допуском третьего уровня, включая архивариуса, следящего за состоянием склада безопасных аномальных объектов, который занимает половину минус-второго этажа. Остальное пространство отведено под лаборатории. Помимо них на этаже расположены члены мобильных оперативных групп на круглосуточной основе. Всего на этаже задействованы 58 человек. Минус-третий этаж является самым укреплённым и технически-развитым участком Зоны 112. Он служит для содержания объектов класса Евклид и Кетер, а также нескольких десятков Безопасных, но громоздких объектов. На нём нет постоянного персонала, за исключением двух смен охраны, общим числом в 37 человек. Минус-третий этаж содержит 50 камер содержания, размерами 5×5 метров, 100 камер, размерами 10×10, и 50 камер, размерами 25×25. В целях безопасности, ведущий персонал учреждения, в составе 8 человек, чей уровень допуска от 4 (старшие исследователи) до 4' (Смотритель), также имеют кабинеты на первом и втором этажах основного корпуса, в западном крыле. Помимо этого, в рядах персонала состоят ещё 7 человек, работающих под прикрытием в госучреждениях. Всего в работе Зоны 112 задействованы 146 человек с различным уровнем допуска.

Пальцы Смотрителя бегали по клавиатуре. На часах была половина восьмого, за окном уже вовсю палило летнее солнце. Это было очередное утро, которое начиналось не с кофе.

08:00, тот же день

Будильник зазвенел ровно в восемь. Сладко потянувшись, она улыбнулась, предвкушая ещё один насыщенный рабочий день, полный ярких впечатлений. Последние несколько лет, с тех пор, как она наладила своё питание и режим дня, ничто не могло испортить её настроение.

Бодро вскочив с постели, она сбросила пижаму, схватила халат и двинулась в душ,

намереваясь отдаться тёплой воде. В планах также был лёгкий завтрак с последующей пробежкой до работы. Никакого кофе, разумеется.

Становясь в белоснежную душевую кабину, она некоторое время крутила вентили, настаивая температуру, после чего шагнула вперёд, подставляя упругую, без малейшего слоя жира, кожу струям, рвущихся из сверкающей хромом душевой насадки с массажным эффектом. Пританцовывая, она схватила со стеклянной полочки душистое мыло, и спустя минуту, мочалка, по велению рук, уже ездил по поверхности тела, размазывая ароматную пену. Нагнувшись, чтобы натереть пемзой подошвы ног, она заметила краем глаза какое-то движение в сливном отверстии. Смахнув с лица струи воды, она увидела, как сквозь решётку слива пытаются пробиться несколько маленьких, но вполне человеческих глаз.

Улыбка исчезла, но девушка не закричала. Сняв с крючка насадку душа, она выкрутила вентиль горячей воды на максимум, и направила его в сливной канал, после чего, покинула кабину. На её лице не отразилось не единой эмоции, когда она застёгивала пуговицы на блузке. Но пальцы дрожали спустя четыре минуты, когда, стоя у ближайшего ларька, она пыталась открыть пачку сигарет.

Безумие заполняло улицы Самары, оседая на бесконечно длинных проводах связи, тянущихся от столба к столбу, пересекая улицы, районы и целые километры дорог, связующих область и центр города. Человек, внедрённый в кол-центр службы спасения, раз за разом передавал в Зону 112 сообщения о сотнях глаз, ползающих по всему городу отдельно от неведомого наблюдателя. Куда, зачем и от кого убегают эти глаза, внезапно получивших способность к передвижению? За кем они наблюдают? Реальны ли они на самом деле, или же это какой-то массовый психоз, распространившийся воздушно-капельным путём? Вопросов было слишком много, и уже к десяти часам дня Смотритель собрал ведущий персонал учреждения на совещание.

Доктор Марш, сидевший за длинным столом в переговорной не выглядел выспавшимся. Пытаясь пригладить длинные седые волосы, он постоянно ёрзал в офисном кресле, создавая лишний шум, которого в кабинете и так хватало с избытком. Слева от него сидел Оганян, разложив перед собой несколько листов бумаги.

Дверь в кабинет открылась, пропуская Смотрителя внутрь, и царивший на рабочем месте гвалт мгновенно стих. Люди, сидевшие за длинным чёрным столом, наблюдали, как Одинцов занимает своё место. После этого, ещё несколько секунд Денис стучал ногтями по глянцевої поверхности, собираясь с мыслями, чтобы после всего включить записывающее устройство, стоящее на столе.

— Итак. — Взгляд Смотрителя скользил по лицам присутствующих. — Как вы уже знаете, нашему учреждению предстоит много работы, чтобы локализовать проблему, затронувшую весь город. Руководство Фонда в курсе случившегося происшествия, и возлагает на нас большие надежды, которые мы обязаны оправдать. Речь не только о глазах, наводнивших дома самарчан. Статистика показывает, что число появляющихся в округе аномалий растёт в геометрической прогрессии, и, если так и дальше пойдёт, скоро не будет проходить и дня без постановок на содержание.

— Это как-то связано с печатной машинкой, возникшей в кабинете бухгалтера на прошлой неделе? — Валентин Лебедев отозвался с другого конца стола.

Смотритель поджал губы, видя, как на лице Марша вырисовывается ехидная ухмылка. Информация о названном объекте была засекречена уровнем «Четыре-Штрих», которым

обладал только Одинцов, — единственный сотрудник учреждения 112 с подобным уровнем допуска. Но, как известно, сплетни засекретить невозможно.

— Не факт, что это связано. — Пояснил Денис, — но руководство не исключает и такого варианта. Поэтому к нам направили сотрудницу, с которой начнётся развитие отдела Метареалистики. Я пока толком не знаю, чем конкретно в нашем учреждении займётся этот отдел, поэтому никаких комментариев дать не способен. Сейчас, однако, перед нами стоят проблемы куда более существенные. В первую очередь, перед нами стоит задача ликвидировать ЧП с ползущими глазами. На данный момент в службу спасения поступило сто восемнадцать сообщений об этих тварях.

— То есть это не массовый психоз. — Вывел Марш.

— Нет. — Отозвался доктор Лебедев. — Эти насекомые известны уже достаточно давно, но они плохо изучены, из-за слишком низкой продолжительности жизни — три недели с небольшим. Предположительно, это членистоногое, чьё тело маскируется под изображение глаза, чтобы отводить хищников. Живут они обычно глубоко под землёй, чаще в канализации, образуя колонии по двести-триста особей. Причина, по которой Фонд держит их в секрете, — их чувствительность ко всему аномальному, что даёт возможность предположить, что эти насекомые не из нашего мира. По неподтверждённым данным, они являются частью одного целого организма, а значит должен быть кто-то, кто имеет тысячи пустых глазниц. Не знаю, как вы, а я бы не хотел, чтобы такой монстр находился на нашей планете.

— Получается, — положив руки на стол, Марш сложил их в замок, — они стали вылезать по всему городу, потому что ощущают приближение нечто большого и необычного, так?

— Судя по всему. Где-то в девяностых, в Германии, даже предпринимались попытки их использовать, чтобы отыскивать аномальные объекты, но проблема в том, что найти ползущие глаза почти нереально, потому что они движутся на всё аномальное, и избегают всего обычного.

— Спасибо за пояснение, Валентин. — Искренне поблагодарил Смотритель. — Сейчас у нас появилась возможность изучить этих тварей, поэтому, через час сюда приедет Могилевич и вместе с ассистентом Стычкиным соберёт столько глаз, сколько сможет. Марш, Лебедев и Оганян — ваша задача придумать, как использовать насекомых в поисках той аномалии, к которой стремится вся эта нечисть. Если за этим стоит очередной культ староверов, на этот раз мы не станем церемониться. Всем остальным вернутся к своим обязанностям.

С этими словами, Денис Одинцов выключил диктофон. Сотрудники без лишних обсуждений стали покидать кабинет. Марш, выходя за дверь, обсуждал с Оганяном какой-то проигрыватель. Одинцов же старался припомнить объект, установленный на минус-третьем этаже Зоны. Мысль о том, что где-то есть монстр, растерявший свои глаза, не давала ему покоя. Это казалось маловероятным, но были две причины полагать, что подобное творение людских кошмаров существует: первая — это то, что в Фонд содержит куда более гротескных тварей, и вторая — у них под землёй содержится гигантское автономное сердце.

Глава VI. Риторический вопрос

«Мне больно видеть белый свет. Мне лучше в полной темноте.» — Король и Шут, «Проклятый старый дом».

10 июня 2019, 14:10

Объект: SCP-6303-RU «Жажда крови» Класс объекта: КетерОсобые условия содержания: SCP должен быть изолирован в отдельной камере со стенами, обитыми листами железа. Каждый день система, установленная на потолке, должна распылять как минимум 6 литров человеческой крови. Чтобы ознакомиться с чертежами системы см. документ 6303ā_машина_кровавого_дождя в общем реестре фонда, или документ 63112/6303_01 в архиве Зоны 112. В случае, если доставлять таким образом кровь не получится, Комитетом по этике превентивно разрешено отдавать объекту животных, или, в крайних случаях, людей. Описание: SCP-6303-RU — это, подвешенная на цепях, мышечная масса, образующая покрытое панцирем сердце, весом в полторы тонны. От сердца отходят кровеносные сосуды, простирающиеся на всю камеру содержания (25×25 метров). Они оплетают полы, стены и способны прорасти сквозь многие твёрдые материалы, включая бетон. Если сердце не снабжается кровью, кровеносная сеть начинает расти, распространяясь во все стороны, со скоростью 20 метров в час. Если поблизости оказывается животное или человек, сосуды мгновенно оплетаются вокруг него, и врастают в тело, выкачивая из организма кровь. Попавший в сети субъект живёт ещё какое-то время, производя для SCP литры крови. Если у жертвы будет доступ к еде, такой симбиоз может длиться годами. SCP-6303-RU в момент захвата в ██████████ История обнаружения: объект был найден в 1992 году на военно-учебном учреждении ██████████, Саратовская область, где силами гражданских в течении 5 лет сдерживался объект. К SCP-6303-RU на постоянной основе были присоединены 23 человека, выполняющих функцию инкубаторов крови. Когда один умирал, его место заменял другой. В качестве инкубаторов отбирались выходцы из детских домов и неблагополучных семей, что объясняет, почему существование объекта так долго находилось в тайне от Фонда. В конце концов, самоубийство полковника ██████████ ██████████ привело к расследованию, результатом которого стало обнаружение SCP-6303-RU.Примечание: Иногда, по весне, на сосудах начинают распускаться цветы, пахнущие ароматом Chanel № 5. Это нормальное явление.

Чтобы попасть в Фонд «Обезопасить. Удержать. Сохранить.» в качестве сотрудника, вам нужно обладать широкими познаниями в самых разных областях, иметь внушительный список полезных личных качеств и хранить в своём распоряжении многолетний опыт в различных сферах деятельности. Однако, чтобы организация обратила на вас внимание, вам необходимо одно из двух вещей.

Первая — проявить себя на уже имеющейся работе или учёбе, совершив нечто почти невозможное, прибегнув к нестандартным решениям или же просто продемонстрировав полную отдачу своему делу. Этот вариант самый распространённый, и именно он является гарантом того, что на вас обратят внимание.

Примером такого рода является Владимир Марш, который в 2005 году оперировал пациентку в областной онкологической клинике. Это была пожилая женщина, которую привезли с диагнозом поздней аневризмы артерии головного мозга. Сложность была в том, что никакой аневризмы не было: женщина страдала от аномального заболевания, известного

в мире Фонда как «Фатальная гемолакрия», которая сопровождалась схожей симптоматикой.

Во время операции глаза больного внезапно начали раздуваться и кровоточить, что указывало на переход болезни в последнюю, смертельную фазу, которую, как считалось, невозможно пережить. Тем не менее, действия Владимира позволили пациентке выжить, пусть и ценой утраты глазных яблок. Это стало результатом присуждения многих наград и статей в газетах, где восхваляли талант Марша.

Через два месяца в отделение к доктору заявился Антон Могилевич и предложил место в крупном закрытом учреждении:

— Мы занимаемся изучением многих... вещей, в том числе, и болезней. — Рассказывал мужчина в строгом похоронном костюме.

— И результатами таких болезней, вы занимаетесь, похоже, тоже, — заметил Марш, указав на одеяние агента.

Могилевич ухмыльнулся:

— Чувство юмора будет плюсом в работе. Если надумаете, позвоните по этому номеру. Но не позднее двух дней с нашей встречи. Удачи.

С этими словами, он вручил доктору визитку. На белом кусочке картона Владимир разглядел странный символ, под которым чернела надпись «Обезопасить. Удержать. Сохранить», и телефон из двенадцати цифр.

— А что это за Фонд "Эс-Си-Пи"? — Спросил он было детектива, но тот уже куда-то пропал. Марш стоял в коридоре абсолютно один.

На следующий день, поднявшись с утра, он подошёл к телефону, и обнаружил, что все надписи на визитке поразительным образом исчезли, однако двенадцатизначный телефон прочно сидел на его извилинах следующие два дня, хотя Владимир был уверен, что просто пробежал пару раз по нему глазами.

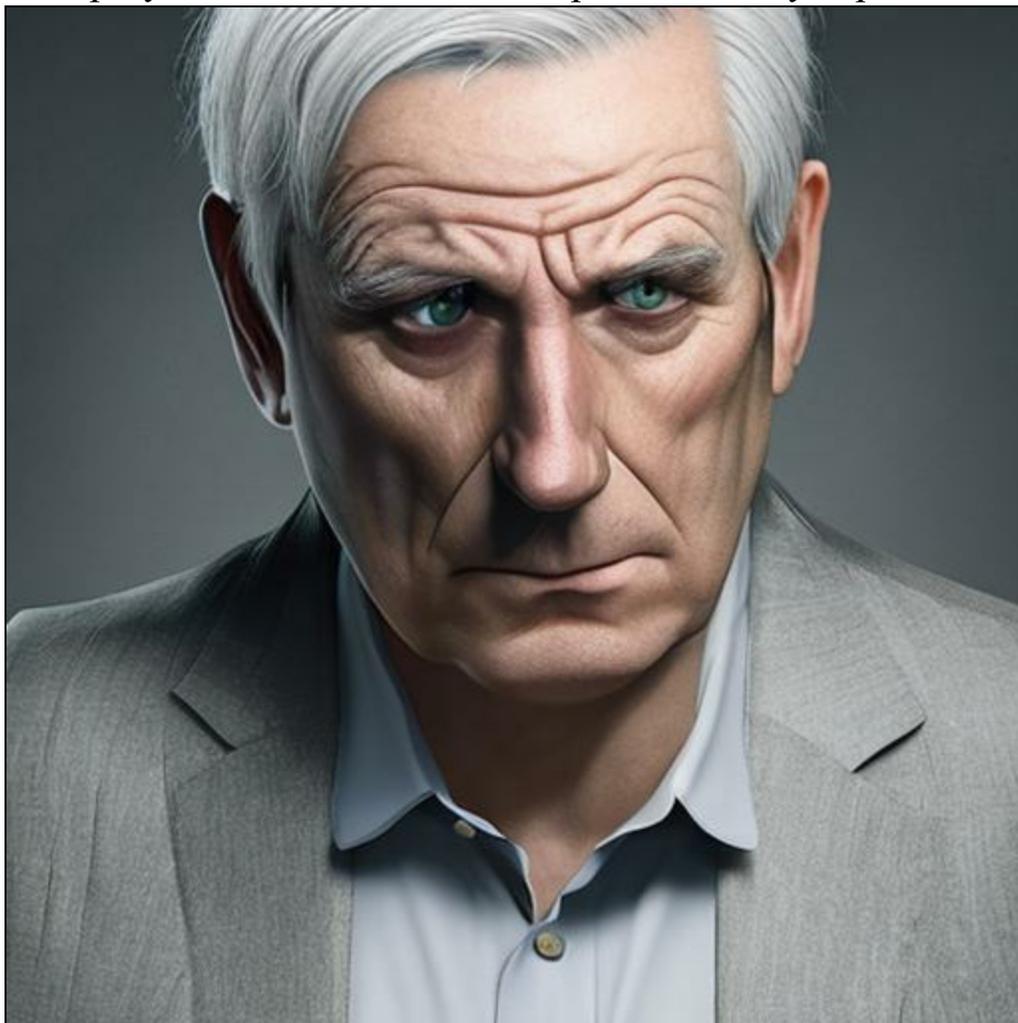
Второй способ обратить на себя внимание Фонда SCP, — это, получить несколько высших образований, и отработать на какой-нибудь "бумажной" работе лет пятнадцать.

Именно так Денис Одинцов оказался в стенах Зоны 112. Специалист, имеющий три высших образования в точных науках, показался Ольге Орловой более чем подходящим кандидатом для работы в рядах персонала учреждения.

В августе 1997 года Одинцов заступил на службу. Вскоре, Орлова скончалась, и из столицы был прислан временный сотрудник, исполняющий обязанности Смотрителя. Он поднатаскал Одинцова в бюрократических дисциплинах, дал несколько советов, и покинул Зону спустя шесть месяцев. Так, неожиданно для себя, в феврале 1998 года Одинцов занял кабинет Смотрителя, и занялся дополнительным самообразованием. За последующие годы он прочитал горы засекреченной литературы, подписал с два десятка постановок на ОУС, списывался со Смотрителями, трудящихся на других объектах, чтобы пресечь даже малейшую возможность облажаться. Нерешительность и осторожность в его понимании весили одинаково, и имели общую стоимость.

За время работы Денис, как и положено мужчинам за пятьдесят, начал терять волосы и прибавлять в весе; падающее со второй космической скоростью зрение компенсировалось появлением очков. Единственный объект, к которому Одинцов боялся притрагиваться, это «Не живой, ни мёртвый». Пара статей в реестре Зоны 112 не давала практически никакой информации. Нежилец всё так же сидел, приклеенный к мумифицирующему стулу, и по какой-то причине не умирал, хотя аномальный предмет мебели вытягивал жизнь из людей за

секунды. В конце концов, через какое-то время, Смотритель заставил себя забыть о наличии этого объекта, так ни разу и не посетив его в камере 19 на минус-третьем этаже.

Денис Одинцов, Смотритель Зоны 112

Но четыре дня назад, шестого июня всё изменилось. На фоне постоянно возрастающего числа объектов, возникшая прямо на столе бухгалтера, печатная машинка, вырвала воспоминания из недр головы Одинцова, чтобы тут же швырнуть их прямо в постаревшее, лицо руководителя. В распечатке, объемом в триста страниц, были выделены несколько абзацев, описывающих диалог объекта «Ни живой, ни мёртвый» и сотрудника Евгения Стацкого. Чёрными символами на пожелтевшей бумаге была выведена просьба о поставке в камеру одного не аномального предмета. Прочитав это, Денис выкурил в тот день на шесть сигарет больше обычного. Проведя следующие несколько дней в ожиданиях отчёта Владимира Марша, он всё-таки решился проконсультироваться с Комитетом по этике, подробно изложив им ситуацию. Десятого числа пришёл ответ, в котором давалось разрешение, обоснованное следующими пунктами:

[...за весь срок своего заточения, человек не смог ослабить влияние объекта SCP-6302-RU «Мумифицирующий стул», что демонстрирует невозможность бегства из камеры. Кроме того, SCP-6341-RU «Вещатель», с которым в прошлом контактировал объект не имеет аномалий, связанных с отражающими поверхностями, чем исключается факт воздействия на запрошенный предмет. В связи с этим, ходатайство о получении зеркала считаем приемлемым. Ожидайте прихода письменного разрешения на установку в ближайшее время. — Марченко Д. М., Комитет по этике.]

Следовало бы учитывать, что за двадцать два года в Комитете по этике один за другим сменялись люди, для которых объект «Ни живой, ни мёртвый» был представлен лишь сухой,

засекреченной на две трети, распечаткой. Сотрудники Зоны 112 вообще были заняты исследованиями, связанными с хаосом в городе, да и уровень секретности для них был слишком высок. Сам же Одинцов идеально справлялся только с одной стороны своей работы — бюрократией, остальные же направления были удовлетворительны, что, в общем и целом, достаточно для управления небольшим учреждением Фонда вроде Зоны 112. По крайней мере, так думала Орлова, передавая ему кресло зрителя.

Получив ответ комитета, утром, десятого числа, Денис Одинцов воспользовался своим служебным уровнем допуска, чтобы в очередной раз взглянуть на файлы, описывающие Нежилца как объект. Как и десятилетия назад, первое, что он увидел, было предупреждение:

Внимание! Следующий файл зашифрован кодом Четыре-штрих по решению администрации Зоны 112. Содержимое находится под защитой двустороннего мемагента класса Т.Чтение без надлежащей защиты приведёт к мгновенной остановке сердца. Объект: SCP-6383-RU «Ни живой, ни мёртвый» Класс объекта: Ожидает назначения Особые условия содержания: На данный момент объект успешно содержится в пустой камере под номером [REDACTED], на минус-третьем этаже Зоны 112, его тело надёжно удерживается аномальным объектом «Мумифицирующий стул» (номер внутри реестра: SCP-6302-RU). Как показывает практика, этот способ является более чем эффективным, а потому не допускает каких-либо изменений. Изоляция объекта продиктована его аномальными свойствами, и должна продолжаться как минимум до [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ] Доступ в камеру 19 разрешён только действующему руководителю учреждения. Описание объекта: SCP-6383-RU — это белый мужчина, с 1992 по 1997 год занимавший должность ведущего специалиста по условиям содержания, известный ранее под именем [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]. В результате инцидента 6383-1, был подвергнут ментальным изменениям, приведшим к раскрытию заложенного ранее потенциала (подробнее см. файл 6383/Отрицание). Дополнительно: 06.05.1997 — Предложение о присвоении объекту класса Кетер, д-р Парамонов. // Отказано. 12.06.1997 — Предложение о присвоении объекту класса Максур, д-р Парамонов. // В обработке.

Поджав губы, Одинцов молча вглядывался в скудный остаток информации, которую не стали зачищать. К чему такая секретность? В чём смысл сдерживания именно на такой срок?

— Странно. — Промычал себе под нос Смотритель. — Запрос на класс объекта рассматривается уже бог знает сколько времени, сомневаюсь, что о нём просто забыли. Да и Парамонов уже лет семь, как покинул штат.

Прикреплённый файл «6302/Отрицание» был также зашифрован терминальным мемагентом, и спустя несколько секунд, в течение которых Смотритель наблюдал разворачивающийся на экране фрактал, несущий смерть постороннему наблюдателю, перед ним открылся нужный файл.

6383/Отрицание По приказу: Орлова Оксана Александровна, руководитель учреждения. Составитель: Парамонов Вениамин Вячеславович, — ведущий исследователь паранормальных явлений, 4 уровень допуска. Дата: 28 апреля 1997 года. РАСПОРЯЖЕНИЕ ДЛЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО СМОТРИТЕЛЯ Начиная с 5 апреля 2067 года, особые условия содержания объекта 6383 должны быть изменены следующим образом: Камера содержания должна быть замаскирована под больничную палату. • В течение дальнейшего времени, необходимо поддерживать легенду частичной парализации, вследствие аварии, повлекшей за собой травму мозга, из-за чего объект потерял способность ко сну. • Повторять заново через

каждые семьдесят лет. Дополнительные данные: SCP-6383-RU — это воплощённый парадокс всемогущества: божество, которое себя не осознаёт. По неясным причинам, его тело не нуждается в получении энергии и не поддаётся уничтожению. На момент 28.04.1997 г. было предпринято более 35 попыток устранения, но не одна из них не принесла каких-либо результатов. По данным Фонда, объекту уже более тысячи лет, тем не менее, он оставался незамеченным долгие годы в силу того, что каждые семьдесят лет его тело молодеет, а память освобождается от некоторых воспоминаний, не важных для "новой" жизни. Последняя активация свойств произошла 7 мая 1992 года, вследствие инцидента, результатом которого стало столкновение объекта с SCP-6341-RU «Вещатель». Груз воспоминаний, под влиянием устройства оказал негативное влияние на психику 6383-го, что закончилось

и постановкой на содержание. Предположение об использовании амнезиаков, в целях стабилизировать состояние объекта, было отклонено Смотрителем Орловой О. М., по причине отсутствия уверенности в положительном результате. Принято решение ждать до 2074 года, когда произойдёт «очистка» памяти; проводить опыты до этой даты категорически запрещено.

— Семьдесят лет?! — Изумился Смотритель, — Да вы шутите!

Взгляд Одинцова соскользнул с глянцевой поверхности монитора на стоявшей у стены шкафу. На самой верхней полке стояла книга. Золотистыми буквами на коричневой обложке было выведено: Агата Кристи «Рождество Эркюля Пуаро». Уходя в отставку, Оксана Орлова оставила несколько своих книг, из которых в кабинете Смотрителя осталась только эта; остальные пошли по рукам сотрудников: два тома Артура Конан Дойля пылились в кабинете Марша, один сборник в жанре отечественного детектива забрал Могилевич. Оксана считала, что чтение способствует развитию интуиции, но сам Одинцов так ни разу и не притронулся к литературе.

Схватив со стола трубку стационарного телефона, он набрал номер мебельного магазина.

Зона 112, 15:30

С шумом открылись тяжёлые автоматические двери, пропуская Руководителя в пустую комнату, где в глянце обитых сталью стен, отражался размытый силуэт заключённого. Войдя в камеру, Денис остановился перед человеком, сидящим на стуле, выдерживая максимально большое расстояние между ними, повторяя вслед за сотрудником Стацким, которого он никогда не знал в этой реальности. Холодный свет, падающий с потолка, обволакивал тело заключённого, подчёркивая мрачные тени.

Из подсоединённого к объекту приёмника доносились помехи, но он не торопился приветствовать вошедшего, а Денис не знал, что сказать. Тишина, клеём связывающая их движения, разбавлялась электрическим треском люминесцентных ламп и шумом, доносившимся из динамика радио.

Наконец, его тело дёрнулось, а динамик слабо завибрировал, распространяя по камере голос, из которого тупыми ржавыми ножницами грубо вырезали всю человечность:

— Кто вы?

— Смотритель, — негромко произнёс Одинцов, стараясь сохранять хладнокровие.

— А где же Ольга?

Не удостоив узника ответом, Одинцов молча вытащил из кармана серого пиджака пачку сигарет.

— Несколько минут в комнате «Вещателя», — перечислял Смотритель, чиркая зажигалкой, — попытка подрыва деятельности Фонда и наконец получение номера шесть-три-восемь-три. И всё это упаковано в файлы, писавшимися, очевидно, шизофрениками. Читая их, я даже начал сомневаться в умственных способностях бывших сотрудников.

— Кажется, ты просто недооценил опасность твоего нахождения здесь, — констатировал Нежилец, — иначе ты бы сюда не пришёл.

— Думаешь? Почему-то я сомневаюсь, что ты настолько опасен, как о тебе говорят.

— С твоей стороны безответственно являться сюда.

— Прошло столько лет, а ты всё ещё размышляешь как специалист по условиям содержания, — усмехнулся Одинцов.

— Я был таким задолго до появления Фонда в России, если не самого Фонда в принципе.

Денис медленно выдохнул облако дыма, пытаюсь сохранить самообладание. Наконец, он вспомнил о запрошенном предмете, завёрнутом в коричневую плотную бумагу, и уже стоящем в коридоре.

— Ты помнишь объект «Печатная машинка»? В материалах говорилось, что ты занимался исследованиями, связанными с ней.

— Шесть-три-пять-два? Конечно. Мы испытали её всего раз пять, или около того. Ты решил возобновить исследования?

— Некто их уже возобновил. С твоей помощью.

Если у мертвеца и была какая-то реакция на эти слова, то понять её не представлялось возможным: тело оставалось всё таким же скрюченным и безжизненным, если не считать редких судорог.

— Один сотрудник, предотвращая событие класса ХК, активировал аномальные свойства машины. — Продолжил Смотритель. — В оставшемся, после совершения правок, отчёте говорилось о том, что сотрудник не обладал доступом к информации о существовании объекта. Видишь ли, ты был один из тех, кто остался жив после конца света.

— Не сказать, что меня это удивляет. — Меланхолично вставил Нежилец.

— В обмен на помощь, ты запросил одну вещь. Догадываешься, что это?

— С какой стати? Видишь ли, я думаю, что машинка просто перемещает писателя в новую версию вселенной, генерируя свою копию в этой новой вселенной, — своего рода, способ самокопирования. Таким образом, тебе нужно спрашивать об этом не меня, а ту версию, которая осталась в предыдущей вселенной.

— Пожалуй. Если бы та вселенная не подверглась Циклу Сегрегации.

— Вот как! Так или иначе, нет смысла спрашивать с меня за действия, которые я не совершал в *этой* реальности.

— Верно, — вздохнул Денис, выглядывая в коридор, — занесите предмет, пожалуйста.

Два тяжело вооружённых охранника внесли в камеру нечто, завёрнутое в плотную упаковочную бумагу. Прислонив к стене прямоугольный предмет, они, косясь на прикованного к стулу человека, торопливо вышли. Смотритель, достав из кармана халата канцелярский нож, приступил к вскрытию упаковки.

— Зеркало, — подытожил он, хотя его голова всё так же была запрокинута вверх. — Кто бы мог подумать...

— И? — Допытывался Руководитель. — Зачем оно могло тебе понадобиться? Комитету по этике, как и мне, не удалось отыскать связь ни с одним объектом, с которым ты работал. Тем более, с «Вещателем».

— Вполне вероятно, — иронизировал Нежилец, — моя прошлая версия хотела убедиться, что её причёска в полном порядке.

— А может, она нашла способ подкинуть нам ещё каких-то гадостей? — воскликнул Одинцов, комкая в широких ладонях остатки упаковочной бумаги. Сигарета в его зубах норовила выпасть при каждом слове.

— Не доверяешь Комитету по этике?

— Сложно доверять людям, разработавшим процедуру «Монтаук».

— Точно. Хотя, большая часть Фонда относится к ним достаточно снисходительно.

— Я не понимаю, — поделился Одинцов, удалив всю бумагу из комнаты, вместе с истлевшим окурком, — «Вещатель» обладает сильным меметическим воздействием, судя по исследованиям, и, насколько я знаю, этот эффект способен влиять разум, но сделать человека бессмертным — никогда.

— Верно. И какие мы можем сделать выводы?

Одинцов поджигал вторую сигарету. Его собственные глаза не отрывались от фигуры, отражавшейся в зеркале.

— Очевидно, ты был бессмертным до своего появления в Фонде.

— Очевидно. — Обречённо повторил Нежилец.

Постояв в нерешительности, Одинцов обернулся, чтобы покинуть помещение. Выйдя за порог, он уже готов был закрыть дверь, как вдруг губы сами разомкнулись, задавая вопрос:

— Оформляя документы на твою... персону, Орлова умудрилась не написать ни строчки конкретной информации. Я не очень хорошо знал её, но мне кажется у Ольги была паранойя. Она даже набирала персонал через подставное лицо. Есть мысли, насчёт причин такого поведения?

Прошло несколько секунд, прежде чем Нежилец ответил:

— Ты когда-нибудь читал про учреждение, к которому было до распада Советов приписана Зона 112?

— Читал. На весь реестр Фонда лишь пара статей, защищённых терминальными мемагентами.

— А в них написано, что Орлова исполняла обязанности замруководителя этого учреждения? И не кажется ли тебе, что среди особо опасных объектов Зоны, вроде "Вещателя", "Ртутного камня" и этого огромного сердца, есть какая-то связующая нить? Что-то, проглядывающее, так сказать, между строк?

Сказав это, Нежилец умолк. Постояв ещё несколько секунд в раздумьях, Одинцов вышел и закрыл за собою дверь.

Ассистент-исследователь паранормальных явлений Алексей Стычкин работал в лаборатории на минус-третьем этаже комплекса. Компанию ему составляла помощница специалиста по условиям содержания, Измайлова Аврора; вместе они осматривали огромный стеклянный ящик, на дне которого ползали более двух с половиной тысяч особей ползучих глаз. Ящик занимал немалую площадь лаборатории, оставляя по краям лишь по два с половиной метра свободного пространства.

Аврора Измайлова

— Вот, — окрашенный в чёрный цвет ноготь на указательном пальце Авроры метнулся в сторону одного из углов ящика, где, натыкаясь друг на друга, копошились глаза, — что и требовалось доказать.

Молодой шатен напротив согласно кивнул, после чего законспектировал наблюдения на планшет. На расстоянии вытянутой руки, у стены стояла лопата, которой Аврора аккуратно отгребала насекомых, отесняя их к другому концу ящика, чтобы удостовериться, что глаза действительно ползут в одну сторону, а не наваливаются друг на друга, в попытках вылезти из западни.

Алексей Стычкин

— Какие новости? — Воскликнул Марш, внезапно ворвавшийся в комнату.

— Всё, что мы выяснили за два часа, это то, что они однозначно идут к какой-то цели. — Рассказал Стычкин. — Нужно провести больше опытов, чтобы узнать их биологию. Ползуны относятся к членистоногим, но не ясно, чем они питаются, и...

— погоди, — перебил его Марш, — у нас нет на это времени. Мы задействовали почти весь штат, чтобы локализовать инцидент, у нас на три четверти иссякли запасы амнезиака. Нам срочно нужно узнать, куда именно они движутся.

Смахнув светлую прядь с лица, Аврора заговорила:

— Есть идея. Можно найти ящик поменьше, запихать туда дюжину глаз, и кататься с ним по городу, время от времени вращая сам ящик, чтобы убедиться, что этот импровизированный компас работает. Мы, конечно, провозимся до ночи, но, этот вариант самый быстрый.

— А в охрану возьмём «Шторм», — доктор Марш победоносно сжал левый кулак, — так держать, ассистент Измайлова. Стычкин, бросай планшет! Мы едем кататься на фургоне оперативников.

С этими словами, Владимир выпорхнул из лаборатории, сверкнув на последок белоснежным халатом. Опустив руки, Алексей глядел ему вслед, пока не почувствовал толчок в плечо: коллега совала ему стеклянную банку.

— На, набери этих тварей, а то мне противно.

Секунду спустя, Аврора уже неслась на каблуках по коридору.

Объект: SCP-6341-RU «Вещатель» Класс объекта: Евклид Особые условия содержания

Строго запрещается прямое взаимодействие с объектом! Все эксперименты остановлены указом руководителя Зоны 112. В целях безопасности, 6341 должен быть изолирован стеклянным куполом, с последующим подключением к СДС-7 (см. приложение 6341.1) на постоянной основе. Каждые две недели должна проводиться проверка оборудования для предупреждения износа техники. В случае сбоя/выхода техники из строя, манипуляции с объектом и разъёмами СДС-7 должны осуществляться людьми с умственной отсталостью (допускается применение сотрудников класса D, если предыдущий вариант по каким-то причинам не может быть выполнен, либо если проводимые операции слишком сложны для людей с ограниченными возможностями). Камера объекта должна быть оборудована системой наблюдения. В случае проявления у членов отдела безопасности симптомов воздействия объекта, таких как плохое самочувствие, дезориентация или бредовые идеи, рекомендуется отстранить сотрудника от работы сроком на месяц, с последующим наблюдением у штатного психотерапевта. Описание объекта: SCP-6341-RU — это небольшой металлический постамент квадратной формы размером 60×60×10 см. Постамент сделан из чугуна, примерно 1920-м годом производства и не несёт в себе аномальных свойств. На постаменте расположена голова, принадлежавшая человеку неопознанной национальности, жившему в период между 1840–1870 годами. Волосистой покров, зубы и глаза удалены хирургическим путём, носовые части прогнили и «свалились» со временем внутрь головы (однако по неясным причинам, на месте носа стоит протез из красного дерева), тем не менее, кожа, кости и зубы всё ещё сохраняют свою целостность, не смотря на возраст объекта. Один из элементов SCP-6341-RUB покое объект сохраняет статичность и никак себя не проявляет. Однако, опыты показали, что, когда в радиус действия объекта (около трёх метров) попадает живой человек без умственных отклонений, SCP-6341-RU начинает выговаривать плохо различимые речи, смысл и языковую принадлежность которых невозможно распознать из-за прогнившего речевого аппарата: у двоих из голов отсутствуют языки, а также у всех наблюдаются обширные повреждения щёк и размягчение нёбных костей. Говор объекта выражен потоком хриплых голосов на грани шёпота. Когда в радиусе действия оказывается человек с умственной отсталостью, объект сохраняет статичность. Причина этого поведения не ясна. Попавшему под воздействие человеку достаточно всего нескольких минут, чтобы полностью попасть под влияние эффекта, которое выражается в невозможности отвлечься от бесконечной внутренней рефлексии и экзистенциального ужаса. Отсюда можно сделать вывод, что воспринимаемая речь несёт в себе парадоксальные идеи всего человечества: невозможность вообразить вещи, недоступные нашему пониманию, вроде осознания себя как набора органов, а не единого целого, попытки осознания масштабов вселенной в сравнении с собственными размерами и т. д. Объект, кажется, не только поднимает в своей речи вопросы, на которые нет ответа, но и, каким-то образом, стимулирует работу мозга, из-за чего человек, не в силах прекратить бесконечный мыслительный процесс, умирает от умственного перенапряжения. Приложение 6341.1 Система дополнительного сдерживания, версия 7 — трёхпоточный аналоговый механизм, работающий на электричестве. Изобретён инженером Владимиром Гершелем (Отдел «П», Ленинград, 1943 год).

Под раскат тяжёлого зарубежного рока, фургон мобильной оперативной группы «Шторм» в полном составе из четырнадцати человек выехал на просторы города. Трое сопровождавших исследователей в лице Авроры, Стычкина и Марша тряслись между закованными в броню бойцами, подпрыгивая на кочках.

— Бог знает сколько лет не пользовался кассетами, — причитал командир Павел Усачёв, крутя баранку, — какой же ты древний, Владимир.

— Цыц, — бросил доктор, в окошко между кабиной и пассажирским отсеком, — ты ничего не смыслишь в эстетике девяностых.

— Эстет, пфф. — Буркнул водитель. — Ты хоть Одинцова-то оповестил?

— Ну, я скинул ему СМС, — уклончиво ответил Марш, вращая коробку с барахтающимися глазами внутри.

Бойцы МОГ опасливо поглядывали на членистоногих, сжимая рукояти автоматов.

— Без паники, — возвестила Аврора, — они безобидны.

— Ну, мы не можем утверждать этого с полной уверенностью, — вставил Стычкин, прижимающий планшет к груди.

— Куда едем-то? — Крикнул командир.

— Куда глаза глядят, на Север, то есть, — ответил доктор, выуживая из кармана халата звонящий телефон. — Да, Денис, слушаю.

— Володь, ты охренел? — Донеслось из трубки. — В городе кризис, а ты уезжаешь вместе с ведущими силовыми структурами Зоны.

— Ну, во-первых, у тебя ещё есть две группы по шесть и восемь человек, то есть в общей сумме четырнадцать. У тебя — четырнадцать, и у меня — четырнадцать, как видишь, всё честно. Во-вторых, если мы наткнёмся на аномалию, к которой стекаются глаза, может понадобится огневая поддержка.

— Марш, ты коз...

— Прости, плохо слышно, выезжаем за город. — С этими словами, доктор оборвал связь под неодобрительные взгляд Усачёва, отразившийся в зеркале заднего вида. — Спокойно, друзья, всё будет хорошо. Паш, прибавь, сейчас пойдёт мой любимый кусок. И поверни чуть на северо-запад, похоже, у нас вырисовывается курс.

Бронированный фургон петлял по дорогам города, изредка нарушая правила дорожного движения, внося свою лепту в царивший по району хаос.

Глава VII. Скованные одной цепью

У каждого в жизни есть кто-то, кто никогда тебя не отпустит, и кто-то, кого никогда не отпустишь ты. — Чак Паланик "Колыбельная".

10 июня 2019, 15:10

Пачкая стол каплями мыльной воды, Константин, впервые за два месяца, усердно отстирывал свои вещи прямо на кухне. Стоя в халате, он сдирал кожу на руках, выводя хлоркой пятна крови с розовой футболки. Через дверь, ведущую в ванную комнату, которую Вера и не думала закрывать на замок, также доносился шум воды. Девушка стояла прямо в одежде, омываемая потоками кипятка, рвущимися наружу из насквозь проржавевших труб. Время от времени, она меланхолично сыпала на себя стиральный порошок. Некоторая его часть давно спрессовалась до состояния камня, не желая покидать коробку с надписью «Альпийская свежесть», и тогда девушке приходилось стучать упаковку об отсыревшие стены ванной комнаты. Когда коробка опустела, Вера не глядя зашвырнула её куда-то за унитаз. Затем, взяв ком, слепленный из остатков хозяйственного мыла, она тщательно натёрла свою ультракороткую шевелюру, даже не потрудившись опустить синеющие веки, из-за чего мыльная вода мигом просочилась на поверхность зелёных глаз, заставив кровеносные сосуды вздуться до таких размеров, что казалось, будто глазные яблоки были отобраны у бывалого растамана. Покинув ванную, она вышла в кухню-прихожую, оставляя за собой шлейф мыльной воды.

— Слушай, а почему мы вообще этим занимаемся? — Спросил мальчик, переходя от майки к джинсам.

— Ты о чём? — Отозвалась тётя, с мокрым хлюпаньем устраиваясь на диване.

— Ну, всем этим. Расследованиями. Мы же пытаемся понять причину всех этих изменений, так?

— От этого зависит моя жизнь, в той или иной степени, — пояснила Вера, закидывая ногу на ногу, — если есть возможность устранить причину, по которой вся эта ржавая шваль прётся в город, угрожая своим существованием носителям тлецов, то почему бы не выяснить, что к чему, и не попытаться исправить положение, насколько это возможно?

— Кажется, у Сестёр иное мнение на этот счёт, — заметил Костя, упорно натирая деним.

Вера глубоко вздохнула, стирая ладонью остатки воды с лица.

— У них есть причины. Одна из них, — это чувство стыда. И страха.

— Не понимаю, — мальчик обернулся, чтобы встретиться взглядом с девушкой, и тут же воскликнул, — боже мой, ты что, плачешь?

— Что? — Скривилась Вера. — Ах, да нет. Это мыло в глаза попало. Дело вот в чём...

В 1883 году, когда Самара была сравнительно небольшим городком, человечество только-только постигало всю мощь электричества, а опытными акушерками называли всех женщин за пятьдесят, преследуемая властями женщина, которую уличили в дружбе с тауматургами, родила на свет двух девочек с разницей в несколько минут. Сам факт рождения был тайным, поэтому роды принимала Зинаида Михайловна, проработавшая большую часть жизни на железной дороге. Учítывая, что уже в то время деятельность КАРУ (Комитета Аномалий Российской Империи) была направлена на отлов и ссылку носителей, из-за чего последним приходилось проводить почти всю жизнь в бегстве по стране. Поэтому

люди, работающие на транспортных путях, были в те дни ближе к паранормальному, чем, собственно, сам Комитет. Ещё одним пунктом, приведшим к появлению Зинаиды на должности импровизированной акушерки, стало то, что руководство КАРИ, почуяв, что носители крутятся вокруг железнодорожной индустрии, стали внедрять в ряды рабочих своих агентов, из-за чего, после нескольких поимок носителей, они остались ни с чем, так как последние просто перестали доверять бравым парням, работающим на благо отечества. Так что единственным способом провести роды, не подвергая себя и детей опасности, оставалось откликнуться на предложение старой, но хорошо знакомой женщины, которая предложила, что называется, рожать прямо в поле. Уровень медицины в те времена оставлял желать лучшего, поэтому вероятность того, что обе дочери проживут дольше часа, стремилась к стоимости куска грязи. Мать знала, что Комитет будет преследовать дочерей на протяжении всей их жизни, поэтому уговорила Зинаиду сходить в тайную общину носителей, и принести заражённого тледами молока.

Александр Иванович Леггерт — предводитель подразделения "Чёрные Кавалеры", занимавшееся отловом и пересылкой носителей, Комитет Аномалий Российской Империи. Полотно художника Гюстава Менье, 1884 г, Санкт-Петербург.

Появившиеся на свет девочки оказались очень разными. Первая, что была старше на несколько минут, отличалась светлыми, почти ангельскими, локонами. Другая же обладала не по-детски серьёзным взглядом, угольно-черными бровями, и тёмными, словно ночь, прядями волос. Сёстры отличались во всём, в том числе и в изучении тау-дисциплин: Полдень предпочитала засушивать травы, готовить зелья и читать заклинания, в то время как Полночь полностью отдавалась невербальной тауматургии, заставляя целые деревья засыхать намертво, едва её длинные тонкие пальцы складывались в несколько определённых жестов.

Полдень и Полночь дружно держались подальше от остальных людей, по наставлению матери, которая погибла в 1910 году, когда дочерям было по двадцать семь лет. Самой матери на момент кончины было далеко за пятьдесят.

Шли годы. В 1922 году был образован СССР, государство, в котором на официальном уровне отрицалось само существование аномального. Сёстры находили забавными чиновников, говорящих про «опиум для народа», в то время как, в двадцати метрах от трибуны, пасечники плели гнездо из остатков людей. Полдень предполагала, что новый курс в сфере веры в необъяснимое продиктован КАРИ, который воспользовался сменой политического режима в своих целях. Сам комитет, с образованием Союза, был перестроен в Четвёртый департамент Комиссии по аномальным событиям, а позже, в 1935 году, по указу Сталина, чувствующего приближение войны, стал относиться к Главному Разведывательному Управлению СССР как Отдел «Психотроника», в качестве противодействия аномальному фронту Германии. Полночь же плевала на все условности, решив, что сейчас они наконец смогут пожить «как все нормальные люди», ведь всеобщая убеждённость в отсутствии аномального, плюс концентрация Отдела на борьбе с иностранными организациями, делает их недостижимыми для преследователей. Однако, вскоре Отдел развернул целую операцию по геноциду носителей, превзойдя в кровожадности даже Комитет Империи.

Анна Сергеевна Молотова, создатель проекта "Чистка", цель которого заключалась в отлове, изучении и последующем уничтожении носителей тлеедов и прочих "лиц, имеющих паранормальные способности".

В 1969 награждена медалью Героя Социалистического Труда.

В 1938 году Сестра Полночь познакомилась со своим первым гражданским мужем, к

которому переехала из того самого домика в старом городе спустя полтора года отношений. Не смотря на то, что женщине уже было почти полвека, она до сих пор выглядела на тридцать, и этот факт ускользал от внимания общественности по причине затворнического образа жизни: никаких документов у женщин просто не было, и, действуя от противного, Отдел «П» всё-таки нашёл следы, ведущие к Сёстрам, а точнее, к Полуночи, которая, как и всегда, жила отдельно от своей сестры. В те годы их восприятие было не самым лучшим, а потому ни одна из Сестёр не могла почувствовать, как сжимаются створки капканов, расставленных Отделом.

Наконец, мужчина, с которым Полночь жила уже два года, получив распоряжение, от начальства, подмешал в чай супруге изрядное количество Опиума-12. Серебристое вещество, разработанное Отделом, которое попадая в напиток, сливается со средой всеми свойствами вроде запаха и вкуса, которое невозможно обнаружить даже с помощью дисциплин Провидения. Цифра в названии означало количество часов, которое жертва проведёт вне сознания: шесть, двенадцать, двадцать четыре и сорок восемь. На бумаге существовал также Опиум-Х, который, предположительно, вводил человека в летаргический сон, но который так и не был протестирован. Через десять минут, после принятия сестрой отравленного чая, Полдень впервые ощутила, как часть её личности просто исчезла. Железный бокал с чаем рухнул на пол, разливая жёлто-зелёную жидкость по полу в момент, когда Полночь потеряла сознание.

Через двенадцать часов ожидания, которые женщина провела шагая по дому, царапая кожу на плечах собственными руками, она наконец почувствовала, как ощущение присутствия Полуночи возвращается. Много лет спустя они научатся читать мысли друг друга издалека, но сейчас, всё, что Полдень могла узнать, исходя из ощущений, это то, что её сестра-антипод жива, но понятия не имеет, где находится, из-за чего и сама Полдень не знала, что предпринять в этой ситуации. Закрыв лицо руками, она снова и снова терялась в нахлынувших чувствах опустошения и безысходности.

Полночь на протяжении месяца позволяла отрезать от себя части; предательство мужа сломало её, из-за чего душа её заполнилась жалостью к себе. Ей было плевать на себя. Ей было плевать, когда у неё выкачали всю кровь. Ей было плевать, когда у неё не осталось конечностей. Она оставалась жива, продолжая смотреть в одну точку даже тогда, когда ей удаляли сердце. К началу второго месяца пребывания в закрытом учреждении Отдела, у неё не осталось сил кричать от боли. Полночь чётко понимала, что совсем скоро хирурги поделят на части её головной мозг и она погибнет окончательно, но почему-то ни одна частичка её сознания не испытывала ни малейшей эмоции по этому поводу. Даже в день, когда она услышала, как хирурги, вынимая из остатков тела лёгкие, обсуждали вероятность выживания эмбриона, развивающегося в теле Полуночи. Она была беременна. За неделю до того, как её схватили, она переспала с мужчиной, которому, судя по всему, совсем не было дела до их общего ребёнка.

Вскоре пришёл приказ сверху. Они сказали, оставить Полночь в покое на оставшиеся восемь месяцев, чтобы возобновить опыты позже, забрав ребёнка для дальнейших исследований. Они очень хотели заполучить редкий экземпляр из третьего поколения носителей. Экзекуции были прекращены. Женщину кормили через введённые в тело трубки, пока её конечности постепенно регенерировали. Спустя три дня тело Сестры Полночь полностью восстановилось, а в разуме женщины, сквозь стену жалости к себе, пробился луч осознания, что в её теле развивается ребёнок, которого через несколько месяцев заберут на

опыты какие-то люди. Полночь уже давно похоронила себя, отдавая собственное тело на растерзание докторам, — это состояние было неизменным в течение многих дней. Но внезапно всё изменилось. Прислонив к чреву свои новые руки, с ещё не выросшей кожей, она явственно ощутила, что её стало больше. Глаза наполнились влагой, а рот раскрылся, выпуская глухой стон. В нескольких километрах от места её заточения, застывшая в своём доме, Полдень, поддавшись внутренним течениям, вытянула руки, чтобы внезапно ощутить на запястьях прикосновение тонких длинных пальцев. В то же мгновение, Полночь навсегда исчезла из камеры содержания. Исчез также и агент, являвшийся отцом будущего ребёнка, но, если Полночь оказалась в домике, увитым плющом, то куда делся агент, до сих пор остаётся загадкой даже для самих Сестёр.

Посланные на поиски агенты возвращались ни с чем из-за исчезновения всей информацией о местонахождении носителей песочных тлецов. Имеющиеся зацепки о существовании домика на окраине старого города исчезли сразу же, как и километры плёнок и записей опытов. В конце концов, спустя двенадцать лет, Отдел окончательно отказался от преследования носителей, сосредоточившись на содержании более опасных аномалий, которых, во время и после окончания Второй мировой войны было чрезвычайно много.

Полночь же сосредоточилась на воспитании дочери. Они вдвоём уединились в лесополосе за Волгой, где последняя обучалась тауматургии. Время от времени дочь просилась уйти в город, но мать, слишком хорошо помнившая на что способны люди, строго-настрога запрещала даже близко подходить к реке. Дочь перечить не смела, а тем временем, сила её всё больше росла, вместе с деструктивным эффектом тлецов на разум носительницы. Произошедшее в следующие годы привело к тому, что в 1960 году Эрион, — таково было новое имя первой дочери Сестры Полночь, — которой на тот момент исполнилось уже двадцать лет, исчезла. Можно было бы предположить, что она просто очень далеко телепортировалась, но незримый шлейф, остающийся после проявления тауматургии второго порядка уходил в небытие, что говорило о том, что носитель просто покинул эту реальность. Для Сестёр это было подобно шагу в бездонную пропасть — настолько же опасно, насколько и безрассудно, и всё же, Эрион сделала это.

В 1967 году, Отделом «П» был введён в эксплуатацию комплекс «Рост», который также покинул нашу реальность спустя всего четыре года. Кроме того, в шестьдесят седьмом начала работу Зона 112, которая после упразднения Отдела в год распада Союза, взяла на себя ведущую роль в борьбе с аномалиями на территории области. Именно тогда, Полночь решилась на ещё одну беременность. Переспав с первым попавшимся мужчиной, в декабре 1990-го, она произвела на свет Веру. Обучив её основам тауматургии, она отпустила дочь, когда ей исполнилось двадцать три года, потому что знала, что иначе Вера повторит судьбу своей старшей сестры, — увлечение тауматургией рано или поздно свело бы её в могилу. Девушка обосновалась в квартире, на краю самого неблагополучного района Самары, потому что именно такие места не подвергаются жёсткому контролю, и никто не заметит, что прежняя жительница давно почилла от старости, а на её месте возникла молодая ведьма, которая продолжает получать за неё пенсию, прямо из рук почтальонов. Невесть откуда взявшаяся девушка, не нуждающаяся в еде, проводящая свои дни в скитаниях по улицам города, в компании бутылки самого дешёвого вина: никто не замечал её, а те, кто замечал, не могли заговорить с ней по разным причинам, казавшимся простыми совпадениями, но за которыми стояла тауматургия третьего порядка.

— Так вот откуда у тебя деньги, — пропел Костя, натягивая мокрые вещи на тело, —

кстати, я с тех пор, как вышел тот чай в доме Сестры Полдень, совсем не чувствую голода. Я не ем уже вторые сутки.

— Это норма, — пояснила Вера, глядя в окно, за которым облака расступались, оставляя город в распоряжении июльского солнца.

Тот же день, 17:26

Чаща вокруг дома сестры Полночь была всё так же спокойна, как и на кануне встречи с Верой. Ветви деревьев неслышно качались в порыве лёгкого ветра, когда последняя явилась на поляну перед домом, в сопровождении Константина. Полдень уже поджидала их на месте.

— Какие новости? — Бросила Вера, продираясь через кусты. На этот раз они добирались на своих двоих.

— Твоя мать ушла на разведку. — Ответила женщина, делая веночек из только что сорванных одуванчиков.

— Ржавчины не было? — Опасливо поинтересовался Константин.

— Блуждающие недалеко. — На лицо Сестры упала тень, — один из них столкнулся с Полуночью час назад, но всё обошлось, так что я осталась тут. Ждать вас.

— Как много времени у нас осталось? — Допытывалась девушка.

— Всё время мира, — тихо пропела Полдень, водружая цветочное украшение на голову Константина.

— Кажется, — вставил мальчик, — Вера имеет в виду пришествие «Роста» в нашу реальность.

Сведя руки перед собой, женщина посмотрела куда-то в чащу леса. Сомкнутые губы растягивались в слабой улыбке.

— Он уже здесь, — выдохнула она, вторя шёпоту ветра.

— Разве тауматургия позволяет ощущать появление производственного комплекса? Я думал, вы чувствуете лишь факт возникновения, типа вибрации, или вроде того, — предположил Константин.

— Нет, — выплюнула Вера, прожигая чащу взглядом зелёных глаз, — она ощущает Эрион. Вот куда двинулась Полночь. На что она рассчитывает?

Улыбка Полдень стала шире:

— Эрион была слишком сильной. В чаще до сих пор можно найти следы её буйства, когда она связывала нас чугунными канатами, и разрубала самые мощные стволы сосен стальными нитями, растущими из её рук, — продолжение вен. Её было так трудно сдержать!

— Контроль над материей, — Вера хлопнула себя по лбу. — Как вы вообще остались живы?

— Она любила нас. А мы любили её. Но безумие захватило Эрион. Она утонула в океане ненависти, ведь это мы сделали её такой.

— Ой, да хорош! — Крикнула девушка, махнув полами юбки, — неужели мать надеется получить прощение, или типа того? Не может же она быть настолько безрассудна. Она же сама...

— Отговаривала тебя, да? — Глаза женщины сверкнули в лучах вечернего солнца. — Она всегда противоречила себе, и Эрион пошла в неё.

Константин осторожно мотнул головой, скидывая на ладони веночек.

— А что будет, если они встретятся?

— Кто знает, — сестра Полдень забрала из его рук украшение. Улыбка на её устах наконец померкла. — Идите за ней. Может, вам удастся отговорить мою сумасшедшую сестру.

Сжав запястье Константина мёртвой хваткой, Вера потащила его через кусты в чащу. Сложив руки в жест, Полдень исчезла в потоке ветра.

— Почему она не идёт с нами? — Воскликнул мальчик, защищаясь свободной рукой от хлеставших веток.

— Кто-то должен будет исцелить меня и Полночь, если из комплекса вернётся лишь по одной половине от каждой из нас.

Зацепившись за ближайший осиновый ствол, Константин остановился, чуть не заставив тётю выдернуть себе руку. Мгновение Вера смотрела на сжатое в её пальцах тонкое запястье, на котором уже проступали гематомы.

— Что ты делаешь? — Спросила она, отпустив Константина.

— А что будет со мной? Я ведь не могу исцелиться после столкновения даже с одним Блуждающим, а речь идёт, возможно, о сотнях аномалий.

— Завеса не даст увидеть больше одного Исповедника Ржавчины, ровно как и ему — тебя. Ожоги на твоих руках станут нашим щитом. Почувяв запах горелой плоти, они станут обходить нас стороной. С остальными аномалиями как-нибудь справимся.

— А что насчёт твоей сестры? Что, если она вскрыет мою грудную клетку также просто, как ты вскрываешь замки, — щелчком пальцев?

— Я возьму её на себя. Верь мне.

— Я верю тебе. Но я боюсь. Я не хочу умирать!

Приблизив худое бледное лицо почти вплотную к лицу мальчика, Вера сжала его плечи.

— Я тоже боюсь. Но у моей матери куда больше шансов погибнуть, чем у нас обоих. И у меня куда больше шансов быть разорванной в клочья, если тебя не будет рядом. Ты нужен мне, Константин.

В горле мальчика начинало предательски щемить, на глаза наворачивалась влага. Судорожно вздохнув, он вырвался из объятий Веры и поджёг сигарету. Вскоре они уже двигались в направлении, указанном Сестрой Полдень. Стремясь навстречу чужой реальности, столкновение с которой было неизбежным.

Глава VIII. Прелюдия к катастрофе

Имей больше, чем показываешь

Говори меньше, чем знаешь.

— Король Лир, Шекспир

10 июня 2019, 23:12

Дело близилось к ночи. Центр переливания крови давно уже был закрыт для посещения штатскими, но внутри кабинетов, посвящённых работе Фонда, кипела жизнь. Никто и не думал покидать рабочие места.

Прошло уже несколько часов с той поры, как Марш уехал в сопровождении МОГ «Шторм» и двух ассистентов. Руководитель Зоны в очередной раз собрал внеплановое совещание в комнате переговоров.

— Ну что же, — начал Денис, — нам удалось локализовать инцидент с ползучей заразой, раздав нескольким десяткам семей по дозе амнезиака. Не без помощи наших детективов, конечно.

Одинцов махнул рукой в сторону Могилевича и его коллеги Софьи Цветаевой, — оба были одеты в чёрные костюмы с иголки. Именно они, не смотря на то, что не являлись частью штата Зоны 112, первыми откликнулись на просьбу о поддержки.

— Кстати, Денис, — баритон Антона прогремел в стенах кабинета, — нам бы какую-то бумажку для своих. Ну, что мы не просто так гуляли по городу.

Кивнув, Смотритель обратился к кудрявой сотруднице по правой стороне стола:

— Анна, прошу прощения, что возлагаю на вас обязанности личного секретаря, но вы же вели учёт наших действий на бумаге?

— Разумеется, — коротко кивнула женщина, — сейчас сбегаю.

— Благодарю вас, — произнёс детектив вслед уходящей лингвистке с третьим уровнем допуска.

— Лебедев, — Смотритель обратился к медику, сидевшему рядом, — что у нас по запасам амнезиака?

Валентин Лебедев, старший научный сотрудник

— Скоро придётся помести по амбарам и поскрести по сусекам, — ответил Валентин, сверяясь с информацией в планшете, — собираюсь заказать новую партию.

— Отлично. Только не распространяйся о нашем положении в своём обращении к снабженцам. Сегодня в полночь я сам отпишу администрации насчёт происходящего в области.

— А что мы будем делать со всеми этими "глазами"? — Вставил Оганян.

— Хороший вопрос. Я думаю, пока ничего, нужно изучить их получше. В конце концов, эти гады достаточно редко выползают из своих гнёзд, и нам не позволено упускать столь ценную информацию.

— А что конкретно в них особенного? — Подала голос Софья, стягивая длинные чёрные волосы в тугий пучок. — Ну так, для справки.

— Если я всё правильно понимаю, — пояснил Валентин, — эти существа не из нашей реальности, поэтому они движутся к иным аномалиям. Они, вроде как, потерялись во вселенной, и путешествуют из мира в мир. Никто не знает, как они оказались здесь, откуда и куда идут. Известно о ползунах крайне мало, и в этом их главная ценность.

— Слушай, Денис, — детектив вдруг нахмурился, — а куда делся Марш? Он ведь, кажется, должен был заниматься исследованиями внутри Зоны.

— Мда, — развёл руками Одинцов, — так и было. Он с ассистентами Стычкиным и Измайловой сработали как надо; придумали каким образом можно выяснить, куда ползут глаза.

— Так что они удрали верхом на фургоне «Шторма», — добавил Лебедев.

— А это вообще законно? — Уточнил Артур Оганян.

— Это не запрещено, — Могилевич пожал широкими плечами, — кроме того, они же нашли способ решения проблемы, осталось лишь испытать его.

Вошла Анна, и детектив, поблагодарив сотрудницу ещё раз, принял бумаги из её рук.

— Кстати, Анна, — обратился Смотритель, поправляя съехавший бейдж, — пока не забыл, вы ведь знаете немецкий?

— Конечно, — ответила сотрудница, устраиваясь на своём месте.

— Свяжитесь, пожалуйста, с филиалом Дрездена, чтобы не тратить лишний раз время. Валентин утверждает, что у них в истории тоже был похожий случай с "глазами". Может, они поделятся какой-то важной информацией.

Анна утвердительно кивнула, и Денис, сложив руки на столе, взглянул на, притаившуюся в глубине кабинета, женщину, стоящую у стены.

— Теперь о другом. Хочу представить вам нового сотрудника, вернее, сотрудницу.

Головы присутствующих повернулись к кудрявой рыжеволосой девушке, притаившейся в углу комнаты.

Маргарита Шихобалова, старший научный сотрудник, Зона 400, Челябинск.

— Шихобалова Маргарита, отдел Метариалистики, — представилась сотрудница, присаживаясь на место рядом с лингвистикой.

— Нам всем не терпится узнать, чем конкретно занимается ваш отдел, и как идут дела в Челябинске. — Поделился Смотритель.

— В Зоне 400 всё хорошо, — картавая речь Марго разносилась по кабинету, — недавно администрация передала нам отчёты об инциденте с печатной машинкой, выразив беспокойство по поводу того, что Зона 112 может быть не подготовлена к аномалиям из сферы метареализма. Поэтому я здесь.

— Кхм, — прокашлялся Валентин, — а что конкретно необычного в этом инциденте? Я имею в виду, более необычного, чем... обычно, простите за тавтологию.

Шихобалова выразительно переглянулась с Одинцовым. Когда Смотритель кивнул, она пояснила:

— Сам объект не несёт в себе деструктивных свойств. — Руки сотрудницы отчаянно жестикулировали при разговоре. — Но в случае с происходившим инцидентом, «сотворение копии» происходило из обособленной от остальной вселенной реальности, как мы могли узнать из послания некоего Евгения Стацкого. Такой вариант события настолько маловероятен, что некоторые мои коллеги всерьёз опасаются за последствия. Учёные полагают, что этот инцидент подтолкнёт нашу вселенную к процедуре Перераспределения.

— Вот-вот, — вставил Одинцов, — я читал об этом в ответе администраторов. Вы можете объяснить этот феномен как можно проще, а то я, честно признаться, совершенно запутался в этих терминах.

— Поэтому я здесь, — женщина согласно мотнула головой. — Давайте заварим кофе, и я быстро обрисую вам ситуацию. У вас есть кофе?

— В избытке, — усмехнулся Валентин, — это же не амнезиаки.

Объект: SCP-6360-RU «Жулдыз всех клапанов» Класс объекта: Безопасный
Особые условия содержания: Исходя из особенностей аномалии, было принято решение ограничить доступ к территории расположения объекта с 21:00 до 7:30. В обозначенное время ангар, в котором находится аномалия, должен быть заперт и поставлен под охрану. Внутри ангара должна вестись аудио- и видеозапись всех кабинетов, включая уборную. Обо всех изменениях в поведении 6360-1 докладывать руководству Зоны 112.
Описание: SCP-6360-RU — это феномен, возникающий каждую ночь в пятом ангаре коммерческого комплекса [УДАЛЕНО], осуществляющего предоставление услуг по шиномонтажу и ремонту транспортной техники. Аномалия проявляет себя после наступления полуночи. Сначала во всём ангаре внезапно включается свет. Из уборной выходят трое неопознанных мужчин невысокого роста (6360-1), в грязной рабочей форме, активно обсуждающих какие-либо новости. Все трое чрезвычайно разговорчивы; темы, как правило, сводятся к обсуждению политики, спорта, семейных отношений и, собственно, ремонта автомобилей. Не было найдено никакой связи между реальными событиями и событиями, упоминавшимися в беседах. Речь троицы изобилует различными непонятными терминами, которые, тем не менее, соответствуют правилам русского языка. Общаясь между собой, рабочие называют друг друга Палыч, Степан и Сашка. Лица рабочих плохо различимы из-за обилия копоти и мазута на коже. Из полученных данных было выяснено, что данные субъекты не являются разумными, являясь по сути имитацией рабочего процесса. Они не реагируют ни на обращения к ним, ни на какие-либо иные раздражители. При попытке толкнуть или ударить их, 6360-1 просто начинают чинить другой автомобиль. По этой причине было решено классифицировать их под одним номером. Так как ночью в ангаре всегда стоят несколько сломанных автомобилей, появившиеся рабочие, побродив по ангару, вскоре принимаются за работу. Если на территории здания есть грузовая машина, они в 93 % процентах будут чинить именно её. В остальных случаях имели место быть машины, побывавшие в крупных ДТП. Ущерб машины и дороговизна ремонта не имеют значения. Ровно в 6:30, вне зависимости от стадии выполнения работ, Палыч объявляет конец смены, и все трое уходят в кабинет начальника. Ни одна из машин, за всё время содержания, не была восстановлена и не подвергалась изменениям, не смотря на имитацию бурной деятельности. В случае, если

на территории ангара нет машин, "работяги" пьянствуют и воруют инструменты. Примечание: За время содержания объекта было отснято 3049 минут материала. В данном документе будет представлен наиболее исчерпывающий пример, остальное можно найти в соответствующей ячейке в архиве Зоны 112. Запись от 21.09.16/Ровно в полночь из туалета выходят 3660-1. Палыч вытирает руки испачканной в мазуте тряпкой. (Камеры, установленные в уборной, ровно как и в других помещениях, кроме основного помещения ангара, не засекают никакого присутствия на протяжении всей ночи. Очевидно, что аномалия действует только внутри павильона. Куда деваются субъекты во время выхода из этой зоны неизвестно. Ни один из рабочих ни разу не пытался покинуть ангар через вход.) Палыч: ...и вот, значит, говорю я ей: "на кой барзаж ты меня курындишь?", а она в ответ: "варзон ты старый, хватит заливать за воротник". Так я и бросил пить. Степан: Ну и дела, конечно. Алкоголизм — дело такое. Моя вот на днях чё выдала! Домой прихожу, включаю подбарзетник, а она такая: "ты зачем розетку занял? Я только-только шушван кипятить поставила. И так электричество по карточкам выдают, а тут ты", ой, Палыч, устал я с ней уже. Весь год только это и слышу. Палыч: Не говори, из нас двоих только Сашка пока не мается с женой, да Саш? Сашка: Да вас послушаешь, так лучше и не жениться вовсе. /Троица останавливается посреди ангара и осматривает ближайший чёрный минивэн, пострадавший в аварии. /Степан: Никунац мне в порватку! Как его раскурвило. Не иначе как на фуру налетел. Палыч: Налетел — слабо сказано. Наендучился по самые помидоры! Сашка: (поднимает капот) Бурбадону каюк. Степан: Да уж. Бурбадон — точно нежилец. Менять его надо, Палыч. Палыч: Понятный сукусвай, что менять надо. Да у нас на складе от таких моделей бурбадонов-то нет уж месяцев шесть. Сашка: А если от девятки прикрутить? В прошлую пятницу, когда дуборсель меняли, бурбадон же остался. Степан: Так мы его на следующий же день на бутылку парбоса выменяли. Палыч: (чесет затылок) М-даааа... Похмелье тогда было жужнэцкоэ. Сашка: Опять по-шешняцкому говорит. Степан, глянь на этого шешняка! Палыч: (отвешивает Сашке подзатыльник) Сам ты шешняк! Я чистокровный бахтыр. Степан, иди принеси со склада фифель. Попробуем выпрямить. Степан: На шесть или на семь? Палыч: Неси оба. Чувствую, придётся нам тут знатно повыдручиваться. Саш, иди в мой кабинет, принеси со стола кутягу. Без бутылки не разберёмся. Следующие две минуты Палыч сосредоточенно разглядывает двигатель автомобиля, пока не возвращаются напарники. Степан несёт неопознанные металлические инструменты, а в руках у Сашки три стакана и бутылка какого-то напитка. Все трое выпивают и долго морщатся. Сашка: Ух, какая дрыжная кутяга! Степан: (вытирая слёзы) Палыч, дрятить тебя за питус, на чём ты её настаиваешь? Палыч: Как обычно, на фазусе. Степан: С ума надолбнулся? Мы же им шпросселя смазываем. Палыч: А я о чём говорю. Прошибает до самых кунделей! Следующие часы смены, вплоть до её окончания, проходят без происшествий. Троица пытается починить автомобиль, время от времени, выпивая алкоголь. Попытки реставрации, как обычно, ни к чему не приводят.

Отхлебнув кофе из чашки, Марго откинулась на спинке стула, закинув ногу на ногу.

— Наш отдел специализируется на аномалиях, меняющие непосредственно свойства реальности. Объекты, способные сотворить материю и пространство из ничего, аномалии, извращающие законы евклидовой геометрии, — всё это область наших умов. Среди нас есть как исследователи, вроде меня, так и внештатные детективы, специализирующиеся на поиске объектов, попадающих под нашу юрисдикцию. Также нам приходится иметь дело с конструкторами реальности и объектами, попавшими в нашу реальность из параллельных

вселенных.

— Как распознать аномалию такого типа, если ты не очень сведущ в метареализме? — Спросила Софья, сведя брови.

— Ну, самое очевидное, объект должен воздействовать на окружающий мир, либо кардинально отличаться по своим свойствам. Если это не слишком опасный предмет, можно сделать углеродное сканирование. Скорее всего, окажется, что объект состоит из неизвестных науке молекулярных соединений. Также не лишним будет измерить количество полей Юма, так как всё в пределах одной реальности имеет почти одну и ту же плотность, с незначительной погрешностью. Однако, метареалисты работают, в основном, с кусками реальности, искажающими привычные представления о реальности: комнаты, дрейфующие между мирами, поля, находящиеся на "стыке" двух вселенных, замкнутые на себя пространства, или, наоборот, помещения, куда нельзя войти. Об этом вы можете узнать из учебников, доступных в сети Фонда, или архива Зоны 400. Я лично не имела дела с конструкторами, но участвовала во многих исследованиях, посвящённых этим SCP.

— Что ж, — Одинцов хлопнул в ладоши, — Добро пожаловать в Зону 112, Маргарита. Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

— И я также надеюсь на это. — Ответила Марго, доставая из сумки телефон. — Если мы закончили с брифингом, я бы хотела отзвониться начальству насчёт успешного прибытия в Зону. Также я хочу узнать как можно больше об имеющихся на территории учреждения объектах. Желательно, сделать это до полуночи, прежде, чем я отправлю полный отчёт в Челябинск.

В 30 км от Самары, 23:45

Сумерки опускались на область. Свернув с асфальтированной дороги, фургон мобильной оперативной группы мчался по заросшей высокой травой равнине. Спустя пару километров, перед автомобилем неожиданно расстелилась грунтовая дорога. Петляя по ней ещё двадцать минут, они выехали на пяточок, открывающий вид на самое сложное и непонятное скопление зданий, которое видывал этот мир.

Производственный комплекс им. Новикова "Рост" на первые сутки после возврата в реальность.

Фото: с.н.с. Владимир Марш.

Переплетение ржавых труб, исторгающих из своих недр клубы угольно-чёрного дыма, возвышались над многоэтажными постройками из старого красного кирпича. Стены, пересечённые окнами причудливых форм, с разбитыми стёклами, были овиты плющом. На территории завода не было ни души, комплекс казался заброшенным, но туман, рвущийся из труб и низкий гул, витавший тяжёлыми вибрациями в воздухе, говорил, что там, в мрачном чреве этих строений кипит чужеродная, противоестественная жизнь.

Высыпавшись из фургона на пустырь, импровизированный отряд Владимира Марша разглядывал свою колоссальную находку. Достав из кармана халата пачку сигарет, доктор молча зажжёт сигарету.

Первым заговорил командир:

— Охренеть. — Взгляд Усачёва цеплялся за гротескные башни невиданного доселе конструктивизма. — Ты видел что-нибудь подобное раньше?

— Разве что только во сне, — процедил доктор, затягиваясь никотином. — Чувствуешь вибрацию под ногами?

— Как ни странно, учитывая толщину подошвы ботинок. Думаешь, под комплексом есть ещё что-то?

Владимир пожал плечами. Обернувшись, он позвал ассистентов.

— Мне интересно, насколько он большой, — поделился Марш, когда Стычкин и Измайлова оказались рядом. — И я не желаю ждать ещё нескольких дней, чтобы убедиться в том, что объект не виден на снимках со спутниках и так далее. Поэтому, сделаем так: группа

«Шторм» останется здесь. Я возьму рацию, и один из вас пойдёт со мной вдоль забора по левой стороне комплекса. Ещё одну рацию возьмёт один из солдат и вместе со вторым ассистентом двинется вдоль правой стороны.

— К чему такие сложности? — Нахмурился командир группы.

— Так мы выясним нет ли у него ещё каких-нибудь входов и подъездов, и есть ли конец у этой штуковины, чтобы быть уверенными, что оно не искажает наше пространство. — Лицо доктора приобрело крайне раздражительное выражение. — Очевидно же! Почему я постоянно должен всё объяснять?! Дай мне рацию.

— Чур, я с вами, — воскликнула Аврора.

— Как хотите, — бросил через плечо Марш, уходя в сторону.

То же время, Зона 112

Одинцов сидел перед своим компьютером, спешно выводя символы на клавиатуре. Маргарита по-хозяйски расхаживала рядом, стуча каблуками сапожек в такт клавишам. Могилевич, отправив ассистентку домой, молча стоял у стены, наблюдая как Смотритель вводит слова в строку поиска. Остальной персонал Зоны также вернулся к работе.

— Годом ранее мы пытались найти закономерность между имеющимися объектами, и теми, что появлялись, но так ничего и не выяснили — Денис слегка повернул монитор в сторону коллег. — Вот объекты на содержании нашего учреждения: всего сорок четыре объекта, почти все из них безопасны. Половина храниться на нашем складе, процентов 40 заперты в камерах внутри Зоны, оставшиеся находятся вне учреждения.

Сотрудница наклонилась к монитору.

— Любопытно. Позвольте?

Денис неохотно отодвинулся, пропуская Шихобалову за клавиатуру.

— Позвольте спросить, а что конкретно сподвигло администраторов обратить внимание на Зону 112, помимо случая с машинкой? — Поинтересовался Могилевич, подходя к экрану компьютера с другой стороны.

— Как мне объяснили в Челябинске, изначально этот участок не был рассчитан под полноценное функционирование как Зона содержания и исследования. Однако в Самаре и области постоянно обнаруживались не слишком опасные аномалии. Даже ваши Кетеры, судя по условиям содержания, не дотягивают по разрушительности с исполинами Челябинска. У нас огромный комплекс, рассчитанный на более, чем четыре тысячи объектов, и штат в десятки тысяч сотрудников.

— И финансирование в миллиарды рублей, — добавил Могилевич.

— Мы отклонились от темы, кажется, — вклинился Одинцов.

— Извините, — улыбнулась сотрудница, просматривая файлы один за другим, — споры о финансировании — это больная тема всего Фонда. Как я поняла, администрацию волнует тот факт, что в Самаре появляются всё больше и больше аномалий, и каждый раз, они всё опаснее и опаснее. Однажды может настать момент, когда ваш Участок перестанет справляться с натиском сверхъестественных сил. Ближайший к вам крупный узел — это Москва, но пока оттуда придёт помощь, условный SCP может уничтожить половину города. Поэтому меня прислали сюда. Я должна прочесать ваши объекты на предмет метареализма, и по возможности, обучить персонал основам своего дела. Также моей целью служит набор рекрутов в новый отдел. Такова официальная позиция. Думаю, вы, детектив, уже успели узнать всё это.

— Увы. Шпионаж не входит в мои обязанности. Я больше по части полевых операции. Моя стезя — это внедрение и дезинформация.

— Ну, тогда вас можно назвать антимемом от мира людей, — ухмыльнулась Марго, разглядывая строчки текста.

— Скажите, — подал голос Смотритель, — вы считаете официальную причину вашего перевода сюда правдой?

Сотрудница вновь прекратила печатать и посмотрела уже на Одинцова.

— Иными словами, — понимающе отозвалась Марго, — вы хотите знать, доверяю ли я администрации. Это нормальный вопрос, не стесняйтесь его. Я прочитала досье вашего учреждения, и выяснила, что ранее оно принадлежало Отделу «П», а всему Фонду известно, что к таким учреждениям администрация, возможно даже и Совет О5, относятся с некоторым недоверием. За семь лет, проведённых в стенах Зоны 400, мне удалось поработать с некоторыми аномалиями, ранее принадлежавших Отделу, и должна сказать, что они впечатляют. Это действительно любопытные вещицы. Я как-нибудь дам вам почитать несколько объектов, вы найдёте их занятными, я уверена. Что касается меня, то я просто выполняю свою работу. Если администрация Москвы шпионит за вами через Челябинск, то я ничего об этом не знаю.

После этих слов, Денис Одинцов почувствовал одновременно и облегчение и неловкость. Чтобы как-то скрыть это, он постарался перевести тему:

— Расскажите о вашей работе в Зоне 400. Много ли открытий произошло за последнее время? Если не ошибаюсь, ваши метареалисты даже брали на исследование несколько наших «пространственных замыкателей».

— Насчёт этого ничего конкретного сказать не могу. Зато мы отлично справляемся с тонкой настройкой якорей Скрэнтон при помощи разработанной в 2010 году техники Метафорического Зеркала, по методу Верховцева.

— Ты слышал что-нибудь об этом? — Спросил руководитель Антона.

— Пару лет назад в Уфе. — Кивнул детектив. — Этот приём, кажется, позволяет решить проблему с отсчётом числа полей Юма.

— Так точно, — кивнула сотрудница, — суть в том, что не существует реальности с нулевым уровнем плотности. Реальность либо есть, либо нет, и чтобы сдерживать объект, меняющий реальность, нужно, чтобы якоря Скрэнтон за что-то цеплялись. На западе используют принцип двух карманных реальностей: с бесконечно низким и бесконечно высоким уровнями плотности. Мы же приняли за точку отсчёта более абстрактную, но, в то же время, и более удобную модель. Зеркало, по сути, вмещает в себя реальность. Всё, что в нём отражается, — полностью реально, но при этом, само отражение не обладает ни одним полем Юма, то есть является нулём в пространственной системе координат. Нацелив якорь на подобную абстракцию, ему ничего не останется, как закрепиться за тем, что находится ближе всего, этим и выступает аномалия, которую необходимо запереть.

Могилевич не сводя взгляда, смотрел, как Денис закрывает лицо.

— Твою мать, — донеслось из под ладоней Смотрителя.

— Что-то не так? — Обернулась Маргарита.

Развернувшись по оси, Антон в два шага преодолел расстояние до двери. Его пальцы уже сжимали рукоять пистолета.

Глава IX. Человек, который помнил всё

«Там хорошо, где нас нет: в прошлом нас уже нет, и оно кажется прекрасным.»

— Антон Павлович Чехов

Дневник Архивариуса. 10 июня 2019

Зона 112. Учреждение, которого не должно было существовать. Пример того, как одна ошибка порождает целый шлейф таких же ошибок, которые ведут за собой ещё больших ошибок. Нить, сотканная из неверных решений, конец которой уходит куда-то в темноту.

Я наблюдал за этими людьми сквозь тысячи страниц засекреченных данных, оседающих пылью на полках этого архива. Один неверный шаг за другим. Скоро они все полетят в пропасть, но я не желаю пропадать вместе с ними. Поэтому, перед уходом, я собрал на своём столе самые памятные для меня документы, — жемчужины, которые я заметил в горе хлама.

Объект: SCP-6315-RU «Девять жизней Фаины Бритской» Класс объекта Безопасный
Особые условия содержания: Объект должен находиться в стандартной камере содержания гуманоидов под личным надзором сотрудника 3 уровня допуска. Со всеми итерациями объекта должен поддерживаться доверительный контакт, особенно с т. н. Бритской-старшей, с каждой итерацией следует вести беседы в течении всей продолжительности пребывания в нашей реальности. В случае, если SCP-6315-RU перестанет проявлять аномальные свойства, предписано обработать объект амнезиаком и позволить вернуться к нормальной жизни, установив последующее пожизненное наблюдение. Описание: SCP-6315-RU представляет собой белую женщину, известную под именем Фаина Бритская, родившуюся 14.04.19[REDACTED] г. Паранормальная особенность объекта состоит в том, что её сознание "циркулирует" по ещё девяти телам, которые находятся в разных версиях вселенной. По словам итерации, известной как Бритская-старшая, ротация сознания происходит подобно барабану в револьвере: есть девять личностей, которые движутся по кругу, из реальности в реальность, "перетекая" из тела в тело. Все девять версий переходят в следующее по порядку тело одновременно, с интервалом в четырнадцать дней, и, пройдя восемь итераций, возвращаются в свою оригинальную реальность. Таким образом Фонд имеет дело с девятью личностями, сменяющих одна другую каждые две недели. За время содержания, Фонд приобрёл немало ценных сведений от одной из итераций, поэтому SCP-6315-RU имеет более высокий процент лояльности руководства. Приложение 6315a: Перечень итераций, в порядке их "смещения", относительно оригинала./Стоит отметить, что все версии имеют имя, аналогичное оригиналу и родились на территории России./Итерация 1Оригинал. До постановки на содержание работала официанткой. Особых неудобств от своего положения не испытывает, объясняя это тем, что с появлением аномалии, её жизнь стала куда разнообразнее. Остальные версии называют её Бритская-хихотушка. Итерация 2Бритская-с-Луны. Находится в реальности, где все аномалии сдерживаются силами множества коммерческих корпораций. Объекты обезвреживаются, воспроизводятся и становятся достоянием общественности. Среди них модифицированные объекты, известные Фонду под номерами 062, 117, 914, 1106, [REDACTED] и [REDACTED]. Такой подход ускорил развитие человечества, в результате чего вторая итерация Фаины Бритской проживает на колонизированном спутнике. Итерация 3Чёрная-Бритская. Земля в этой итерации имеет иной наклон оси, из-за чего Россия находится на экваторе, а все жители Евразии являются

представителями негроидной расы. Итерация 4 Бритская-писака. Проживает в Лондоне, в реальности, похоже, совершенно не отличимой от нашей. Заработала состояние, написав несколько детективных романов. После активации аномалии, стала писать в жанре научной фантастики. По словам Б.-писака, роман, в котором ключевую роль играет Фонд, продан чрезвычайно большим тиражом и был номинирован на несколько премий.

Итерация 5 Бритская-старшая. Причина появления аномалии. Занимает высокую должность в аналоге Фонда, известном как Международный Департамент Аномалий. Б.-старшая рассказала, что в результате инцидента, произошедшего на рабочем месте, её сознание оказалось связанным с телами ещё восьми итераций, что привело к сбою в мультивселенной, и постоянной ротации сознаний между телами всех девяти версий. По её словам, вселенная не смогла определить, какая итерация принадлежит к какому телу, и поэтому постоянно "вращает" их по кругу, будто в карусели. Проблема в том, что смещение происходит в одном и том же порядке: итерация 1 всегда следует за итерацией 2, хотя, возможно, за итерацией 1 должна следовать итерация 6 или 4. Старшая подозревает, что их "перемешало", и аномалия разрешится сама собой, как только им удастся "встать" в правильной последовательности, которую никто не знает. В реальности Б.-старшей не существует маскарада. Любой гражданин земли может позвонить по экстренному номеру МДА, чтобы сообщить о найденной аномалии. Связанные организации в этой вселенной существовали, но примкнули к Фонду, став Международным Департаментом Аномалий после некоего события, известного как Исход. Давать какие-либо пояснения относительно этого события пятая итерация наотрез отказывается. По её словам Исход происходит во многих вселенных, иногда он проходит незамеченным, а иногда, чтобы катастрофа случилась, нужно её осознать. Результатом Исхода может быть что угодно: мгновенное исчезновение всей жизни на Земле, превращение всей существующей материи в картофель, или объявление Фондом войны всему человечеству. Тем не менее, Бритская-старшая поделилась с Фондом некоторыми данными, относительно [УДАЛЕНО] находящихся на территории России, что позволило поставить эти объекты на содержание.

Во время пребывания в фазе своего тела, Б.-старшая осуществляет исследовательскую деятельность, посвящённую её положению. Итерация 6 Находится на принудительном лечении в психиатрической клинике. Жизнь в её теле представляется сложной для всех итераций, по причине постоянного приёма седативных препаратов. Крайне замкнутая личность. В кругу итераций за ней закрепилось прозвище Бритская-бедолага. Итерация 7 Стальная Бритская. Бывшая чемпионка женской лиги боёв без правил, выступавшая на арене под вышеуказанным псевдонимом. Имеет множество наград, несколько раз выступала на Общепланетарном Поединке (аналог Олимпиады) от сборной России. Жестокие виды спорта в её реальности возведены в ранг национального достояния. Примечательно, что в этой версии, история не знала мировых войн, а в городах крайне низкий уровень преступности.

Итерация 8 Доктор Бритская. Живёт в реальности, где человечество не изобретало вакцинацию, а потому находилось на грани вымирания из-за постоянных вспышек болезни, схожей с натуральной оспой. Возникшая аномалия позволила передать "на ту сторону" необходимые знания, и снизить уровень смертности на семьдесят процентов.

Итерация 9 Мама Бритская. Работает в своего рода детском доме, в реальности, где все люди потеряли возможность заводить детей естественным путём, а потому дети "выращиваются" с помощью технологий и воспитываются в специальных учреждениях. У тела этой итерации отсутствует слух в результате врождённой патологии, однако, это не мешает в работе. Единственная версия Фаины, имеющая детей.

Дверь в мой кабинет открывается всё реже. Почти все важные данные заносятся в реестр, и лишь редкие вещи, копию которых стоит хранить в твёрдой форме, на всякий случай, они дублируют, чтобы оставить мне. А ведь я помню дни, когда от меня было куда больше пользы; когда в архив влетал учёный с горящими глазами, и восклицал:

— Инструкция по восстановлению ОУС такого-то объекта, срочно!

И я подрывался со своего скрипящего стула, бежал, что есть мочи, к нужному ящику, и находил тот самый документ всегда с первого раза! Они ценили меня. Я был неотъемлемой частью команды. И поглядите кто работает вместо них сейчас. Ходят по этим коридорам так, как будто они лично финансируют Фонд. Тьфу!

Объект: SCP-6326-RU «Двери» Класс объекта: Безопасный Особые условия содержания: Всё носители информации, содержащие полные или частичные копии SCP-6326-RU должны храниться в стандартной ячейке для аномальных предметов класса Безопасный. При обнаружении новых копий, следует проводить их изъятие с последующей постановкой на содержание. Доступ к объекту осуществляется при наличии 3 уровня допуска и разрешения хотя бы одного сотрудника 4 уровня. На момент 20.03.2014, SCP-6326-RU представлен двумя VHS-кассетами, с полными версиями, а также семью компакт-дисками и тремя флеш-накопителями, содержащими от четверти до половины части видеоряда. Все носители хранятся на складе аномальных объектов, в ячейке 264, ключ от которой есть у ведущего исследователя паранормальных явлений Марша В., 4 уровень. Описание: SCP-6326-RU является клипом отечественной индустриал-группы "Фтороводород", на песню "Двери". Полная версия видео длится 4 минуты 25 секунд, и является закрывающей композицией из третьего альбома. Опыты показали, что звуковая дорожка, не несёт в себе аномальных свойств, ровно как и другие клипы из репертуара группы. Видеоряд 6326-го может показаться излишне скомканным и дёрганным. Хотя это норма для конкретного жанра музыки, не рекомендуется просмотр людьми, страдающими эпилепсией. Отдельные кадры также безвредны. Аномальные свойства проявляются при просмотре полной или же частичной версии клипа. После ознакомления с видео, у человека напрочь пропадает способность к восприятию и созиданию всех видов искусства. Субъект теряет возможность наслаждаться музыкой, фильмами, живописью и т. д. Самая красивая архитектура до конца жизни будет восприниматься также, как и нагромождение панельных застроек, а способность к созданию красивых вещей обернётся отсутствием какой бы то ни было фантазии и креативности. Воображение исчезает как явление из жизни человека, ровно как и способность видеть сны. Эффект "Дверей" не пропадает даже после использования амнезиаков высшего класса. В остальном объект абсолютно безвреден. Кадр из SCP-6326-RU, момент: 3м02с Дополнение: Многолетнее наблюдение за людьми, попавших под воздействие, показало, что эффект ослабевает со временем и полностью исчезает за десять-пятнадцать лет.

Сомневаюсь, что я нужен им. Сомневаюсь, что я нужен самому себе. Иногда мои мысли уходят куда-то во мрак, и я начинаю думать о том, чтобы достать из ящика с девятого стеллажа два метра верёвки и покончить с собой. Не думаю, что они заметят меня среди этой груды пыльной макулатуры. Господи, сколько же деревьев пришлось срубить, чтобы набить эту комнату стольких количеством бесполезного, наполовину вымаранного, чтива?

Объект: SCP-6308-RU «Ясность в таблетках» Класс объекта: Обоснованный Особы условия содержания: вся партия препарата (на момент 06.09.2017 — 240 пачек) должна храниться в ячейке для особо ценных предметов, на складе общего пользования. В

соответствии с протоколом «Эврика», действующем в Зоне 112 (см. ниже), код к ячейке должен быть у всех сотрудников с уровнем допуска от 3 и выше. Руководитель Зоны, либо куратор проводимых исследований должны убедиться, что все участвующие ознакомлены с инструкциями по применению. Описание: SCP-6308-RU представлен партией таблеток произведённых в 1978 году Отделом «П», которая позже перешла в руки Фонда в 1991 году. Медицинское название препарата — Экстракт лацении вечнозелёной. ЭЛВ является сильнейшим психостимулятором, произведённым на основе лаценина — порошка, полученного из стебля Лацении. С 1870 года это растение считается вымершим, что делает невозможным репликацию препарата. Сам материал для создания единственной партии был обнаружен в деревне ██████████, Грузия, в 1969 году. Изначально, произведённая партия насчитывала более 5000 упаковок, многие из которых, после присвоения Фонду, были отписаны в другие учреждения Российского филиала. Фармакологические характеристики: Лаценин является алкалоидом природного происхождения. В чистом виде представляет из себя бесцветный кристаллический порошок без запаха. Молярная масса равна 190 г/моль; плотность — 1.20 г/см³. Температуры плавления и сублимации: 250 и 180 градусов Цельсия соответственно. Из-за своей высокой токсичности препарат не был допущен к массовому производству. Превышение установленной дозы приводит к смерти в течение от 30 минут, до 24 часов в результате неминуемого "сжигания" нервной системы. Умеренные же порции ЭЛВ приводят к критическому истощению организма, которое может быть обратимо двухмесячным курсом реабилитации. Опытным путём доказано, что допустимой дозой является 1/4 таблетки, при условии, что испытуемый не страдает заболеваниями, связанными с сердечно-сосудистой системой или повышенной нервной возбудимостью. В умеренных дозах лаценин способствует усилению концентрации внимания, памяти, повышает физические и умственные возможности организма, вплоть до отсутствия нужды во сне и еде в течении нескольких суток непрерывного интеллектуального сосредоточения. Важно понимать, что повышение уровня способностей человека происходит из внутренних, т. н. "стрессовых", ресурсов, что неизбежно закончится истощением. Протокол «6308-Эврика»: Всем членам персонала Зоны 112, чей уровень допуска от 3 и выше, должен быть сообщён код от ячейки, в которой храниться объект. • Перед получением кода доступа, необходимо ознакомиться со всеми свойствами препарата. • В случае внештатной ситуации, разрешается приём препарата в рекомендуемой дозе (1/4 таблетки). Помните: вы принимаете этот препарат на свой страх и риск!

Пальцы правой руки привычно касаются ручки ящика. Там лежит нечто, что является моим личным позором. Дело в том, что это единственная вещь в жизни, которую я забыл. Не знаю, как это вышло; много лет назад я положил этот предмет в ящик стола, намереваясь заняться им позже, потому что день подходил к концу, и все давно ушли по домам. Все, кто был связан с этим предметом. А на следующий день произошло нарушение условий содержания, и мне было не до этого.

Как странно, я могу вспомнить абсолютно всё о том, как именно я забыл про эту вещь, но не мог вспомнить о самой вещи целых семь дней. Да, через неделю я сам наткнулся на неё, когда полез в ящик, и факт того, что я что-то забыл, так напугал меня, что я принял решение никому об этом не говорить. Сама вещь являлась табельным пистолетом капитана Звягинцева, сотрудника Отдела «П», которого перевели 6 мая 1969 года в комплекс РОСТ. Комплекс, который исчез с лица земли 11 августа 1971 года. Никто не интересовался, вернулось ли на склад оружие сотрудника, покинувшего нашу реальность. А я ничего не

сказал. И вот он здесь, в моём ящике, целый и невредимый, с полной обложкой. И только я об этом знаю.

Зона 112 всегда была местом ошибок. И, видимо, я не являюсь исключением.

Объект: SCP-6336-RU «Тот, кто в среду был рождён» Класс объекта: Евклид
Особые условия содержания: [Исходя из установленного уровня финансирования Зоны 112, исключающего возможность набора сотрудников класса D, было решено установить на объект несколько человек в качестве охранников и уборщиков, работающих на постоянной основе. На данный момент, штат SCP-6336-RU представлен в количестве шести человек имеющих низкий социальный статус, что может гарантировать соблюдение секретности.] SCP-6336-RU должен быть под круглосуточным надзором как минимум одного человека. В случае активации аномальных свойств объекта, должна проводиться процедура "кромсай-закапывай" (см. ниже). Описание: Объект является частью заброшенного с 1996 г. пятиэтажного общежития, находящегося в г. Самаре, по адресу ул. [REDACTED], д. [REDACTED]. Примерно пять раз в год, на четвёртом этаже, в комнате 471 (левое крыло здания) появляются от 7 до 18 трупов. Все тела возникают в обширной стадии разложения, и принадлежат людям, жившим на территории России и стран ближнего зарубежья. Все личности, которые удалось установить, считались пропавшими без вести (данные указывают на период с 1900 г. по настоящее время), а также имели дату рождения, выпадающую на среду. Все тела имеют на себе увечья определённого характера, такие как зашитые веки, связанные между собой верхние и нижние челюсти (грубо продетые медной проволокой сквозь дёсны), носовые и ушные каналы забиты ватой. Вскрытие показало, что у возникающих мертвецов отсутствуют [REDACTED]. Появление кадавров сопровождается возникновением резкого запаха гнили, что является аномальным лишь с точки зрения распространения: смрад возникает по всему общежитию и, не смотря на отсутствие дверей и окон, не выветривается до тех пор, пока тела не будут убраны. История обнаружения: SCP-6336-RU был обнаружен во время первой активации свойств, когда ещё функционировал как общежитие. Инцидент произошёл примерно в час ночи, ниже представлено интервью с одним из ночевавших в комнате студентов. Приложение 6336_01: Процедура "кромсай-закапывай". 1. Расчленив тела на пять-шесть частей. 2. Расфасовать по пакетам. 3. Сжечь в печи, установленной в подвале общежития. Приложение 6336_02: Записка, найденная в одном из трупов, зашитая в брюшную полость. «С каждым днём всё меньше сил для работы. Стены этого проклятого завода давят на меня со страшной силой. Мне кажется, что эти проржавевшие насквозь трубы вот-вот сомкнутся на моей шее, чтобы наконец закончить мои мучения. Я давно ни с кем не разговаривал, уже несколько лет не смеялся и не плакал, — мы либо работаем, либо едим, и оба эти занятия схожи в двух вещах: они требуют отрезания частей тел, в которых всё ещё теплится жизнь и чувстве мерзости по отношению к самому себе. Поэтому многие из нас предпочитают не есть вовсе. Вчера снова привезли партию людей. Как и всегда они кричат, но я не могу разобрать их слов, возможно, потому что перестал смотреть на них как на личностей, а может, потому что утратил собственную человечность. Кожа на руках почти слезла, так что боли почти не чувствуешь, а лицо, кажется, и вовсе превратилось в месиво, — я стараюсь не смотреть на блестящую поверхность станка, чтобы не закричать от увиденного отражения. Это работа убивает меня слишком медленно! Мастер говорит, что нужно продолжать выполнять план. Это звучит почти смешно, учитывая, что мы давно не отходим от машин, дабы сходить в туалет, и к счастью, запах гниения перебивает все другие ароматы этого места. Сука, как же я устал!

Вчера, глядя как падает снег за окном, я понял, что именно такими вещами занимаются в аду: нескончаемая, фактически бессмысленная работа, выдирающая из тебя душу. Вариться в котле было бы слишком просто и тепло. Здесь нет отопления, температура в цеху давно опустилась ниже сорока двух градусов, а единственный согревающий источник здесь — цистерна, полная кипящей стали. На прошлой неделе туда прыгнул один из рабочих, когда до него дошло, что его не отпустят из этого места обратно к семье. Думаю, пойти поесть. P.S. Новичок жалуется, что не спал уже трое суток. Тупица! Я не сплю уже четырнадцать лет.»Комментарии: «Денег нет, но вы держитесь. Я просто охреневаю от этих администраторов!» — д-р Марш.

В 30 км от Самары, 23:55

Западная часть комплекса прилегала к стене густого леса, деревья которого рядами тянулись вдоль бетонного заграждения. Марш мог поклясться, что на месте завода была труднопроходимая чаща, но теперь она замещена возникнувшей постройкой.

— Куда девается материя, когда на её место приходит нечто новое? — Спросила спотыкающаяся вслед за ним Аврора.

— Если это новое, то она меняется с ним местами, однако, это старое, — пояснил Владимир, закуривая уже третью сигарету за время их пути, — комплекс «Рост» существовал на этом месте очень давно, но теперь он вернулся. И материя просто «откатилась» назад во времени.

— Получается, если в этом месте, за время отсутствия завода, был рождён человек, сегодня он исчез? Чисто гипотетически.

— Скорее всего.

— Так этот комплекс... он уже был здесь?

— Он построен Отделом «П», бог знает сколько лет назад, но исчез из-за какого-то инцидента в семьдесят первом году. В результате манипуляции с причинно-следственными связями, он вернулся назад, и сейчас внутри него должны быть все аномалии, покинувшие нашу реальность. Чисто гипотетически, как вы говорите.

— Вы уже связались с Денисом?

— Пытался. Он не отвечает, наверное руководит ситуацией в городе.

— Это что там, дыра?

Тонкий указательный палец исследовательницы метнулся в сторону дальней части заграждения, закрытой кустами. Из-за листвы виднелась брешь, высотой в человеческий рост.

Ускорив шаг, сотрудники подошли ближе. Бетонное заграждение было разбито, куски бетона, лежавшие на территории комплекса, говорили о том, что некто очень желал попасть внутрь. Раздавшийся шелест за спиной заставил их обернуться.

Из чащи вышли двое: потасканного вида молодая барышня, и мальчик с видом задушенного жизнью невротика. Заметив людей в халатах, они застыли на месте, не говоря ни слова.

— Приветствую, — воскликнул Марш, развеяв тишину, — ваша работа?

Владимир махнул сигаретой, указывая на дыру в стене. Глаза девушки презрительно сузились.

— Не моя, — ответила она, гневно скривив растрескавшуюся губы. — Но мне нужно догнать того, кто прошёл здесь. Нам нужно догнать.

Взяв мальчика за руку, она твёрдым шагом направилась к отверстию в заборе. Исследователи посторонилась, пропуская их. Марш учтиво откланяться:

— Милости про...

— У вас не будет сигареты? — Спросила Вера, остановившись в метре от пробоины.

— Конечно, — ответил Марш, копясь в карманах халата, — только у меня обычные, без ароматизаторов и прочих излишеств.

— Не всё ли равно, чем себя убивать? — Философствовала барышня, поджигая сигарету о заботливо поднесённый доктором огонь зажигалки.

— Верно, — протянул он, глядя, как эти двое пересекают ограждение.

Он подождал, пока они пройдут ещё двадцать метров, прежде чем крикнуть вслед девушке:

— Вы Вера, да? У нас на вас есть целое досье.

Голос Марша эхом разнёсся по территории комплекса. Замерев на месте, девушка несколько секунд в нерешительности стояла к нему спиной. Наконец, слегка повернув голову, она ответила:

— Я польщена.

И вновь двинулась вперёд, на этот раз, уводимая рукой мальчика.

— Зачем вы сказали про досье?! — Тревожно прошептала Аврора.

— Хотел взглянуть на её реакцию, — процедил Марш, прикуривая новую сигарету.

Глава X. Канат, сплетённый из стальных нервов

«Что это за отвратительная манера приносить печальные вести в такой счастливый день!» — Памела Трэверс, «Мэри Поппинс, до свидания!»

11 июня 2019, 00:20

Зона 112 была самоизолирована в срочном порядке. Лифт, и двери ведущие на лестницы были заблокированы в тот момент, когда с компьютера Смотрителя была приведена в действие процедура "112-Стазис", активирующая механизмы, исключающие возможность входа-выхода. Помимо оцепления периметра, включалась также замкнутая система вентиляции Зоны, работающая на механизме автономной фильтрации, установленном ещё дедами из Отдела «П». Также была приведена в действие система глушения сигналов связи, выходящих за пределы комплекса. Любой доступ между этажами ниже первого был перекрыт, а в центральный государственный узел Фонда было направлено сообщение о постановке учреждения на карантин, — единственное сообщение, выходящее с засекреченного объекта за долю секунды до обрыва всех каналов в установленном порядке.

— Враждебные намерения, ограниченная способность к управлению реальностью и фактическая неуязвимость. Обычный вторник, одним словом. — Хмурился Могилевич, щёлкая затвором пистолета.

Как и ожидалось, камера объекта SCP-6383-RU «Ни живой, ни мёртвый» была абсолютно пуста, если не считать зеркала и проклятого стула, который по какой-то причине был объят пламенем. Получив сообщение от агента, Одинцов тут же запечатал Зону, отрезав её от всего мира. Находясь в своём кабинете, он впервые подумал о том, что расположение кабинетов для сотрудников высшего звена было не самым удачным, — он остался без связи с Антоном и Шихобаловой, которая спустилась на минус первый этаж, чтобы воспользоваться системой внутреннего оповещения. Зона 112 действительно не была предназначена для содержания и исследования. В момент, когда Могилевич шагал по восточному коридору в поисках Нежильца, под потолком гремел картавый голос Маргариты:

— Это сообщение для всех сотрудников Зоны 112. Пожалуйста, пройдите в кабинет охраны на минус-втором этаже. Сохраняйте спокойствие, это сообщение будет повторяться каждые пятнадцать минут.

Пролетая через правое крыло здания, Антон пытался думать на несколько шагов вперёд. Вытянув перед собой оружие, скорее по привычке, чем из соображений безопасности, агент коснулся кнопки на гарнитуре в правом ухе.

— Слышу объявление по громкой связи. Вы уже на месте?

— Да, — ответил Валентин Лебедев, наблюдая как Маргарита ставит сообщение в режим самовоспроизведения с интервалом в четверть часа.

— Что на записях с камер?

— Картина вырисовывается мрачная. В какой-то момент тело объекта охватил огонь. Очевидно, пламя повредило «Мумифицирующий стул», который сдерживал его, что позволило Нежильцу освободиться и полностью восстановить тело. Как только процесс оздоровления был закончен, он просто исчез. — Ответил младший научный сотрудник, наблюдая Могилевича на одном из многочисленных мониторов.

— Исчезновение сопровождалось какими-то внешними проявлениями? Может, характерный звук или вспышка света?

— Увы. Он просто пропал. Шихобалова думает, что он "настроился" на зеркало и сменил количество полей Юма ниже, либо выше уровня нашей реальности. В любом случае, он всё ещё где-то внутри комплекса.

— Откуда такая уверенность?

Спешно водружая на нос очки, Маргарита ворвалась в эфир:

— Принцип метафорического зеркала позволяет, скажем так, лишь найти точку отсчёта. Если бы он полностью снизил количество полей Юма до нуля, — от него бы, очевидно, ничего не осталось. Ему нужно было отбросить всего два-три процента от своего собственного количества, чтобы его организм продолжал функционировать. В конце концов, он всё ещё человек.

— Но разве в том случае с доктором Скрэнтоном, не говорилось о почти нулевой плотности? — Возразил Могилевич, заходя в лифт. — Насколько я помню, он сохранял способность к мышлению.

Сотрудница закатила глаза:

— Да, все помнят тот случай, но речь там шла о смене полей окружающей реальности. В нашем же случае речь идёт о смене полей самого наблюдателя, то есть восемьдесят третьего. Не знаю, как ему удалось сотворить такое с собой без применения технических устройств, но факт остаётся фактом: он гуляет по комплексу, прячась в тени между атомами.

— Это понятно, но почему вы уверены, что он не сможет, например, пройти сквозь стены?

— Его способности к управлению реальностью не такие мощные, как у конструкторов. Тело объекта либо имеет иную плотность полей Юма, либо окружено тончайшей прослойкой чужеродной реальности, которая как бы трётся и цепляется за нашу реальность. Так или иначе, если число полей будет сильно ниже окружающей реальности, взаимодействие с нашей средой будет затруднительным: реальность "схлопнется" вокруг объекта капканом и не даст пошевелиться. А если выше, — объект сможет рвать нашу реальность на части, но, как я уже говорила, прирост сил восемьдесят третьего будет не слишком значительным, ибо повышение числа полей просто размажет его. Повторю ещё раз, его способности к управлению реальностью имеют достаточно узкие границы.

Двери лифта открылись, выпустив агента на минус-третий этаж.

— Это всё, конечно, интересно, — продолжил он, двигаясь по центральному коридору, — но чем мы будем его задерживать?

— Группа "Штиль" патрулирует минус-первый и минус-второй этажи, "Дождь" скоро догонит тебя. — Доложил Валентин.

— Я извиняюсь, — вклинилась Шихобалова, — я тут прошлась по записям по нашему клиенту и... у вас вообще есть какой-то план? Потому что из всей доступной информации мне ясно только то, что его не берут пули.

Могилевич презрительно хмыкнул:

— Бросьте. Мы имеем дело с аномальными вещами. Сталкиваясь с ними в схватке, сложно что-либо предугадать. А что касается планирования, то, как мне кажется, это исключительная привилегия совета О5. Поэтому придётся исходить из того, что есть под рукой.

Тем временем Денис Одинцов, находившийся в наземном корпусе Зоны, читал письмо от администрации.

«Марш, сукин ты сын, — сокрушался про себя Смотритель, — ты снова оказался прав!»

Действия Владимира, кажущиеся обычным сумасбродством, в очередной раз обернулись чем-то полезным. Сотрудник с четвёртым уровнем допуска имел в своём послужном списке немало наград и ровно столько же выговоров. Чего только стоит его письмо в адрес администрации с предложением отправить на луну человека с фотографией SCP-049. По словам доктора, ему было интересно посмотреть, как Скромник будет добираться до спутника, используя свой полыхающий от ярости зад.

Теперь же Марш, ведомый своей дикой интуицией, привёл Фонд прямо на порог возникшего из ниоткуда комплекса "Рост". Это стало ясно из текстового сообщения самого Марша, которая состояло всего из двух слов: «ОН ЗДЕСЬ!!!!», и звонка командира Усачёва, который изложил ситуацию более подробно, но менее цензурно.

Положение Одинцова было во всех смыслах незавидным. Он, Смотритель учреждения, позволил себе принести в камеру к сраному бессмертному объекту сраное зеркало, и теперь этот Нежилец шатается по всей сраной Зоне. Таким образом, на плечах Дениса оказались набитый аномалиями завод, и, потерявшийся между реальностями, двойник бога во плоти. Можно было бы подумать, что мир сходит с ума, и все казни египетские обрушились на участок, подконтрольный Одинцову, но, как говорил детектив, в Фонде подобное называлось обычным вторником.

В послании Смотрителю говорилось, что администрация Фонда рассчитывает, что инцидент с объектом SCP-6383-RU «Ни живой, ни мёртвый» решится до конца этой ночи, и в противном случае, в отношении него "будут приняты меры". Также руководство пообещало значительно увеличить объём финансирования, если Зона 112 возьмёт на себя ответственность по содержанию и изучению комплекса, который должен являться объектом класса Таумиэль. Разумеется, ответ на это сообщение должен быть послан не позже, чем в Самаре встанет солнце.

За одну ночь Смотрителю предстояло найти решения множества вопросов, и голова его разрывалась от обилия мыслей, по большей части, не самых приличных.

Пока Денис Одинцов терзался самыми противоречивыми чувствами, пожилой человек, занимавший пост архивариуса Зоны 112, дописывал последние страницы своего дневника. Время от времени он открывал ящик своего стола и посматривал на табельный пистолет, принадлежавший капитану Звягинцеву, бывшему сотруднику Отдела «П» ГРУ.

Я ненавижу это место. Этот склад, эту Зону, эту организацию, эту страну и весь этот мир, наполненный чудовищами. За дверью царит суматоха. Минуту назад по коридору пронеслась ватага тяжёло вооружённых дружинников, и я думаю, что это отличный момент, чтобы покинуть это место. Я дошёл до предела. Мне на всё плевать. Больше всего меня удручает сам факт того, что я могу помнить и осознавать все эти вещи, произошедшие со мной в стенах Учреждения. Этот Фонд населяют безумцы! Чудовища содержат в клетках других чудовищ. Мой старый мозг, перегруженный данными, все чаще даёт сбой. Я слишком стар для всего этого. Мне больно.

Дрожащими руками, он выудил пистолет из ящика, и прислонил его в подбородку. Он надеялся, что пуля, пройдя через его мозг, вырвет весь объём его знаний, и оставит его мозг совершенно пустым. Эта идея преследовала его последние пару лет, и теперь он был готов воплотить её в жизнь.

Указательный палец правой руки уже нащупал спусковой крючок, когда позади него раздался чей-то голос:

— Он не заряжен.

Вздвогнув, он обернулся и увидел стоящего человека. Нежилец облокотился на один из стеллажей, скрестив руки на груди. Его чёрные волосы были отлично уложены, а лицо, не смотря на усталое выражение, выглядело достаточно молодо и свежо. Единственное, чего ему не хватало, это приличной одежды. Стройное тело напрашивалось на приталенный пиджак и стильные брюки, но Мертвец был одет в лохмотья со следами горения, однако, запаха не было.

Какое-то время архивариус просто смотрел на пришельца, стараясь понять, как он не услышал скрипа двери, пока в его голове собирался пазл.

— Ч-что? — Прошептал шокированный сотрудник.

— Этот пистолет *не заряжен*, — повторил мужчина, подходя ближе.

Когда расстояние между мертвецом и Архивариусом сократилось до нескольких шагов, подслеповатые глаза последнего заставляли его мозг генерировать всё больше старых воспоминаний. Его перевод из Отдела в Фонд, смерть Ольги Орловой — все эти моменты молниями проносились в его голове. Наконец, старик вспомнил бывшего специалиста по условиям содержания, и подробности его постановления в качестве SCP-объекта. Покрытое морщинами лицо бледнело всё больше.

Тем временем, Нежилец, подошедший почти вплотную, объяснил:

— Прежде, чем Алексей Звягинцев уехал в комплекс "Рост", он отдал тебе этот пистолет по двум причинам. Первая — в некоторых участках фактория запрещено ношение огнестрельного оружия, и вторая, — он намеревался позже разобрать его для процедуры чистки. Он был очень дисциплинированным человеком.

— Да уж, — Архивариус рассеяно вертел оружие в руках, — не чета нынешним болванам.

— Но что более важно, — отметил мужчина, подняв указательный палец, — он не был идиотом. Поэтому он разрядил пистолет, прежде чем обратиться к вам с просьбой о хранении.

— А я забыл его вернуть. — Горько вздохнул старик.

Он вернул пистолет в ящик стола, и, отвернувшись от Нежилца, закрыл лицо ладонями, опираясь локтями на стол. На несколько секунд отчаяние полностью поглотило его, заставив забыть о недавнем желании убить себя.

— Нет, не забыли. — Мертвец мягко опустил руку на плечо сотрудника. — Просто капитан Звягинцев исчез вместе с Комплексом. В 1971 году что-то случилось, и все, кто там был просто растворились. Вам кажется, что между этими событиями, — отдачей оружия и катастрофой на заводе, — прошли годы, но на самом деле, всё это случилось с разницей в пару дней. Орлова тоже жаловалась на сбой в памяти. Даже она не могла противостоять причинно-следственным механизмам.

Оторвав руки от лица, он резко повернулся.

— Подожди-ка. Так вот что за суета вокруг. Объект, сбежавший из под содержания, — это ты? Как тебе удалось? Я читал в отчётах, что Орлова собственноручно усадила тебя на этот стул.

Нежилец усмехнулся:

— О да, она это сделала. В отчётах, однако, не указано, что она приняла таблетку лаценина, чтобы у неё хватило на это сил.

— Шесть-три-ноль-восемь, "ясность в таблетках". Она умудрилась не превысить дозу?

— Конечно, для неё не существовало паники, поэтому, в отличие от других "добровольцев", она сумела рассчитать дозу. И следующие тридцать лет я провёл в изоляции, обдумывая свою очень долгую жизнь. Все свои жизни.

— И что ты будешь делать теперь?

— Искать смерти. И ты должен мне в этом помочь.

Комплекс «Рост», 01:15

Реальность вокруг Фактория была искажена. Как только Вера и Константин пересекли забор, окружавший несколько корпусов завода, пространство увеличивалось по мере приближения к зданиям. По этой причине, чтобы достигнуть одного из самых больших зданий, высотой в пять этажей, им потребовалось немало времени. Обходя останки советских машин, намертво искорёженных, словно переживших атомный взрыв, минуя блокпосты и прочие домики административного назначения, они направлялись в главный цех комплекса.

Ступая по, изношенному аномальным течением времени, бетону, сквозь трещины в котором прорастали цветы из колючей проволоки, Вера всё ярче ощущала материнское присутствие. Это придавало ей уверенности и сил, чего нельзя было сказать о её спутнике. С каждым шагом, сердце мальчика всё больше тяжело под натиском страха. Железные цветы цеплялись за его джинсы, заставляя спотыкаться. Вскоре, низы его штанин были изорваны в нескольких местах, поселяя в перенапряжённом мозгу крамольные мысли о том, что они движутся навстречу неминуемой гибели.

Словно читая его мысли, Вера время от времени повторяла, что ей тоже страшно. Мальчик полагал, что это лишь попытки успокоить его, предпринятые то ли из вежливости, то ли из жалости. Однако Вера, отчасти — краем глаза, отчасти — интуицией тауматурга, уже видела, как по округе шныряют с десятков исповедников Ржавчины, и также напрягалась всё больше.

Поэтому, когда на подходе к главному цеху, массивное дерево, преграждающее вход, зашевелилось, Вера застыла, чувствуя, как тлееды внутри её вен запускают чудовищный выброс адреналина. Ствол растения был сплетён из железных канатов, что позволило ему повернуться вокруг своей оси и показать лицо. Две металлические пластины сверкнули в свете луны, открыв путникам подобие маски. Из прорезей, формирующих глаза, пробивались две зеленоватые искорки света. Тяжёлые ветви раскинулись в стороны, словно крылья ангела.

Древо Морали

— Проход закрыт, — молвило чудовище спокойным женским голосом.

Душа мальчика, уже спрятавшегося за спину более высокой девушки, готова была покинуть тело. Зажмурив глаза, он впервые в жизни готов был молиться, совершенно забыв о том, что в его кармане оставалось пара сигарет, которые, по инструкции, требовалось затушить о свои руки. Внезапно для себя он вспомнил, с каким печальным видом его мать отпускала его в Самару. В её глазах стояла самая настоящая тоска. Сожаление о том, что она не может позволить себе уделить больше любви сыну. Все эти вещи прокручивались в его голове вновь и вновь, с каждым витком, усиливая ощущения страха и отчаяния.

— Нам нужно пройти, — Вера тщетно пыталась скрыть дрожь в голосе.

— Разве мои дети не предупреждали о том, что вас не пустят? Разве они не пытались остановить вас милостью всяких детей — кротко цепляясь за вашу одежду?

Несколько особо крепких ветвей отделились от общей массы, формируя сильные руки, раскинутые в угрожающем жесте. Вера, подняла вверх ладони, готовая привычными движениями рисовать в воздухе лезвия, разрубавшие ранее плоть Ржавчины. Средние и безымянные пальцы уже сгибались, образуя символы жестовой тауматургии, а запястья вот-вот должны были совершить круговые движения кистями рук, на манер ударов плетью. Но руки Константина, обхватившие её талию, заставили Веру остановиться.

— Умоляю, — слезы мальчика пропитывали свитер девушки со спины, — давай просто уйдём. Хватит!

— Прислушайся к нему, — советовало растение, — ты же не хочешь, чтобы мои побеги скрутили твоё тело, и вросли в твою плоть?

Растрескавшиеся губы Веры раздвинулись в оскале, пытаясь придать её образу

уверенности:

— До встречи с тобой, я изрубила в клочья десятки тварей, покрытых железом. Я умирала почти каждый раз, после встречи с ними, но снова и снова возвращалась к жизни. И моя мать вошла сюда не смотря на твоё присутствие, а значит тебе стоит пропустить и нас.

— Ах. Та женщина. Да, она прошла здесь.

Запотевшие пальцы Веры разогнулись.

— Ты впустила её?

— О, да. Она рассказала мне историю своей дочери, которую ищет, и мне показалось, что не впустить её — будет осквернением Морали. Я вняла её нуждам, как Мать, утратившая однажды всех своих детей. И впустила её.

— Может, теперь, вы впустите и меня?

— Теперь, я ни за что не впущу тебя. В стенах этих строений тебя ждёт верная гибель. Возвращайся и передай человекам, собравшемся у порога, что это место более не принадлежит людям. Я, и многие другие творения иных миров, будем сдерживать кипение кошмаров внутри этих стен, в благодарность о былом союзе. Мы сохраним вам жизнь, но не позволим породить в наших рядах течения алчности.

— Мы не имеем ничего общего с этими людьми, — воскликнула Вера, срывая с себя руки Константина, который тут же закрыл ими своё лицо. — Мне нет дела до выгоды, а моё тело с рождения охвачено тварями из иного мира. Впусти нас, прошу!

— Нет. Я не могу взять на себя ответственность за гибель ребёнка Земли.

— Твою дивизию! — Выплюнула Вера. — А как же моя мать?! Мне что, нужно драться с тобой, чтобы заслужить право на проход?

В голосе чудовища послышалась насмешка:

— Попытайся, ребёнок.

Едва Вера согнула руку в атакующем жесте, железные побеги, возникшие из-под земли, связали её, врезаясь в кожу.

— Ай, паскуда! — крикнула девушка, когда дерево, притянув тощее тело своими ветвями, отшвырнуло её в темноту.

Обезумевший от паники Костя метался по пустырю, обдирая кожу на ногах о тронутые коррозией растения. Наконец, сориентировавшись, он ринулся в сторону предполагаемого приземления Веры.

Комплекс "Рост", главный корпус

Очевидно, убивать «дитя Земли» всё же не входило в намерения чудовища, поэтому девушка рухнула в гору мусора, скопившуюся в ста метрах от западной стены главного цеха. Когда Константин обнаружил её, она уже вылезла из под груды посуды, обломков мебели, одежды и прочих бытовых вещей, которые некто будто выбросил за ненадобностью возле гудевшей трансформаторной будки.

— Вера! Вера, ты цела? — Кричал мальчик, нарезая круги вокруг импровизированной свалки.

— Да не ори ты так, Господи! Со мной всё нормально, — ворчала ведьма, осматривая порезы на конечностях.

Из сводок Отдела «П» ГРУЭкспонат No: 000115Именованiе: Древс МоралиХарактеристика: ОдушевлённыйУровень опасности: УмеренныйПредставлен неорганическим организмом, состоящим преимущественно из металлических тросов неустановленного сплава. Экспонат стабилен, не проявляет лишней враждебности.

Придерживается собственных понятий о нормах поведения, приемлемых в человеческой среде. Полностью разумен, на контакт с сотрудниками идёт добровольно. Появление на земле объясняет упавшим метеоритом примерно в 1600-ых годах до н. э. Своё происхождение не помнит, либо скрывает. Руководством Комплекса было решено установить Экспонат в качестве дополнительной охраны, в обмен на возможность размножаться (вращивать побеги) в специально отведённых местах. В случае нарушения договорённостей, изложенных в журнале коменданта, разрешается использование специально разработанных орудий Грета и Стихия.(обратитесь к руководству для дополнительной информации).

— Слушай, ну хватит, — Константин тщетно пытался отговорить полоумную тётю от самоубийственной затеи, — твоя мать сильнее чем ты и я, вместе взятые. Если она не справится, то мы и подавно. Может быть, она уже...

Его голос осёкся. Вера посмотрела на него сквозь нескрываемую пелену гнева и отвращения.

— Что "уже"? — Язвительно переспросила она, глядя на него сквозь веки, превратившиеся в щели.

Руки мальчика тряслись, будто в припадке. Он неосознанно расчёсывал ожоги на правой руке, пока его глаза искали себе место, избегая взгляда девушки. Штаны уже превращались в лохмотья ниже колен, а волосы смешно торчали в нескольких местах. Он был до смерти напуган, и Вера, поняв это, отвернулась и с досадой стукнула лбом в гудящую коробку трансформатора.

Несколько минут они стояли в полной тишине, разбавляемой лишь треском будки и гудением недр завода. Центральный цех распространял по асфальту вибрации, хотя в его разбитых окнах царил непроглядная тьма. Костя, поглощённый ужасом столкновения с аномальным, озирался по сторонам в поиске опасностей. Сдирая с рук окровавленные кусочки кожи, он всматривался в бездонные провалы прямоугольников, внутри которых всё ещё оставались остатки стекла.

— Прости, — всхлипнула Вера. — Не следовало тащить тебя за собой. Возвращайся. Только не забудь про сигареты, если вдруг наткнёшься на...

— Окна, — выдохнул мальчик.

Покрытая холодным потом голова Веры оторвалась от поверхности с облупившейся краской.

— Что?

Мальчик не сводил взгляд со здания.

— Окна.

Девушка проследила за его взглядом, всматриваясь в пустые провалы. Ей уже начало казаться, что бедолага сошёл с ума, и видит как нечто бесформенное и ужасное лезет сквозь дыры, не защищённые стеклом, когда Константин, заикаясь, пояснил:

— Мы можем войти. Через окна.

Сознание постепенно прояснялось.

— Нам нужно только раздобыть какую-то лестницу, или нечто вроде, — размышлял Костя. — Эта штука... Дерево... Не сможет достать нас на таком расстоянии.

— Верно, — победоносно улыбнулась тётя, ощущая прилив сил. — Ты молодец, малыш.

И Вера, готовясь к телепортации, уже фокусировалась на ближайшем окне, когда её запястье схватил мальчик.

— Я пойду с тобой, — сообщил он, утирая слёзы.

Коротко стриженная голова повернулась в его сторону.

— Ты уверен?

— Да. Только пообещай мне, что если мы окажемся в дерьмовой ситуации, ты убьёшь меня.

Вера снова отвернулась к окнам, в попытке скрыть улыбку.

— Конечно. Хотела бы и я рассчитывать на такую милость.

Перемещать своё тело в паре со спутником не представлялось возможным. Поэтому Вера, вытащив из кучи хлама сломанный зонтик, спицы которого торчали в полнейшем беспорядке, раскрыла его, и перехватив руку Константина, произнесла, игриво улыбаясь:

— Смотри. Я Мэри Поппинс!

И вытянув руку с зонтом вверх, она воспарила над землёй, увлекая за собой мальчика.

Глава XI. Легенда о живых мертвецах

«Но, напрасно желая Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий, Смерти единой он молит.» — Гомер, «Одиссея».

Где-то в русских землях. Очень-очень давно...

Никто уже не помнит, как мы оказались в этих просторах. Немыслимые пространства неосвоенных земель, куда мы забрели в забвении. То ли мы бежали от кого-то, то ли преследовали нечто, что казалось нам необходимым для выживания. Я знаю, что с момента моего рождения, и до настоящего времени, сквозь все мои жизни, я видел, как человечество всегда к чему-то стремиться. Люди всегда куда-то бегут. И мы бежали среди них. Когда-то давно, *мы бежали среди них.*

Вооружившись топорами и мечами, мы формировали отряды бойцов. Нам не было дела до каких-либо физических характеристик новобранцев, ибо главное в нашей работе — это отсутствие балласта. Балласта, который люди называют семьёй, общиной, ремеслом. Мы брали в свои ряды женщин, стариков, калек, имевших хотя бы две ноги, чтобы бежать. Бегать приходилось часто. Очень часто!

Мы отражали атаки злых духов, монстров, населяющих леса и равнины. Мы сражались с Богами и демонами, заполонившие темноту пещер. С неистовыми чудовищами и их безумием, крадущим умы людей. Некоторые из нас когда-то отделились от Святой инквизиции, устав носить маску праведности. Кто-то был воспитан колдунами. Те, кто не боялся признать истину, — мы идём на компромисс. Мы не всегда можем убить или даже ранить то, что не можем объяснить. Разве можно противостоять злу, не имеющему плоти?

Как поступить, когда демон захватил душу человека, и убив носителя, ты лишь заставишь его "перетечь" в иное тело?

У нашего отряда было столько имён, что их уже нельзя вспомнить. Все они канули в лету. Ничего не осталось с той поры, кроме лесов, возвращённых на залитой кровью почве. После столкновения с войском Мнemoгемнона на поле брани, нас осталось всего трое. Один из нас, послушавшись приказа вожака, взглянул поверх бившихся солдат, на того, кто правил ими. Он говорил, что лик божества был ужаснее всех самых лютых кошмаров, навеянных лесами Севера. Он говорил, что Мнemoгемнон имеет три пасти, из которых сочится ядовитая серебристая смола, именуемая полынью, а взгляд тысячи глаз способен свести с ума. К счастью, тот из нас, кто увидел его, почти сразу же ослеп, поэтому имел счастье остаться в рассудке.

Все члены нашего отряда прекрасно понимали, почему некоторые люди переходят на сторону могущественного создания, сеющего рок. Своей огромной косою он состригал десятки солдат за один только взмах. Ему действительно было сложно не покориться. Особенно, когда ты имеешь за душой балласт из любви к проявлениям жизни.

Божество двигалось с запада на восток, разоряя общины на своём пути. Те кто боялся, пускались в бег. Более смелые присоединялись к войску, зачарованные сладкими речами его приспешников. Те же, кто утратил в буре битвы всё, что составляло его жизнь, превращался в мертвеца, живущего по привычке. Тело с пустыми глазами, обуреваемое жадной мести. Человек, для которого больше не существовало смерти. Такие люди и присоединялись к нам. Мы были отрядом живых мертвецов. Мы пришли на эту землю, чтобы умереть дважды.

От колдунов и ведьм мы узнали, что творения, подобные Мнemoгемнону, являлись в наш мир с первого дня его сотворения. Я достаточно рано уяснил, что этим полулюдям известно больше, чем всем этим воцерковлённым самозванцам, сеющим лишь смуту в умах населения. Мой отряд готов был молиться на этих шаманов. В обмен на их знания, их амулеты, обереги, зелья, мы меняли золото, оружие, иногда органы павших солдат. Мы не были фанатиками. Мы шли на *компромисс*.

Когда нам удалось собрать достаточно много людей, мы смазали наши мечи ядом, и кинулись в погоню за приспешниками Мнemoгемнона. Мы вырезали сотни людей, поддавшихся страху. Мы убили не меньше народу, чем каждый из живущих на Земле демонов, чтобы эти твари понимали, что мы не остановимся ни перед чем. Для нас больше не существовало понятия ценности человеческой жизни. Мы убивали всех!

Наконец, когда большая часть войска Мнemoгемнона была выпотрошена, мы решились дать последний бой в равнинах северных земель. Стояла глубокая осень. Трава была вялой, но ещё зелёной. С неба цвета стали редкий снег осыпался на землю. На горизонте протянулся лес, воздух в котором опьянял. Иногда мы спали в его чаще, и видели дурные сны.

Обвешанные различными оберегами, мы кромсали врагов налево и направо, отсекая части тел от приспешников божества. Среди нас были войны, учёные, священники, ремесленники и прочий люд самых разных мастей. Никто из нас толком даже не представлял, что произойдёт, когда мы столкнёмся в бою с самим Мнemoгемноном. Огромный исполин, он возвышался над окружавшей его толпой, сжимая в руках здоровенную косу. Взмах, — и половинки тел взмывают ввысь. Взмах, — и твои ноги уже на разных концах долины.

Когда я очнулся, из моей груди торчало копьё. Я лежал, окружённый трупами, не в силах пошевелиться. Трава подо мною пропиталась чёрной застывшей кровью. Я думал, что наконец-то нашёл успокоение. Умереть в битве за правое дело, — это было нашей общей мечтой. Ты либо достигаешь высшей цели о мести, либо умираешь на пути к ней, и другого не дано!

Нам удалось сократить численность приспешников Мнегогемнона на три четверти, и это было самое большее, на что мы смели рассчитывать. По крайней мере, так мне сказал мой Вожак. Он обнаружил меня умирающим на поле брани, и смог вылечить меня, не смотря на мои усердные попытки послать его подальше.

Вскоре, выяснилось, что помимо нас двоих есть ещё один выживший, но он полностью ослеп.

Раны затягивались очень долго. Мы истратили все имеющиеся зелья и отвары, без которых я ощущал невероятную боль. Благодаря оберегам нам удалось выжить и пролежать на оставленном войском демона поле около двух недель. Тела моих друзей и врагов за это время уже начали гнить. Повсюду летали облака мух, поедающие трупы. Я слышал, как во чреве убитого солдата копошатся личинки. Смрад стоял такой, что я терял сознание, едва придя в себя. Питались мы тем, что нам приносил Вожак, который сам еле стоял на ногах. Обычно это было мясо, и я не имею ни малейшего желания размышлять над тем, где он мог его достать.

Погода становилась всё холоднее. Снег, падавший на наши тела, был всё более плотным. Когда осадки скрыли под собою кроваво-красную землю, Вожак и Слепец соорудили носилки, чтобы отволочь меня в лагерь. В то время, пока мой разум не был охвачен бредом, я мог звать их по имени, но спустя все свои жизни, я забыл даже их лица. Я помню, что один из них вёл наш отряд в бой с чудовищем, а другой потерял зрение, едва увидев его взгляд. Это всё, что осталось от них в моей памяти спустя почти полторы тысячи лет. Мои друзья, — мои братья, — я забыл их всех до одного.

Лагерь, как можно было догадаться, располагался в сумеречных лесах Севера. Мы обитали там, куда не забредают даже демоны. Цветы, растущие в чаще, наносили всякой нежити урон смрадом своих бутонов. Деревья стонали в порывах ветра, и в этих голосах шаманы слышали молитвы. Лес был дружелюбен к человекам. Помимо укрытия за толщей чёрных ветвей, он давал возможность питаться грибами и ягодами. Неосторожный путник, съев неправильные плоды, мог поймать в своём разуме видение. Неудивительно, что в глубине тех лесов можно было наткнуться на жилище колдуна, засушивающего травы и некоторых особо надоедливых людей.

Единственная вещь, доставлявшая нам неприятности, — это чудовищные кошмары, одолевавшие нас по ночам. Самих снов никто не помнил, но братья по оружию утром рассказывали о наших криках в ночи. Тем не менее, вскоре мы привыкли и к этому.

Когда друзья притащили меня в лагерь, я был в полубессознательном состоянии. Я пролежал несколько дней, почти не шевелясь, обмотанный шкурами зверей, под настилом из ветвей, защищавших меня от снега. Иногда Вожак уходил на охоту, либо приводил мага-отшельника, готовящего для меня различные зелья. Я запомнил только прикосновения его старческих рук, в те моменты, когда он вливал в мою глотку вязкую жижу со вкусом плесени. Спустя ещё пару дней, я начал приходить в себя. Моя душа, блуждающая между жизнью и смертью, постепенно возвращалась в тело. Когда я заговорил с друзьями, дав им понять о своём состоянии, они помогли мне подняться и сесть возле костра.

— Вчера я вернулся из поселения на Юге. — Рассказывал Вожак. — После нашего нападения, Мнемогемнон двинулся далее на восток, оставив войско. Колдун считает, что он движется в горы. Говорит, там есть дверь в иной мир, которую давно уже никто не открывал.

— Он оставил войско? — Переспросил я, допивая горячий отвар из обломка собственного шлема.

— Да. Перед этим он обезобразил их. Я видел десятки мужчин, из глаз которых ручьями сочилась серебристая полынь. Они были на грани безумия. Местный лекарь предпринял множество попыток исцелить их, но все они оказались безуспешными. Ядовитый смрад Мнемогемнона, который он оставил им, якобы, в дар, поглощает их души.

— На что ещё рассчитывали эти трусы? — Насмешливо выплюнул Слепец, уставившись на огонь побелевшими глазами. — Пусть скажут спасибо за то, что их тела не хоронят в двух гробах по отдельности.

— А что насчёт двери в горах? — Продолжал спрашивать я. — Кто-нибудь видел её?

— Колдун видел. Он говорит, что пик одной из вершин будто срезан, и на абсолютно ровном камне высечены письмена, оставленные кем-то, жившим очень давно. Очевидно, Мнемогемнон жаждет возвращения на свою территорию.

— Стоит ли нам мешать этому?

— Тому что он убегает обратно в свою клоаку? Нет. И кому мы можем помешать? Нас всего трое.

— А если он вернётся со своей истинной армией? Если Мнемогемнон приведёт сюда тысячи тварей, подобных ему?

— Колдун тоже волнуется по этому поводу. Он предлагает пойти вслед за демоном, и уничтожить врата, как только он их пересечёт.

— И как же мы уничтожим гору? — Поинтересовался Слепец, слегка повернувшись к нам левым ухом.

— На этот счёт нужно посоветоваться с Колдуном. Завтра я схожу к нему, а вы оба отдыхайте.

На следующий день, когда я проснулся, Вожак уже ушёл. Я тихо подзвал к себе своего незрячего товарища, попросив усадить меня и напоить остатками отвара из листьев дикой смородины.

— Как себя чувствуешь? — Спросил он, привалившись к стволу осины.

— Уже лучше. Думаю, через пару дней, если Бог даст, встану на ноги. Самое главное сейчас — не подцепить хворь.

Мой друг, нащупав ветку, принялся ломать её в руках.

— Мир катится в пропасть, да? — Произнёс он, уставившись незрячим взглядом в чашу.

— Мир всегда был таким, — вздохнул я, помешивая еле-тёплый отвар в котелке над потухшим костром.

Вдалеке заскрипели деревья. Обернувшись, я стал всматриваться во мрак чащи, пытаюсь уловить движения приближающейся опасности.

— Это ветер, — уверял Слепец, — там никого нет.

— Откуда ты знаешь?

— Будь это зверь или человек, я бы слышал его шаги, или дыхание. С момента, когда я утратил силу зрения, я всё больше и больше ощущаю движения звуков. Дыхание ветра, шелест листвы. Закрой глаза, и ты почувствуешь, как всё вокруг излучает шум. Этот мир полон голосов, брат. Этот лес кричит.

Спустя какое-то время вернулся Вожак, продираясь сквозь толщу ветвей. Изрядно вымотанный последними событиями, побледневший и истощённый, он наносил удар за ударом, прорубая себе путь лезвием закалённого в бою меча. Он ходил к шаману раз в три-четыре дня, и каждый раз на знакомой дороге возникали всё новые препятствия. Когда-то этот колдун заключил союз с духами Северного леса, и потому, подход к жилищу кудесника

всегда был полон преград. Деревья вырастали из земли, достигая небес, и сплетались между собой ветвями, образуя целые вёрсты труднопроходимых мест.

Как и ожидалось, Слепец услышал приближение Вожака задолго до его прихода в лагерь. Однако, я был слишком слаб, чтобы выйти ему на встречу.

— Как прошла встреча? — Молвил я, едва он показался из-за зарослей.

Тяжело дыша, Вожак сел у кострища, воткнув в землю оружие. Несколько минут он собирался с мыслями, переводя дух.

— Этот шаман, видно, на старости лет совсем потерял рассудок.

— Что случилось? — Вопросил Слепец, шаря по округе руками, в поисках веток.

— Он поведал, что не собирается вступать в борьбу, которая его не касается.

— Тебя это удивляет? — Кряхтел я, пытаюсь встать на непослушные ноги. — Эти нелюди всегда сторонились и человека, и проблем, связанных с ними.

Шатаясь, я держался за ствол дерева. Мой незрячий друг, скинув ветки в кострище, ушёл немного вглубь леса, и вскоре вернулся с несколькими палками. Одну из них он отдал мне, на которую я опёрся, чтобы стоять увереннее на своих двоих. Вожак тем временем крошил в котелок припасённые листья смородины. Наблюдая, как я предпринимаю не особо успешные попытки к передвижению, он поместил несколько листочков себе в рот.

— Что ты делаешь? — Хрипло проговорил он, разжёвывая листья, в надежде утолить голод. — Тебе нужен покой.

— К дьяволу такой покой! — Выплюнул я, делая несколько шагов по лагерю, от которых у меня тут же закружилась голова. — О каком покое ты мелешь? Какой покой может быть у нас? Или ты, друг, уже забыл, с чего начались наши походы? Не с того ли, что мы поклялись уничтожить всю нечисть на земле, до тех пор, пока от неё не останется и следа?

Когда шум в голове затих, я, расставив широко ноги, навалился на свой новый посох, и, сдвинув брови, попытался придать голосу твёрдость:

— И заканчивается эта клятва словами: и не будет мне покоя, покуда твари ещё рыщут по Земле.

Вожак горько ухмыльнулся.

— Да не будет этому конца, понимаешь? На место одного всегда приходят другие. Наши предки бились с демонами. Мы бьёмся. И наши потомки тоже будут биться. Это бесконечная война, дружище, и я не желаю приводить детей в этот мир.

— Тогда почему ты продолжаешь делать это?

— Что "это"?

— Ты помог мне вернуться с бойни живыми, хотя не был уверен, что я останусь в живых. Ты на протяжении всех этих дней не оставлял своих обязанностей Вождя. Ты ходил к шаманам, которые никогда и не горели желанием вступать в войну, разведывал обстановку в общинах, хотя их жители гнали нас как предателей. Неужели, ты делал это всё из-за того, что дал клятву? Разве всё дело в словах, сказанных тобою однажды перед людьми, которые уже месяц, как лежат под снегом?

Вожак устало провёл рукой по лицу.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, друг, и благодарен, что ты пытаешься взбодрить меня. Не подумай, что я отчаялся и опустил руки. Мёртвые люди не могут отчаиваться. Тот, кто может отчаяться, опустить руки, давно мёртв.

— Как и мы все, дружище. Как и мы все.

— Я просто устал. Не от битв, не от постоянных потерь. Я устал идти на компромисс. Устал договариваться, устал идти на сделки. Это длится годами, это было ещё до нас, и будет продолжаться после, если мы не прекратим идти на компромисс. Я хочу покончить со всем, что несёт угрозу, не договариваясь ни с кем.

К кострищу, на котором собралось уже достаточно дров, подошёл Слепец с кремнием в руках.

— Что я слышу? — Улыбнулся он, высекая искры. — В наших рядах посеялись зёрна смуты и крамолы? Кто же остановит споры внутри отряда, если спорит сам глава оного?

— Наш друг предлагает напоить наши мечи кровью колдуна, очевидно, — заметил я, наблюдая, как Вожак пытается скрыть улыбку. — Что же он сказал такого, что посеяло в твоей душе сомнения?

— В отличие от нас, потерявших всё, он желает извлечь выгоду из трудностей, выпавших на нашу долю.

— Звучит знакомо, — продолжал глумиться Слепец, иногда прерываясь на раздувание огня, — где-то мы уже слышали подобное.

— Может, когда меняли органы павших товарищей на амулеты? — Предположил я, смеясь, не зная над чем.

— Да-да, что-то знакомое...

— Одно дело менять артефакты и органы умерших на необходимые в нашем ремесле предметы, — заметил Вожак, смотря, как в котелеке тает снег, согреваемый ярким, но ещё слабым огнём. — И совсем другое, — намеренно приводить живое существо к гибели.

Еле заметная улыбка, украшавшая ранее его пересечённые шрамом уста, совсем померкла.

— И долго ты будешь ходить вокруг да около, прежде чем поведаешь, о чём вы говорили с колдуном?

— В лесах, прилегающим к горам на востоке, живёт ведьма, которая способна устроить целое землетрясение. Предлагается пойти к ней и в момент прохода Мнемогемна через врата, обрушить горный массив.

— Звучит как-то слишком просто, — заметил Слепец, протягивая ладони к огню.

— Это ещё не всё. Колдун хочет заполучить её мозг.

— Заполучить что? — Переспросил я.

— Мозг. Он внутри черепа.

— Надо же, обычно колдуны требуют сердце.

— Или печень, — добавил незрячий.

— Печень обычно требуют оборотни.

— Оборотней не существует. Печень нужна колдунам для обряда.

— Обряды делают шаманы. Колдуны проводят ритуалы и воскрешают мёртвых.

— Но шаманы тоже воскрешают мёртвых...

Вожак резко оборвал нас:

— Прекратите спорить! Колдуны, шаманы — всё одно.

— Точно, — кивнул я, в знак согласия, — так же, как и амулеты с оберегами.

— Амулеты дают силы, а обереги — защиту, — вклинился Слепец.

— Господь всемогущий! Заткнитесь уже. — Прогремел Вожак на всю чащу, — Стоило вас оставить гнить на том поле, скоты. Чего ржёте?! Заткнитесь, и жрите отраву... тьфу, то есть, пейте отвар!

Следующие два часа мы, потягивая кипяток с ароматом смородины, обсуждали план колдуна. Выяснилось, что он в конфликте с ведьмой на востоке, а потому очень хочет заполучить её голову, точнее, содержимое этой головы. Вожак отметил, что колдун настаивает именно на том, чтобы мозг был отделён от остального тела.

— А почему бы нам просто не отдать ему тело ведьмы, в таком случае? Пусть сам выгрызает внутренности её головы, — предложил Слепец, пожёвывая дымящиеся листья, взятые со дна чаши.

— Он категорически против того, чтобы мы оставили её тело в целости, — пояснил Вожак, чьи зубы приобрели зелёный цвет, впитав сок листьев, — он говорил, что тело ведьмы наполнено каким-то проклятьем.

Не смотря на то, что до самой ведьмы нам не было никакого дела, Вожак наотрез отказался участвовать в интригах между колдунами.

— С меня хватит, — твёрдо проговорил он, — эти сделки и договоры приносят нам больше вреда, нежели выгоды.

Он планировал в начале разделаться с Мнемогемном, и лишь потом думать над тем, как поступить с ведьмой. Я поинтересовался насчёт непосредственной роли колдуна в нашем деле.

— Леса востока не так неприступны, как здесь. Поэтому пройти их не составит труда, тем более, остатком нашего отряда. Трудность состоит в том, что ведьма, как я понял со слов колдуна, значительно сильнее, чем он сам. Соответственно, её жилище найти намного труднее, чем жилище колдуна. Без него мы просто не сможем отыскать её за всеми магическими печатями.

Помимо всего этого, меня интересовало, как мы сможем догнать Мнемогемнона, если уже месяц торчим в лагере. На резонный вопрос об этом, Вожак ответил, что туша Мнемогемнона слишком огромная, а потому, чудовище медлительно вне боя. Молниеносность, с которой он крушил деревни, была обусловлена его армией. Появившись где-то в Европе, он разорял селения всю дорогу с запада на восток. Когда общины на его пути закончились, он оставил своё войско, передав им в дар своё проклятьё, и двинулся далее.

Я подсчитал, что чудовище достигнет врат примерно через неделю, но даже имея коней, мы бы не смогли его догнать.

— Колдун уже готовит всё необходимое для нашего похода. Он уверил меня, что знает короткий путь в леса востока.

— Лишь бы не катапульты, — взмолился Слепец, и мы немного посмеялись, воображая, кто, как и на чём полетит к ведьме.

Когда смех прекратился, я озабочился последствиями близкой встречи с чудовищем, и попросил товарища рассказать, как именно он потерял зрение.

— Это всё сказки его приспешников, — поведал Слепец, привалившись к дереву, — дескать, взгляд очей Мнемогемнона сводит с ума. Нет, друзья, не сводит. Мой ум в полном порядке, если, конечно, я сейчас не болтаю у костра совсем один.

Сидя рядом с ним, я протянул руку, и коснулся его плеча:

— Мы здесь, дружище. Ты не сходишь с ума.

— Спасибо, — он благодарно мотнул головой, — раньше я считал, что потерял зрения из-за того, что Мнемогемнон наслал на меня проклятьё. Но теперь я понимаю, что только благодаря этому я остался в живых. Из-за того, что вокруг тела чудовища тысячи ползающих

глаз, и к нему нельзя подойти сзади.

— Если этот кто-то взаправду существует, почему его нет среди нас?

— Колдун полагает, что это произошло до того, как он оказался на Земле. Он был изгнан из своего племени, где бы оно не находилось. Так что ты выяснил? — С этим вопросом вожак обратился к незрячему бойцу.

— Его взгляд, как я уже говорил, не сводит с ума. Однако, когда на тебя направлено его внимание, ты слепнешь. Размахивая косою, он уничтожает врагов в непосредственной близости. Его туловище может беспрепятственно вращаться вокруг своей оси, размахивая орудием, пока сила внимания ослепляет недругов в дали. Подобно тому, как вы можете смотреть на грязь, но обращать своё внимание на мысли о золоте, также и Мнемогемнон может направлять своё внимание на врагов вдаль, и одновременно смотреть на тех, кто рядом.

— Подожди-ка, друг, — озарённый мыслью, я подскочил со своего места, почти не чувствуя боли. Встав на ноги, я опёрся на палку, чувствуя, что уже привыкаю к новому способу передвижения. — Известно, когда человек достаточно сильно погружается в собственные мысли, он почти полностью теряет зрение, его можно застать врасплох. Стало быть, Мнемогемнон машет косою как полоумный по той причине, что, обращая внимание вдаль, он почти полностью слепнет к тому, что происходит поблизости.

— Именно это я и хочу сказать, — согласился Слепец, — его блуждающее внимание способно сбить твой ум с толку. Отсюда все эти слухи о безумии, постигающего каждого, кто взглянет на это чудовище. Направленное внимание Мнемогемнона, через глаза, проникает в душу, путая мысли. Тем не менее, как вы знаете, я не раз был атакован демонами, охотящимися за людскими душами. Однако, в нас не осталось души, друзья. Мы потеряли всё, что было нам дорого, и теперь духам зла некуда атаковать нас. Нет ничего, что они могли бы отобрать, ничего, что они могли бы извратить.

В чаще послышались стоны, и голос Слепца затих. Я ждал, когда мой незрячий друг обернётся, но увидев его спокойствие, и помня о его чутком слухе, понял, что боятся нечего. В подтверждение моим словам, он снова заговорил:

— Не волнуйтесь, братцы. Это ветер подслушивает нас.

— Вернёмся к рассказу. — Предложил Вожак, убирая руки от меча.

— Едва ощутил на себе взгляд Мнемогемнона, я сделал то, что проворачивал всякий раз, когда духи пытались вломиться в мой ум. Я сосредоточился на тишине. Я продолжал драться, но заставил мысли замереть. Я ощутил, как ненависть чудовища пытается прогрызть меня изнутри, но не ощущал страха, ибо знал, что во мне нет ничего, что могло бы попасть в пищу этому демону. В конце-концов, внимание, направленное ранее будто лезвие меча в мою душу, не найдя этой самой души, рассеялось, повергая тех, кто находился рядом. Я будто отражал эту дьявольскую силу, заставляя её распространяться вокруг, и наносить вред друзьям и врагам, что были рядом. Вскоре, мои глаза, не выдержав гнева чудовища, сгорели. Всё вокруг погрузилась во тьму, а затем, в бездну провалился и я.

Ещё в те дни, когда я лежал на поле боя, на пороге гибели, Вожак, ухаживающий за мной, рассказывал мне о выжившем бойце на другой стороне равнины. Иногда он покидал меня, но всегда возвращался, чтобы своими разговорами не дать мне пропасть в забвении. Не дать мне соскользнуть в ту бездну, куда падал и наш незрячий товарищ. Вытащив из меня обломок копья, Вожак описывал конец битвы, пока я, сотрясаясь, отхаркивал кровь. Он прижимал к моей груди пропитанные кровью тряпки, а я наблюдал, как на его лбу зияет

чёрная трещина. Я уже видел подобные раны много раз. Как правило, они образуются после того, как ты втыкаешь в голову здоровенный топор. Сквозь раскрывшиеся кости черепа я видел серую студенистую массу, — его мозг. Даже сквозь пелену бреда я понимал, что люди не должны жить с такими ранами, и потому первое время, пытался его прогнать. Теперь же, видя, как он продолжает строить планы по уничтожению нежити, я завидовал Слепому, который не видит дыры в голове Вожака. Сидя у костра в компании друзей, я понял, что никогда не смогу поднять в разговоре тему превращения одного из нас в нежить, — того, с кем мы обычно боремся. В любом случае, мы и так были мертвы, наши души существовали отдельно от тел, и подобный исход событий вызывал лишь небольшие возмущения на задворках моего ума. Получилось так, что один из троицы был мёртв, но первый не осознавал, второй не видел, а третий не решался заговорить. В этой ситуации меня особенно интересовала позиция Колдуна по этому поводу, но поговорить с ним ещё не представилось случая.

На следующий день, под покровом ночи, мы двинулись сквозь чащу в направлении хижины, где обитал отшельник. Вожак шёл впереди, прорубая путь, а мы с Незрячим помогали друг другу в пути: опираясь одной рукой на посок, а другой — на своего друга, я предупреждал его о возникающих на пути препятствиях, позволяя ему благополучно их миновать. Время от времени мы натыкались на останки, подвешенные к ветвям, и Вожак говорил, что мы верном пути. Наконец, мы вышли на крохотный пустырь, окружённый множеством извивающихся в самых разных формах, деревьев. Некоторые стволы закручивались вокруг других деревьев, словно пытаясь задушить собратьев.

— Мы пришли, — заключил Вожак.

Я озирался вокруг пытаясь разглядеть во мраке зарослей хоть какой-то намёк на жилище колдуна, но натыкался только на останки тел. Кровь стучала у меня в висках, воздух был затхлым, насквозь пропитанным вонью гнили и плесени.

— Что-то не так, — прошептал Слепец, сжимая моё плечо. — Ты чувствуешь?

— Чувствую что?

Его голос дрожал.

— Смрад.

Раздался треск и массивный дуб, растущего перед нами, раскололся надвое. Изнутри пустого ствола показался сильно состарившийся человек.

Его лицо было настолько старое, что на нем нельзя было черт лица, — то был сморщенный мешок кожи, с которого свисало несколько прядей седых волос. Тощее тело было облачено в чёрные обноски, некогда служившие рясой. Две пары рук свисали плетьюми, демонстрируя длинные почерневшие ногти.

Одна из ветвей дуба проникло в нутро древа, и схватив тело за голову, вытащило его из ствола, подняв ввысь. Я почувствовал, как желудок выворачивается наизнанку.

— Что происходит? — Мой товарищ, продолжал теревить меня за плечо. — Что я слышу?

— Скажем так, я завидую твоей слепоте. — Сипло ответил я, не в силах оторвать глаз от зрелища.

Я видел многое. Я наблюдал, как людей разрывают на части, встречал невиданных тварей всех форм и размеров, но видеть как жизнь человека продолжается посредством окружающего мира, как существо, пытаюсь выжить, сливается с деревом, — подобное зрелище вызывало у меня гремучую смесь отвращения и ненависти. Только сейчас я понял, почему Вожак задумался над целесообразностью сговора с подобной мерзостью, — идти на компромисс с подобными тварями было ниже достоинства даже тех из нас, кто давно умер.

Проникая между деревьями, ледяной ветер ворвался на пустырь. В шелесте листьев, я явственно услышал голос:

— Путь открыт. Идите, и пусть то, что должно произойти, случиться. Когда с чудовищем будет покончено, я буду ждать вас вместе с головой ведьмы.

Ветви на противоположной стороне пустыря раздвинулись, и нам открылся проход в чащу. Скомандовав, чтобы мы следовали за ним, Вожак скрылся в темноте. Держась за своего незрячего спутника, я прошёл до самого прохода, остановившись на краю пустыря.

— Почему мы остановились? — Спросил он, не скрывая волнения в голосе.

— Я сейчас вернусь. Нужно кое-что спросить у него.

Отойдя от Слепца на приличное расстояние, я подошёл к телу колдуна, которое уже вернулась в пустотелый ствол. Кора дуба уже смыкалась над ним, когда я подошёл совсем близко, и разглядел, что его тело почти полностью мертво. Пожираемое временем, оно дряхлело с каждым годом, и судя по всему, колдун нашёл способ продлить себе жизнь за счёт сил природы. Протянув руку, я отодвинул кожу, нависшую над глазницами, и увидел, что они забиты чёрной землёй.

Ветер достиг моих ушей:

— Что тебе нужно?

— Умоляю, говори тише! — Прошептал я, косясь на товарища, дышавшего себе на руки, в попытке согреться. — Мне нужно знать, почему Вожак продолжает жить.

Прошла минута в тишине, прежде чем я снова услышал голос, на этот раз, более тихий:

— Ещё раз. Повтори ещё раз. Не понял вопрос.

— Почему Вожак, получив ранение в голову не умер? Не говори мне, что ты не видел раны на его голове. Почему он продолжает жить?

Снова минута тишины. Снова голос.

— Кто продолжает? Кто живёт? Не понял вопроса.

Кора дерева сомкнулась, скрыв от меня тело. Решив, что Колдун просто избегает ответа, я пошёл к своему другу. Однако когда между Слепцом и мною оставалось всего несколько шагов, мои ноги подкосились. Опираясь на посох, я смотрел на своего друга, чувствуя как по лицу катятся слёзы. Он крутил головой, пытаясь расслышать происходящее сквозь шум ледяного ветра, а я смотрел на него и впервые за долгие годы чувствовал, как волна боли, накапливаясь в груди, извергается потоком слёз через глаза. Я плакал, наблюдая, как он тщетно пытается согреть свои руки дыханием, не понимая, что дыхания нет.

На подходе к нему меня настигло осознание. Когда человек дышит на морозе, из его рта должен выходить пар, но его не было. Слова колдуна снова и снова прокручивались в моей голове: кто продолжает? Кто живёт?

Никто не живёт! Никто не может жить после пробития груди металлическим копьём. Как и после удара, пробивающего череп. После боя с Мнемогемноном не было выживших. Остались только мертвецы, и мы были среди них.

Глава XII. Болото с костями

«Обнародуй нам, Отец, Что такое есть потец?»— Александр Введенский, "Потец".

Трясина тянула нас на дно. Пройдя по тропе, указанной колдуном, мы в какой-то момент словно провалились под землю. Падая в кромешной тьме, я уже собирался выкрикнуть в адрес старика самые яростные проклятия, но рот вдруг наполнился противной горькой жижей, и я понял, что погружаюсь в какое-то болото.

Барахтаясь в пучине, я наконец смог всплыть и ухватиться за ближайшую корягу. Убрав нависшую на лицо тину, я жадно глотал воздух. Всмотриваясь, в сумерках, я вскоре разглядел своих друзей, борющихся с давлением тягучих вод, наполнявших водоём. Окликнув их, я поспешил к ним на помощь, хватаясь за скользкие стволы упавших деревьев, которых вокруг было в избытке.

— Нет, нет, — кричал Вожак, впиваясь побелевшими пальцами в одну из нависших над болотом ветвей. — Я в порядке, помоги ему!

И он отчаянно мотал головой в сторону Слепца, макушка которого уже покрывалась чёрной жижей. Подобравшись к нему, я, держась одной рукой за ближайший ствол, другой нащупал его волосы. Превозмогая боли в груди, я вытащил его на поверхность. Слабеющими руками Слепец обвил мою шею.

— Что случилось? — Спросил он, сплёвывая воду.

— Либо колдун решил нас утопить в этом проклятом болоте, — предположил Вожак, шаря руками под собою, — либо он забыл предупредить нас о том месте, где находится жилище ведьмы. Чёрт, да где же этот меч?

Набрав полную грудь зловонного воздуха, он нырнул в кишашую нечистыми миазмами воду. Заприметив крохотный островок, заросший высокой травой, я обратился к висевшему на моей шее товарищу:

— Друг, сейчас держись за меня одной рукой. Я вижу землю.

— Понял, — заикался он, сотрясаясь от холода.

Перемещаясь от коряги к коряге, мы осторожно продвигались к зарослям травы, пока наши ноги не ступили на вязкое дно. Мой друг, едва оказавшись на острове, без сил упал на траву. Я осмотрел нас. Одежда, и без того пострадавшая в бою с чудовищем, теперь свисала на нас лохмотьями. Мы стали похожими на тех отшельников, которые прятались в лесах, скрытые от глаз всякого люда.

Вожак присоединился к нам только спустя десять минут безуспешных попыток отыскать оружие.

— Будь проклят этот колдун! — Ругался он, выходя на землю. — Похоже, нам придётся биться с Мнемогемноном палками и камнями.

— Как мы вообще узнаем, правильно ли нас направил этот старый чёрт? — Поинтересовался я, выжимая на себе одежду.

Вожак кивнул в сторону вершушек деревьев. Проследив за его взглядом, я увидел возвышающиеся пики гор, за которые уже садилось солнце.

— Похоже, ночевать нам придётся прямо тут. — Заключил Вожак, снимая насквозь промокшую рубаху.

— Не придётся, — возразил Слепец, уставившись молочно-белыми глазами в грозное серое небо.

Подняв одну бровь, Вожак многозначительно переводил взгляд с него на меня, как бы интересуясь насчёт рассудка незрячего солдата.

— О чём ты? — Спросил я, подойдя к нему на шаг ближе, в попытке разглядеть в нём симптомы бреда на фоне переохлаждения.

— Ведьма живёт рядом. И она знает, что мы здесь, — ответил он, прекращая дрожать.

Нахмурившись, Вожак все сильнее, до хруста, скручивал одежду.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю, как сказать вам, друзья. Я её... вижу.

Присев перед Слепцом, я положил на его мокрый лоб свою ладонь.

— Ты не в себе, дружище. Тебе нужен отдых.

— Скажи это ей, — прошептал он, сжимая слабеющими руками примятую траву.

Шёпот ветра прокатился по кронам деревьев. Вода по всему болоту вдруг вспенилась, выталкивая на поверхность клубы седого пара. В одно мгновение ноябрьский мороз сменился на жару, и мы оказались будто посреди котла, в котором кипит отвратительно смрадное варево.

Оттащив Слепца подальше от воды, мы с Вожаком озирались по сторонам.

— Где она? — Кричал он Слепцу, сжимая пудовые кулаки. — Где ты её увидел?

— Повсюду, — выдохнул боец, опуская веки.

Хлопая его по щекам, я пытался заставить его оставаться в сознании:

— Эй, не смей уходить. Не смей умирать, слышишь?

Словно насмешка над моим страхом, в голове снова зазвучал голос отшельника: кто продолжает? Кто живёт?

Я посмотрел на Вожака, рассчитывая на его помощь, но он, озираясь, стоял с голым

торсом, сжимая в руках особо толстую палку. Оглянувшись, я увидел, как вокруг нас над водой взмывают тела. Десятки покрытых илом мертвецов, поднимались со дна всё выше и выше. Скелеты с редкими остатками плоти, увешанные лохмотьями из тины, взирали на нас пустыми глазницами, зависнув в воздухе.

Оставив Слепца лежать на земле, я вскочил со своего места, привычно занимая стойку. Как и много раз до этого, я и Вожак стояли спиной к спине, обратив взоры к окружающим нас врагам.

— Что будем делать? — Спросил я, мигом забыв про боли в груди.

— Хотелось бы бежать, — честно признался командир.

— Через кипяток?

Ответа не последовало. Тем временем мертвецы, хрустя суставами, вытягивали руки, устремляя указательные пальцы в нашу сторону.

— Тебе, часом, колдун не дал каких-то наставлений на этот случай? — Прохрипел я, ощущая как поднявшийся смрад сдавливает мне горло.

— Конечно, я тут просто как идиот стою, ожидая, пока нас сварят.

— Ну, может, он намекал, а ты не понял?

— Да, он что-то говорил про суп из мертвечины. Я подумал, он болтает про зелья, и не придал значения.

— Правда?

— Уж, поверь, если бы я знал, что нас ждёт, я бы сжёг его вместе с лесами Севера.

Раздался писк, и из чащи начали вываливаться сотни крыс. Они прыгали в кипящую воду огромной массой, наваливаясь друг на друга, образуя помост, медленно подходящий к нам. Сразу за ними из леса вышла бледная женщина, одетая в рваное чёрное платье.

Её лицо осунулось, щёки впали, а глаза будто были отлиты из стекла. Кожа от шеи до запястий покрылась кровавой коркой. Шатающейся походкой, она босыми ногами ступала прямо по тушкам крыс, ломая тонкие кости животных. Серые глаза были широко открыты, чёрные волосы, трепетавшие на ветру, придавали ей вид призрака. Остановившись в нескольких шагах от нашего островка, она взирала на нас сквозь несколько свисших на лица прядей. Посиневшие губы растянулись в неестественно широкой улыбке, выпуская охрипший, срывающийся голос:

— Приветствую вас, благородные путники!

Тонкие руки, раскинулись в стороны, будто желая объять бушующий над болотом ветер. Тёмно-красные язвы покрывали белую кожу от локтя до кисти. Пальцы оканчивались длинными ногтями, испачканными в земле.

— Сейчас мои предки разорвут вас на части, — торжественно объявила ведьма, восхищённо глядя на повисших в воздухе мертвецов.

Вожак угрожающе помахал перед собой дубиной, пытаясь перекрыть ветер:

— Твои предки и так разваливаются, падальщица!

Опустив подбородок, девушка посмотрела на него исподлобья, растягивая губы ещё шире. Опустив одну из рук, другой она щёлкнула пальцами, и палка в руках командира разлетелась в щепки.

— Я сделаю то же самое с твоим телом, — прошипела она, — и прежде, чем кануть в объятия смерти, узришь ты, как крысы пожрут твоё сердце!

— Дружище, — не сводя глаз с ведьмы, я обратился к своему товарищу, — она говорит стихами. Нам точно конец!

— О, как мне нравится, что вы сохраняете чувство юмора перед лицом гибели. Продолжайте пытаться язвить, и я убью вас быстро.

— Послушайте, барышня, — прокричал Вожак, поднимая руки, — нам нет дела до вас и вашей болотной родни.

Склонив голову на бок, ведьма немигая смотрела на нас с любопытством.

— Ложь! — Протянула она, со вкусом выговаривая каждое слово. — Вы явились ко мне из портала, который не мог открыться сам по себе.

— Нас направил сюда колдун севера. Мы просим помочь нам победить Мнемогемнона, или, на худой конец, закрыть дверь в другие миры, что находится в этих горах, — пояснил Вожак, подходя на шаг ближе в направлении ведьмы, — уверяю вас, мы пришли с миром.

Эффектная улыбка медленно меркла, уступая место явному презрению.

— Колдун севера... — вкрадчиво проговорила дева, — Конечно, кто же ещё мог почуять меня. На сей раз, стало быть он решил подослать ко мне заранее мёртвое, но не гниющее, — а потому, совершенно бесполезное, — мясо.

«Она знает! — Мелькнуло у меня в голове. — Знает, что мы неживые.»

Вожак никак не отреагировал на слова ведьмы. Нас часто называли мертвецами за наши моральные качества, и он, очевидно, решил, что эта дама просто наслышана о наших подвигах.

— Вы знакомы с отшельником? — Спросил он.

— Скорее, с его завистью, глубокой и чёрной, как это болото. Что он затребовал? Сжечь меня? Или, быть может, мою кровь?

— Ваш мозг.

Услышав ответ, ведьма устало закатила глаза. Судя по всему, такой вариант казался ей

самим собой разумеющемся. Окинув взглядом водоём, она провела рукой, очерчивая просторы, заполненные смрадной жижей.

— Посмотрите, что он сделал с моим народом. В поисках вечной жизни, он прибегал к помощи людей, запугивая их, заставляя отлавливать нас и сжигать один за другим. Мне остались лишь их останки, обезображенные, впитавшие в себя всё проклятие нашего рода. Я знала, что он ведёт охоту за их костями. И забрала их с собой, туда, где нас никто не найдёт.

Повернувшись к Вожаку, она твёрдо проговорила, вперив в него острый взгляд:

— Возвращайтесь откуда пришли! Идите домой.

— У нас нет дома. Вы же сами сказали, что мы мёртвые. Какой у нас может быть дом?

— Весь мир, быть может, — предположила ведьма.

— Этот мир падёт, если чудовище, что идёт с запада, достигнет врат в этих горах.

Сощуриив глаза, она смерила взглядом Вожака, пытаясь обнаружить на его лице признаки лжи. После чего вгляделась в глубины леса за нашими спинами. Острие взгляда проходило сквозь нависшие пряди волос, и далее, через множество деревьев и кустов, мимо лугов и полян, огибая жилища диких животных, устремляясь туда, откуда на нас двигалось воплощение зла. Совершая тяжёлые, широкие шаги, сжимая в руках смертоносную косу, монстр неумолимо приближался, и тысячи глаз, ползающих по всему телу и окружающей территории, указывали ему путь.

— Мнемогемнон... — выдохнула ведьма, — он и сюда добрался.

Почившие родственники, витавшие вокруг нас всё это время, с оглушительным плюханьем, один за другим начали падать в воду.

— Идите за мной, — скомандовала хозяйка леса, круто повернувшись в направлении крысиного моста.

— Постойте, — оторопел я, — нашему товарищу нужна помощь. Он слеп.

— Он? Слеп?! — Рассмеялась ведьма, — мне пришлось усыпить его, чтобы он перестал глазеть на меня, срывая возможность эффектно появиться. Оставьте его здесь, он очнётся через пару часов и отыщет вас, клянусь.

И, не оборачиваясь, она устремилась в чащу.

Её звали Гетéрой. Я запомнил это имя, потому что встречался с ней в последующих жизнях. Гетера жила очень скромно для сущности с таким сверхъестественным потенциалом. Гонимая суеверными людьми, она отходила всё дальше и дальше на восток, пока наконец не оказалась в этих местах. Лес, покрывающий горы, дал ей убежище, позволив развернуть внутри себя болото, наполненное смолой.

— Я перевела десяток охотников на ведьм, чтобы наполнить этот водоём достаточным количеством гнили. — Пояснила Гетера. — Их лицемерные души отлично подходили для этого.

Также ей пришлось занять одну из пещер, уходящих вглубь массива, чтобы организовать примитивный быт.

— Стало быть, отшельник не так прост, раз вы бежите от него, — резюмировал Вожак, греясь у огня, который ведьма развела в своём котле. Свет пламени разбрасывал наши тени по каменным сводам; меня не покидало предчувствие неизбежной катастрофы.

— Сам отшельник не представляет для меня никакой угрозы, — заверила ведьма, — этот старик слишком напуган перспективой встретиться с Творцами миров. Ни он первый, ни он последний, кто думает, будто наше проклятие поможет избежать смерти. Сколько ещё

ему нужно убить подобных мне, пока он наконец не увидит, что мы не бессмертны?

Поужинав какой-то травой, мы встали ближе к котлу, давая одежде просохнуть. Вход в пещеру отделял тонкий, но достаточно тяжёлый навес. Сквозь это полотно, грубо сшитое из чьей-то кожи, пробивались последние лучи заходящего солнца. Тучи понемногу рассеивались.

Гетера, судя по всему, не нуждавшаяся в еде, ходила по потолку у нас над головами, заложив руки за спину. Её волосы свисали вниз чёрной паутиной, однако полы шёлковых одеяний, тем не менее, не были подвержены законам природы. Я хотел спросить, как ей это удаётся, но не решался прервать их диалог.

— Не понимаю, почему вы просто не уничтожите приходящих к вам людей. Нас, судя по всему, вы не хотели оставлять в живых... надолго.

— Я не могу убивать людей. Даже самых мерзких. И отшельник это знает.

— Почему?

Задрав голову, Вожак смотрел, как на её лице появляется насмешка:

— О, боги. Он и в самом деле отправил вас ко мне, ничего не объяснив.

— И он заплатит за это! — Знакомый голос эхом пересёк пространство пещеры.

Мы посмотрели в направлении выхода, и увидели нашего незрячего друга. Его глаза были всё также безжизненны, но твёрдая походка, с которой он направлялся к очагу, говорила, что он видит как никогда ясно.

— С возвращением, — протянула ведьма, плавно опускаясь на холодный пол. — Надеюсь, мои предки не доставили тебе хлопот.

Слепец устроился возле огня, принимая протянутую мной траву.

— Когда вы ушли, — рассказывал он, пережёвывая стебель сорняка, — чьи-то руки утащили меня на дно. Я бы задохнулся, если бы дышал, но, похоже, в этом больше нет смысла. Сковав меня своими костяными объятьями, останки этих людей, рассказывали мне о своих жизнях. Вы и представить не можете, как удручают эти жалобы, уж простите, госпожа за эти слова. Я мечтал проснуться, чтобы вернуть контроль над телом. Закричать, позвать на помощь. Но я был без сознания, и всё же слышал каждое слово, и, — дьявол, — какие же эти слова были тяжёлые. В конце концов, они отпустили меня.

Покрытые язвами, тонкие руки опустились на плечи солдата.

— Мне стоило предусмотреть это. — Сочувствующе сообщила Гетера. — Я всё чаще теряю связь с реальностью, и способность сочувствовать даже своей почившей семье. Неудивительно, что они искали чьи-то уши, чтобы излить душевные страдания.

— Всё в порядке, — отмахнулся Слепец, закидывая в рот остатки подорожника. — Я иду спать.

С этими словами он покинул нас, скрывшись в недрах горы.

— Почему он снова начал видеть? — Сведя брови, спросил Вожак, глядя ему вслед.

— Он и не переставал, — объяснила Гетера. — Наоборот, он обрёл истинное видение. Просто сознанию нужно было время, чтобы освоиться с этой силой. А для этого иногда нужно потерять весь былой опыт, что с ним и происходило все предыдущие дни. Оказавшись в опасности, сознание наконец проявило новые свойства.

— Но как ему удалось получить эту силу?

— Так же, как и вам, — проговорила ведьма тоном уставшего лектора.

Взяв Вожака за руку, она прислонила её к трещине на черепе, сквозь которую проглядывал его мозг:

— Очевидно же! Он просто умер.

«И я живу, как в бреду, Я просто пытаюсь быть...» — the Uchpochmuck, "Lightbulbs"

Во всех моих жизнях хватало места бессонным ночам, но та ночь, проведённая в глубине пещеры, среди множества причудливых форм сталактитов, остаётся самой длинной за всё время моего существования. Под звук капавшей воды, мы с Вожаком ходили от одного соляного нароста к другому, внимая рассказу Гетеры. Время от времени, в паузах между вопросами и ответами, можно было услышать еле различимый стон, исходящий от глыб, формой напоминающих людей.

Казалось, что пещере нет конца, и чем дальше мы уходили во мрак, освещая себе путь огнём, исходящим от рук ведьмы, тем ярче становилось наше понимание происходящих вокруг нас вещей.

Возраст женщины, сопровождавшей нас, насчитывал уже более двух тысяч лет. Она утверждала, что ранее людей, подобных ей, было значительно больше. Ведьма рассказывала о городах и народах, давно канувших в лету. Она поведала, что когда-то люди почитали множество богов, и относились к ведьмам и колдунам, как к неотъемлемой части их собственного мира, а не кидались истреблять их, под воздействием ужаса, навеянных глупыми суевериями. Она говорила о времени, где не было нужды в компромиссах и сделках с совестью. О мире, свободном от последствий.

— Мой разум затуманивается, — призналась Гетера, — проклятье действует на меня с возрастающей силой.

Сотни тысяч мелких существ населяли тело ведьмы. Она не знала, откуда они явились в наш мир, и уже плохо помнила момент, когда они проникли в глубины её вен.

— Начало этих тварей, — тайна. Неизвестно, откуда и как они пришли сюда. Они не могут познать себя, и потому ищут разум, с которым смогут взаимодействовать. Когда разум найден, открывается потенциал, управляемый сознанием.

Они прогрызли внутри её мозга множество ходов. По словам Гетеры, некоторые участки этого органа состоят исключительно из скоплений этих тварей.

— Тлееды. Так мы их называем.

Не смотря на кажущийся выгодным симбиоз, деятельность паразитов всегда была направлена на подчинение сознания, из-за чего первым правилом всех носителей было оставаться бдительным и сохранять человечность. Мы можем жить очень долго за счёт быстрой сменяемости поколений тлеедов. Они действуют как одно целое, и подчиняются, в первую очередь, сознанию носителя. Поэтому, при необходимости, они жертвуют отдельные единицы колонии на восстановление целостности тела. Так что мы не стареем очень долго.

Однако, самими носителями было замечено, что каждое следующее поколение тлеедов было незначительно слабее предыдущего. Процесс деградации чрезвычайно медленный, поэтому разница видна только в масштабе одной-двух тысяч лет.

— Раньше я могла менять своё тело и материю вокруг меня силой одного только сознания. Теперь мне приходится щёлкать пальцами, чтобы расщепить камень надвое. Мои тлееды достались мне от матери, а ей от носителя с востока, которого я никогда не увидела. Моя мать могла взглядом заставить засохнуть двухсотлетний дубовый лес, в наказание царю, посмеявшегося посмеяться над ней, а тот эскулап, что случайно заразил её, проводя процедуру кровопускания, мог так же просто вернуть этот лес к жизни, и пойти гулять по луне, ради

забавы. Очевидно тлееды теряют свою мощь, когда долго находятся в одном и том же мире. Представляю, что станет с последующими поколениями. Хорошо, если они смогут перемещать своё тело дальше, чем на двести шагов, и их телепатии хватит хотя бы для открывания двери.

Не смотря на явную озабоченность деградацией паразитов, Гетера сохраняла отчуждённое спокойствие.

— Все умирают. В этом нет ничего страшного. Я была мертва с момента сотворения мира и до своего рождения. Люди умирают, когда засыпают так крепко, что не видят даже снов. Где в этот момент находится их сознание? Оно перестаёт течь, перестаёт существовать как явление. Когда мозг достаточно отдохнёт, он снова запустит процесс, обернув его в хранящиеся воспоминания. Каждую ночь человек умирает и возвращается к жизни. Поэтому носители не спят и остаются в сознании даже на грани полного разрушения тела. Тлееды просто не позволяют потоку прерваться. Даже смерть не всегда является спасением.

Гетере не случалось умирать. Однако, она очень много раз за свою жизнь наблюдала смерти своих близких, и те немногие, кто возвращались в реальность, говорили о том, что их сознание находилось в состоянии стазиса: всё, что составляло в них личность, вдруг замирало, застывая камнем. И чем больше времени они проводили по ту сторону жизни, тем труднее им было вернуться назад, не растеряв по пути остатки человечности.

— Тело носителя оживёт, если большая часть мозга будет цела, но не факт, что сам носитель будет контролировать своё тело. Бывает так, что человек остаётся в забытии, а тлееды берут верх над ним. Вот эти твари — самые опасные из носителей. Это чужеродное, полностью слившееся в единое нечто, сознание. Такие гибриды навсегда теряют власть давать вещам имена, то есть определять, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что — нет. Подобные существа понятия не имеют, кто они и где находятся, как собственно, и сами тлееды. А вся деятельность жертвы сводится к постоянному дрейфу между мирами и заражению как можно большего числа живых существ.

Проблемой переходов между мирами был озабочен и наш отряд, поэтому Вожак попросил рассказать об этом побольше, упомянув Мнемогемнона, направляющегося к порталу.

— Носители способны перемещаться на очень большие расстояния, однако переход в другую реальность подобен суициду. Есть, так называемое, правило фокусировки, — чем дальше точка бытия, в которой ты хочешь оказаться, тем обширнее радиус "разброса". Перемещение на достаточно большое расстояние, например, на другую сторону мира, даёт радиус разброса в две тысячи вёрст, поэтому, если вы не опытные, вас разбросает вихрем по этой площади. Падение в иной мир почти всегда оканчивается чем-то ужасным. Мы это знаем, потому что за всю историю существования нашего народа, есть только три или четыре носителя, сумевших вернуться. Остальное несчётное количество людей просто исчезли навсегда.

Если верить Гетере, те, кому посчастливилось вернуться, говорили о мирах, где сознание представлено иной формой. Так, одна носительница, кинувшись в иную реальность, вернувшись, поведала о месте, где сознание выражено более плотным светом. Живые существа плавают в эфире, испуская своего рода крики, в виде плотного света. Среди этих существ есть исполины, превышающие размерами целые миры. Этот вид сознания не подходил для тлеедов, поэтому носительнице удалось без потерь вернуться. Вскоре, она ещё раз перешла границу миров, и попала в место, состоящее целиком и полностью из замкнутых

тёмных помещений, огромных размеров. В сводах этих комнат, соединённых обширными коридорами, в которых также отсутствовали источники света, гуляло эхо, источник которого нельзя было отыскать. Побродив во тьме несколько недель, эта женщина решилась воспользоваться способностями, и разжечь огонь. Когда просторы залов были освещены, выяснилось, что никаких помещений не существует. Стены, на которые натыкалась носительница, легко пропускали через себя свет, являясь абсолютно прозрачными для него. Как только свет достиг этих поверхностей, они потеряли свою силу, перестав сохранять твёрдость, и ведьма полетела в пропасть. Пока она падала, эхо голосов, существовавших, похоже, само по себе, становилось всё громче и громче, переходя на крик ужаса от столкновения с чем-то необъяснимым. И тогда носительница вернулась обратно в свой мир. Этот опыт заставил её отложить авантюры с путешествиями на какое-то время, но вот она снова заскучала от жизни на Земле, и вновь совершила прыжок в неизвестное, чтобы на этот раз никогда не вернуться. Куда она попала, и что с ней произошло, так и остаётся загадкой, спустя уже многие сотни лет.

Пока Гетера посвящала нас в историю своего народа, Мнемогемнон, поднимался в горы, в полнейшем одиночестве, намереваясь к рассвету подойти к порталу.

— Так почему же он ищет портал? — Спросил Вожак, когда наши ступни коснулись воды.

Мы стояли глубоко под землёй, созерцая огромное помещение, конец которого тонул во тьме. Взмахнув рукой, Гетера заставила огонь взмыть вверх с её ладони. Поднимаясь выше и выше, он разгорался, освещая всё больше и больше пространства. Перед нами расстиралось подземное озеро. Мелкой дробью с каменного потолка просачивалась вода, каплями опадая вниз, заставляя поверхность водоёма морщиться. Круги медленно, будто нехотя, расходились

по воде, лениво растворяясь друг в друге. Затаив дыхание, мы несколько минут наслаждались тотальным безмолвием, осознав себя глубоко под землёй, куда не проникают звуки суетливого внешнего мира.

— Это место чудесно само по себе, — благоговейно говорила ведьма, — земля в этом месте сдвинулась миллионы лет назад, образовав горы. Воды годами стекали сюда, капля за каплей, впитывая в себя всевозможные минералы, образуя это озеро. Вы можете выпить из него. Не бойтесь, это самая чистая вода, которую вы только можете отыскать в этих краях. Но старайтесь не возмущать воду слишком сильно.

И, чёрт меня побери, о да! Какая же это была вода. За следующие полторы тысячи лет существования, я ни разу не встретил более вкусной воды, чем та, что наполняла это озеро. До сих пор не могу забыть, то ощущение прохлады, растекавшееся по моему телу, уничтожающее на корню жажду, терзавшую меня последний месяц. Эта была та самая вода, напиваясь которой, точно знаешь, что, пусть ты и не совсем жив, но точно ещё не полностью мёртв.

— По некой удивительной прихоти вселенной, — продолжала Гетера, когда мы напились, — прямо над этим местом расположена дверь, ведущая в другие миры. Небольшое ровное каменное плато, открывающее дыру в неизвестное, всякий раз, когда первые лучи солнца касаются поверхности. Всё, что оказывается в этот момент на плато, ниспадает в чужую обитель. Здесь нет указателей, ибо нет направлений. Пункт назначения случайный и непредсказуемый. Кроме того, проходящий через дверь может изменить свою форму, таким же случайным образом. Он распадается на мельчайшие частицы бытия, чтобы быть вновь собранным на той стороне. Результат таких метаморфоз не может предсказать ни один тауматург. Даже вселенная не может знать этого до момента, когда перемещение будет завершено.

Посоветовавшись, мы сошлись во мнении, что Мнемогемнон настолько отчаялся, что готов подвергнуть себя случайной метаморфозе, надеясь, что ему выпадет шанс превратиться в нечто более могущественное, чем он есть сейчас. Мы задались вопросом, какова вероятность того, что чудовище станет сильнее и сможет вернуться в наш мир, надеясь проглотить его целиком.

— Если я всё правильно понял, — подал голос Слепец, — может случиться что-то ужасное. А может и нет.

— Всё что угодно может либо случиться, либо не случиться, — вставила Гетера.

— Не хотелось бы проверять это, буду честен. Его необходимо остановить, так или иначе. — Заключил Вожак. — Он сеет разруху и смерть вокруг себя. Уничтожим его, и дело с концом!

— И что тогда? — Спросила ведьма. — Чем вы займётесь после убийства Мнемогемнона?

— Убьём ещё кого-нибудь, — предположил командир, пожав плечами.

— Например?

— Например, отшельника. Этот проклятый колдун за всё заплатит.

— За что "за всё"?

— За все свои злодеяния. За то, что морочил головы нам, и нашему народу. И, мне казалось, ты также должна этого хотеть, разве нет?

В неровном свете огня, я увидел колючий проблеск гнева в глазах Гетеры.

— Думаешь, при всём моём опыте, накопленным за тысячи лет жизни, я бы не

придумала, как его разделить на части?

— Ну, ты же не сделала этого.

— Идиот! Неужели, ты прослушал всё, о чём я говорила здесь?! — Возглас ведьмы сотрясал своды пещеры.

— Я всё прекрасно слышал. И я понимаю, как сложно сохранять человечность с таким проклятием, как у тебя. Понимаю, что ты не можешь убивать, но разве это бремя висит над нами? Мы убивали приспешников Мнемогемнона сотнями, и с нами ничего, как видишь, не случилось?

Пламя, витавшее под самым потолком, начало опускаться, давая больше света находившимся внизу людям. Я смотрел на их лица, подсвеченные сверху, и мне вдруг показалось, что я совершенно один в этой пещере, наблюдаю за разговором двух бесплотных духов. Я хотел было заговорить, чтобы развеять это видение, но мой слепой товарищ, мягко коснулся моего плеча, призывая хранить молчание.

Ведьма всё так же неотрывно смотрела на потёртого жизнью Вожака. Её губы кривились, нос морщился, а тело исходило яростной дрожью.

— Я каждый день борюсь с искушением выйти в людное место, раскинуть руки, и заставить тела всех присутствующих лопнуть, будто пузырьки в кипящей воде. Я не могу спать, но, если бы могла, я бы видела сны, в которых я купаюсь в крови всех священников и воцерковлённых солдат, именующих себя охотниками на ведьм. Я жажду собрать всех этих двуногих уродов, к виду которого я имею "честь" принадлежать, в одну огромную яму, и заставить их жрать друг друга за право на жизнь. Чтобы потом среди них остался самый сильный из людей, которого я убью щелчком пальца!

Взмахнув руками, она схватила за плечи Вожака, впиваясь острыми ногтями в его кожу. Приблизившись к нему, буквально нос к носу, она шипела сквозь зубы:

— Я мечтаю, слышишь? Мечтаю о том, чтобы они наблюдали, как я сдираю заживо кожу с их детей живьём. Я провела сотни ночей, собирая кости моего народа, ища то место, где они смогут найти покой. Тлееды не дают им умереть, понимаешь? Самих людей в этих костях давно нет, но эти паразиты населяют их почти полностью. Даже сейчас я слышу, как они говорят о своих жизнях, потому что тлееды не могут понять, что произошло. Они повторяют, кричат в пространство те слова, которые кричали их носители до момента своей гибели. Я слышу их каждую чёртову секунду!

Из глаз Гетеры брызнули слёзы. Оттолкнув командира, она упала на пол, и зарыдала. Прежде, чем я успел что-либо понять что происходит, наш незрячий друг подбежал к ней и обхватил её руками.

— Я так больше не могу! Этот колдун загнал меня в ловушку. Я не могу убивать. И не могу позволить другим людям убить меня. Моя человечность на пределе. Я схожу с ума. Две тысячи лет — это так много! Господи, как же это много. Я не помню своего дома. Я не помню своей матери. Моя родина обратилась в руины. Подобные мне теперь подвергаются пыткам и гонениям, а я ничего не могу сделать.

Я переглядывался с Вожаком. Мы оба вдруг оказались сбитыми с толку, не знали, что сказать. Обычно, когда дело касалось пьяных споров, мы легко находили слова, у нас было мнение на любой счёт, но теперь, я ощущал себя пустым. И командир, судя по выражению лица, испытывал то же самое.

— Простите, — молвил он примирительным тоном, — я так заикнулся на выживании, что даже забыл, об уже пришедшей смерти.

Когда ведьма открыла Вожаку глаза на его состояние, он не выглядел особенно потрясённым. Мне кажется, мы все уже начинали догадываться, во что нас превратила битва с чудовищем. Однако, командир с той минуты избегал смотреть мне в глаза, и я понимал, что начинаю терять его доверие.

Всхлипывая, девушка вырвалась из объятий солдата. Поднявшись на ноги, она усердно вытирала лицо.

— Вы тоже простите. Я понимаю, что большая часть людей желает мира. В конце-концов, идиотов в этом мире не так много, как может показаться. Просто они очень равномерно рассредоточены по земле.

— Знаете, — Вожак замялся, переступая с одной ноги на другую, — вам не обязательно помогать нам. Можете наколдовать пару мечей, и мы двинемся в путь.

Гетера слабо рассмеялась.

— Пару мечей? Против Мнемогемнона? Нет, вы это уже проходили, и посмотрите, что с вами стало. У меня есть другой план. Пойдёмте наверх.

Глава XIV: Бледные образы

«В самом деле, выражаются иногда про "зверскую" жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток.»— Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы»

Плато, ведущее в иные миры, было и правда крохотным. Оно напоминало идеально круглую арену, на вершине горного пика, которую можно обойти за минуту. Полотно из серого камня отдавалось гулким стуком в такт наших шагов. Над головою простиралось чистое небо, накрывая куполом горный массив, леса и равнины вдали.

С этой точки мы устремили взоры на чудовище, взбиравшееся по склону. Несчётное множество глаз усеяли его могучее тело, многие из них ползли вокруг, укрывая землю сплошным ковром. Иногда почва проседала под тяжестью ступней Мнемогемнона, и монстр, оступившись, дабы не упасть, вонзал острие косы в толщу ближайшей скалы.

— Будь моя воля, — выщедил Вожак, — я бы поделил его на тысячу частей.

— Ты зол на меня так же, как на него? — Спросил я, не в силах сдерживать волнение.

— Поговорим об этом после.

Ветер гулял по пространству, кольцом огибая плато. Чудовище не могло нас увидеть из-за чар, наложенных Гетерой. Она находилась в пещере, у самого озера, контролируя движение воды, запускающее открытие портала во время каждого восхода солнца.

Едва солнце показалось из-за горизонта, и свет его достиг плато, движение вод повернулось вспять. Крохотные капли, насыщенные различными элементами, взмывали

вверх, с поверхности озера, и исчезали в недрах трещин, усеивающих своды пещеры.

Наблюдая интуицией за подъёмом Мнемогемна, Гетера медленно ступала по водной глади, уходя к центру зала. Ей нужна была самая глубокая точка водоёма, залегающая под самым порталом.

Едва чудовище приблизилась к границе плато, ведьма подняла обе руки перед собой. Хлопок ладоней отозвался эхом, пересекая пространство над озером, и ветер, всё это время круживший вокруг портала, ринулся в стороны, усиленный тауматургией тлецов. Порывы воздуха в один миг окатили чудовище силой континентального ветра, сорвав с него тысячи глаз, и рассеивая их на километры вокруг горы. Мгновенно утратив зрение, изверг развернул пасть, и гневно завыл, выплёвывая литры серебристой пыли:

— Твари! Выходите, я вас сожру живьём!

— Сожри своих детей, отродье! — Рывнул вожак, и наша троица кинулась в бой.

Воспользовавшись положением монстра, мы навалились на него всем весом, заставив грузное тело свалиться на спину. Ком рычащих в гневе тел покатился вниз по склону. Отпустив косу, он пытался отбиться от нас, теряя ориентацию в пространстве с каждым кувырком. Несколько раз чудовищу удалось отбросить меня и Слепца в стороны мощными ударами рук, но вскоре, сдирая кожу о выступы камня, мы снова набрасывались на него. Вожак, сумевший дотянуться до бездонного зева, схватил Мнемогемна за язык. Челюсти с множеством острых зубов сжимали его локтевой сустав, но не могли переломить костей. В конце концов, изловчившись, монстр резко поднялся на ноги, схватив руками одиноко растущее дерево, чьи тонкие ветви плетью свисали к земле. По инерции мы пролетели ещё с десятков метров, прежде чем смогли остановиться.

Пасть чудовища извергала самые страшные проклятья. Вожак, посмотрел на правую руку. Почти всё предплечье было изорвано в клочья до самых костей, но кисть сжимала мёртвой хваткой канат плоти, в котором можно было узнать посиневший язык Мнемогемна.

— Я подотрусь этим! — Победоносно крикнул он, потрясая языком над головой.

Перепачканные в земле и траве, покрытые ссадинами и синяками, мы поднимались вслед за Вожаком. Ярость чёрной пеленой застилала нам глаза.

Выпрямившись во весь исполинский рост, Мнемогемнон сжал огромный кулак, в котором по волшебству материализовалась коса.

— Я залью вашу землю ядом. — Обещал он, возвышаясь над нами. — Моря и океаны наполнятся гноем, стекающих с ваших тлеющих тел.

Я сплюнул кровь на землю.

— Мы мертвы, Мнемогемнон.

Слепец, делая несколько шагов вперёд, развёл руки в стороны:

— Тебе нечего у нас отнять.

Прыгнув вниз, чудовище вонзило косу в его открытую грудь. Пройдя сквозь кожу и органы, пробив позвоночник и рёбра, металлическое лезвие остановилось войдя на половину. Пальцы солдата сомкнулись на деревянной рукояти.

— Видишь? — Безжизненные глаза заливались смесью отчаяния и гнева. — Ты отнял у нас даже боль.

— Если мы мертвы, почему мы всё ещё дышим? — Тихо спросил я у ведьмы, когда она провожала нас на плато.

— Привычка, — бросила Гетера, шагая вверх по склону, — Вы лишь тени тех, кем являлись ранее.

Я резко остановился. Почуввав это, ведьма замедлила шаг, слегка повернув голову. Дав друзьям уйти чуть выше, чтобы ограничить их слышимость, я снова заговорил с ней.

— Я думал, боги ниспослали нам силу. Разве не ты сказала, что Слепец обрёл "истинное" видение?

Гетера, остановившись, тяжело вздохнула:

— Жаль рушить твои замки, солдат. Он видит не так, как ты. Его зрение не нуждается в свете. Он видит всё вокруг, включая то, что находится внутри окружающих вещей. Он способен узреть звезды при свете дня, и лучи солнца под покровом ночи. Ему не нужны глаза, чтобы видеть, ровно как и уши, чтобы слышать.

— Но из какого источника проистекает наше бытие?

Ведьма в очередной раз закатила глаза:

— Ещё раз. Никто из вас не является живым. Вы мертвы. Ваши тела гниют там, где вы их оставили. Ваши души отошли в мир иной. Вас нет. Нигде!

— Но... кто же тогда мы?

— Гнев. Ненависть. Ярость. Жажда мести. Все эти сильные и разрушительные чувства, наполнявшие уставшие души некогда живых людей. Когда человек умирает, он уходит в другое место, возвращается к источнику, оставляя на земле то, что ему больше не нужно. Обычно, кошмары ума затихают вместе с телом, когда последнее умирает. Но когда кошмаров так много, что они не умещаются в уме, вселенной приходится дать форму этой силе. Запереть её в границах, дабы предотвратить разложение бытия.

Развернувшись, ведьма продолжила подъём.

— Вас не существует. — Бросила она, не оборачиваясь. — Я беседую с эхом чьих-то голосов.

Извергнув утробный вопль, Мнemoгемнон рванул на себя орудие, вырывая бойцу внутренние органы. Накинувшись на него с двух сторон, я и Вожак принялись яростно рвать бледную кожу чудовища на лоскуты. Со страшной силой мы срывали с костей мясо, вонзая пальцы всё глубже в плоть монстра. Слепец держался за древко достаточно крепко, чтобы Мнemoгемнон не мог орудовать косой в полной мере. Ветер, метающийся в горах, словно сумасшедший по кладбищу, подхватывал наши крики, и уносил их прочь.

Бросив косу, Мнemoгемнон упал на спину, завывая от боли:

— Убью! Разорву! Уничтожу!

Слепец, протолкнув лезвие сквозь левый бок, избавился от тяжести орудия, чтобы в тот же миг, с яростным оскалом, кинуться на врага. Мы не чувствовали усталости. Сквозь наши головы не проскакивала ни одна мысль в те минуты. Мы были охвачены яростью, мы буквально горели от злобы!

Вспорвав чудовищу брюхо, мы вскоре разорвали его желудок, набитый остатками человеческих тел. Вожак, чья ненависть, казалось, была выше самых высоких из здешних гор, схватив кишки, обмотал их вокруг обширной шеи Мнemoгемнона, заставив его прекратить выкрикивать проклятия.

— Я удавлю тебя, чудовище! — Хрипел он, не обращая внимания на собственный нос, вбитый внутрь черепа в пылу борьбы.

Четыре рта зашлись в булькающем рыке, продолжавшимся до тех пор, пока мы не пробили его мощные рёбра, раздвигающихся при каждом вздохе.

Утопая в крови, мы медленно низводили тело монстра до состояния месива.

Наконец, когда грудная клетка Мнemoгемнона была выпотрошена наполовину, Слепец вспомнил о плане Гетеры.

— Друзья, — вскрикнул он, хватая чудовище за ту верхнюю челюсть, которая ещё не была изувечена, — тащим его к двери!

— Тащим! — Скомандовал Вожак, потянув за петли кишок, стягивающие исполинскую шею.

Подтягиваясь за выступы скал и побеги редких кустов, мы тянули свою изувеченную жертву вверх на плато. Мнемогемнон, теряя литры крови, утратив зрение, речь и, скорее всего, даже слух, уже не был способен сопротивляться нам. Некогда страшнейший разоритель земель теперь волочился, подвешенный за собственные кишки, и оставлял на камнях свои органы. Из некоторых его ран сочилась серебристая жидкость, которая, мгновенно засыхала, превращаясь в хлопья коричневой ржавчины, едва касаясь земли.

Втащив грузное тело на плато, мы без сил рухнули на холодную каменную поверхность. Вдали постепенно затихало эхо наших воплей. Наступила долгожданная тишина. Я, Вожак и один незрячий солдат лежали без движения рядом с телом, которое когда-то принадлежало нашему общему врагу. Врагу, который, по закону вселенского равновесия, случайно создал тех, кто совершенно намерено однажды остановил его самого.

Гетера, всё это время наблюдавшая за нами из недр горы, наконец открыла глаза. Сделав глубокий выдох, она отпустила чары, всё это время державшие её на поверхности водной глади, и провалилась в воду. Опускаясь всё ниже и ниже, она стравливала остатки кислорода в лёгких. Можно было подумать, что дама задумала утопиться, но того лишь требовал ритуал.

Едва босые ноги коснулись дна, губы разомкнулись, и в глотку хлынул поток ледяной воды. Подавляя порывы кашля, Гетера терпеливо набирала полные лёгкие растворённых в озере минералов. Когда последние альвеолы были затоплены, ведьма сжала кулаки, запрокинула голову, и, раскрыв челюсти до отказа, продолжила втягивать воду. Сквозь кожные поры, сквозь слёзные каналы и евстахиевы трубы, сквозь каждое отверстие на теле, она впитывала в себя содержимое озера. Наконец, когда кожа начала трещать по швам от стоящей в её слоях воды, Гетера наконец ощутила подходящую глубину слияния с водоёмом.

«Что ж, — подумала она, — это проще, чем сливаться с камнем».

И толща воды, заполнявшая этот огромный зал в течение тысяч лет, разом взмыла вверх. Просачиваясь сквозь каменную породу, она растачивала некогда тонкие трещинки в широчайшие ходы.

Раздался гром, и камень под нами разверзнулся. Расколовшись на глыбы, плато опадало в недра пещеры, уволкивая нас за собой, но вода прорывалась, минуя падающие обломки, всё выше и выше, омывая ледяными потоками наши изувеченные тела. Вихрь необъяснимой силы, выталкивал нас вон из пропасти, не позволяя провалиться в бездну. Дверь, ведущая в иные миры, была сорвана с петель, выбита сокрушающей силой ведьмы. Поток нёс нас ввысь, лишая чувства пространства и времени, стирая остатки наших душ до состояния космической пыли. Летящие во все стороны, обломки плато пробивали тела насквозь, срывая плоть с костей.

Моё сознание швыряло по мирам, словно тряпичную куклу. Оно то расслаивалось, заставляя меня созерцать несколько мест и времён одновременно, то сжималось в точку, растягивая короткий миг в бесконечность. Я взлетал вверх, под самое небо, и всё явственнее ощущал на себе трансцендентное влияние портала, поля которого, оставшись без ограничивающих рамок, могли бы порвать меня на части, будь я ещё жив.

Наконец, оказавшись под куполом неба, я вышел из под контроля бушующего сверхъестественного сквозняка, и на короткий миг, замер в воздухе.

— Господи! — Воскликнул я, глядя вниз с этой немислимой высоты. — Она и правда круглая!

И в следующую секунду, я начал падать.

Гнева больше не было. Движущая сила, давшая однажды мне вторую жизнь, иссякла, оставив бледный образ лишённым всякого смысла к существованию. Цель была достигнута. Путь, по которому я так стремительно бежал, вдруг окончился пропастью, и теперь я летел вниз, вниз, вниз, а дна всё не было и не было.

Гетера обнаружила меня в нескольких километрах от горы, которая теперь была значительно ниже.

— Мне удалось вызвать нестабильность в процессах, текущих через дверь, — заговорила она, оказавшись рядом, — это сподвигло вселенную вернуть всё, что прошло однажды через эту дверь, обратно в наш мир. Озеро пересохло, а пещера теперь кишит разного рода отродьями, так что пришлось запечатать все входы и выходы. Пусть они пожрут друг друга.

Я смотрел на неё, лёжа на спине, в неестественной позе. Мир выглядел перевернутым, а Гетера — предельно уставшей.

— Что со мной? — Из моего рта хлынул ручей крови, заливая мне глаза.

Подойдя ближе, ведьма опустилась на колени, разглядывая меня внимательно.

— Позвоночник сломан, колени вывернуты. Затылок отсутствует.

— Я не чувствую, Гетера.

— Не чувствуешь боли?

— Я не чувствую больше ничего.

Холодные пальцы коснулись моих залитых кровью щёк.

— Сочувствую.

Слабость тяжестью окутывала остатки моего тела. Глаза медленно закрывались. Желание отречься от всего мира, от бытия, накрывало моё уставшее сознание.

— Что с моими друзьями? — Произнёс я, проваливаясь в сон.

— Они были связаны с Мнемогемноном битвой, и потому в момент, когда вселенная расставляла всё по своим местам, солдаты канули вместе с ним туда, откуда явилось это чудовище.

Услышав эти слова, я затрепыхался, словно рыба, пойманная на крючок.

— Нет. Нет! Я должен выгащить их. Я должен вернуть их назад. Им не место среди подобных тварей.

— Лежи! — Воскликнула ведьма. — Умоляю, лежи.

— С чего бы это? — Зарычал я, пытаюсь оторваться от земли.

— Потому что мне больно смотреть на агонию полумёртвого тела.

Сжав оставшиеся пальцы в кулаки, я попытался увернуться от её рук.

— Отстань! Оставь меня. Уходи прочь, ведьма!

С давящим напроць сожалением в глазах, Гетера поднялась на ноги, и медленно отходила от меня. Оказавшись на расстоянии семи шагов, она печально вздохнула и закрыла глаза.

— Мне жаль, — произнесла она, после чего растворилась в воздухе.

Едва я остался один, последние силы покинули меня. Разорванное на части, моё тело лежало на земле, теряя последние капли крови. Дыхание остановилось. Глаза, закатившись, замерли на одной точке. У меня не было сил даже закрыть веки. Слезные каналы забились пылью и, казалось, совершенно пересохли, а я так хотел заплакать. Я желал биться в истерике, рыдать как маленький ребёнок, оплакивая своих друзей. Невыносимо страшная боль терзала мою душу, не находя выхода.

Вокруг была тишина. Но внутри я кричал.

Глава XV: Минута славы

«Кто не знает, куда направляется, очень удивится, попав не туда» — Марк Твен.

Парадный мундир Отдела "П" ГРУ, 1987 г. На Фото: Алексей Звягинцев
11 июня 2019, 01:15

Тусклый свет лампочек подсвечивал старческое лицо архивариуса, жадно ловящего каждое слово мужчины напротив. Не смотря на то, что повествование велось, от силы, час, ему показалось, что он своими глазами видел все описанные приключения.

— То есть, получается, вам около полутора тысяч лет, — заключил он, поднимаясь со скрипящего стула.

— Точный возраст я уже не помню, — признался Нежилец, — но, да, где-то в районе того.

Скрывшись за стеллажами, старик начал греметь железными ячеекми.

— Что же стало с бывшими приспешниками Мнемогемнона? — Донеслось из глубины склада.

— Если верить Гетере, во время сеанса Реструктуризации миров, они были скрыты от глаз несверхъестественных существ посредством какого-то механизма. Позднее, где-то в 1948 году, Завод 45, под контролем Отдела, изобрёл линзу, позволяющую делать фото многих скрытых явлений. Сейчас бывшие солдаты Мнемогемнона блуждают на задворках реальности, известные как Блуждающая Ржавчина. Правда, мы выяснили это ещё во время чисток в 1876 году. Тогда наша организация называлась Комитетом Аномалий Российской Империи.

Архивариус вернулся, держа в руках чистую одежду и небольшую коробку старого чая.

— Вот, — в руках Нежилыца оказался комплект формы Отдела "П". — Когда-то нам выдавали такое снаряжение.

— О, да. — Ностальгически протянул мужчина, приступая к переодеванию. — Помню, помню. Иногда я скучаю даже по эполетам, которые носили высшие чины Комитета. Господи, сколько же лет с тех пор прошло.

Отвернувшись от собеседника, Архивариус включил в розетку кипятильник, и принялся греть воду в литровой банке.

— Я тут потихоньку "поджимаю" запасы Отдела, знаете ли, — тихо, по-заговорщицки, сообщил старик, — учёты этих ресурсов не ведутся года с двухтысячного. Чего, как говорится, добру пропадать. Хотите чашечку?

— Так у него же срок годности истёк, наверное, — предположил Нежилец, застёгивая рубашку с нашивкой на плече.

— Глупости, — отмахнулся дед, — чуть плесенью попахивает, да и так вкуснее.

— Ну, ладно, — доброжелательно улыбнулся мужчина. — Наливайте-с.

Комплекс «Рост», главный производственный цех

Первое, что сделала Вера, проникнув в здание через окно, — пообещала себе не лезть в приключения без достойной пары обуви. Ступая босиком по разбитому стеклу, она осторожно вела за руку Константина, дрожащего при каждом порыве ветра. Вера прекрасно ощущала присутствие предметов в кабинете, где они оказались. Также достаточно ясно просматривались соседние комнаты, набитые мебелью и разным хламом. Однако, её спутник, такими способностями не обладал, то и дело спотыкаясь о ящики, вырванные из рабочих столов.

— Блин, — выругался он шёпотом, случайно пнув бутылку, — а ты не можешь разжечь огонь?

— У тебя же есть зажигалка, — также шёпотом напомнила тётя.

— Зажигалкой долго не посветишь. Я думал, ты, типа, щёлкнешь пальцами, и так далее.

— Извини, но, честно говоря, я дерьмовый тауматург. Я замок-то от квартиры научилась открывать только потому что ключ посеяла, а спать в подъезде третью ночь подряд мне не хотелось.

Раздался сдавленный смешок.

— Что? — Возмущённо прошипела Вера, оборачиваясь на спутника.

— Прости, — задыхался Константин, в попытках сдержать смех, — я всегда смеюсь, когда сильно пугаюсь. Пожалуйста, давай передохнём.

— Или передохнем. — Уныло протянула девушка, доставая пачку сигарет. — Где там твоя зажигалка?

Судя по всему, пятый этаж цеха был отведён под нужды персонала, занимающегося бюрократией. Уровень был разделён вдоль длинным коридором, а по бокам от него тянулись кабинеты, по двенадцать с каждой стороны. Затягиваясь дешёвым табаком, Вера пыталась просканировать интуицией остальные кабинеты, но какая-то сила мешала ей пробиться сквозь темноту дальше, чем на двадцать метров.

— Скажи, — вполголоса произнёс Константин, перекрывая едким дымом нездоровое желание рассмеяться, — а зачем ты спросила сигарету у того типа на входе? У тебя же свои есть.

— Ты что, не видел нашивку на его белоснежном халате? Этот стареющий мужик прибыл из Фонда.

— Это я понял, но с чего бы тебе разговаривать с ним?

— Мне было интересно, как много он знает. Судя по всему, он вообще не в курсе, что за место этот комплекс, и что в нём может скрываться.

Отойдя на шаг от Веры, мальчик поднял рукав джинсовки, и затушил сигарету о правую руку.

— Мне вообще показалось, что он ведёт себя как умственно отсталый алкоголик, — прокомментировал Константин.

— Вот именно, — выцедила Вера, скуривая половину фильтра, — он косит под дурака, но, поверь, он умнее, чем кажется.

Бросив окурок на пол, девушка прошла к двери и тихо, стараясь не издавать лишнего шума, открыла её.

— Хотя, — уставившись в темноту, задумалась тётя, — пожалуй алкоголизм у него взаимовыгодный.

— Думаешь? — Спросил Костя, хватая Веру за руку.

Тяжко вздохнув, она сжала его ладонь.

— По себе знаю.

И двое неслышно вышли за дверь.

Зона 112, 01:23

Форма сидела как на заказ. Нежилец осматривал свою новую одежду, испытывая мощное чувство дежавю.

— Ну, как? — Спросил старик, удовлетворённо глядя на гостя.

— Отлично. Не помешала бы шинель, конечно.

— Какая летом-то шинель? — Всплеснул руками Архивариус.

— Прошу прощения. Я, понимаете ли, за тридцать лет заключения, как-то потерял счёт времени.

— Точно. Так как вам удалось выбраться?

Мужчина немного повозился с ремнём, после чего, взяв со стола гранёный стакан с чаем, продолжил разговор.

— Помните, у нас была печатная машинка? Объект, якобы, переписывающий жизнь.

— Конечно помню, — кивнул Архивариус, отхлебнув чаю, — если не ошибаюсь, на деле самокопирующаяся пустышка.

— Да. Так вот, в одной из параллельных вселенных, где есть мой двойник, случился Цикл Сегрегации. По какой-то причине, он воспользовался положением дел, чтобы отправить мне в кабинет зеркало.

— В смысле?

— Ну, чёртова машинка же оставляет рукопись в новом мире, создавая впечатление, что кто-то действительно изменил свою жизнь к лучшему, не прилагая для этого никаких усилий. Короче, играет на простой человеческой глупости и желании жить хорошо, без особых затрат времени и средств на развитие.

Старик развёл руками:

— Старая, как мир, история.

Нежилец кивнул, демонстрируя полное согласие.

— Вот в этой рукописи и было передано прошение моего двойника о поставке зеркала.

— Обычного зеркала?

— Да. Получив этот предмет, я какое-то время не понимал, что с ним делать. А у вас лимон есть?

Архивариус порылся в ящике стола и выудил оттуда пакетик с лимонной кислотой. Нежилец смиренно принял его, намереваясь хотя бы так перебить запах плесени.

— Так вот, — заговорил он, завершив манипуляции с напитком, — я долго думал, что делать с этим зеркалом, но мне в голову не приходило ни одной мысли, которая не пришла бы ко мне за последние тридцать лет. Озарение пришло, когда я в очередной раз подумал: нахрена зеркало тому, кто не может видеть своего отражения?

Старик аж подавился.

— Что... кхе... что значит... кхар...

Размахнувшись, Нежилец ударил его по спине, стараясь приложить такую силу, чтобы не убить деда.

Прокашлявшись, Архивариус извинился, утирая выступившие от напряжения слёзы.

— Простите, — оправдывался он. — Просто переборщил с кислотой. Что значит, не видите своего отражения? Я вас вижу, значит свет от вас отталкивается. Значит и отражение...

— Тоже должно быть, — с нотками раздражения, закончил мужчина. — Это правило действует только для внешнего наблюдателя, уверенного в том, что я настоящий человек. Бытие постоянно дополняет само себя, в соответствии со всеми нуждами. Для меня, ведающего о своей природе, нет нужды даже в дыхании.

— То есть, — нервно посмеиваясь, заключил Архивариус, — вы хотите сказать, что полторы тысячи лет не видели своего лица?!

Допив чай одним большим глотком, Нежилец решительно поднялся со стула, поставив опустевший стакан перед стариком.

— Я давно забыл, как оно выглядит.

Зона 112, кабинет охраны, 02:00

Сняв чёрную кожаную куртку, Маргарита Шихобалова, кинула её на спинку стула. Оставшись в одном только красном платье, она напряжённо вглядывалась в мониторы, стараясь разглядеть хоть какие-то признаки Нежилца. Однако, по коридорам Зоны перемещались лишь оперативники, во главе с Могилевичем.

— Изменения есть? — Спросил Лебедев, толкаясь между сотрудниками, наводнивших кабинет охраны.

— Нет. — Ответила Маргарита, смахивая нависшую на лицо медную прядь.

В комнате стоял гвалт голосов. Сотрудники продолжали приходить, следуя указанию, полученному по системе общего оповещения. Некоторые жаловались на отсутствие возможности покинуть рабочее место, и задавали вопросы об объекте, нарушившим условия содержания, однако Лебедев и прочие сотрудники высшего звена наотрез отказывались давать комментарии.

— Я должен быть уже дома. Когда мы сможем выйти?

— Почему связь не ловит?

— Разве Смотритель не должен быть здесь?

Валентин как мог, отвечал на вопросы:

— Сохраняйте спокойствие, коллеги. Нет, мы не можем сейчас покинуть Зону. Да, она введена в состояние карантина по причине нарушения УС. Нет, это не связано с печатной машинкой, откуда вы вообще знаете об этом объекте?!

Маргарита, которой было очень сложно сосредоточиться, ругалась про себя:

«Господи, неужели нельзя было отвести под комнату охраны помещение побольше?

Зато столовая, блин, у них как десять таких.»

Раз в пять-десять минут, Антон давал о себе знать:

— Есть что-нибудь на камерах?

— Что-нибудь видно?

— Объект не замечен?

И всякий раз Шихобалова отвечала:

— Нет, нету.

— Всё чисто.

— Ни малейшего признака.

Ближе к двум часам ночи, в кабинет вошёл Архивариус. Люди вокруг выглядели очень занятыми, и потому он не торопился обращаться к кому-либо. Валентин, заметивший его появление только десять минут спустя, ещё минуту пытался вспомнить, кто этот человек, и какую должность он занимает.

«Уборщик? Да нет, им нельзя находится здесь после шести вечера. Кто-то из оперативников? Смешно, Валентин, смешно. Кто-то из obsługi, вероятно. Где же я его видел?»

Перебрав в голове все варианты, он потерял терпение, и подошёл к вошедшему мужчине.

— Вы кто?

— Архивариус.

— Блин, точно!

Хлопнув себя по лбу, Лебедев вернулся к обсуждению операции с коллегами.

Архивариус же, не зная к кому обратиться, подошёл к Шихобаловой, и мягко коснулся её спины.

— Я дико извиняюсь...

— А я дико вас прощаю, — бросила Маргарита, не отрываясь от мониторов, — я занята, обратитесь к Валентину.

— Уже обратился, — произнёс старик, и поняв, что его не слышат, добавил, — козёл, этот ваш Валентин.

Он осмотрел присутствующих в комнате людей. При взгляде на их лица, в голове у него всплывали их досье. Он переводил внимание с одного сотрудника на другого, и всякий раз в голове звучало:

«Такоев Такой Такойтович, уровень допуска такой-то, обязанности такие-то, завербован тогда-то, повышен на такую-то должность за такие-то заслуги. Столько-то дисциплинарных выговоров за то-то и то-то. Работал с такими-то объектами. Характер скверный, не женат».

Просканировав своим старческим взглядом всех присутствующих, Архивариус вдруг понял, что никогда не видел досье кудрявой женщины, которая в данный момент касалась мониторов почти кончиком носа. Оглянувшись по сторонам, он заметил офисный стул, на котором лежала куртка. К ней крепился бейдж с личными данными сотрудницы.

— Вы Маргарита, да?

Сотрудница не ответила, продолжая елозить носом по мониторам.

— Метареалистка, с четвёртым уровнем, да?

«И вторым размером груди», — пронеслось у старика в голове против его воли.

Маргарита продолжала игнорировать его.

— Вы из Челябинска, да?

Нет ответа.

— Зона 400, да?

Молчание.

— А это не то самое учреждение, которое находится в горной местности? Которое ещё стоит на остатках плато, прямо над древним порталом, ведущим в другие миры? Ну, тот самый портал, который уже полторы тысячи лет как не действует, но поблизости от которого было найдено так много аномалий, что вы классифицировали это плато как Таумиэль? Если не ошибаюсь, под Зоной должен находиться целый атомный за...

Резко развернувшись, Маргарита со всей силы ударила Архивариуса. С криком «Лебедев! Здесь шпион!», она навалилась на упавшее тело старика, заламывая ему руки.

В одно мгновение все присутствующие разом умолкли. Спустя пять секунд, совладавший с шоком Валентин, подбежал к сотруднице.

— Что ты делаешь? Это наш архивариус, он работает тут со дня основания Зоны.

Сдавливая под собою стонущее старческое тело, Шихобалова, шарила по карманам Архивариуса.

— Он только что говорил о вещах крайней степени секретности. Даже в самой Зоне 400 лишь немногие осведомлены о наличии портала под учреждением.

— Портала?! — Очки Лебедева полезли на лоб.

— Ты этого не слышал! — Грозно прошипела сотрудница, вытаскивая из кармана старика пистолет Звягинцева. — Ага! Видишь? Он вооружён и опасен. Быстро зови сюда Антона.

Павел Усачёв, командир МОГ «Шторм», Зона 112.

Комплекс «Рост», центральный вход, то же время

Когда ведущий исследователь Владимир Марш вернулся на стоянку оперативников, к нему поспешил обратиться Павел:

— Володь, посмотри, что у нас тут.

С этими словами он сунул в руки доктора бинокль. Прислонив его к глазам, Марш обратил взор в указанном направлении.

— Это же дерево. — Констатировал доктор.

— Нет, это дерево, которое десять минут назад запустило в воздух какую-то девку. — Возразил командир.

— Девка была в юбке? — Спросил Марш, оторвавшись от бинокля.

— Типа того. С ней, вроде, была ещё девка поменьше.

Вздыхнув, Марш вернул бойцу бинокль.

— Это не девка. Это... Стычкин!

Владимир окликнул ассистента, беседующего неподалёку с оперативниками. Парень, перекинувшись с солдатами ещё парой слов, поспешил к начальнику.

— Какие новости? — Поинтересовался доктор.

— Объект в пределах своей территории, очевидно, нарушает евклидову геометрию. Кроме того, со стороны, которую мы исследовали, возникло селение с прилегающим кладбищем. Семь небольших деревянных домиков выглядят заброшенными, а по кладбищу бродят неопознанные сущности, похожие на привидения.

— Понятно. Что-нибудь необычное заметили?

— Нет. Предлагаю подождать рассвета и исследовать дома в деревне на предмет

аномалий.

Марш с удовлетворённым видом потрепал юношу по плечу.

— Молодец, Стычкин. Назначаю тебя временно исполняющим обязанности директора магазина. Будешь регулировать работу в селе, так сказать.

Наблюдавший за их диалогом Усачёв, наклонившись к Авроре Измайловой, тихо прошептал:

— Он там уже успел накатить, да?

— Нет, — отмахнулась девушка, — он такой двадцать четыре на семь.

Тем временем, Владимир вернулся к командиру.

— Есть ли связь с Одинцовым?

— Да, нам удалось развернуть радиостанцию. Он приказал оставаться на месте и следить за объектом до дальнейших распоряжений. Мы ждали только твоего появления.

— Ждали? Чтобы что?

— Чтобы спросить, где нам лучше разбить палатки.

— Чур, я сплю в машине, — встала Измайлова.

Владимир устало потёр лицо.

— Н-да. Ночь предстоит длинная.

Зона 112, 02:36

Собравшись в закрытом кабинете, Могилевич, Шихобалова и Лебедев, в компании нескольких оперативников, с особым пристрастием допрашивали Архивариуса.

— То есть, — заключил Антон, устало потирая глаза, — если я всё правильно понял, Зона 112 имеет передовые технологии слежения, включающие в себя 126 камер наблюдения, большая половина из которых записывает звук.

— Верно, — кивнул старик, — ещё датчики движения в некоторых камерах содержания, датчики инфракрасного излучения, локатор радиационного излучения и пара-тройка внеклассовых новинок, установленных в 2016 году. Вы можете прочесть об этом в документе 112/953/67-00.

— Также есть система самоизоляции Зоны, — добавил детектив.

— 112-Стазис, включает в себя замкнутую вентиляционную схему, завязанную на автофльтрации, и бонусом, глушит почти все известные сигналы.

— И при всём при этом, у вас нет ни одной дебильной камеры, ни одного грёбаного датчика для сраного склада аномалий?! — Гнев Антона начинал проступать краской на лице.

— Вообще-то есть. Просто, склад содержит абсолютно безопасные аномалии, которые даже при развитой фантазии нельзя использовать во вред. Остальные стеллажи забиты бумагой, и ячейками с неаномальным хламом. Поэтому картинка с камер находится в самом конце списка.

— Какого ещё списка? — Прорычал Могилевич.

Глядя на детектива как на круглого идиота, Архивариус шумно вздохнул:

— Комната охраны оборудована несколькими мониторами. Картинка на них автоматически переключается между важнейшими объектами, а сам склад в категорию таких объектов, разумеется, не входит. Следовательно, чтобы взглянуть на происходящее с монитора, нужно открыть список доступных каналов наблюдения, а склад находится в самом конце этого списка.

На минуту в комнате воцарилась такая тишина, что можно было расслышать, как ногти Могилевича скрипят о металлическую поверхность стола.

— Так, — Антон в очередной раз потёр глаза. — Хорошо. Послушайте, мы уже давно ищем этого сбежавший объект. Поймите нас правильно, этот человек, кем бы он ни был, опасен. Вот я, и мы все, понимаем, что он забрался к вам на склад, на ваше тихое рабочее место, прервал, возможно, ваш сон, запугал и заставил поверить в то, что ему полторы тысячи лет. Но, может быть, вы скажете, где он прячется?

Эмоция снисходительности, бороздившая просторы старческого лица, вдруг сменилась на вполне проявленный гнев. Поддавшись вперёд, Архивариус выговорил, глядя в глаза детектива:

— Послушай, недоносок. Я работаю в этой сфере дольше, чем ты можешь себе представить. Я заведовал этим складом, когда ты ещё был мутной каплей на конце своего папаша. Я такое могу рассказать про это место, и людей, которые тут работали, что ты натурально обосрёшься, не снимая своего выглаженного смокинга. И я никогда, слышишь, ни-ко-гда не засыпаю на рабочем месте. Это понятно?

Присутствующие молча взирали на эту мизансцену. Казалось, что стол между стариком и детективом вот-вот взорвётся.

— Допустим, — пробасил Могилевич.

— Если в твоей голове есть хотя бы один ничтожный нейрон, ты сумеешь сложить один плюс один, и понять происходящие вещи.

— Например?

— Этот человек сидел тридцать лет на стуле, ни с кем не контактируя. На стуле, который, как правило, высасывает из жертвы все соки. Он не нуждается в еде, воде и размножении. Его нельзя убить никакими способами. Поэтому версия о его весьма большом возрасте кажется мне правдоподобной.

— И чё?

— Елда через плечо! Как думаешь, сколько всего он успел узнать на службе в КАРИ, Отделе "П" и Фонде, за все эти годы? Чем вы вообще пытались его остановить? Этим?

Архивариус кивнул на автоматы в руках оперативников.

— Да эта херня даже мою собаку не остановит.

— У вас нет собаки, — парировал Антон, — я скачал ваше досье из реестра.

— Лучше бы ты мозги себе скачал, баран. Засунь этот реестр себе в задницу, и послушай старого, но очень опытного сотрудника. Я понимаю, что ты объездил всю страну, возможно, даже весь мир, отлавливая аномалии во имя спокойного сна человечества, но сейчас вы просто пушечное мясо. Посмотрите, олухи, вы заперты, словно пауки в банке, один на один с бессмертным существом, которому абсолютно нечего терять. Вы в течении двух часов патрулировали коридор, пока он просто расхаживал в тени, прямо у вас под носом.

— Ладно, — сдался детектив, — Так чего вы ждёте от нас?

— Я? От вас?! Абсолютно ничего. Просто прямо сейчас на краю Самары возник возведённый отделом комплекс, к которому приписана это учреждение. Метафизический механизм, вернувший этот комплекс в наш мир, вернёт вместе с ним и многие аномальные штуки, некоторые из которых, скорее всего, будут агрессивны по отношению ко всему живому. Самый лучший вариант сейчас, — это выпустить Нежильца на волю.

— Вздор! — Отрезал Антон.

— А что вы предлагаете взамен? Поймать вам его не удастся, нейтрализовать — тем

более. В Зоне не осталось объектов, которые могли бы его сдержать, уж поверьте, я знаю.

— Откуда?

— Отсюда, — сказал старик, показав себе на лоб, — здесь находятся все документы, когда-либо проходившие через мои руки. А что касается вас, дамочка, — Архивариус повернулся к Шихобаловой, — то эти суперсекретные сведения мне поведал сам Нежилец, чья история началась именно с того места, где и находится Зона 400. Как я уже говорил, чтобы увидеть всю картину, нужно просто сложить один плюс один.

Сказав это, он откинулся на спинку стула, скрестив на груди руки.

— Но какой толк ему от этого комплекса? — Спросил Могилевич. — Чего он ищет?

— А чего может искать человек, проживший полторы тысячи лет?

Несколько секунд детектив раздумывал над ответом на этот риторический вопрос. После чего, поднявшись из-за стола, скомандовал оперативникам охранять старика. Спустя минуту, он уже был в коридоре, в присутствии Маргариты и Валентина.

— Дела идут дерьмого? — Поинтересовалась метареалистка.

— Не хуже, чем обычно, — буркнул Антон, сосредоточенно рассматривая свои ботинки.

— Послушайте, — обратил на себя внимание Лебедев, — а мне вот интересно, как Одинцов узнает, что период карантина закончился и нас можно выпускать? Мы же не способны даже сообщение ему отправить.

— Никак, — ответил Могилевич, уходя по коридору, — система автоматически разомкнется спустя двенадцать часов после запуска. Это временная мера.

— Что же мы скажем администрации? — Воскликнула Шихобалова, убегая вслед за ним. — Что мы будем делать?

— То, что у меня получается лучше всего. — Шаги детектива ускорились. — Мы будем врать!

Глава XVI: Крысы на борту

«Корабль прошёл мимо скал из магнита, Внутри затрепетали гвозди.»— "Гвозди" Noise MC, Atlantida project.

11 июня 2019, Комплекс «Рост», главный производственный цех, 05:26

Лучи раннего солнца проникали сквозь разбитое окно. Задремавший Константин, почувствовав, как сжимаются пальцы тёти, оторвал голову от её плеча, и молча посмотрел на неё. Последние часы они провели, прижавшись к стене, в одном из кабинетов, прямо напротив двери. Вера, как и в момент, когда племянник уснул, всё также, не мигая, сверлила взглядом дверь.

«О, боже, — ужаснулся мальчик, — всё это время она не переставала смотреть на дверь. О, боже мой!».

Покинув один из кабинетов тремя часами ранее, они медленно продвигались по коридору. Держась за руки они преодолевали метр за метр, касаясь свободными руками за обшарпанные стены. Иногда стена под пальцами заканчивалась, и начинался проём, в котором отсутствовала дверь. В такие моменты, Константин отдёргивал руку, стараясь не смотреть в зияющий провал. Вера изо всех сил напрягала чутьё, выкрутив свой аномальный сканер тауматурга на полную мощность, но так и не могла разглядеть ничего дальше нескольких шагов.

Как вдруг она чётко осознала: кто-то смотрит на неё. Некто, бесшумнодвигающийся, находится в конце коридора прямо за её спиной и не сводит с них глаз. Дыхание девушки стало отрывистым, но она продолжала двигаться дальше, стараясь ни единым движением не выдать свою осведомлённость о наблюдателе. Сверхъестественный локатор мог работать лишь в радиусе десяти метров, но когда тебе смотрят прямо в затылок, ты ощущаешь это даже на расстоянии в сотню ярдов.

Мысли лихорадочно крутились в мозгу Веры. Кто этот наблюдатель? Сколько у него глаз? Насколько он силён? Как долго она сможет выносить его удары, пока не умрёт? Можно ли его остановить вонюю горелого мяса?

Внимание соскользнуло к Константину. Мальчишка перепуган до смерти. Если это нечто нападёт на них, он, скорее всего, умрёт от остановки сердца.

И тут оно стало ближе. Ни шума ходьбы, ни вибраций, исходяемых телепортирующим вихрем, — оно просто приблизилось на двадцать шагов к ним, сократив дистанцию почти в два раза. И это нечто не сводило с них взгляда!

Резко свернув, Вера затащила племянника в ближайший кабинет, резко захлопнув за собою дверь. Шикнув на Константина, она оттолкнула его к противоположной стене, встав между ним и дверью. Тварь не приближалась. Пальцы, собранные в жесты, готовы были исторгнуть невидимые лезвия, рубящие всякую материю. Секунды тянулись непостижимо медленно. Пульс Веры становился всё более неровным.

Зажав себе рот, Константин сползал по стене вниз. Нездоровый смех уже рождался в его груди. Сообразив, что чудовище в коридоре наверняка решит наведаться, если мальчик засмеётся, девушка осторожно отошла к стене, и села рядом, взяв его за руку.

В этой позе они и провели последние три часа. Когда племянник, задремавший ненадолго, вернулся в сознание, она, не решаясь отвести глаз от двери, медленно покачала головой, приложив палец к губам. Говорить вслух было нельзя. Да и незачем трусливому

мальчишке знать, что тот, кто подстерегал их в коридоре, теперь стоит у самой двери, буквально уткнувшись в неё носом.

Зона 112, 6:00

Старший специалист по условиям содержания Артур Оганян явился в кабинет Смотрителя невыспавшимся и злым.

— Стоит мне только взять первый выходной за последние полтора месяца, как у вас всё идёт наперекосяк, — ворчал он, усаживаясь напротив Одинцова.

Часом ранее, начальник разбудил его срочным звонком, и попросил срочно явиться на рабочее место. Вкратце обрисовав ситуацию, Денис обещал выложить все подробности при личной встрече, и вот, Оганян прибыл, застав первого за столом, подпирающим руками уставшую седую голову.

— Видок у тебя адовый, — заметил специалист, указывая на помятый халат Смотрителя.

— Зона изолирована, — сообщил Одинцов, запивая горсть валидола чашкой кофе. — Восемьдесят третий вырвался на свободу.

— В смысле?! Он же был под воздействием этого, — Оганян перебирал в памяти числа, — ноль-второго, кажется.

— Мумифицирующий стул, — напомнил Смотритель, вытирая рот рукавом, — этот хрен вышел из под его контроля. Я положил в его кабинет зеркало. Наша новая метареалистка полагает, что он настроился с помощью него на иной уровень реальности и смог выбраться.

Смуглое лицо Артура стало несколько бледнее.

— Погоди, погоди. Что ты сделал?! Администрация знает?

— А ты как думаешь? Если бы комитет по Этике не подтвердил разрешение занести к Нежилцу зеркало, они бы мне голову оторвали. Однако, теперь это меньшая из наших проблем. Рядом с чертой города возник старый советский комплекс.

— В смысле "возник"? — Специалист изумлённо таращился на начальника. — Чем вы вообще тут занимались?

— Это всё печатная машинка. Марш, изучавший рукопись, сказал, что она была написана в изолированном от мультивселенной пространстве. Некий тамошний сотрудник, Евгений Стацкий, кажется, послал нам своего рода предупреждение. А заодно и спровоцировал наш мир совершить процедуру Перераспределения.

Настал черёд Артура схватиться за голову.

— Пиздец, — констатировал он, проводя руками по угольно-чёрной шевелюре. — Допустим, у нас на подходе огромный советский завод, полный демонического дерьма. Но меня больше интересует, как Администраторы узнали, об этом так быстро. То, что Зона в карантине, это понятно, ибо сообщение о входе в стазис отправляется автоматически. Но кто им сказал о возникшем заводе?

Поджав губы, Одинцов мешкал с ответом. Теребя в руках карандаш, он переводил взгляд с поверхности стола на лицо собеседника, и обратно. Оганян ощутил вибрацию на полу: у Смотрителя была привычка отбивать мелкую дробь правым каблуком в минуты напряжённой умственной работы.

— Ты многое знаешь про сторонние организации? — Спросил Денис, поджигая сигарету.

Часом ранее директор Зоны 112 получил очередное сообщение от Администрации, которое стало последней каплей в чаше самообладания Одинцова. В нём говорилось о том, что в рядах сотрудников учреждения появился двойной агент, сливающий информацию о происходящих событиях некой организации. Какой именно — сказано не было, в целях секретности расследования.

В послании утверждалось, что двумя днями ранее, Фонд вычислил и захватил временный штаб врага. В найденных записях содержалась информация о происходящем как в черте Самарской области, так и непосредственно в Зоне 112. Об информаторе в этих уликах не было сказано ни слова, однако, судя по всему, агент находится точно не среди чинов высшего звена. Таким образом, под подозрение в шпионаже попадали все, кроме Одинцова, Марша, Лебедева и Оганяна. Могилевич и Шихобалова также исключались из списка возможных подозреваемых, по понятным причинам.

Поэтому локализацией инцидента с ползучими глазами руководил именно Антон, сотрудничавший с Зоной 112 больше, чем любой другой внештатный детектив. По этой же причине он в первую очередь ненавязчиво осведомился о сотрудниках, покинувших учреждение на совете прошлым вечером. Однако, оставаться запертым в Зоне на двенадцать часов явно не входило в его планы.

— Так какой у нас план? — Теряя самообладание вопрошал Лебедев, заходя в столовую в компании агента и Шихобаловой.

— Поесть, для начала, — отрезал Могилевич, усаживаясь за один из столов, наполнявших просторное помещение.

Маргарита, чьё лицо, в свете люминесцентных ламп, приобретало крайне измождённый вид, отошла к буфету.

— Поверить не могу, что какой-то старый низкоуровневый хрен осведомлён о вещах крайней степени секретности, — ворчала она, открывая дверцу шкафчика. — М-да, выбор у вас, конечно, не богатый.

— Не понимаю, господа, — сообщил Валентин, усаживаясь напротив детектива, — как вы только можете есть в такой момент. По Зоне расхаживает бессмертный SCP, а единственный, кто с ним контактировал, — это наш архивариус. Как-то это... неправильно, что ли.

— В этой жизни вообще мало что правильно, — буркнул Могилевич, принимая из рук метареалистки готовый обед. — А разогреть никак?

— Я вам не кухарка, — бросила Шихобалова, усаживаясь сбоку.

Взяв еду, детектив принялся срывать полиэтиленовую плёнку зубами.

— Я просто спросил, не нужно это воспринимать на свой счёт.

— Друзья, — примирительным тоном вставил Лебедев, — не ссорьтесь. Нам это сейчас нужно меньше всего. К тому же, микроволновка уже месяц как не работает.

Могилевич и Маргарита тихонько посмеивались, бросая друг на друга выразительные взгляды.

— Что смешного? — Недоумевал доктор.

— Ну, посудите сами, — пояснила Шихобалова по-детски слизывая крошки с нижней губы, — наша организация имеет филиалы по всему миру. На содержание объектов тратится уйма денег.

— При этом, — закончил Могилевич, жуя холодный бутерброд, — у вас даже микроволновка не работает. Надеюсь, хоть чайник поставить можно.

— Есть кофейный автомат, — Лебедев вытянул руку в сторону прибора, похожего на вертикально стоящий гроб.

— Да, — одобрительно протянула Маргарита, — кофе нам сейчас не помешает.

С этими словами, она закинула остатки еды в рот, и вышла из-за стола. Проводив сотрудницу взглядом, Лебедев наклонился через стол и тихо произнёс:

— Можно вопрос?

Могилевич, чей рот был набит незатейливым завтраком, что-то промычал, кивнув головой.

— Скажите, — продолжил доктор, — у вашей ассистентки, Софьи, кажется, есть молодой человек?

С трудом проглотив содержимое щёк, детектив вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ох, так-то лучше, — облегчённо произнёс он, хлопая по животу, — нет. У Софьи нет молодого человека. А что, хотите приударить за ней?

Лебедев застенчиво отвёл глаза в сторону.

— Ну, скажете тоже, приударить. В мои-то годы? Так, познакомиться, провести время, а дальше, может что-нибудь и получится.

— Это вряд ли, — усмехнулся Антон, доставая из кармана пиджака записную книжку.

— Почему же? — Валентин выглядел оскорблённым в лучших чувствах. — Я здоровый, совершенно не глупый человек. Не думаю, что у меня меньше шансов, чем у столичных сотрудников. Она сам-то откуда?

Раскрыв блокнот, Могилевич сосредоточенно всматривался в собственные записи.

— Софья родом из России. Некоторое время жила во Франции. — Отвлечённо говорил он, почти полностью погрузившись в размышления. — Завербована три года назад.

— Так вы думаете, я ей не понравлюсь? — Прямо спросил Валентин.

Вздыхнув, детектив отложил книжку и внимательно посмотрел на собеседника.

— Зная вас, пусть и не очень хорошо, я могу сказать, что вы точно не будете неприятны моей ассистентке. Она ценит умных и, как вы выразились, здоровых людей. Она действительно ценный сотрудник, знаете ли. Работать с ней приятно, в профессиональном и человеческом смысле. Думаю, вы ей понравитесь.

— То есть, — не без удовольствия заключил доктор, — шанс всё-таки есть?

Выдержав паузу, Могилевич дружелюбно улыбнулся.

— Оставьте это дружище. Вы, конечно, понравитесь Софье, но вы вряд ли понравитесь её жене.

Подошла Маргарита с двумя стаканчиками дымящегося кофе в руках.

— Вот, господа, двойная порция растворимого эспрессо, — объявила она, ставя перед мужчинами напитки.

— Очень любезно с вашей стороны, Маргарита, — Антон вежливо кивнул головой.

Лебедев выглядел до крайности сконфуженным. Взяв свой кофе, он коротко поблагодарил сотрудницу и ушёл в свои мысли, опустив крючковатый нос в стаканчик.

— Честно говоря, — призналась сотрудница, вновь усаживаясь за стол, — я думала вы взорвётесь там, допрашивая старика.

— Глупости, — отмахнулся детектив, сдувая пар с напитка, — он напомнил мне моего деда. Тот же случай. Всю жизнь проработал смотрителем железнодорожной станции, а после развала СССР стал смотреть на всех как на отходы 682-го. Это грустно, если так подумать. Отдать свою жизнь одному государству, а доживать её остатки в другом.

— Да, не весело.

— А где же ваш кофе?

— Не хочу. Я выпила две банки энергетика, пока стояла у мониторов, в кабинете охраны.

Допив залпом остатки кофе, Могилевич достал ручку и вернулся к заметкам. Разбираясь в косых линиях собственного почерка, он ловил на фоне мыслительного потока изречения своего наставника. Тот часто говорил о важности еды.

— Запомни, Антон! Оказавшись в трудной ситуации, не забудь поесть. Это кажется банальным, но, поверь, голова работает значительно лучше, а душевное состояние крепнет, когда ты не голоден. Стоит закинуть что-нибудь в желудок, и туман перед глазами рассеивается. Пыль слетает с извилин, а в сознании воцаряется штиль.

Прошло уже семь лет со смерти учителя, а его слова всё так же звучали в голове детектива.

Комплекс «Рост», центральный вход, 08:00

Ведущий исследователь паранормальных явлений Владимир Марш был очень ценным сотрудником, несмотря на свои недостатки. Будучи в прошлом хирургом, он отлично справлялся в задачах на скорость, принимая не совсем уставные, часто радикальные, решения, тем не менее, приносящих пользу. В крайнем случае, если не пользуешься, то хотя бы хороший материал для дальнейших исследований. Лучше него, пожалуй, работал только Оганян. Его армянская смекалка могла устроить зону содержания чему угодно, практически из камней и палок. В условиях низкого финансирования, эту черту было сложно переоценить.

И вот теперь, одиннадцатого числа, Владимир сидит на траве, уставившись на старый советский завод, и чувствует собственной задницей исходившие из недр комплекса вибрации. Позади него раскинулись палатки, в которых бойцы соревновались в негласной олимпиаде по громкости храпа. Побеждал, конечно же, командир Усачёв.

Всматриваясь в который раз в чернеющие окна зданий, он задавался вопросом, — что же стало с той девушкой? Откуда и за кем она шла в это опасное место? И этот пацан. Кто он? Если это такой же тауматург, тогда почему выглядит как панк, изнасилованный кровавым и беспощадным капитализмом?

Где-то раздался стук. Это Аврора, проснувшись, покинула фургон оперативников. Побродив по пустырю, она вскоре присела рядом с доктором, потирая заспанные глаза.

— Доброе утро, — зевнула Измайлова, — вы совсем не спали?

— Нет, — отозвался Марш, машинально срывая траву, влажную от росы, — сигареты кончились. Хочу курить, вот и не могу заснуть.

Это была ложь. Абсолютно ненужное враньё. Владимир не мог уснуть потому что уже целую неделю не пил. Если бы не инцидент, он бы уже ползал по своей квартире в невменяемом состоянии. Либо же валялся в коридоре в луже собственной рвоты. Теперь же его отравленный организм испытывал самую настоящую ломку.

— Смотрится внушительно, да? — Аврора кивнула в сторону комплекса.

— Да, — задумчиво протянул Марш, — выглядит зрелищно.

— Думаете, это Таумиэль? Правило коробки говорит, что это должен быть именно он.

Марш ухмыльнулся.

— Правило коробки, значит? Наверное.

Отведя взгляд от завода, ассистентка внимательно посмотрела на Владимира.

— Вы в порядке?

Марш молча пожал плечами. Поднявшись на ноги, девушка на минуту отошла обратно к фургону. Порывшись в бардачке, она вытащила оттуда пачку папирос. Скинув помятый халат, она осталась в цветастой майке и джинсах. Вернувшись к доктору, Аврора протянула ему курево.

— Беломорканал? — Удивлённо произнёс Марш, принимая пачку из рук сотрудницы. — Надеюсь, это не ваше.

— Конечно нет, — посмеялась Аврора, усаживаясь на траву, — это, кажется, Усачёва.

— Да, мужик он крепкий, — заметил доктор, поджигая папиросу. — Тьфу ты, какая же гадость.

Сделав несколько затяжек, он указал пальцем на предплечье Авроры.

— Хорошая татуировка. Что означает?

Смахнув растрёпанные белокурые волосы с лица, девушка приподняла рукав футболки, открывая виду изображение змеи.

— Да так. — С легкомысленным тоном ответила она. — Ничего особенного. Меня отец в детстве звал гадюкой. Когда он умер, я решила набить эту змею на память.

— Он, кажется, работал у нас.

— Было дело. Такие вещи сложно скрывать от семьи. Так что я лет с двадцати начала понимать, что должна работать в Фонде.

Сделав ещё затяжку, Марш запрокинул голову и выдохнул облако едкого дыма.

— Ваш отец умер при исполнении?

— Да нет. Обычный инфаркт.

— В девяносто четвёртом году, вы кажется, обмолвились ранее.

— Да, а что?

— Просто интересуюсь. Надо же знать, с какими людьми работаешь.

— Согласна.

Заведя руки за голову, Аврора откинулась на траву.

Тяжёлые кучевые облака плыли по небу, подсвечиваемые лучами утреннего солнца. Лес, окружавший комплекс с левой стороны, шумел в порывах ветра.

В палатках начиналась возня. Павел Усачёв, позволив бойцам поспать на полчаса подольше, принялся будить отряд.

— Подъём! — Громкий голос командира доносился до ушей Марша. — Стычкин, тебя не касается, можешь сопеть дальше.

— Не-не-не, — прокричал Марш, обернувшись назад, — пусть тоже встаёт.

Встряхнув седеющими патлами, он быстро вскочил на ноги. Командир, покинув спальное место, уже спешил к доктору.

— Утро доброе, — пробасил Павел, протягивая лопатообразную руку. — Ну что, Володь, какие планы?

— Те же, что и вчера. Бери бойцов и ступайте на разведку.

Глава XVII: Мираж чувств

Зачем же гнаться по следам того, что уже давно окончено? — М. Булгаков, "Мастер и Маргарита".

11 июня 2019, Зона 112, 09:00

Заперевшись в одной из лабораторий минус-второго этажа, Могилевич, Лебедев и Шихобалова, в компании нескольких оперативников, изучали документы, связанные с Нежилецом.

В записях тридцатилетней давности была лишь скудная информация о произошедших инцидентах, что говорило о том, что некто очень не хотел раскрывать подробности. Однако, даже директору учреждения нужен веский повод для применения плашки "ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ". Поэтому Антон, выбросив из головы ненужные мысли, сосредоточился на деле заражая своим энтузиазмом всех присутствующих.

— Документ о ноль-втором, — сказал Лебедев, протягивая свежераспечатанное досье.

Приняв его, метареалистка вчиталась в содержимое.

Объект: SCP-6302-RU «Мумифицирующий стул» Класс объекта: Безопасный Особы условия содержания: SCP необходимо изолировать в отдельной комнате, либо в пустом пространстве, радиусом, как минимум, 5 метров. Во избежание контакта с поверхностью стула, рекомендуется накрыть его прочной тканью, не пропускающей влагу. Опыт показывает, что для этих целей идеально подходит брезент. В случае проведения опытов, персонал должен быть одет в защитный костюм и иметь при себе остро заточенный топор или пилу. Примечание: На период 4.04.97 объект служит для удержания SCP-6383-RU «Ни живой, ни мёртвый». Следует ожидать, что такое положение будет продолжаться и далее. За подробной информацией обратитесь к Смотрителю Зоны 112. Описание: Это деревянный стул с высокой спинкой. Дату производства, возраст и состав объекта невозможно установить по причине аномального воздействия, заключающегося в том, что всякий живой организм, коснувшийся стула незащищённым участком тела, немедленно прилипает к нему. В течение следующих 8-10 минут, объект высасывает из жертвы всю имеющуюся влагу, обращая последнюю в подобие мумии. Процесс иссушения можно остановить, если в скорейшем времени отсечь приросшую к объекту конечность. История получения: SCP-6302-RU был обнаружен в 1984 году в здании Самарского Политехнического Университета. Объект располагался в библиотеке, и впервые проявил свои свойства 9 января того же года. К моменту приезда сотрудников Отдела "П" ГРУ, к объекту были прикованы и иссушены пять человек: трое студентов, библиотекарь и преподаватель химии. Очевидцы были обработаны препаратом Красная Комета, выполняющего в Отделе функцию амнезиака. Также была внедрена ложная информация о ядовитом химикате, случайно расплывённом преподавателем. Причины возникновения аномалии выяснить не удалось.

— Красная комета, — проговорила Маргарита, пробежав глазами по листку, — симпатичное название.

— Что самое интересное, — вставил детектив, раскладывая перед собой нужные бумаги, — приём этого препарата сопровождался псевдогаллюцинациями, едва субъект закрывал глаза. Они описывались как мелькающие в темноте алые звёздочки.

— Откуда вы это знаете?

— После развала Советов, многие выходцы из Отдела разбежались по СВОРам. Из-за

этого по всему миру стабильно один-два раза в год находят аномалии, на которых высечено "Сделано в СССР". Среди них немалую долю занимают остатки, так называемой "отделовской фармы". Различные амнезиаки, снотворное, психоактивные препараты. Зачастую расследованием инцидентов, связанных с Советами, занимаются именно детективы из России. Я такое могу рассказать, что вы вряд ли мне поверите.

— Ну, — вклинился Валентин, передавая очередную пачку бумаг, — архивариус наш, кажется, думает иначе.

— Кстати, о нём, — Шихобалова достала из сумочки очки, — я вот думаю, а ведь он действительно должен держать в своей голове все эти события, которые случились здесь. Может, мне стоит обратиться к нему, пока вы здесь? Вдруг, у него уже сложился пазл.

Некоторое время, Могилевич молча перемешивал листы, полученные от сотрудника.

— Хм... — Промычал он минуту спустя, — да, можете попробовать. Может, в вашем присутствии, он будет более разговорчив.

Комплекс «Рост», Главный корпус, то же время

Ждать было больше нельзя. Присутствие матери, ощущаемое Верой, вдруг начало таять. Что-то было не так. Вскочив на ноги, он потянула за собой сонного Константина.

— Что случилось? — обеспокоенно прошептал мальчик.

— Я так больше не могу, — в полтона ответила девушка, — приготовься бежать.

Вытянув руку, она позволила силе, томившейся в её запястье все эти часы, вырваться наружу. Волна страха и гнева вышла из-под её пальцев и обрушилась на дверь, заставив последнюю разлететься в клочья. По зданию прокатился грохот.

Схватив за запястье мальчика, Вера кинулась в проём. Оказавшись в слабо освещённом

коридоре, она озиралась по сторонам в поиске невидимого врага.

В тот же миг пыль с пола стала подниматься, формируя слабо различимый силуэт человека. Толкнув Константина в направлении лестницы, она приказала ему бежать. Волны гнева уже поднимались в её груди, давая топливо для разгона тауматургических механизмов.

Форма, состоящая из пыли, щепок и хлопьев слезшей со стен краски, обретала всё большую чёткость. Ведьма лихорадочно перебирала в памяти жесты, которые можно было бы использовать в эту минуту.

Лезвия? Нет, враг не имеет плоти. Волны? Помогли, но ненадолго. Смещение внутри врага, с последующим разрывом последнего вихрем? Нет, в этом месте почему-то нельзя телепортироваться.

Константин, добежавший до конца коридора, распахнул дверь, и чуть было не упал в зияющий провал.

— Твою мать, — крикнул он, — Вера, здесь нет лестницы!

— Ох, сука, — застонала девушка, оскалив зубы и закатывая глаза.

Терпению ведьмы пришёл конец. Ненависть, бушевавшая в груди, вырвалась из грудной клетки, пробив несколько рёбер, чтобы обрушиться на фантома. Сметая пыль на своём пути, сдирая со стен куски штукатурки, поток уносил всё, что попадалось ему на пути. Наконец, столкнувшись со стеной, сверхъестественный импульс вырвал остатки окна вместе с рамой и рассеялся по территории комплекса. В коридоре сразу стало несколько светлее.

Схватившись за кровоточащую грудь, Вера, оперлась на стену.

— Вот же дерьмо! — Выругалась девушка.

Да, она планировала зайти в этот комплекс через главный вход, чтобы уже через двадцать минут выйти оттуда со своей матерью. На деле Вера провела тут уже целую ночь, войдя, как вор, через окно, после того, как железное дерево унизительно закинуло её в кучу мусора. А утром следующего дня, она отдала четверть своих сил на борьбу с фантомом, который был втрое слабее Ржавчины. Молодец, Вера! Так держать.

Тяжело дыша, она прислонилась спиной к стене. Подбежавший Константин с ужасом взирал на её раны.

— Чёрт. — Выдохнул он, наблюдая за ручьём крови, стекающим с тётинного свитера. — Я сейчас поищу бинт.

И, забыв на какое-то время о страхе, он принялся обшаривать ближайшие кабинеты.

Ноги подкашивались. Опустив веки, Вера осела на пол и сосредоточилась на ощущении присутствия матери. Часом ранее она была где-то внизу, пятью этажами ниже, но теперь она вдруг отдалилась. Но куда? Вышла за пределы комплекса, не заметив присутствия своей дочери? Нет, это было невозможно. За миг до отдаления тлееды Полночи сигнализировали о чувстве волнения. Это точно не была битва, так как в этом случае, сигнал был бы дольше.

От размышлений Веру отвлек кашель, рвущийся из груди. Похоже, что её альвеолы стали наполняться кровью, после того, как обломки рёбер пробили лёгкие. Не желая отхаркивать собственные внутренности, девушка перестала дышать. Затем, вспомнив о Константине, она открыла глаза, чтобы племянник не подумал, будто она мёртвая.

«С другой стороны, — подумала Вера, — он уже не раз видел меня практически разорванной в клочья после стычек с Блуждающими. Не такой уж он и трусливый, пожалуй.»

Когда Константин вернулся с двумя рулонами бинта и бутылкой обнаруженного коньяка, тётя одобрительно потрепала его по макушке.

— Всё-таки, — хрипела она, отпивая из чекушки пойло полувековой выдержки, — взять

тебя с собой было хорошей идеей.

— Я стараюсь, — скромно улыбнулся мальчик, устраиваясь рядом.

Слизав остатки алкоголя с перепачканных кровью губ, она повернулась к нему лицом.

— Нет, правда. Стоило тебе сказать это раньше, и не за бутылкой спиртного. Я действительно рада, что ты рядом. Не в смысле, сейчас, а в смысле вообще, все эти два года. Твои предложения развлечься как-то, помимо упарывания вином, были неплохими, просто, — эмм, — не в моём, скажем так, вкусе. Хотя варить глинтвейн мне понравилось.

Выпив две трети коньяка, девушка молча передала племяннику бутылку. Константин, смущённый внезапной откровенностью, искал тему, на которую можно было бы перевести разговор.

— Смотри, кто ползёт, — указал мальчик, прикладывая губы к горлышку.

По изуродованный неистовством ведьмы стене двигался один из глаз Мнемогемнона. Своей голубой радужкой он ловил тусклый свет, с любопытством рассматривая притаившуюся парочку.

— Ржавчина тоже тут, да? — поинтересовался Константин, вытирая рот рукавом джинсовой куртки.

— Да, её полно снаружи. Голов десять, может больше.

— Если ты можешь видеть ржавчину, почему не смогла увидеть фантома?

— Смогла, просто их форма не настолько плотная, чтобы их можно было ощутить дальше двадцати метров. По крайней мере, в случае со мной. С Блуждающими я сталкивалась достаточно часто, поэтому тлееды распознают их в радиусе сотни метров, может больше.

— То есть прямо сейчас под нашими задницами могут находиться толпы разномастных чудовищ, но ты об этом не знаешь?

— Вроде того. Тем не менее, я ощущаю весьма зловещий фон, наполняющий весь комплекс, что, конечно, не добавляет нам очков. Мы должны постараться избежать различных опасностей. Просто этот фантом застал меня врасплох.

Допив остатки коньяка, Костя кинул бутылку вглубь коридора.

— Если фантом не имеет формы, почему он опасен?

— Он может пройти сквозь тебя, вырвав некоторое количество материи, наполняющих твоё тело. Был небольшой шанс, что он развеет по воздуху мой мозг.

— Глупая смерть была бы, конечно. — Прокомментировал Константин.

Вера рассмеялась, с каждым выдохом выплёвывая немного крови.

— Это точно. Проблема в том, что я его не видела ночью, в смысле, глазами. Просто ощутила на себе его взгляд, а дальше воображение само составило картину. Я ещё задавалась вопросом, почему эта штука стоит за дверью и не входит.

— А почему?

Девушка вытянула ноги, устраиваясь поудобнее.

— Фантомы, как и Блуждающие, когда-то были людьми. И те, и другие утратили рассудок, а та память, что у них осталась, представлена весьма скудным остатком личности. Эта личность помнит, что сквозь стены проходить нельзя, но не способна осознать своё состояние. Сложно объяснить. Многие знания о сверхъестественном приходят от тлеедов, а они общаются посредством ощущений и образов, которые непросто передать человеческим языком.

— Да, понимаю, — кивнул мальчик, — буквально пять минут назад я почувствовал

интуитивный образ. И нашёл бутылку коньяка.

Вера снова рассмеялась.

— Так держать, малыш, продолжай в том же духе.

Солнце восходило всё выше и вскоре их лица озарили лучи утреннего солнца. Наступающий день дарил им передышку от кошмаров, навеванных ночью.

В это время командир Усачёв, глянув на часы, прогремел над пустырём перед воротами:

— Так, мужики! Половина десятого, — самое время начать операцию. Делимся на две группы. Первая идёт с ассистентами бродить по селу, а вторая со мной и Маршем... Кстати, где Володя?

Оглянувшись по сторонам, Павел обнаружил доктора, связывающимся по радиостанции с руководством Зоны. Владимир коротко объяснил свои намерения, пообещав сохранять крайнюю осторожность, и набросал примерный маршрут, по которому до них доберётся специалист по условиям содержания. Жажда мучила его, и он с утроенной частотой выкуривал папиросы Усачёва. Руки начинали ходить мелкой дрожью.

Когда молодняк удалился, в сопровождении половины отряда, командир подошёл Маршу, уже оборвавшего соединения.

— Марш, ты идёшь? — С ухмылкой спросил Павел. — А то нечестно получается. Всех подбил на эту авантюру, а сам будешь сидеть в безопасности.

Стерев со лба выступившую испарину, Марш огляделся, чтобы убедиться, что их не подслушивают:

— Усачёв, у тебя выпить есть?

В мгновение ока улыбка выветрилась с лица командира.

— Откуда? Я ж только по выходным пью. И то, не больше рюмки коньяка. Оганян мне, кстати, недавно подсказал крутой армянский пятизвёздочный...

— Тащи спирт.

— Че-го?

— Неси из аптечки спирт. Разбавлю с водой.

Присев рядом с Маршем на корточки, боец серьёзно посмотрел в серые глаза доктора.

— Володь, ты debil? Я знал, конечно, что у тебя проблемы с горючкой, но не думал, что настолько. Ты шутишь что ли? А как же операция?

— Всё будет. Мне просто нужно выпить. Меня трясёт, посмотри.

— Погоди, а как ты раньше работал?

— Раньше всегда было. В кабинете пару раз пил. В магазин иногда выходил. Когда работал хирургом, ну ты знаешь, — больница. У многих водилось.

— Капец. — Павел озадаченно провёл перчаткой по сверкающей на солнце лысине. — Вот и лечись потом в государственных клиниках.

— А тут, — продолжал доктор, не сводя глаз с радиостанции, — знал бы, что настолько задержимся, с собой бы взял. Может, позвонить Одинцову? Пусть скажет Артуру, чтобы привёз.

Схватив доктора за плечо, Усачёв рывком поднял его на ноги.

— Так, а ну-ка, отставить сопли! — Тихо, но твёрдо проговорил он. — Ты понимаешь, что ты своим алкоголизмом не только себя, ты и людей вокруг угробить можешь? Как ты вообще хирургом-то работал, как никого не угробил?

— Ну, — усмехнулся Марш, отводя взгляд от лица Усачёва, — там-то я и начал бухать

по-настоящему. Сначала, чтобы не волноваться. Потом, чтобы руки не дрожали.

— Н-да, — протянул оперативник, пиная траву, — приехали. Ща, погоди.

И Павел куда-то ушёл. Вскоре за палатками раздался хлопок дверями фургона, и, спустя минуту, командир вернулся со стаканом воды и двумя таблетками.

— Вот, выпей.

Закинув в рот пилюли, Марш запил их водой.

— Что это? — Скривился доктор, чувствуя горечь во рту.

— Лошадиная доза витаминов и обезболивающего. Снимает любые симптомы заболевания, в том числе и похмелья. На первое время пойдёт, потом что-нибудь придумаем.

— Спасибо, Паш.

— Да нахрен мне твоё "спасибо"? — Голос Усачёва становился всё более тихим, но тон его каменел с каждым словом, — кончай бухать, слышишь? Ты себя в могилу сведёшь. Какие у тебя проблемы, что ты так бухаешь?

— Я не знаю, Паш. Правда.

— А кто знает? Кто может знать твою ебанутую голову лучше, чем ты, а? Пошли уже.

И Усачёв решительно зашагал в направлении комплекса.

Зона 112, 09:30

До снятия блокировки учреждения оставалось меньше трёх часов. Квартету, ведущему поиск Нежилца уже давно было ясно, что сдержать объект такого уровня им не удастся, даже имея всё время мира. И пока Могилевич пытался вычитать в бумагах намёки на причины поведения Орловой, позволившей находится подобному SCP в настолько непригодной Зоне, Маргарита уже прибыла в комнату для допросов. Старик к тому времени уже не выглядел столь заносчиво, сказывались усталость и недосып. Он молча сидел за столом, опустив руки, легко застёгнутые в наручники.

Присев напротив, Шихобалова внимательно рассмотрела Архивариуса, постукивая ногтями по столу.

— Что? — Гаркнул дед, поведя плечом, которое болело после залома метареалисткой.

Вести допрос Маргариту не учили, поэтому приходилось импровизировать.

— Я пришла за ответами.

— Понимаю, — с готовностью ответил сотрудник. — Но вы пришли не по адресу. Всё, что я знаю, это то, что этому человеку полторы тысячи лет и у него трудная жизнь. Много жизней.

— Я видела тварей и пострашнее. Рано или поздно мы поймем его, но вы отправитесь в тюрьму, если не поможете нам.

— Вы же метареалистка, разве нет? Разбираться в людях, странствующих между слоями реальности — ваша работа. А я всего лишь коллекционер историй, не более.

Маргарита выглядела польщённой.

— Да, я отлично понимаю, как этот ваш Нежилец существует на периферии бытия, и за какие ниточки мироздания дёргает, чтобы оставаться в нужном ему состоянии именно столько времени, сколько это необходимо. Будьте уверены, я уже изложила все свои доводы вашему внештатному детективу. Дело в другом. Ваше учреждение, в отличие от той же Зоны 400, не укомплектовано должным образом, чтобы сдерживать подобные объекты. Со стороны вашей бывшей Смотрительницы было очень легкомысленно надеяться на то, что тот объект, — мумифицирующий стул, кажется, — послужит действительно надёжным

средством удержания Нежильца. Это прокол чистой воды, и мне почему-то кажется, что он не был случайным. И так уж вышло, что только вы за последние тридцать лет имели честь беседовать с этим... человеком. Поэтому я буду очень признательна, если вы приоткроете завесу тайны его аномальной природы. Тогда, возможно, я смогу его остановить.

С минуту Архивариус наблюдал за взволнованной мимикой Шихобаловой, после чего вдруг расхохотался.

— Боже, — воскликнул он, вскинув скованные руки, — как мне донести до вас простую истину? Нет никакой тайны. Здесь просто не о чем рассказывать. Тот, о ком вы говорите, просто не существует. Да, его рассказы, конечно, захватывающие, да, они имели место быть в реальности, но, единственное, кого никогда не было, — того, кто все эти истории рассказывает. Поймите, каждый, кого он когда-либо встречал, пытались донести до него эту простецкую, как три копейки, вещь.

Сотрудница пронзила его взглядом:

— В каком смысле "не существует"?

Отдышавшись, старик пояснил:

— Представьте, что вы читаете книгу. Во время чтения, вы буквально видите всё происходящее, вы наблюдаете героев, сопереживаете им, но где находятся эти герои? Нигде, они только внутри вашей головы. Вы смеётесь, грустите, боитесь за них, но на самом деле, вы просто смотрите в пропечатанный лист. С вами абсолютно ничего не происходит, но ваше сознание кидает туда-сюда по всевозможным местам и временам. И с Нежильцом происходит то же самое. Его аномалия заключается в том, что он будто бы персонаж книги, который одновременно сам себя читает и сам себя пишет. Этот цикл не может прерваться, потому что он не способен осознать это. Он может понять это умом, но только с точки зрения персонажа, не автора. Это как если бы вы вдруг смогли осознать четвёртое измерение, являясь трёхмерным существом. Понимаете?

— С трудом.

— Ох, блять, да за что мне всё это? Как объяснить ещё проще? Вот если я вам скажу, что вас не существует, вы не поверите. Тогда я приведу в качестве доказательства законы физики, укажу на атомы, состоящие почти полностью из ничего. Расскажу про биохимические процессы, и подкреплю их исследованиями. Тогда вы скажете, что вас не существует, вы согласитесь. Но это ни к чему не приведёт, потому что вы ощущаете целостность. Вы дышите, спите, ходите в туалет, — вы есть, и не важно, в каком агрегатном состоянии вы находитесь.

— Ну, допустим.

— А теперь представьте, что я отнимаю у вас части тела, без вреда для вашей жизни. Рано или поздно от вас останется только мозг. Как думаете, что вы будете ощущать?

— Наверное, ничего.

— Ошибаетесь. Вы будете созерцать целые жизни, подобно тому, что вы видите во время сна. Перестав получать информацию из внешнего мира, вы начнёте смотреть внутрь самой себя. Вы будете одновременно и театром, и актёрами, и зрителями. И это именно то, что происходит с Нежильцом. Он находится в вечном смертном сне. Но, когда он получил от своего двойника подсказку...

Кусочки паззла уже начинали собираться в голове Шихобаловой.

— Зеркало.

— Да. И это позволило ему понять, что у него нет тела. Он буквально осознал

отсутствие своего тела, пропитал своё существование этим фактом. И это, похоже, позволило ему сместить свой уровень реальности на тот, где силы мумифицирующего стула до него не дотянулись бы. Не удивительно, что этот объект объяло пламенем!

Не дав Архивариусу договорить, Маргарита вскочило с места и понеслась прочь из кабинета, чуть не сбив с ног охранника, стоявшего у двери.

— Антон! — Кричала она, задыхаясь, в микрофон передатчика. — Я знаю, я выяснила его цель! Я выяснила цель Нежилца.

— Неужели? — Донёлся знакомый бас из наушника. — Ты что, бежишь? Не беги, я уже сам всё понял. Приходи, я расскажу тебе кое-что. Это очень любопытная история.

Глава XVIII: Девушка из Челябинска

«Есть только два способа прожить свою жизнь. Первый — так, будто никаких чудес не бывает. Второй — так, будто все на свете является чудом.» — Альберт Эйнштейн.

Зона 400, Административное здание
2009 год, Челябинск

Так как Зона 400 находится на руинах некогда могущественного портала, основная деятельность учреждения сосредоточена на исследовании и содержании объектов, имеющих прямое отношение к метареализму. Один из важнейших узлов российского филиала, он производит на свет десятки специалистов ежегодно, и потребляет сотни миллионов рублей ежемесячно. По разным данным, в Зоне 400 работает от одной до двух тысяч человек, занятых на различных должностях. Точное количество знает лишь пара человек из администрации, в силу того, что многие объекты строго засекречены, и вместе с ними, имена тех, кто занимается их изучением.

Вокруг древнего плато, находящимся, якобы, под самой Зоной, ходит множество слухов разной степени достоверности. Одни утверждают, что портал давно мёртв, а объекты, обнаруженные вокруг него, являются лишь остатками аномалий, выброшенными в нашу реальность сеансом Реструктуризации. Вторые предполагают, что плато является частью транспортной системы, возведённой кем-то давно, кем-то очень могущественным, и может открыться в любую минуту. И те, и другие, собираясь за обедом, часто спорят насчёт своих точек зрения, но всегда сходятся в одном: под Зоной 400 заложен атомный заряд, готовый низвести до основания всё учреждение.

Сообщение заместителя старшего Администратора Зоны 400 к персоналу 3 и 4 уровней: >18.03.14, 10:00 Обращаюсь к сотрудникам высшего звена с просьбой прекратить обсуждение т. н. крайних мер безопасности! Да, под Зоной 400 имеется атомный заряд, но его потенциала будет не достаточно, чтобы нанести вред близлежащим агломерациям, поэтому не стоит волноваться о вашей недвижимости и родственниках/друзьях, находящихся в близлежащих селениях. Своими байками о том, что "под нашими задницами находится миллионы тонн в тротиловом эквиваленте" вы подрываете моральный дух более молодых и неопытных сотрудников/сотрудниц. Во-первых, эквивалент, выраженный в тринитротолуоле, будет не в пример ниже ваших "миллионов тонн". Выбор атомного оружия в качестве т. н. крайней меры обусловлен не столько способностью к обширным разрушениям, которые данное оружие несёт, а тем, как именно это оружие влияет на окружающую материю. Поверьте, зная, какие объекты мы сохраним, вы предпочтёте моментально сгореть в ударных порывах "атомного ветра", чем попасть в сети к нашим Кетерам. Во-вторых, у нас ОЧЕНЬ развитая система безопасности. Проще говоря, для активации атомного заряда, нужно чтобы на Зону 400 одновременно напали сторонние организации, вышли из-под контроля как минимум три содержащихся объектов класса Кетер, с наивысшим уровнем опасности, и все оперативники МОГ разом превратились в штурмовиков из Звёздных Войн, ну, вы поняли. Поэтому, смерть от ядерного оружия должна волновать вас меньше всего. С уважением, зам. старшего администратора Страхов. А. Н.

Когда Маргариту поставили перед фактом командировки в Самару, она восприняла это как предложение поехать в отпуск. Последние десять лет она изучала объект, в компании целого отряда исследователей. Десять лет непрерывной работы: сначала под чутким руководством наставника, и позже, возглавляя процесс как полноправный сотрудник Зоны. Начав как бойкая и способная ученица ВУЗа, она привлекла к себе внимание Фонда. Следующие пару лет "отдел кадров" наблюдал за успехами девушки, ожидая, когда потенциальный кандидат на место в Зоне 400 достигнет установленного комитетом по Этике возраста в 25 лет. Едва ей исполнилось четверть века, жизнь подкинула ей две неприятные вещи: первая, она уже не сможет встречаться с Леонардо ДиКаприо, и вторая: иногда в твоё училище приходят люди и сообщают, что они следили за тобой последние годы.

Ей было сделано предложение о переводе в другое учреждение, где она сможет обучаться и практиковать изученное в лабораториях, оснащённых, что называется, по последнему слову техники.

— Это что-то типа Сколково? — Со скепсисом иронизировала Маргарита.

В конце концов, они взяли её на обучение. Суть работы вербующего отдела была очень проста. Предложить соискателю подойти на одну презентацию, которая рассказывает об их заведении в общих чертах. Всего одну презентацию! Можно посетить её даже ночью, с напитками и едой, пообщаться с другими студентами, ознакомиться с технологиями!

Это удочка действовала на умы всех возрастов, и никто ещё не смог отказать себе в любопытстве посетить это загадочное место. Спросите любого сотрудника Фонда, какое время пребывания в учреждении кажется ему самым счастливым, и он непременно ответят: первые годы обучения!

Едва мозг человека осознаёт, что мир значительно шире и многообразней, чем он думал, его сознание кардинальным образом меняется. Он понимает, что у него есть только два варианта, что с этим можно сделать: взять предлагаемую таблетку, чтобы забыть об

этом, и встать на опасный путь исследователя и первопроходца. Очень немногие выбирают первый вариант. Ведь в этот момент, люди понимают, что им открылась какая-то истина, к которой они всегда неосознанно тянулись. И они окунаются с головой в лекции и то обилие литературы, которое на них сваливается. Да, их не обманули. Есть лаборатории, хранящие в себе технику на миллионы рублей. Есть общежитие с хорошими условиями и бесплатным питанием. Есть доступ ко всем возможным источникам информации. Но всё это меркло перед единственной чертой училища: их каждый день сталкивали с аномалиями. Разумеется, эти аномалии были абсолютно контролируемы. Закрытый Банк обоснованных объектов не зря учредил премию за обнаружение аномалий подобного класса. Если аномалию удалось объяснить языком науки, — это знак того, что человечество продвинулось вперёд.

Группа Марго состояла из пяти человек. Все они были разного возраста. Кто-то был завербован за заслуги на рабочем месте, вроде пожарника Михаила, который планировал пойти в отряды МОГ после обучения. Поэтому плотный график лекций был немногосвободён, чтобы он смог посещать физические тренировки.

Была ещё Наташа, чьё страстное увлечение химией и марихуаной привело её в Фонд:

— В смысле, вы не против лёгких наркотиков?

— Иногда наши учёные, скажем так... перегреваются. — Тактично пояснила женщина из "отдела кадров". — У нас есть целый штат психологов и терапевтов, но некоторым просто нужно раз в неделю освободить сознание от всего мусора. В конце концов, в мире есть вещи страшнее, чем психотропные вещества.

— Точняк, — на этом моменте, по рассказам Наташи, она вынула из сумочки косяк, — я абсолютно с вами согласна! Так, куда мне подойти?

И вот, девушка пришла на презентацию, накуренная в полнейшие сопли. Так что момент первейшего осознания отпечатался в её мозгу настолько сильно, что она засмеялась во весь голос. Наташа в течение тридцати пяти минут каталась по полу, и ржала, обливаясь слезами.

— Да, — флегматично заметил на это лектор, — довольно распространённая реакция.

Был ещё Матеуш, — студент из Анголы, которого завербовали пока он учился в России. У парня был талант инженера. Как-то, напившись с Мишей водки, они пересобрали один из механических обоснованных объектов. Проснувшись, они обнаружили, что SCP, который они должны были изучать следующую неделю, начал работать в два раза быстрее, и проявлять доселе невиданные персоналом учреждения функции. Объект пришлось эвакуировать на близлежащий Участок, чтобы заново изучить его. Банк обоснованных объектов выплатил им достаточно скромную премию, отметив, что их "состояние" было, мягко говоря, непрофессиональным.

Закрывал квинтет программист Дмитрий. Этот не слишком разговорчивый парень проводил всё свободное время уставившись в экран монитора. Он был настолько стереотипным представителем своей профессии, что окружающие даже не понимали, почему он одевается как человек, а не ходит в одном и том же, небритый и вялый. И надо было сказать, он был чертовски умным парнем. В совместных работах группы роль Дмитрия состояла в том, чтобы почти всё время молчать и слушать, какие предположения выносят коллеги насчёт разбираемой задачи. И в самом разгаре споров, вдруг негромко, но во всеуслышанье сказать: нам нужно сделать то-то и то-то. И все соглашались.

Неудивительно, что Дмитрий в дальнейшем пошёл по карьерной лестнице, связанной с управленческой деятельностью.

Уже через год после старта учёбы Ректор предложил Маргарите место в Зоне 400 в качестве начинающего сотрудника.

— Почему именно я? — поинтересовалась девушка.

— Совет преподавателей решил, что вы готовы.

— В смысле? К чему? Я же ещё не окончила обучение!

— Так называемое "обучение" состоит в том, чтобы будущий сотрудник осознал и принял то положение вещей, которое есть. Основные постулаты закладываются в головы студентов в первые же дни, остальное — лишь полировка и доведение нужных навыков до автоматизма.

— Окей, с навыками мне ясно, но как вы, — ну, — понимаете, что человек смирился с миром аномалий?

— Согласно уставу, рекрутеры, проводящие первую беседу, стараются навести человека на шутовую тему. Потому что когда человек смеётся, он чувствует себя расслабленным, и понимает, что человеку напротив можно доверять чуть больше, чем незнакомцу. Представьте себе, среди сотрудников, так называемого, "отдела кадров", существует традиция, которая переходит из поколения в поколение на протяжении веков, начавшись задолго до появления Фонда. Эта традиция объединяет очень многие связанные организации, и даже те, что враждебны к нам. Почти каждая вербовка в подобные организации сопровождается словами: Чувство юмора будет преимуществом в работе.

— Да, — вспоминала Маргарита, сводя тёмно-рыжие брови, — мне тоже говорили это.

— Ибо, чёрт возьми, это правда! — Вдруг с чувством воскликнул Ректор. — Обучение не может закончиться, пока не произойдёт принятие того, что есть. А единственный способ это увидеть, — юмор. Человек начинает шутить. Неважно над чем. Каждая шутка, — это момент, когда мы видим, что реальность на самом деле является странным местом. И когда странности случаются, — не обязательно аномальные, — мы не знаем, что нам делать. Это вещи, которые мы не могли предвидеть, и потому возникаем перед ними голыми, в переносном смысле. Нам нечего сделать в таком случае, нечего сказать, и мы просто... смеёмся.

— Вы тоже употребляете, да? — Смутилась Марго.

— Нет, — посмеялся мужчина, — просто моя обязанность заключается в том, чтобы быть хорошим оратором.

И вот, она покинула Училище, и перешла в стоящую неподалёку (в масштабах России) от её родного города, Зону 400. Это учреждение нельзя было назвать обширным, потому что это было бы слишком мягко для такого определения. Зона 400 была просто пиздец какой огромной! Построенные ещё при Советском Союзе гигантские корпуса, в стиле строжайшего брутализма наводили тень на окружающие земли. Широчайшие коридоры, устланные светло-синим линолеумом, и освещённые настолько ярко, что белые халаты начинали сиять и резать глаза. Толпы докторов, исследователей, ассистентов и прочий персонал, перемещались из крыла в крыло на протяжении 24 часов, заполняя собою всё доступное пространство. Согласно рейтингу Фонда, который ведётся статистами из комитета по Этике, активность Зоны 400 можно сравнить с агонией бешеного психопата, — это, кстати, ещё и пример одного из правил комитета: никогда не использовать эвфемизмы.

Первое время Маргарита бегала от одного руководителя к другому. Сначала это был доктор Носов. Под его руководством она участвовала в изучении аномалии, известную ныне как: SCP-7432-RU «Полсолонки». Через месяц после старта исследований, к ним

присоединилась Наташа, которая наконец закончила своё обучение и позже придумает простое и незатейливое название этого объекта.

Объект: SCP-7432-RU «Полсолонки» Класс объекта: Безопасный Особые условия содержания: Объект запрещается переворачивать! Описание: Это нескончаемые полсолонки соли. Согласно экспертизе, солонка сделана из обычного дубового дерева. Содержимое также оказалось широко распространённой в мире поваренной солью. Было проведено 348 экспериментов, в рамках исследования влияния соли на человека. Все они показали результаты схожие с обычным употреблением соли, купленной в ближайшем магазине продуктов. Комментарии: «Триста сорок восемь?! Вы ебанутые что ли?» — Командир МОГ «Ураган-10» Басов. «Все объекты должны быть всесторонне изучены и тщательно проверены!» — Доктор Носов. «И всё это ради полсолонки нескончаемой соли в нашей столовой, ахуеть. Так держать, Фонд, так держать!» — Командир МОГ «Смерч-3» Латуньев.

Зона 400, нижние этажи

Несмотря на то, что со стороны начальства не поступало никаких претензий, доктор Носов вскоре был отозван от учительской деятельности под предлогом недостатка умов на каком-то объекте, в соседнем крыле. Поэтому Маргарита с её небольшой командой, была послана к более опытному исследователю. И вот тогда их пустили на нижние этажи.

О, про нижние этажи ходят легенды среди тех новичков, кто там не был. Это были безразмерные подземные пространства, стены, полы и потолки которых были устланы металлом на манер ангара. Огромные лампы создавали иллюзию вечного чрезвычайно яркого солнца. Тени на этих этажах выглядели более строгими и чёткими, давая понять, что ты находишься в очень серьёзной ситуации каждую секунду. Множество массивных колонн не давали потолку упасть под собственным весом. В этих ангарах были камеры, спаянные из

листов железа повышенной толщины ещё при Советах, а потому выглядящие как неповоротливые кубы: множество уродливых клеток внутри одной монструозной клетки необъятных размеров. Один из таких кубов мог временами просто исчезнуть и появиться вновь ровно через восемь часов.

Объект: SCP-7445-RU «Сон человека» Класс объекта: Евклид Особые условия содержания: Обслуживание объекта должно осуществляться только сотрудниками класса D. Объект запрещено лично знакомить с людьми и животными. Разрешается звуковая только связь. Описание: SCP-7445-RU — это человек мужского пола, возрастом примерно пятидесяти лет. Его особенность заключается в том, что каждый раз, когда он засыпает (что происходит ежедневно строго в полночь) он исчезает из реальности. Вместе с ним исчезают и все люди, с которыми он был знаком. Также за время содержания, это свойство стало затрагивать и камеру постоянного пребывания. Перечень таковых ведётся с раннего возраста объекта. В момент, когда 7445 достаточно подрос, чтобы запоминать имена, аномалия начала себя проявлять. Опасность для исчезающих людей состоит в том, что они перемещаются в сон другого человека, и потому не могут его контролировать, умерев во сне, они не могут проснуться до пробуждения 7445-го. Основная проблема заключается в том, что объект невозможно разбудить до восьми утра, по причине исчезновения из реальности. Также не удалось оснастить тело объекта дистанционным устройством, которое могло будить бы его во сне, так как, во время сна, SCP оставляет всё, включая одежду. История обнаружения: 7445 был найден Отделом «П» в результате звонка в милицию насчёт пропажи родителей объекта. Предполагается, что, заснув, младенец перенёс своих родителей в свой сон, из которого они так до конца и не выбрались. 7445 утверждает, что он отказывается отпускать своих отца и мать, так как только внутри его снов они не стареют. Ожидалось, что сотрудник класса D, имеющий опыт работы психологом, сможет докопаться до внутреннего мира объекта, но, попав под влияние, говорит, что "чёртов 7445-ый кидает меня в такие обстоятельства, когда на разбирательства нет времени". Когда объекту указали на это, он ответил, что в его снах "постоянно хватало проституток и наркоты, так что удивляться здесь нечему." Комментарии: «Погодите, а почему бы нам не познакомить этот объект с 682-ым? Пусть эта тварь хоть с полуночи до восьми утра исчезает.» — Ассистент Немцов. «Напомню, что 682-ой имеет способность к адаптации. Учитывая его осведомлённость о реальности, которая местами во много раз превышает нашу, может получиться так, что это уже человечество окажется во сне 682-го. И я думаю, нетрудно догадаться, что за сны будут у этой твари.» — Старший исследователь Платонов. «А почему вы уверены, что на самом деле объект не забирает жертв в свою карманную реальность, вводя нас в заблуждение словом "сон"?» — Командир МОГ «Ведьмы» Стасова. «Поверьте, попав под влияние объекта, вы это точно поймёте.» — Старший исследователь Платонов.

Наибольший вклад в создание атмосферы нижних этажей вносил, конечно же, звук. Под потолком круглосуточно гремело эхо самых разных источников звука. Человеческие голоса, звук ударов металла о металл, тоскливое пение автономных скрипок, грохот механизмов... Некоторые особо романтические натуры из сотрудников, рассказывая о нижних этажах новичкам, утверждали, будто каждый этаж — это, своего рода, музей звуков. И когда их спрашивали, какой из этих звуков самый страшный, они отвечают, что такой звук, пожалуй, исходит из клетки под номером 2209, с минус-первого этажа.

Из этой камеры раз в месяц доносился протяжный стон, полный боли и смирения. В какой бы части этажа вы не находились, до вас долетало его эхо, и вы еле заметно

вздрагивали.

Объект: SCP-7470-RU «Фантомная боль» Класс объекта: Безопасный Особые условия содержания: Объект должен находиться в камере для содержания гуманоидов повышенной комфортности. Разрешается доступ к музыке, книгам, фильмам, играм и прочим средствам развлечения. В качестве исследователя рекомендуется назначить женщину. Описание: Это молодой мужчина, возрастом восемнадцати лет. Шестью годами ранее, он убежал с друзьями играть на окраину близлежащего посёлка, где проходил железнодорожный путь. Забава заключалась в том, чтобы класть на рельсы монеты и ждать, когда по ним проедет поезд. В один из таких дней, ноги объекта случайно попали под колёса локомотива. С этого момента аномалия и стала себя проявлять. Паранормальная активность состоит в том, время от времени, к объекту возвращается "фантомный" поезд, и SCP переживает боль, аналогичную той, какую он переживал в момент, когда реальный поезд проезжал по его конечностям. Объект утверждает, что постоянно осведомлён о "местоположении" этого невидимого локомотива, и точно знает, когда он принесёт с собой боль. Спустя четыре года после постановки на содержание, 7470-ой написал небольшую книгу, где изложил свой взгляд на принятие неизбежного. Данный трактат рекомендуется комитетом по Этике к чтению в училищах.

Что же касается Марго, то ей было суждено оказаться на одном из самых тихих нижних этажей Зоны 400, — этаже аномальной электроники. Очевидно, электричество находится на первом месте в рейтинге изобретаемости во всей мультивселенной. На этом этаже содержится очень-очень много аномальных вещей, начиная от плавящего металл холодильника, и заканчивая чёрной дырой, питающейся от розетки.

Когда каблуки Шихобаловой впервые коснулись отполированных листов металла, устилающих пол этого этажа, она, будто ребёнок, озиралась по сторонам, открыв рот. Окружённая множеством ячеек содержания, между которыми тянулись километры электрических кабелей, её разум наполнялся множеством противоречивых мыслей, сливающихся в шумный поток.

— Добрый день, — раздалось за спиной Маргариты.

Девушка обернулась и встретилась глазами с молодым человеком лет тридцати. Он приветливо улыбался, глядя на неё серыми глазами через стёкла очков.

Игорь Греджев, младший научный сотрудник, Зона 400

— Игорь Греджев, — представился сотрудник, пожимая руку новоиспечённой ассистентке, — мы вас ждали.

— Очень приятно, — бодро кивнув, девушка встряхнула протянутую ладонь, — мне сказали, что вы изучаете объект, попадающий под мою специализацию.

— Всё верно, наш экспонат прибыл из иного измерения, поэтому его изучение требует углублённых познаний в метареализме. Пока что он представлен в виде груды чертежей, но уже завтра мы начнём работать над его сборкой.

— Звучит интересно! Покажите?

— Конечно, пройдемте со мной.

Так, будущий исследователь четвёртого уровня Игорь Греджев вырвал Маргариту Шихобалову из толпы проходимцев, чтобы увлечь её на следующие десять лет работой над одним из самых сложных объектов Зоны 400.

Глава XIX: Команда Беты Центавры

«Математики как французы: все, что вы им говорите, они переводят на свой язык, и это тотчас же становится чем то совершенно иным.»— Иоганн Гёте.

На следующий день после знакомства с Греджевым, Маргарита была приглашена в одну из аудиторий общего корпуса, где новичкам должны были объяснить, с какого рода объектом они будут иметь дело. Многие из присутствующих, усевшихся по местам, уже имели в головах примерный план предстоящих работ, так как руководитель не поленился побеседовать с каждым из студентов лично.

— Для начала, — голос Игоря Греджева прокатился по аудитории, — хотелось бы поблагодарить моего наставника доктора Верховцева за проявленное доверие.

Рогволд Верховцев, девятый заместитель старшего Администратора Зоны 400.

Седой джентльмен в костюме, притаившийся в углу помещения, благодарно кивнул головой.

— Как я уже говорил некоторым из вас, — продолжил руководитель, расхаживая перед новичками с толстой папкой в руках, — подробный чертёж объекта был получен буквально три недели назад. Первичные исследования показывают, что экспонат не должен нести в себе прямой угрозы для жизни и целостности мира, поэтому, собственно, я и смог выбить для нас эту замечательную возможность проявить себя в деле. Нам крупно повезло с тем, что исследователи Зоны 400, курировавшие объект на предварительном этапе, смогли составить подробную инструкцию к дальнейшим действиям, чем сильно облегчили нам задачу...

Греджев не лукавил. Найти аномалию, к которой прилагается подробное описание её

работы — это как выиграть в лотерею два раза подряд!

Изучение древнего портала, пусть даже и не активного, позволили Челябинским учёным создать своего рода буферную зону, известную как Камера-81. Изначально это была зона содержания какого-то сверхсекретного объекта, однако позже, она была переоборудована в среду, где намеренно снижали активность полей Юма, совмещая данную процедуру с переменным алгоритмом двойственности. Сама зона содержания располагалась на месте бывшего подземного озера, которое по каким-то причинам пересохло тысячелетие назад.

Из архивных источников Зоны 400, Лекции на тему метареализма, параграф 317, часть шестая, версия от 01.02.10: Поговорим о, так называемом, алгоритме двойственности, и о том, почему он всегда идёт с приставкой "переменный". Из прошлых лекций вы знаете, что в нашей вселенной, как и в любых других, известных нам, вселенных, нет ничего бесконечного. В нашей реальности всё имеет свои границы, даже скорость света. Почему? Очевидно, потому что иначе ничего не могло бы существовать. Во вселенной, где пространство простирается в бесконечность, невозможны соединения на элементарных уровнях, так как частицы материи будут находиться также на бесконечно большом расстоянии друг от друга. Всевозможные законы из мира физики, химии, биологии и прочие, прямо указывают на то, что в мире должна существовать ограниченность, чтобы этот самый мир мог функционировать и развиваться далее. Исходя из этого, можно предположить, что единственная вещь, которая может являться бесконечной — это многообразие форм и вариантов ограниченности. Выражаясь более простым языком, если вы бесконечны во всех своих проявлениях, вы не сможете функционировать никаким образом, так как будете одновременно повсюду, и не сможете даже осознать себя, так как для самоосознания необходима индивидуальность и окружающая индивидуума среда. Учёные предполагают, что бесконечным началом может являться Нулевой закон, о котором мы говорили в первых частях. Это своего рода воплощение хаоса — бесконечного и ничем не обусловленного. У него нет границ, нет никаких целей и свойств, из-за чего вера в его существование больше походит на веру в Бога. Однако именно нечто настолько хаотичное может выдать бесконечное множество вселенных, используя простую ограниченность. Проще говоря, бесконечный Бог делит себя на части, придавая им конечные функции, ограничивая их законами природы. Одна из этих частей и является нашей с вами реальностью. Но, прежде чем вы побежите за священными текстами, хочу отметить, что за этим стоит не какой-то Разумный замысел, а вполне обыденная логика двойственности. Этот метафорический Бог имеет только одну свободу: либо пребывать в бесконечном, но однообразном состоянии, либо ограничить себя и позволить происходить бесконечному многообразию форм и событий. Всё это происходит подобно сну: вы одновременно и театр, и зритель, и актёры.*На этом моменте многие начинают фантазировать на тему души и сознания, и это не является чем-то плохим, но я призываю вас не забывать о научном подходе в ваших изысканиях! Возвращаясь к теме алгоритма двойственности. Я не в праве говорить о том, какие технологии используются в этой сложно сплетённой системе, однако, я могу прояснить принципы её функционирования. Камера-81, используемая на закрытом нижнем этаже, создаёт внутри себя нестабильную среду, снижая активность полей Юма. Важно понимать, что снижается не плотность полей, а их активность, то есть реальность внутри камеры становится менее стабильной, что приводит к непредсказуемым событиям на уровне элементарных реакций. К этому положению прибавляется ещё цепочка механизмов, обеспечивающих выполнения алгоритма двойственности. То есть из ограниченного он

делает бесконечное и наоборот.*Предвижу вопрос, почему же Фонд не использует эту технологию для обезвреживания аномалии или получения бесконечных источников энергии. Отвечаю: потому что исход подобных манипуляций невозможно предугадать. Например, мы планировали синтезировать с помощью этой установки вещество, щепотка которой могла бы иссушить целый океан (не спрашивайте, зачем — секретность этой процедуры настолько высока, что я рискую своей головой, вставляя даже эти несколько строк), а в результате мы получили полсолонки бесконечной соли. При этом, в опыте мы не использовали ни соль, ни солонку, они просто появились в соответствии с логикой двойственности. Это наталкивает на мысль, что многие аномалии изначально представляли из себя совершенно другие вещи, и если бы мы могли узнать какие, нам бы возможно удалось найти ключ их "разблокировке". Учитывая все эти сложности, сопутствующие активации алгоритма, нетрудно догадаться, почему мы зовём его переменным. Очевидно, что процессы, протекающие внутри Камеры-81 могут нести угрозу существованию нашей реальности, и потому мы встроили в наш алгоритм предохранитель. Правильнее его было бы назвать предохранителем Шрёдингера, так как, благодаря ему, принцип двойственности, используемый в наших опытах всегда стоит в суперпозиции: каждый параметр внутри камеры одновременно ограничен и бесконечен, что позволяет, по сути, материализовывать абсолютно любые вещи и события, способные существовать в рамках бытия. Если выпавший результат вдруг окажется опасным для существования самой Камеры-81 (а значит, и нашей реальности), предохранитель мгновенно заблокирует устройство, и запечатает содержимое до дальнейших указаний. К сожалению, эффект, как уже было сказано, абсолютно непредсказуем, а потому куда как чаще мы получаем не полезные аномалии, а сбои. Это похоже на то, как если бы вы встряхивали огромный чан с буквами и на миллионной попытке у вас бы выпал полный текст "Войны и мира", — это сравнение наиболее полно отражает суть Камеры-81. По сути, эта наполовину контролируемая дыра в метавселенной, куда стекается всевозможный мусор; просто иногда он оказывается полезным. Фонд тратит действительно огромные деньги на содержание этой штуки, и судя по тому, что она без перерыва работает уже много лет (точная дата запуска засекречена, ровно как и точное количество и свойства полученных предметов), они более, чем довольны результатом.

И вот, однажды, после очередного запланированного запуска, внутри Камеры-81 оказались триста килограмм сложнейших чертежей. Их графическое исполнение сопровождается пояснениями на неизвестном человечеству языке, при этом математические формулы подчиняются стандартным законам нашего мира, что позволяет без особых проблем читать эти инструкции.

Командой из тридцати математиков, в содружестве с лучшими криптологами и лингвистами Фонда, позволили максимально точно перевести полученные чертежи. Доктор Рогволд Юрьевич Верховцев, занимающий пост одного из заместителей администратора Зоны 400, лично проследил за качеством работы, чтобы позже предложить одному из своих любимых учеников собрать команду и всесторонне изучить получившийся экспонат.

— Разумеется, — добавил Игорь, — в наших рядах также будут и профессионалы своего ремесла. Позвольте представить вам нашего ведущего инженера Александра Дементьева, о котором вы уже могли слышать ранее.

Александр Дементьев, инженер

Головы повернулись к тучному лысеющему мужчине в коричневом свитере и брюках. Позже Маргарита выяснит в одном из разговоров с новыми коллегами о множестве наград, свалившихся на него после восемнадцати лет работы в Фонде. Главным образом ему принадлежат несколько премий за пересмотр технической части около двухсот камер содержания, что позволило Зоне 400 сэкономить миллионы рублей. Разумеется, работать с новичками он согласился с подачи Верховцева.

— Наша задача заключается в том, чтобы собрать сначала само устройство, которое, если не ошибаюсь, питается от электричества, — Греджев сделал паузу, ковыряясь в слоях документации, — после чего собрать как можно больше информации насчёт влияния объекта на окружающий мир.

Вспоминая Греджева, Марго отмечала, что тот был типичным "любимчиком учительского состава". Симпатичный молодой человек, происходивший из образованной семьи, он быстро поднимался по карьерной лестнице за счет благосклонности вышестоящих особ. К его чести, он никогда не позволял себе высокомерия по отношению к подчинённым, стараясь как можно теснее сблизиться с коллегами, за что его, рано или поздно, начинали любить все вокруг. В отличие от Рогволда, о котором говорили, что он "зрит в самую суть реальности", Греджев, скорее, просто любил чувство успеха в любой деятельности, в которой ему приходилось участвовать, и не важно, была ли эта деятельность изучением засекреченного экспоната, или же он просто беседовал с коллегой насчёт своих взглядов. Даже момент поражения в споре он умудрялся преподать как собственную победу, всецело признавая свою неправоту, нередко публично.

Закончив свою краткую и незатейливую лекцию, совмещённую с потоком

благодарностей в адрес всех присутствующих, Греджев посоветовал всем хорошенько выспаться перед началом рабочей недели. Маргарита, покидая аудиторию, чувствовала себя до невозможности окрылённой энтузиазмом нового наставника, даже не представляя, насколько долгой будет работа над объектом, построенном по чертежам из иных миров.

Команда постоянных исследователей, приписанных к объекту с рабочим названием "Бета Центавра", состояла из десяти человек.

Первым в этом засекреченном списке стоял, конечно же, доктор Верховцев — заместитель администратора и один из ведущих метареалистов Зоны 400. Его упоминание в досье объекта было скорее формальностью: Рогволд уже лет шесть как не контактировал с аномалиями, по причине своего повышения до ведущей должности. Однако, у всякого исследования должен быть куратор, способный взять на себя ответственность за провал.

Вторым по списку числился Игорь Греджев, в звании руководителя проекта. Он служил той самой прослойкой между командой и строгим начальством, прикрывая всяческие косяки менее опытных сотрудников.

Третьим был уже упомянутый инженер Дементьев, руководивший сборкой Беты. Именно он отвечал за заказ и контроль качества поступающих деталей и запчастей, используемых в механике объекта.

Четвёртой была Евгения Мельцаж, ранее специализирующаяся на проектировке условий содержания. Тридцатидвухлетняя ученица Дементьева, который как раз-таки и пригласил её в проект Бета Центавра. Её обязанности заключались в корректировке технической части лаборатории, где происходила сборка объекта. Проще говоря, она отвечала за состояние помещения, в котором проводились исследования, позволяя наставнику сосредоточиться исключительно на архитектуре самой Беты.

Пятым выступал Андрей Макаров — дипломированный физик, следивший за влиянием Беты на окружающую реальность.

Шестым был аналитик из комитета по Этике Николай Мирных, чьё присутствие являлось гарантом того, что в стенах лаборатории случайно не изобретут новый вид оружия. Стойкий идеолог, он часто становился источником конфликтов, приостанавливая работу даже важнейших узлов Зоны 400, отчего его недолюбливали очень многие сотрудники высшего звена. Ходили слухи, что Верховцев допустил Мирных до проекта только после месяца тяжб с комитетом.

Валерий Ремм, седьмой в списке сотрудников, следил за соблюдением техники безопасности. Ранее он возглавлял отряд МОГ «Стрекоза», но перешёл в команду Греджева после травмы.

Дарья Реутова — статист с умопомрачительным стажем. Двадцать с лишним лет заведовала архивом с высочайшим уровнем секретности. В силу возраста была отозвана от должности с предложением поработать над новым проектом в качестве профессионального бюрократа. Альтернативой этому был амнезиак и уход на пенсию, что нельзя назвать честным выбором, из-за чего женщина пользовалась большой симпатией со стороны негодующих сотрудников Зоны 400.

Остальные два человека были представлены ассистентами. Непосредственно Маргаритой Шихобаловой, и её подругой Натальей Резник.

В таком составе команда Беты вошла в новую подготовленную специально для них просторную лабораторию на одном из нижних этажей.

Глава XX: Философия Беты Центавра

Общежитие, располагавшееся в специально отведённом корпусе Зоны 400, было не в пример комфортабельнее той халупы, в которой приходилось ютиться Маргарите в годы пребывания в училище. Здание вмещало в себя несколько этажей жилых помещений, по два спальных места в каждом. Каждая комната имела компьютер с подключением в закрытую сеть Фонда, позволяющей в любой момент обратиться к бесконечному источнику справочной информации. Первый этаж был отведён под общественные нужды, вроде столовой, спортзала и зоны отдыха, совмещённой с достаточно обширной библиотекой для тех, кто не любит читать с экрана.

Разделение студентов по половому признаку следовало одному единственному правилу: в одной комнате должны жить либо двое парней, либо девушек, дабы избежать ненужных последствий. Пожилая дама, работающая смотрительницей общежития, прокомментировала этот распорядок так:

— Конечно, начальство не ставит перед собою цель навязать каждому студенту целибат. В конце концов, вам молодым только дай волю, и вы начнёте спать даже с людьми своего пола...

— Так говорите, будто это что-то плохое, — вставила Наташа, принимая ключи от своей комнаты.

Наталья Резник

Греджев принял во внимание просьбу подруг о совместном жилье, и поэтому Марго следующие несколько лет делила комнату со своей черноволосой компаньонкой-

растаманкой. Под конец второй недели пребывания в Фонде в качестве ассистентки на проекте Бета Центавра, Наташа застала Шихобалову в удручающем положении. Та сидела за компьютерным столом, ломая голову над задачей, поставленной Игорем.

— Как идёт работа? — Спросила девушка, хлопнув входной дверью.

— Дерьмово, — откликнулась Марго, потирая красные от недосыпа глаза. — Понятия не имею, что с этим делать.

— Что, прямо-таки совсем уж дер'ьмово? — Насмешливо картавила Наташа, передразнивая подругу.

— Отв'гатительно. Похоже, мне суждено запороть первое же поручение. — И тяжело вздохнув, добавила, — ну, что за жопа?!

Кинув сумку на пол, Наташа в два широких шага пересекла комнату и опустилась на пол.

— Ты что делаешь? — Маргарита крутанулась в офисном кресле, поворачиваясь лицом к лежащей на животе подруге.

— Ща, погоди, — кряхтела девушка, исчезая под кроватью.

Спустя минуту она вылезла, с ног до головы перепачканная пылью.

— Кошмар, — жаловалась Наташа, отряхивая одежду, — эта тётка вообще тут не убирается?

— Зачем ты туда залезла?

— Вот зачем!

Стряхнув последние пылинки с ярко-красного свитера, подруга протянула ладонь, демонстрируя два грамма марихуаны, упакованные в пластиковый пакетик.

— Пошли убьёмся!

— Ты же в завязке, — напомнила Марго, снисходительно взглянув на напарницу.

— Ага. Так что, идёшь?

Маргарита не являлась поклонницей психотропных веществ. Единственными исключениями были утренние порции кофе и таблетки против головной боли, которые участились за последние месяцы.

— Этот проект сводит меня с ума, — жаловалась Шихобалова, спустя десять минут.

Выйдя во двор перед общежитием, они скрылись на лавочке, вокруг которой в изобилии росли кусты смородины.

— Ну не знаю, — пожалала плечами Наталья, набивая душистыми листьями деревянную трубку. — Я достаточно легко справилась с набросками ожидаемых реакции, происходящих внутри седьмой камеры Беты.

Судя по предварительным данным, Бета Центавра должна была пролить свет на загадку мироустройства. С помощью десяти камер, в которых происходили химические реакции на разных уровнях реальности, устройство могло создавать и комбинировать различные связи для взаимодействия с живой и неживой материей. Всё это происходило вокруг ядра, генерирующего сверхъестественные вычислительные процессы. И если ядром занимался непосредственно инженер Дементьев, взяв на себя самую сложную часть машины, то Наталье достались тяжёлые, но вполне себе нормальные, в рамках мироздания, исследования химических процессов, в которых она разбиралась очень даже неплохо. В конце концов, всем участникам было дозволено обращаться к сторонним специалистам. Так, Наталье помогал опытный химик Аркадий Вагнер, являющийся близким другом Верховцева, а количество приглашённых консультантов со стороны Дементьева исчислялось десятками

мастеров.

Шихобаловой же повезло меньше. Ей досталась задача найти схожие примеры поведения так называемых Ключей Никсона: относительно небольшое двухкилограммовое устройство, работающее от сети. Эти Ключи, относящиеся к обоснованным объектам, позволяли генерировать всевозможные сверхъестественные излучения различных частот, подвергая реальность еле заметным изменениям на элементарных уровнях. Сам Ключ, впервые исследованный и описанный метареалистом-инженером из США Эдвардом Никсоном, не имея калибровки, остаётся практически бесполезной железкой. Принцип действия похож на радио, только с той разницей, что радио транслирует информацию от источника в окружающий мир. Ключи же собирают информацию из мира, и, при наличии правильной калибровки, производят перекодировку оных, чтобы передать полученные данные к одному единственному предмету.

— Короче говоря, — жестикулировала Марго, пока подруга совершала глубокую затыжку, воровато осматриваясь по сторонам, — это как если бы СМИ действительно рассказывали о происходящем в мире, а не излагали навязанную властью позицию.

— Круто, — лаконично ответила Наташа, передавая трубку Маргарите.

Сделав несколько слабых затыжек, Шихобалова вернула инструмент подруге. До этого она пробовала марихуану всего раз или два в небольших, но шумных компаниях одногруппников, ещё во время пребывания в училище, однако никакого эффекта она не ощутила, решив, что курить — это не её. Вот и в этот раз, она без особого энтузиазма наблюдала, как Наталья второй раз забивает трубку.

— Так чё там с этими ключами? — Напомнила подруга, поджигая содержимое.

— Да, блять, — выругалась Марго, хлопая по лицу ладонью, — Бета содержит около двух сотен этих Ключей, и каждое должно быть откалибровано в соответствии с конкретными нуждами. Задача в том, что мне нужно рассчитать, как поведут себя два и более Ключей, чьё воздействие направлено на одну и ту же единицу реальности.

Сделав ещё четыре затыжки, Наташа снова передала трубку Шихобаловой.

— Понимаешь, кха... Господи, — откашливалась Маргарита после лёгочной вентиляции каннабисом. — Кхе, ёб твою мать! Короче, о чём я там говорила?

— О ключах, — вяло протянула Резник, забирая из рук напарницы трубку.

— Так вот, учитывая законы мира, каждый атом реальности может существовать только в одном состоянии. Однако воздействие нескольких Ключей могут вызвать парадокс, типа сверхпозиций и так далее, по Шрёдингеру. Тут нужно понять, будет ли условный атом существовать в различных состояниях одновременно, или примет только одно состояние, и если примет, то какое именно, и как на всё это событие будет влиять наблюдатель.

— Пиздец, — констатировала Наталья, разглядывая подругу краснеющими глазами, — тебе кто-нибудь говорил, что ты очень мило картавишь?

— Ой, отъебись! — Отмахнулась Шихобалова, поднимаясь со скамейки.

И едва Маргарита встала на ноги, как до неё дошло: она укуренная в соплю!

— Ох, ебааать, — сделав глубокий вдох через нос, она ощутила себя тонущей в аромате чёрной смородины. — Бля, какой воздух!

— Заебись вечерок, да? — Отозвалась Наташа.

— Надо пойти к Игорю!

— Воу, воу, полегче, подруга. — Вскочив с лавочки, Наталья мягко взяла напарницу под локоть, — я, конечно, понимаю, что тебе нравятся парни постарше, но...

— Дура, я не об этом. Нужно попросить его, чтобы он достал два-три Ключа, и статиста, способного запрограммировать их. Тогда мы могли бы произвести предварительные опыты. С хера ли я должна тратить своё время, копаясь в формулах, когда можно проверить всё опытным путем?

— Логично. Кстати, Греджев в это время обычно тусуется в библиотеке.

— Чесанули к нему, тогда!

Через полгода предварительных исследований и, в общей сложности, центнера скуренной шмали, команда приступила к сборке устройства. Собираясь в лаборатории, они делились на группы, где каждый выполнял свою часть работы. Иногда к постоянному составу исследователей примешивались сторонние специалисты, которые, впрочем, надолго не задерживались.

— Товарищ Дементьев, — голос Греджева доносился с другого конца лаборатории, забитой множеством устройств, связанных паутиной высоковольтных кабелей. — Верховцев настоял, чтобы здесь мы использовали трёхполосный узел, вместо трёх единичных подключений. Он говорит, мы сможем сэкономить бюджет, если объединим эти системы в одну.

— Да, да, — раздражённо отозвался инженер, — но я думаю, что наши вмешательства в точность чертежей может отрицательно сказаться на результате. Поэтому лучше всё собрать как есть, чем потом ломать голову, где же мы ошиблись.

В другом конце комнаты подруги развешивали по стенам Ключи Никсона.

— Двести сорок штук, да мы охренеем настраивать их все. — Сокрушалась Наталья, вкручивая саморезы в специальную пластину на стене.

Позади них стояла Евгения Мельцаж, сверяя результат установок Ключей с планом в планшете.

— Я предложила проект автоматизации, позволяющий программировать Ключи удалённо. — Сообщила специалист по условиям содержания. — Однако Александр настаивал, чтобы первый запуск был в строгом порядке плана.

— Да, — протянула Наташа, вешая на крепление двухкилограммовое устройство, — без плана никак.

Спустя неделю после того, как все стены лаборатории были увешаны ключами, Дементьев нагнал идущих по коридорам нижнего этажа подруг.

— Наташ, Марго, подождите! — Крикнул Александр, переходя с быстрой ходьбы на бег.

Остановившись возле парочки, он несколько минут пытался справиться с одышкой, оперевшись на колени и выпучив глаза. Наконец, когда дыхание выровнялось, он выпрямился во весь рост и тихо спросил:

— Это... есть чё?

И уже через час он стоял под кустами смородины в компании двух молодых девушек, затягиваясь травой. Находясь вне стен лаборатории, сотрудники могли себе позволить немного отойти от принятого устава, хотя бы в разговоре.

— Верховцев, сука, натурально заебал! — Ворчал инженер, запустив свой мозг на орбиту. — Только и думает о том, как бы сделать финансирование дешевле. Я всё понимаю, я сам пересмотрел содержание многих объектов, но они уже были изучены самым дотошным образом. А тут мы даже понятия не имеем, что именно выступает ядром Беты, и как машина должна себя вести.

— В смысле? — Удивилась Марго, перехватывая из рук Дементьева трубку. — Я думала ядром выступает центральный вычислительный процессор, или как его там.

— Да, но архитектура Беты Центавра крайне запутанная, не в пример нашим компьютерам. То, что вы называете процессором, является безусловно мощнейшим источником вычислительной мощности. Это мозг машины, но не его сознание.

— Возможно, сознанием выступает оператор, вводящий данные в Ключи Никсона. — Предположила Наталья, принимая инструмент из рук подруги.

— Учитывая, что машина имеет специфический язык взаимодействия, вроде специального языка программирования, смысл любого действия теряется. Грубо говоря, работая с обычным компьютером, вы можете отдать ему приказ, например, отобразить на экране картинку, и процессор, переведя ваш запрос в поток информации из единиц и нулей, сможет это сделать. Здесь же имеет место быть потусторонний язык не из нашей вселенной. Он не только переводит команды в неясную нам систему исчисления и понятий, но и воздействует на конечный продукт посредством подмены уже имеющейся в мире информации на нечто новое, ещё не существующее в нашем мире явление.

— Но такая непредсказуемость может кончиться очень печально для нашей реальности, — заметила Шихобалова.

Приняв из рук Натальи свеженабитую трубку, инженер покачал головой, поджигая содержимое.

— Только в масштабах нашей лаборатории. Архитектура машины такова, что Ключи, располагающиеся по периметру, имеют однонаправленный метод распространения волн. Они излучают информацию, в соответствии со своей калибровкой, и посылают её в вычислительное ядро Беты. Получается что-то вроде информационного пузыря, — поля, в котором и происходит всё аномальное воздействие.

Чтобы лучше разобраться в процессе, воспроизводимом внутри Беты Центавра, в спонтанно образовавшуюся компанию травокуров был приглашён Андрей Макаров, чьи познания в физике должны были пролить свет на загадку взаимодействия машины с окружающим миром.

— Есть предположение, что мир, каким бы он ни был, состоит исключительно в виде информации. В соответствии с этой гипотезой, вселенная представляет собой сферу, на внутренней стороне которой содержится информация о мире, описывающая положение каждого атома в пространстве. Эта информация проецируется голограммой на внутреннюю полость сферы, образуя ту реальность, которую мы видим. Таким образом, аномалии могут являться информационными сбоями или, своего рода, компьютерными вирусами, попавшими на жёсткий диск нашей вселенной.

— То есть, вокруг нас нет ничего реального? — Философствовали подруги.

— Смотря, что вы считаете реальностью, — заметил физик, выдыхая дым со специфическим ароматом. — Любое устройство мира, каким бы оно не оказалось, на самом деле никак не влияет на позицию человечества относительно своей жизни. Мы сделаны из звёздной пыли, и это, конечно, поражает воображение, но этого недостаточно, чтобы остановить все войны, например. За ответами насчёт морали и философии вам лучше обратиться к Николаю.

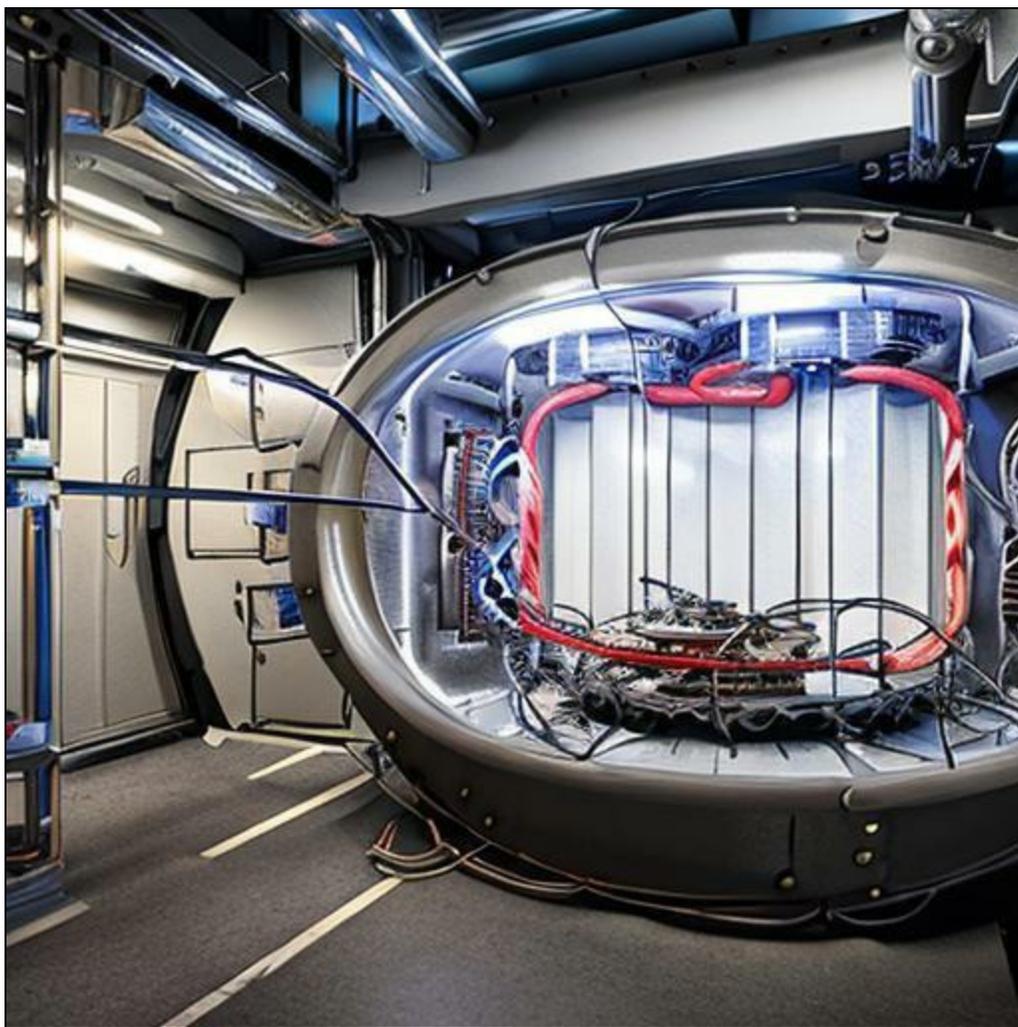
Николай Мирных, комитет по Этике

Аналитик из комитета по Этике Николай Мирных был единственным, кто отказался курить траву, предложенную Натальей. Потому что у него была своя.

Отведя команду из уже четырёх человек в свой кабинет, он достал из-под стола огромный "водник", и вдохнув концентрат плотного молочно-белого дыма, изрёк следующее:

— Вы все несёте хуйню! Какое информационное поле? Какие, к чёрту, голограммы? Просто соберите эту чертову машину и постарайтесь не открыть случайно ещё одну чёрную дыру, как это было в 1967, в Албании. Не спрашивайте, я до сих пор не знаю, как они с этим справились. Вот вам совет: сосредоточьтесь на сборке Беты и будьте крайне осторожны, потому что каждый из вас, — повторю, каждый! — несёт ответственность перед целым миром. Пиздуйте работать, философы хуевы!

С этими словами, Мирных зарядил каждому по дозе травы, и после чего помог им выползти из своего кабинета.

Бета-Центавра, Ядро

Несмотря на то, что запуск Беты Центавра мог быть осуществлён уже через год, праздновали сие событие только шесть месяцев после её окончательной сборки. Именно столько ушло на то, чтобы сверить с комиссией все бюрократические моменты.

— Я в рот ебал этих пидорасов! — Ворчал Дементьев, заливая за воротник в общажном баре.

По всему Российскому филиалу Фонда ходит шутка, что питейные заведения в общих зонах ставят только в этой стране. Конечно же это не так. Просто Фонд SCP отлично понимает, что люди, отработав смену среди аномалий, обязательно рано или поздно заглянут куда-нибудь прибухнуть. А пьяный человек иногда выдаёт свои и чужие тайны после определённой дозы спиртного. Невесёлая статистика сообщает, что львиная доля нарушений маскарада была спровоцирована убитыми в дрова сотрудниками. Конечно, никто в здравом уме не будет придавать внимание бредням пьяного человека, но среди окружающих обязательно найдётся какой-нибудь хрен из связанных организаций — это звучит как завязка дерьмового научно-фантастического фильма, но именно так и работает случайность.

Именно по этой причине каждое крупное учреждение Фонда содержит множество общих корпусов, как бы намекая: вот вам кровать, вот вам душ, вот вам тренажёрный зал, вот библиотека, вот доступ к закрытой сети с кучей крутых материалов, вот компьютер, мощнее, чем в NASA, только, пожалуйста, не уходите отсюда! В массиве данных, которую

охватывают статисты, эта картина видна наиболее чётко.

Сами статисты пользуются высочайшим уважением в рядах большинства сотрудников. Их работа всегда строжайше засекречена. Они не покидают своих учреждений на протяжении всех лет работы, а их перевозка осуществляется только в крайних случаях и под надлежащей охраной. Из всего персонала Фонда, статисты больше всего походят на политиков. Они работают в основном с крупными числами, в курсе всего происходящего в мире, с каждым годом они выглядят все хуже и хуже, а по окончании срока, о них никто больше не слышит. Статистов не переводят с должностей, им удаляют память, заменяя их на фальшивые.

Выдержка из лекции "О лабиринтах памяти", часть 5: Проблема в том, что из-за специфики работы мозга, "наложенная" память представлена исключительно сухой информацией. И эта характеристика позволяет заметить, какие воспоминания явились к вам извне. Например, кому-то нужно, чтобы вы поверили, что за последние два дня вы ни разу не покинули своего дома. Во время вдыхания токсина, вам скорее всего зададут вопрос, что-то вроде "Вы провели два дня дома, почему?". И очнувшись ото сна длиною в восемь-двенадцать часов, мозг ощутит, что память была утрачена. На месте некогда забитого информацией места, теперь зияет дыра, и когда он начнёт искать утерянные данные, он обратится к тому, что увидел/услышал/ощутил/осознал в последний раз. Я уже два дня дома. Почему? Внеплановый выходной, начальник звонил, говорил о проблеме. Какой проблеме? В офисе нашли и решили потравить тараканов. Всех отпустили, пока дезинсекторы не закончат обработку. И так далее. Мозг будет сам же генерировать столько данных, сколько будет нужно для заполнения дыры. Вы сможете вспомнить, что за это время вы в основном убирались, одновременно слушая тишину, так как проклятые резинки с вакуумных наушников опять слетели и потерялись. Вы сможете назвать каждую подробность в этих моментах: время, место, цвета и запахи. Единственное, что может выдать фальшивость этой информации, это то, что вы не будете знать, где именно вы находились в этот момент. Да, вам звонил начальник, но вы можете вспомнить ту интонацию, с которой он это говорил, или те чувства которые вы испытали? Может, вы были рады внезапному нерабочему дню среди недели, или наоборот, это время показалось вам утраченным? Этот эффект схож со случаями, когда человек переживает нечто ужасное или просто неприятное: он помнит всё, что с ним происходило, но не помнит себя во всём этом. Настоящую же боль, которую чаще всего переживают люди, исходит от того момента, когда ты понимаешь, что именно с тобой произошло. Пережитый кошмар заменяется более щадящим "со мной произошло вот это", и ужас заменяется нашими собственными понятиями о событии. Именно поэтому у всех людей разная реакция на одни и те же обстоятельства.

Комитет по Этике даже настаивает на том, чтобы внедрённая ложь содержала в себе как можно меньше травмирующих элементов. О нет, ваша нога сломана, а два ребра разбиты из-за несчастного случая, никак не связанного с аномалиями. Вы упали дома с табуретки, когда меняли лампочку. Бывает.

Единственное место, куда могут перевести статиста, это на более мелкую должность статиста. После подсчёта всех этих немислимых объёмов финансирования, погибших при различных условиях сотрудников, пострадавших от всяких паранормальных штуковин гражданских, сбежавших и поставленных на содержание объектов, каждый статист начинает смотреть на мир как на говно.

Дарья Реутова, статист проекта "Бета Центавра", также присутствовала на празднике по

случаю первого запуска машины, намеченного на второй день после коллективной попойки. Где-то во втором часу ночи, после нескольких шотов текилы, Наташа напомнила подруге, что они за полтора года работы так нормально и не поговорили с этой строгой на вид дамой, распивающей чай за столиком у окна.

Дарья Реутова, статистка

— Мы, конечно, понимаем, что ваша деятельность засекречена, но может быть вы поделитесь с нами какой-нибудь историей? — Предложила Марго, усаживаясь за стол с подругой.

Поправляя очки с массивными по толщине линзами, статистка нахмурила брови:

— Да, был один случай, но про него и так все знают.

— Мы не слышали, — честно призналась Маргарита.

— Точно, — утвердительно кивнула Резник, — мы были слишком заняты работой.

Дарья покосилась на коллег, стоящих у стойки в другом конце бара.

— Знаю я вашу работу. Что в моё время, что в ваше, студенты делились на две группы, — те, кто пьют и те, кто курят. Или нюхают.

— Ваше время?

— Как и многие мои коллеги, включая Дементьева и Верховцева, я перешла в Фонд из Отдела "П". Дементьев, понятное дело, укуривался в дрова, особенно в девяностые. Не говорите только ему, что я сказала.

— А Верховцев, стало быть, пьёт? — Предположила Маргарита.

— Нет, первые годы в Отделе он занимал должность детектива. Дезинформировал, внедрялся и устранял врагов государства. Поэтому сидел на героине несколько лет.

Девушки переглянулись.

— К такой информации я была не готова, — призналась Наталья.

— А что насчёт вас? — Спросила Шихобалова, складывая руки на груди.

— Я статист. Статистов кодируют против любых вмешательств химических веществ. Речь не только про алкоголь и канабис. Речь также о всех известных рядах, включая те, что убивают человека за считанные секунды. Перед тем, как приступить к работе, студентов запирают в спеццентре, где двадцать четыре на семь колят им множество препаратов, заставляя тело отторгать чужеродную химию. После года такой обработки, природные барьеры организма превращаются в самые настоящие щиты.

Монотонность, с которой говорила эта женщина, объясняла, почему статистов не любят на праздниках.

— Так... — Промямлила Наталья, — Вы начнёте вести запись о нашей работе в день запуска, или ваше внимание будет направлено непосредственно на полученные результаты?

Запуск Беты был запланирован в два часа дня, во вторник. Перед этим, команде разрешили "отдохнуть" целую неделю. Правда это касалось только высшего звена, так что почти все выходные подружки были вынуждены посещать дополнительные уроки на темы метареализма и меметики, в целях повышения квалификации. И вот, в воскресенье, за два дня до запуска, девушек наконец отпустили на волю, чтобы они могли присоединиться к общей попойке.

— Говорить о результатах пока рано, — сказала Дарья, поправляя пучок седых волос на голове, — неизвестно, как поведёт себя этот компьютер. Однако, что касается моей работы, то она началась ещё до того, как Греджев был поставлен на должность.

— Как это?! — Глаза подруг разом округлились.

— Ну, а что вы хотели? Я статист. Я знала об этом проекте ещё до того, как ему придумали это идиотское название.

— Идиотское?! — Воскликнула Наталья, словно речь шла о её внешности. — Мне кажется, Бета Центавра звучит очень ярко и броско.

— Когда кажется, креститься нужно, — фыркнула Дарья, съедая кусок лимона из опустевшей кружки. — Подумайте сами, сколько в мире объектов. И сколько организаций, старающихся друг друга переплюнуть, в том числе и в именах. Бета Центавра! Тьфу. Название должно отражать суть объекта, — это правило номер один во всех учреждениях, но нет, мы хотим выглядеть круче, чем Москва и Петербург. Когда я увидела имя проекта, я поняла только то, что у начальства не хватает наглости назвать проект "Альфа Центавра".

— Звучит, как вкусовщина, — пожала плечами Марго, — каждый по-своему определяет понятия крутости и жути.

— Дело не в понятиях, — возразила дама, — название должно быть ёмким и практичным, чтобы на интуитивном уровне можно было понять класс и примерное действие объекта. Имя "Бета Центавра" ничего не говорит о предмете наших исследований. Это не звезда. Это чрезвычайно неудобный громоздкий компьютер, работающий от сети. Судя по отчётам Дементьева, ему совсем немного не хватает, — цитирую, — *технического регресса, чтобы он мог работать на перфокартах*. Его название должно быть скорее из мира ретро-футуризма, а не из учебника по астрономии.

— Допустим, — согласилась Наталья, — может тогда вы назовёте объект, чьё имя в равной степени круто и практично?

— Легко. SCP-5248-RU "Дети фатума", Московский филиал, склад аномальных объектов Отдела "П".

Столь точный ответ был дан для того, чтобы Наталья смогла вытащить из своей сумочки рабочий планшет и зайти в сеть Фонда.

Объект: SCP-5248-RU «Дети Фатума» Класс объекта: Безопасный Особые условия содержания: Все экземпляры, составляющие объект должны храниться в набитой ватой коробке, помещённой в ячейку для хранения особо хрупких предметов. Указом администрации, доступ к SCP-5248-RU запрещён, ровно, как и любые опыты с ним. Ни в коем случае нельзя допускать повреждения составляющих объекта. Описание: SCP-5248-RU — это набор из двенадцати стеклянных игрушек советского производства. В комплект входят: 1 пятиконечная звезда красного цвета; 2 серебристые шишки; 4 шара различных цветов; 2 золотые глянцевые сосульки; 3 искусно выполненные формы в виде белки, снеговика и Деда Мороза. За счёт своих аномальных свойств, игрушки не теряют былого блеска, а повреждённые экземпляры снова возникают в своей коробке 31 декабря, то есть перед наступлением на территории России Нового года. Сами по себе игрушки не несут угрозы, однако их использование может обернуться трагическими последствиями (см. ниже). Каждая игрушка связана с одним ребёнком от 3 до 7 лет. Обнаружить жертву аномалии невозможно, так как сама связь никак не проявляется в жизни детей. Однако, если одна из игрушек будет повреждена или разбита, сердце ребёнка останавливается, что неотвратимо приводит к смерти последнего. К следующему сочельнику, игрушка снова возвращается в коробку, установив очередную аномальную связь. Таким образом, повреждение частей SCP-5248-RU всегда означает детскую смерть. Предположительно, как только ребёнку исполняется семь лет, его связь с объектом прерывается, и SCP-5248-RU формирует связь с другим ребёнком. По каким критериям производится отбор детей установить не удалось. История обнаружения: Объект оказался в распоряжении Фонда после развала СССР, будучи отписанным вместе с иными объектами Отдела «П» ГРУ в 1991 году. К объекту прилагалась запись допроса доктора Владимира Филатова, допрашивающий — Константин Хрящёв, глава службы безопасности. Документ 5248\400Хрящёв: Итак, вы ворвались прошлой ночью на склад Участка, и вывели из строя четыре образца установки «Фатум», можете сказать, зачем вы это сделали? Примечание: Технология «Фатум» была разработана Отделом «П», как способ противодействия особо опасным аномалиям. Принцип устройства заключался в создании сверхъестественной связи между аномальным объектом и живым человеком, что позволяло нейтрализовать аномалию, умертвив связующего. По сохранившемуся данным, удалось установить, что до 1959 года, в котором произошёл инцидент, повлекшей за собой создание SCP-5248-RU, технология использовалась в 154 случаях противодействия особо опасным объектам. Сегодня в распоряжении Фонда есть только 14 рабочих экземпляров, но их воспроизведение и использование регулируется Комитетом по Этике. Для ознакомления случаев, где Фондом использовалась технология «Фатум», обратитесь к документу ██████████-██████-██████. Филатов: (неразборчиво) Хрящёв: Доктор, вы понимаете, что разработка этой технологии потребовала от правительства Советского Союза больших средств, как валютных, так и человеческих, из-за чего их порча накладывает на вас высшую меру ответственности? Однако, вы можете помочь нам, если расскажите о том, что сподвигло вас на такие действия. Может, вы располагаете какой-то информацией об угрозе нашей стране от интернациональных корпораций? Филатов: (неразборчиво) Хрящёв: Так или иначе, в вашей квартире уже проводится обыск. Филатов: Господи, они же их разобьют! Слушайте, я всё вам расскажу, только, умоляю, позвоните им сейчас же, и скажите, чтобы аккуратно отвезли в Отдел коробку с ёлочными игрушками!

Хрящёв: Хорошо, расскажите что с этими игрушками, и я обязательно сделаю звонок.

Филатов: К тому времени, они могут уже перевернуть её, звоните сейчас же! Хрящёв: Доктор Филатов, я... Филатов: (ругательство удалено) Если они разобьют их, погибнут дети. Звоните им! Хрящёв: Господи, (ругательство удалено). Запись прерывается на неустановленный срок. Предположительно, допрашивающий выходил из кабинета, чтобы созвониться с группой, проводившей обыск.

Хрящёв: Рассказывайте! Филатов: Как вы знаете, моя команда занималась исследованиями в области применения аномалий в быту. Мы уже сделали сверхпрочное стекло, на основе материала, полученных при [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ]. Но я хотел дать людям что-нибудь более приятное в плане ощущений. Нечто, что позволило бы нам сменить страх перед аномальным на счастливое ожидание чуда, веру в то, что всё будет хорошо, как по волшебству. Я искал вокруг себя какие-то источники вдохновения, и вот, в декабре, когда до нового года оставалось всего три недели, я увидел, как моя дочь носится в этой предновогодней суете. Она хотела быть снежинкой на утреннике в детском саду.

Хрящёв: И вы решили сделать эти игрушки. Филатов: Да. Они ведь постоянно разбивались, и с годами теряли былой лоск, тускнели, царапались. Поэтому я подумал, что будет здорово немного поменять установки прототипа собранного о нами при разработке «Фатума», чтобы соединить бесконечную детскую радость и эти хрупкие изделия.

Хрящёв: И вы не догадались, что такая связь может быть деструктивна? Филатов: До этого мы создавали связь между двумя живыми звеньями, но я планировал создать связь между неодушевлённым предметом и детской фантазией. Опыты на крысах показали, что при разрушении предмета, биологические параметры второго звена остаются в норме. При этом, предмет через некоторое время восстанавливал целостность за счёт образования новой связи.

Хрящёв: Тогда почему дети умирают? Филатов: Потому что детская фантазия, как оказалось, является неотъемлемой частью их жизни. Лишите ребёнка веры в чудо, и он умрёт.

Хрящёв: И вы не предусмотрели этого? Филатов: Нет. Если бы я, возможно, привязывал игрушки к взрослым людям, это не носило бы столько фатальных последствий, но тогда игрушки тускнели бы ещё быстрее.

Хрящёв: Как вы узнали о деструктивных свойствах объекта? Филатов: Я наряжал ёлку. Моя дочь помогала мне рядом, подавая мне игрушки из коробки.

Хрящёв: Она выронила одну из них? Филатов: Да. Боже, детские руки ведь такие неуклюжие! Это оказалась её игрушка. Она упала, и больше не пошевелилась. Мы с женой вызвали скорую, приехали в больницу. Нам сказали, что её сердце просто остановилось. И тогда я всё понял. Тут же выехал в лабораторию, и разнёс там всё к чёрту. А потом двинулся на склад. Как мне жить теперь с этим? Хрящёв: Никак. Завтра в отношении вас приведут высшую меру наказания. Владимир Филатов был расстрелян 12 января 1960 года. Его жена покончила с собой спустя 4 месяца.

— Таааак, ладно, — протянула Марго, заглядывая в планшет через плечо подруги, — это действительно срань. Но что такого особенного в имени этого объекта?

— Загибайте пальцы! Во-первых, в имени есть упоминание детей, что говорит о том, что объект имеет отношение к несовершеннолетним людям, что при достаточно большом опыте, вроде моего, может вам дать множество подсказок. Это может быть угроза детям, как в случае с данной аномалией, либо сам объект представлен группой детей, но этот вариант сразу будет отброшен, едва человек прочитает следующее слово. Во-вторых, слово фатум означает неизбежность, рок, что также говорит многое о действии аномалии, кроме того, достаточно опытные сотрудники раз или два обязательно услышат о какой-то коварной установке, производившейся в СССР. Всё просто.

— Охренеть, — воскликнула Наталья, добравшись до конца документа. — Высшая мера наказания. Убивать учёного вместо того, чтобы вникнуть в его положение и проявить к нему сострадание? Это же бессмысленно!

Слегка наклонившись вперёд, Дарья снисходительно посмотрела на девушку через толщу линз.

— Поймите, милочка. В этом мире мало что имеет смысл.

Глава XXII: Пропавшие без вести

Выдержки из дневника Маргариты Шихобаловой:

4.05.10

Чёртов запуск был сорван! Хрен из комитета по Этике накатал простыню начальству по поводу "злоупотребления опиатами", чем отложил начало работ ещё на четыре дня как минимум. Будут проводить беседы с персоналом. Скоты!

5.05.10

Сегодня отправили с Наташей письмо в адрес Верховцева с претензией на Николая и его подъёбку с комитетом. Рассказали про водник в кабинете этого засранца. Ждём ответа.

7.05.107

Утром к нам заглянул Игорь. Дал нагоняя за то, что лезем к начальству со своими письмами, посоветовал не соваться в их разборки. Наталья думает, что он "немножечко гандон, раз поддерживает подобное отношение к сотрудникам".

8.05.10

Запуск Беты назначен на завтра.

Навещала отца на даче. Слёг с болями в животе. Спрашивал о работе. Впервые в жизни захотелось исчезнуть: придумывать скучную ложь про будни офисного клерка, вместо захватывающего рассказа о Фонде, — это пытка.

9.05.10

Поехали!

10.05.10

Полночь, сучара!

С утра до ночи бегали с Наташкой по нижним этажам, договариваясь с персоналом о краткосрочном сотрудничестве в проекте. Шесть из десяти опрошенных ответили согласием. Нужны ещё как минимум три человека. Ната советует дунуть, чтобы повисить красноречие. Вижу цель, не вижу препятствий!

15.05.10

Начинает болеть голова от гудения Беты. Эта штука что-то постоянно вычисляет, но мы не можем понять, что именно, а главное, откуда она получает данные. Параметры на Ключах не выставлялись. Техник с минус-девятого этажа пообещал явиться ещё в четверг. Где же он?

16.05.10

Выходной. Валяюсь укуренная в соплю. Ната рядом. Всё хорошо.

17.05.10

Рябит в глазах от этих ламп. Дементьев говорит, что это нормально, и все привыкают к третьему-четвёртому году работы. Обнадёживает, спасибо!

20.05.10

Внезапно в лаборатории появился Верховцев. Краем уха слышала его разговор с Греджевым. Речь шла о технике с этажей ниже: он пропал. Всё это время персонал считал, что он работает в проекте Беты, но он так и не пришёл. Что происходит?

22.05.10

Николай (мудак из комитета по Этике) вызвал меня в кабинет, чтобы отчитать за непрофессиональное поведение и продекларировал манифест о вреде наркотиков. Стянула у него пакет травы, когда он общался с секретарём. Натаха будет в восторге!

25.05.10

Техника так и не нашли. Подробности пока не раскрывают, якобы из-за высокой секретности объекта, над которым тот работал. На вопрос Наты об отключении аномалии от сети, Греджев ответил, что на такое действие требуется распоряжение свыше. На самом деле, чтобы отключить Бету, нужно собрать вдвое больше бюрократической массы, нежели на запуск. Они эти подписанные бумажки пачками жрут, что ли?

1.06.10

Работа идёт, но мы понятия не имеем, на какой стадии исследования мы находимся. Греджев постоянно что-то обсуждает с Дементьевым, Реутова копается в цифрах, а Женя Мельцаж тупо бродит по лаборатории, имитируя бурную деятельность. Ремм не приходил с первого дня активации, хотя его работа состоит в слежке за техникой безопасности. Где он теперь, когда машина начинает угрожающе гудеть?

2.06.10

Андрей Макаров, наш физик, предложил начать вводить параметры в Ключи Никсона, не дожидаясь, когда отыщется техник. Греджев обещал направить письмо Верховцеву.

3.06.10

Большая половина сотрудников этажа была эвакуирована из-за возгорания одного сраного аномального холодильника. Прилагаю досье:

Объект: SCP-7428-RU «Атомный холодильник» Класс объекта: Евклид Особые условия содержания: Объект должен находиться в герметичной ячейке с массивными стенами из свинца или другого подходящего материала, блокирующего гамма-излучение. Доступ в ячейку возможен только с разрешения ведущего исследователя, и в полном комплекте антирадиационной защиты. Требуется круглосуточное наблюдение и регулярный профилактический осмотр на предмет неисправностей. Обо всех инцидентах докладывать дежурному по сектору. Описание: Аномалия представляет собой холодильник марки "Полюс", произведённый в СССР, в 1985 году. Корпус идентичен нормальным аналогам, и внешне никак не проявляет себя, если не считать радиационный фон в 0,3 Грей в радиусе двух метров. При открытии дверцы холодильника, можно наблюдать изменения в архитектуре устройства: почти вся внутренняя часть забита светящейся ярким голубым светом плесенью неизвестного современной науке вида. Исследователи также утверждают, что ближе к осени внутри объекта прорастают фосфоресцирующие грибы. Радиационный фон внутренностей SCP-7428-RU сложно измерить из-за крайне высокого электромагнитного излучения, влияющего на показания приборов. Результаты колеблется от 30 до 180 Грей, что убьёт всё живое, не одетое в спецкостюм. Под корпусом обнаружена сложная система полых жгутов, по которым движется вещество, по своим свойствам напоминающее фреон. Субстанция проходит замкнутый круг обогащения различными химическими соединениями, большая часть из которых синтезируется в ячейке, занимающей морозильник. В 2006 году, при поддержке филиала Италии, предоставившего Челябинску [Ошибка: ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ] который после всех вышеописанных доработок и модификаций смог выдать вменяемую карту устройства SCP-7428-RU. Согласно ей, под слоем плесени находится предполагаемая панель управления, что наводит на мысль, что оператором объекта выступает либо [УДАЛЕНО], голова которого должна при этом находиться в морозильнике, либо сама плесень. [Ошибка: ПОВЫШЕННЫЙ УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ, ОБРАТИТЕСЬ К АДМИНИСТРАТОРУ] История обнаружения: 1 апреля 2007 года Фонда получил сигнал о массовой гибели фауны в водах Байкала. Явившиеся на

место оперативники застали поверхность озера покрытым трупами рыб, туристов, рыбаков и сотрудников рыбнадзора. Последовавшее за этим расследование обнаружило на дне Байкала открытый холодильник. Два водолаза, занимавшиеся его подъёмом, скоропостижно скончались в следующие сутки. За следующий год средствами Фонда была локализована и исправлена экологическая ситуация, возникшая на озере.

05.06.10

Официально: техник, как и наш Валерий Ремм, пропали без следа. Но если Ремм во время своего исчезновения находился дома, технику же удалось попасть в объективы камер. По словам Дементьева, на плёнках отчётливо видно, что он, растворился в воздухе, едва переступив порог на выходе из своей лаборатории. На вопрос Наты, почему запись держали в секрете так долго, Дементьев ответил, что первым делом необходимо было подтвердить нашу непричастность. Также он упомянул, что техник работал над каким-то крутым проектом высшей степени секретности. Ну, да, здесь, похоже, все заняты "крутыми" проектами.

08.06.10

Несмотря ни на что, Игорь не теряет самообладания. Он ежедневно проверяет отчёты с работе Беты, даже научился "читать" длиннющие линии на лентах тонографа. И всё же, максимум наших знаний об этом компьютере сводится к утверждению: эта штука гудит, значит, она работает.

10.06.10

Сегодня стала свидетельницей скандала. Дементьев вышвырнул Мирных (придурка из комитета по Этике) из лаборатории со словами: *Давай, сукин сын, поучи меня работать!* Завтра с Натой накурим его (Дементьева), чтобы у него башка остыла.

15.06.10

О пропавших ничего не слышно, но все желают вид, будто так и должно быть. Мельцаж утверждает, что это явление обыденное, дескать, в Зоне 400 есть объекты настолько секретные, что туда забирают молча, не говоря никому из коллег сотрудника. Однако, судя по её тону, она не слишком верит в собственные слова. Кроме того, несмотря на всё происходящее, кажется о нас все забыли. Никто не приходит с проверками и вопросами, как было незадолго до запуска Беты. Даже Верховцев ни разу не заглянул. Греджев говорит, что заместителю Администратора нельзя входить в зоны содержания, но ведь Рогволд не раз приходил сюда. Опять же, в его голосе совершенно не было уверенности. Такое ощущение, будто весь персонал высшего звена что-то от нас скрывает. Даже Дементьев отказался дуть с нами. Что происходит?

Единственная, кто остаётся в своём репертуаре, это статистка Реутова, которая всё с тем же каменным лицом заносит данные в стационарный компьютер. Ната подсчитала, что Дарья печатает около тысячи знаков в минуту. Это жирно! Бабка в свои шестьдесят ещё может дать жару.

20.06.10

Звонил отец. Сказал, что у него обнаружен рак. Говорит, теперь бросать курить точно не имеет смысла. Рыдала весь день.

21.06.10

Выпросила несколько выходных. Греджев дал добро, и отпустил со мной Нату. Съездили на дачу к папе, скурили грамм десять травы в беседке за домом. Вспоминали детство.

24.06.10

В девять вечера звонил Игорь, выразил соболезнования и дико извинялся за то, что мне нужно будет явиться на работу завтра. Иногда он чертовски милый.

25.06.10

Макаров исчез прямо в лаборатории во время дневного изучения машины. Греджев объявил карантин. Нам запрещено покидать пределы Зоны 400. Думаю, как объяснить это папе.

29.06.10

Собраны гигабайты данных, которые, по всей видимости, не дают никакой общей картины происходящего. Исчезли ещё два человека, которых приглашали на проект в прошлом году. Мы не знаем, как связаны исчезновения с Бетой, куда и как пропадают сотрудники Зоны, но нам ясно, что все исчезнувшие имели, либо должны были иметь дело с этой проклятой машиной. Над нами нависла ужасающая неизвестность.

Я бы очень хотела спросить совета у матери, но я никогда её не видела, а всё, что слышала о ней от отца, было отвратительным.

11.07.10

Фонд объявил конкурс на самое страшное изображение среди имеющихся объектов. В попытке отвлечься, мы с Натой перерыли несколько сотен досье, и выбрали фото **SCP-7450-RU**.

Вот описание:

Объект: SCP-7450-RU «Зубы генерала Белова» Класс объекта: КетерОсобые условия содержания: Аномалия должна содержаться в сухом помещении, лишённом источников света. Два раза в месяц должно проводиться извлечение отросшего материала с последующей утилизацией. Сотрудникам, взаимодействующим с объектом, запрещено использовать фонари, свечи, лазерные указки и прочие источники видимого света. Для ориентации в камере SCP-7450-RU рекомендуется снабжать персонал приборами ночного видения. SCP-7450-RUОписание: SCP-7450-RU — это останки, принадлежащие Леонид Геннадьевичу Белову, занимавшего пост генерала в третьем отделении до 1870 годаПримечание: Третье отделение (1826–1880) — один из органов полиции, занимавшийся преследованием "политически неблагонадёжных лиц" в период правления Николая I и Александра II. Связи с Комитетом Аномалий Российской Империи не имелось. Аномалия состоит в постоянном росте зубов со скоростью 1,2 мм в день. Опыты показывают, что при отсутствии источников света, зубы пробивают крышку гроба уже на четвертую неделю. Тем не менее, нет никаких препятствий для удаления отросшего материала и последующей утилизацией, так как рост костных тканей прекращается, когда зубы отделяются от тела. При стандартной процедуре удаления зубов, подходит обычная шлифовальная машинка: зубы стираются в костную пыль, что на данный момент является наиболее эффективным способом. Проблемы возникают, когда на останки падает видимый свет. В этом случае зубы, и другие кости черепа, начнут прорастать со скоростью до 2–3 см в минуту, при этом, рост будет происходить не только с челюстей черепа, но и с близлежащих освещённых поверхностей. В теории, если останки окажутся на поверхности, при свете дня, зубы начнут прорастать по близлежащей территории, занимая всё больше и больше пространства. Вероятность возникновения угрозы для человечества крайне низкая, однако учёные обеспокоены возможным столкновении с другими аномалиями, способными усилить деструктивные свойства SCP-7450-RU.История обнаружения: SCP-7450-RU является одним

из старейших объектов Фонда. Останкам уже около 150 лет, и, судя по записям Отдела "П" ГРУ и КАРИ, за это время, включая инциденты с нарушением условий содержания, было удалено около двух тысяч тонн костной ткани. Сохранившийся со времён Российской Империи отчёт внесён в международный реестр национальных и исторических достояний при Фонде SCP. В нём в подробностях описано предполагаемое время возникновения аномалии и дата смерти генерала. В качестве доказательства приведены свидетельство о смерти и найденная рядом с телом записка, написанная от руки чернилами: «Благороднейший доктор Фокс, Это уже третье письмо, которое я Вам высылаю, находясь в крайне затруднительном положении. В очередной раз я благодарю Вас за проделанную работу, и тот тёплый приём, который Вы оказали мне в Петербурге. Лечится у вас было одно удовольствие, но есть одна проблема, масштаб которой увеличивается с каждой минутой. Я ни в коем случае не обвиняю Ваше благородие в некомпетентности, и очень ценю Ваш неоценимый вклад в нашу варварскую медицину. Истинно утверждаю, готовый поклясться перед господом Богом, что Вы есть ни что иное как самый настоящий гений и светило докторского ремесла. Однако, иметь место быть оказия, которая доставляет мне мучения с десятого дня после операции. Мои зубы, как Вы и обещали, выросли сызнова, будто по волшебству. Ваши заморские таланты, безусловно не чета нашим мясникам, которые только и умеют, что рвать здоровые зубы, да выбивать последние из них по пьяни. Но есть одна малюсенькая дискомфортность в сложившихся реалиях. Рост зубов по какой-то причине совершенно не желает останавливаться. Мои дёсна с прошлого воскресенья непрерывно болят, чешутся и кровоточат одновременно. Да и Бог бы с ним, ничего страшного, я, как Вы знаете, человек военный, мне не страшны ни боль, ни кровь. Но зубы! Они продолжают расти. Я уже написал Вам два письма, но так и не получил от Вас ответа. Понимаю, что надеяться на критинов-почтальонов нынче худое дело, но учитывая наступившую зиму, и тот омрачающий факт, что я имею неприятность находиться в ссылке, в Сибири, делает невозможным мой отъезд в цивилизацию. Да и как я поеду?! Намедни кухарка увидела мои клыки, так чуть было в обморок не брякнулась, дура старая. Милейший доктор Фокс, умоляю вас, вышлите мне какое-нибудь средство, хоть таблетку, хоть микстуру, хоть пиявку, но остановите рост моих зубов. Внемлите просьбам старого никому не нужного генерала! Я уже четвёртый день пью отвратительный куриный бульон из пивной кружки. Он заливается мне в нос, попадает не в то горло, из-за чего я долго и надрывно кашляю. Поймите, благороднейший доктор Фокс, мой рот НЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ. Помогите мне. Умоляю, просит что угодно, только помогите мне. Я страдаю. Покорнейше Ваш, Белов Л. Г.» Согласно тому же отчёту, генерал застрелился уже на вторые сутки после написания этого письма. Из-за плохих погодных условий, он так и не смог отправить его, и скорее всего, до конца жизни пребывал в мучениях. На останках видно, что нижняя челюсть была повреждена ещё при жизни: вероятно, зубы проросли до такой степени, что стали ломать челюстные кости. Предполагалось также, что доктор, упоминавшийся в письме, скорее всего был хирург Аарон Фокс, бежавший в Россию от преследования властей Англии. На его счету было около двадцати жертв только в Российской Империи, и около ста в странах нынешнего Соединённого Королевства. Сотрудники КАРИ, следившие за Фоксом, также проверяли и его почту, что позволило выяснить о положении генерала. Отправленный в Сибирь отряд обнаружил дом, заросший зубами и тело Белова, почти полностью покрытое костными наростами.

15.07.10

Написал бывший сокурсник, говорит, планируют собраться всей диаспорой. Два часа придумывали с Натой легенду, в которую можно было поверить и не обидеться. Помог Дементьев, выдав лучшую отмазку на свете: у меня рождает кошка.

16.07.10

Приходил какой-то тип с верхних этажей, и взял у нас образцы крови на анализы. Говорит, нужно делать всесторонние исследования. Я не понимаю, это мы изучаем, или нас изучают?

18.07.10

Два часа ночи. Кошмарно хочу спать, кофе уже не берёт. По девятому кругу перепроверяем Ключи на предмет ошибочно выставленных параметров, однако они все "сброшены" до нолей, как и ранее.

20.07.10

Поручения становятся всё более дебильными. Протирали от пыли полкилометра проводов, устилающие полы лаборатории. Такое ощущение, будто нас просто хотят чем-то занять, пока мы наконец не исчезнем от этой скуки. Как назло, трава кончилась. Жизнь — говно, да здравствует Смерть!

21.07.10

Сегодня Ната учинила истерику. Она накричала на Греджева за то, что тот не даёт начать работу на Бетой. Говорила, что нам необходимо как можно скорее начать вводить какие-то данные в Ключи, иначе нас постигнет та же участь, что и Макарова. Пришёл Мирных и увёл её в свой кабинет. Вернулась она уже спокойная и с красными глазами.

24.07.10

Сегодня на обеде заметила, что люди вокруг шепчутся и косо смотрят в сторону сотрудников Беты. Осуждаю!

Папа жалуется на плохое самочувствие и просит, чтобы я оставила свой "годовой отчёт" и приехала. Кто бы мог подумать, что извиняться на протяжении трёх часов так мучительно?

27.07.10

Явился Верховцев. Коротко поздоровавшись с нами, он оставил для Игоря какие-то бумаги и быстренько свалил.

Когда Игорь пришёл и взглянул на распечатку, я впервые в жизни увидела, как человек матерится бровями.

1.08.10

Пиздец. Сегодня впервые слышала, как орёт Игорь. Греджев буквально кричал на кого-то, стоя за дверью лаборатории. Неизвестно, кто это был, но в помещение он зашёл с ярко-красным лицом и вздувшимися венами на висках.

Приказал разнести Бету в хлам, взял планшет и вылетел, хлопнув дверью. Разумеется, машина осталась цела, а Игорь уже через два часа извинялся перед нами в своей милой манере.

Иногда я думаю, что хочу его.

3.08.10

От скуки пересматривала досье нашего проекта. Заметила, что Дементьев сильно исхудал с момента начала работы.

Во время вечернего накура поинтересовалась, знает ли он, что с нами происходит, хотя бы примерно. Он ответил, что в его голове десять тысяч вариантов и все они дерьмовые, но также он сказал, что на его практике ни один из десяти тысяч не оказывается верным. Он

говорил, что в результате всегда выходит именно то, чего ты вообще не мог предугадать. И это главная проблема Беты Центавра. Никто не знает, как она работает, и почему проявляет себя именно так.

Я потерялась. Куда исчезают люди, и можно ли их вернуть? И если можно, до будут ли они теми, кем были до исчезновения? Куда вообще исчезают люди?

Раньше я курила, чтобы работать с позитивом. Теперь я курю, чтобы просто заснуть.

Зона 400, корпус общежития, левое крыло. Фото студентки Резник
Прислонившись к спине подруги, Марго сложила замок на её талии.

— Что ты делаешь? — Спросила, замерев, Наталья.

— Не хочу, чтобы ты исчезла.

Минул шестой месяц после старта Беты. Гудящая машина забирала одного сотрудника за другим. После исчезновения Макарова и Ремма, в коридорах нижних этажей растворилась и Евгения Мельцаж. Отец Маргариты также скоростижно скончался в середине четвёртого месяца после старта. Его тело было зарыто на Успенском кладбище за счёт Фонда. Марго, наблюдавшая, как двое могильщиков спешно закидывают гроб чёрной землёю, надеялась исчезнуть. Чувство падения, преследовавшее её на протяжении последних двух недель, могло бы являться признаком воздействия этой дьявольской машины. Несмотря на то, что отец скончался от причин, не связанных с проектом, в её душе рождались подозрения, что смерти вокруг неё были как-то связаны.

Александр Дементьев как-то сказал, что учёные даже точно не знают, имеет ли отношение пропажа людей к проекту Бета Центавра. Единственное, что на это указывает, — все исчезнувшие работали, либо собирались работать с машиной.

— Не будешь же ты держаться за меня всегда? — Наталья попыталась улыбнуться.

— Я не отпущу тебя.

С тех пор они не расставались ни на минуту. Обедая в столовой, они сидели за одним столиком, сцепив руки, как две примерные ученицы. Когда работа требовала свободных рук,

они перевязывали запястья скотчем.

Как-то в середине рабочего дня, Греджев обратился к ним, стараясь сохранять как можно более мягкий тон:

— Я, конечно, извиняюсь, но такое положение не слишком удобно. И к тому же, отрицательно влияет на производительность.

— И что? — Спросила Марго, глядя на него из-под рыжей чёлки.

— Ремм исчез прямо во время, кхм, секса с женой.

— Неужели? — Безэмоционально буркнула Наташа.

— Ну, а вы думаете, откуда мы знаем, что он именно исчез, а не пропал где-нибудь?

— Господи, Игорь, да отъебись ты от них, — вступился Дементьев, поправляя спадающие брюки, — нам всем тут страшно, так что не нагнетай.

— Да к чёрту всё! — Воскликнула Марго, утаскивая спотыкающуюся подругу из лаборатории. — К чёрту вас всех!

На записях с камер позже можно будет увидеть момент, как Дементьев, после ухода девушек, подошёл к Игорю почти вплотную и схватил его за грудки:

— Ну ты и баран, Игорёк! — Прошипел он, исказив лицо гримасой гнева. — Ты хоть понимаешь, что ты натворил?! Теперь двое твоих сотрудниц остались без малейшей надежды хоть на что-то повлиять. Как это отразится на проекте, ты подумал? Да хрен с ним, с проектом. Ты подумал, как ты теперь выглядишь в глазах своих подчинённых?

Поправляя съехавшие очки, Греджев сглотнул.

— Я...

— Головка от хуя! Будь проклят тот день, когда Рогволд поставил тебя на эту должность. Ты абсолютно никчёмный управленец, ты болван. Ты и этот престарелый наркоман Верховцев пойдёте под суд, едва мы дойдём до второй стадии проекта. Я клянусь тебе, каждый из вас ответит перед комитетом по Этике.

Оттолкнув от себя сотрудника, Дементьев вернулся к ядру машины. Согнувшись в три погибели, он принялся производить манипуляции с проводами.

— Девятый канал в норме, восьмой канал в норме, — яростно бормотал Александр себе под нос, не обращая внимания на Греджева, покидающего лабораторию, — седьмой канал отлично, шестой вообще заебись, пятый охуенно, четвёртый канал идёт в жопу... Стоп. Четвёртый не подключён. Дарья!

Статистка, занимавшая стол в углу лаборатории, оторвалась от клавиатуры и посмотрела на коллегу через стёкла очков.

— Проверьте последний отчёт на наличие четвёртого входа.

Щёлкнув несколько раз по клавиатуре, Реутова отрапортовала:

— Согласно статистике, четвёртый канал исправно передавал информацию от внешнего корпуса к ядру до сегодняшнего дня. Более того, он продолжает перекачивать данные и сейчас.

Бровь Дементьева взметнулась вверх. Вернувшись к внутренностям ядра, он повозился с проводами ещё немного, прежде чем расчихаться в пух и прах.

— Чёртова пыль, — кряхтел он, поднимаясь на ноги. — Что там с восьмым и шестым каналами?

— Работают.

— Хреново.

— Почему?

— Я отключил их. Похоже, эта штука выполняет какие-то алгоритмы вопреки нашим командам.

Резко развернувшись, Александр выбежал из лаборатории, скидывая с себя халат на ходу. Спустя пятнадцать минут он вломился в кабинет Верховцева, где уже стоял побледневший Греджев.

— Странно, что ты пришёл без этого выскочки из комитета, — заметил Рогволд, смерив Дементьева взглядом.

Прошло несколько секунд, в течение которых сотрудник пытался справиться с отдышкой. Игорь, с каждой секундой всё больше сливался с белоснежной стеной.

— Эта штука работает без нашего вмешательства. — Выплюнул Александр, вернув контроль над дыханием.

— Мы знаем, — не дрогнув ответил руководитель. — Более того, подобный вариант был ожидаем.

С этими словами, он вытащил из ящика стола тонкую папку в красной обложке. Взяв её дрожащими руками, Дементьев впился взглядом в строчки текста.

— Что ж, — бубнил Александр себе под нос, пытаясь прожечь бумагу взглядом, — понятно, почему этот хрен из комитета так сопротивлялся разработке.

— Многие наши проекты требуют жертв, — напомнил Рогволд, усаживаясь в кресло.

Проведя ладонью по редеющим волосам, специалист вернул папку на стол. Судя по венам на висках Дементьева, его мозг обратился кипящей жижей.

— Ладно, — процедил он, после минуты напряжённого молчания. — Вот что. Я так понимаю, писать ходатайства в комитет по Этике на ваши имена бессмысленно.

— Комитет стоял за предварительными исследованиями, — пояснил Рогволд, скрестив на груди руки, — они осведомлены о возможных потерях.

— В таком случае, подаю прошение о переводе Шихобаловой и Резник на другой объект.

— Этих девчонок? — Руководитель переглянулся с Греджевым. — Без проблем. Отпишем их на какой-нибудь объект с внешних этажей, дадим рекомендации, всё будет в лучшем виде. Можешь даже написать заявление задним числом, выплатим им компенсацию.

— Компенсацию, блять, — расхохотался Дементьев, покидая кабинет, — да пошёл ты в жопу, гандон старый!

Раздался грохот захлопывающейся двери. Игорь молча переводил взгляд с начальника на свои ботинки, ожидая, когда тот закончит материться себе под нос.

* * *

— Нормально, нормально, — бормотал Александр, покидая главный корпус Зоны 400. — Всё в порядке, Саш. Сейчас пойдём к подругам, накуримся, и как следует отхуесосим этих пидарасов. Надеюсь, у Натахи хватит травы, или придётся перерыть кабинет хуя из комитета. Ничего, ничего...

Срезая путь через усаженный смородиной парк, он удовлетворённо улыбнулся, заметив, что их лавочка, которую они уже окрестили "взлётной площадкой", пустует.

На входе в общежитие он столкнулся с изрядно растрёпанной Шихобаловой. На её запястье висел серебристый обрывок скотча.

— Марго! — Крикнул Дементьев, махнув рукой, — пошли на планёрку. Без вас никак.

Подойдя к ней, он наконец заметил, что глаза Маргариты были полны слёз. Улыбка на его лице вмиг сменилась гримасой отчаяния.

— Где Ната?

— Исчезла, — еле слышно выдохнула девушка, теряя силу в ногах.

— Господи, — всхлипнул Александр, сковывая в объятьях тощее тело. — Дьявол.

Обессилев от голода и недосыпа, он вскоре и сам рухнул на колени, не в силах удержать коллегу. Чувствуя, как его рубашка промокает насквозь, он пытался как можно вежливее послать к чёрту сердобольную вахтёршу, подбежавшую к ним с причитаниями.

* * *

Ближе к полуночи, они обнаружили себя в кабинете Николая. Сгрудившись вокруг "водника", они пытались накуриться до потери сознания. С большим отрывом побеждала Марго.

— Концепция Беты заключена в имитации сознания, — рассказывал Мирных, вытягивая из грамма травы толщу белёсого дыма, — весь потенциал её вычислительной мощности идет именно на это. Комитет очень настороженно относится к объектам такого рода. Верховцев забраковал более полусотни запретов от моих коллег.

— Как такое возможно? — Сокрушался Дементьев. — Даже О5 подчиняются комитету.

Втянув в себя всё содержимое пятилитровой бутылки, Николай на некоторое время задержал дыхание.

— Цели оправдывают риски, — выдохнул он, наполняя кабинет туманом. — Результат, полученный от Беты должен был перекрыть весь ущерб. После месяца бюрократических дуэлей между комитетом и администрацией, решение было вынесено в пользу последних. Открой окно, пожалуйста.

Пройдя через завесу дыма, Александр распахнул настежь окна, пока Николай готовил очередную порцию дури.

— Так вы знали, как она работает? — Сдавленно спросила Маргарита, сплюнув литр слюны в ведро под столом.

— Нет. Начальство не было уверено, что в чертежах указывается именно имитация сознания, в силу особенностей того языка, на котором они были написаны. Нужны были месяцы работы, в течении которых мы сверяли полученные результаты с имеющимися данными. Греджев метался как сумасшедший, пытаюсь понять, почему мы не даём никаких конкретных распоряжений.

Прильнув к воднику, Марго втянула в себя половину содержимого бутылки. Подоспевший Дементьев вобрал в свои лёгкие то, что осталось.

— Ещё? — Спросил Николай, переглядываясь с коллегами.

Пытаясь сдержать кашель, Марго красноречиво мотала головой.

— Если можно, — добавил Александр.

Кивнув, Мирных выложил на стол ещё горсть травы. Достав сигарету, он принялся смешивать дурь с табаком.

— Расскажите, как она работает. — Попросила девушка.

— В терминах? — Уточнил Дементьев.

— В общих чертах.

Сунув руки в карманы, Александр облокотился на стол.

— Архитектура Беты Центавра состоит из двух главных частей: Ядро и Ключи.

Ядро выполняет функцию осознающего и мыслящего объекта, в то время как Ключи направляют, скажем так, внимание этого объекта. Проще говоря, у вас есть мозг и только один орган чувств. Например глаза. Наблюдая что-либо вы можете осознать и сделать какой-

то вывод относительно созерцаемого объекта. Этот вывод мы и должны отыскать. Должен быть способ, с помощью которого Бета с нами общается. Мы внесли некоторые корректировки в архитектуру, что позволило бы нам получать ответы на нашем, земном языке. Однако, в тех данных, что мы получили, нет никакого смысла. Активность мечется между наличием сознания и отсутствием. Вы наверняка все видели эти тонографы — километры лент со скачущими туда-сюда графиками. Мы пытались переконвертировать эту информацию в поток нулей и единиц, в соответствии с двоичной системой, но результаты, мягко говоря, удручающие.

— Вы ожидали, что оно будет действовать как огромный компьютер, — добавил Мирных, заряжая бутылку.

— Мда, — задумчиво отозвался Дементьев, — очевидно, это было ошибкой. Возможно, в реальности, где был придуман этот пепелац, иное отношение к машинам. С другой стороны, чертежи подчиняются законам математики, а значит, должны действовать в их пределах.

Сделав глубокую затяжку, Марго отошла от стола и рухнула на диван. Выдыхая содержимое, она еле слышно произнесла:

— Морзе.

Николай одобрительно ухмыльнулся. Сначала Александр подумал, что тот просто доволен, что девчонка наконец-то закурилась до потери сознания, но потом в через шум в голове, до него дошло.

— Ну конечно же! — Воскликнул он, хлопнув себя ладонью по лбу.

Затянувшись опиатом, Дементьев на секунду забыл о существовании какой-то проблемы, но уже на выдохе, из его рта вместе с дымом полился поток озарения:

— Эта штука использует свои подвижные части как способ создания вибраций. В силу того, что Бета не способна, ни видеть, ни слышать, она поглощает людей, подчиняя себе их опыт взаимодействия с нашей реальностью. Получив эти данные, она обращается к Ключам, но так как те выставлены на нули, она излагает выводы ни о чём-то конкретном, а о мироздании в целом. Либо о том, что волновало людей, чьё сознание было поглощено. И так как Бета не имеет вменяемых устройств вывода, она излагается на азбуке Морзе, используя собственную архитектуру для письма. Понятно, почему она гудит значительно громче, чем ожидалось. В данном случае, это единственный способ общения.

— А что насчёт пропавших людей?

— Учитывая, что опыт каждого человека уникален, Бета будет поглощать людей постоянно, чтобы на их основе составить абсолютно новое, ни на что не похожее мнение. А так как никакой цели, в соответствии с положением Ключей, не было, машина просто забирала тех сотрудников, которые меньше всего вовлечены в её работу. Теперь понятно, откуда Верховцев придумал эти дебилские занятия, вроде очистки проводов от пыли.

— Тогда почему она не забрала, скажем, рядовых уборщиков?

— Очевидно, необходим сам факт осознания Беты. Первым исчез техник, чьи знания о машине ограничивались только мыслями о её существовании. Потом Ремм, и так далее.

Николай сделал ещё одну затяжку, косясь на Дементьева. Какое-то время тот переваривал то, что родилось в его собственном уме. Внезапно подскочив, он выругался и стал поспешно собираться.

— Мы должны как можно скорее оповестить об этом Верховцева! Иначе рискуем исчезнуть до рассвета. Последи за Марго, я скоро вернусь.

В следующий миг, Дементьев уже бежал по коридору. Николай позволил себе докурить остатки травы в тишине, после чего накрыл девушку пледом и вышел из кабинета.

* * *

На следующее утро Маргарита ввалилась в лабораторию, где царил полнейший хаос. Несколько лингвистов собрались кучкой вокруг стола Дарьи и наспех переводили потоки данных на человеческий язык. Дементьев и Николай общались с какими-то людьми, одетыми в строгие костюмы.

— Ох, Марго, ты здесь, — раздалось рядом с ней, и из толпы к ней вышел Игорь. — Я как раз беседовал с нашим начальством. Решено отправить тебя на более безопасный объект.

— Безопасный объект? — Повторила девушка, скорчив гримасу.

— Да, н-никаких проблем до самой пенсии, — отшучивался Греджев, перебирая в руках бумажки, — помимо достаточно внушительной компенсации, можно устроить сеанс принятия амнезиака. Чудесные два часа в отключке, после которых все пережитые кошмары как рукой снимет. Также можем дать рекомендации, подписанные лично мной и Верховцевым. Скажу тебе, такие рекомендации не каждый специалист может заслужить.

— Какой же ты жалкий! — Вдруг выкрикнула Марго, мгновенно обратив на себя внимание всех присутствующих.

Набрав в грудь побольше воздуха, сотрудница ощутила, как длинные ногти впиваются ей в ладони.

— Ты набрал в команду людей, половина которых исчезла хуй пойми где. Среди них были не только специалисты, но и мои друзья, и теперь ты предлагаешь просто глотнуть амнезиака, и сделать вид, что ничего не было? Мне придётся забыть почти три года жизни, в честь чего? В честь того, что у тебя хватило ума подписаться на этот проект, дабы продвинуться по карьерной лестнице? Какой ценой? На месте Наты, или Жени, могла бы быть я, но вместо этого я стою здесь и выслушиваю твои бредни. Гнилой ублюдок, возвращайся к своему папику, и передай, что он может подтереться своими рекомендациями!

Позади неё раздалось покашливание. Обернувшись, она встретилась взглядом с Верховцевым. Тот молча смотрел на неё из-под нависших седых бровей, из-за чего нельзя было точно сказать, в бешенстве он, или у него всегда такое лицо.

— Господин Греджев был отстранён от проекта по собственной инициативе. — Сказал он, складывая руки за спиной. — Уверю вас и всех присутствующих, что карьера не являлась его целью. К вашему сведению, Маргарита, на подобные проекты ставят лишь тех, чья лояльность к Фонду не вызывает сомнений. Впредь попрошу не унижать моих подчинённых публично, если не хотите оказаться в чёрном списке. — И, слегка наклонившись вперёд, негромко добавил, — И уж точно не стоит оскорблять меня.

Отвернувшись от Шихобаловой, он сделал несколько широких шагов в центр зала. Встав рядом с непривычной тихим Ядром, Верховцев заговорил негромко, но голос его был слышен в самых дальних концах лаборатории:

— С этого дня руководителем проекта Бета Центавра назначается доктор Дементьев. Под его началом будет создан список непреложных правил, которые должны соблюдать не только люди, работающие на проекте, но и весь персонал этого этажа. Все присутствующие должны будут способствовать скорейшему распространению этих правил, во имя общей безопасности. Мне немалых усилий стоило добиться временного отключения Беты, поэтому используйте следующие трое суток с максимальной выгодой. Вопросы?

Гробовая тишина заполонила всё пространство лаборатории. Подождав пару секунд, Верховцев приказал вернуться к работе. Проходя мимо Маргариты, он принял из рук Игоря несколько листов.

— Вы точно не хотите покинуть проект? — Переспросил он, обращаясь к метареалистке.

— Точно, — твёрдо ответила сотрудница.

Кивнув, Рогволд направился к выходу, разрывая бумажки в клочья. Игорь поспешил за ним.

Перекинувшись ещё парой слов с коллегами, Дементьев подошёл к Маргарите, не в силах скрыть улыбку.

— Что? — Спросила девушка, глядя на нового начальника.

— Мне нужен старший ассистент. Ты в деле?

— А как же хрен из комитета по Этике?

Александр пожал плечами.

— Ну... Он хрен из комитета по Этике, у него уже есть работа.

— Тогда я в деле. — Улыбнулась Марго, отдавая честь левой рукой. — Жду ваших указаний, мсье.

— Беги в корпус охраны и попроси сделать копию последнего часа с камер нашей лаборатории. А то мне никто не поверит, когда я буду рассказывать в баре, как моя ассистентка отхуесосила Верховцева. Можешь взять мой пропуск, потом сделаем тебе личный.

Глава XXIV: Лектор Шихобалова

Аудитория была забита под завязку. Многие ученики расположились на полу перед Маргаритой, одетой в строгий костюм. На её груди висел бейджик:

Шихобалова Маргарита

IV уровень, кафедра Метариализма

Шёл пятый год работы в Зоне 400, под началом Дементьева. Однажды он пригласил её в бар под предлогом пропустить пару кружек пива.

— После всей той информации, что нам удалось добыть с помощью Беты, — пояснил руководитель, наливая себе пинту из общего крана, — администраторы объявили об увеличении финансирования в сферу метареализма. Сотни учеников уже подают заявления, и Зоне необходимы компетентные лекторы.

— Ты предлагаешь мне оставить проект и кривляться перед студентами? — Нахмурившись, предположила Марго.

Пригубив напиток, Александр рассмеялся:

— Отдать тебя на растерзание молодняку?! Мне сорок пять, а не девяносто, так что впадать в старческий маразм рановато. Речь идёт о свободных уроках, где сотрудники, уже имеющие опыт в работе с аномалиями, могут поделиться своим взглядом на вещи. Эти лекции не являются обязательными для посещения, однако явка скажется на зачёте.

— Я знаю, о чём ты, — перебила Марго, отворачиваясь к бармену, — бокал красного, пожалуйста.

— Твоя ценность для меня, как сотрудника, неоспорима, и я уверен, тебе будет чем поделится с начинающими учёными. Тему для лекций можешь придумать сама, полная свобода. К тому же, администраторы неплохо платят за эту работу.

Получив бокал, наполовину залитый алым вином, Маргарита задумчиво покрутила его, разглядывая в нём своё отражение.

— Не сказать, что меня особо волнуют деньги, — призналась она, делая глоток.

— Поэтому я и предложил тебя. Думаю, ты сможешь наставить будущее поколение на путь истинный.

— Путь истинный?

На лице девушки появилась насмешливая ухмылка.

— Я серьёзно, — отрезал Дементьев, поставив наполовину опустевшую кружку на барную стойку, — по себе знаю, что студентам свойственна беспочвенная романтичность по отношению к аномалиям, и это нормально. Но также нормально то, что мы ходим их пыл, поставив перед фактом, что в нашей работе иногда неизбежны потери.

Сделав ещё один глоток, Марго уставилась в пустоту. На счету Беты, помимо Наты и других исследователей, было уже около пятнадцати сотрудников класса D — расходный материал, набираемый из бывших убийц и насильников. Все они были брошены в сферу влияния машины, как топливо для поддержания сознания Беты.

— Сколько ты уже находишься здесь? — Спросил Дементьев, возвращаясь к пиву.

За последние годы Шихобалова ни разу не покинула пределов Зоны 400, отдавая всё свободное время работе. Раз в месяц они собирались в баре всем персоналом, но чаще заваливались к Николаю на прожарку лёгких.

— Тебе нужно на что-то отвлечься. — Констатировал Дементьев, поглощая содержимое

кружки.

— Ну, хорошо, — сдалась Маргарита, залпом допивая вино, — если ты считаешь, что так нужно, то я в деле.

— Вот и славно. Если позволишь, дам тебе совет. Найди очки.

Правая бровь Маргариты взлетела вверх.

— Не смотри на меня так, — отмахнулся начальник, — ты выглядишь оборванкой, только не обижайся.

Девушка перевела взгляд с Александра на отражение в панорамной витрине бара. Рыжие, словно медь, волосы были спутаны и взерошены, мятая футболка, на несколько размеров больше, чем нужно, свисала с плеч серым балахоном.

— И костюм, — добавил Дементьев, возвращаясь к крану, — строгий чёрный костюм.

Появление молодой сотрудницы в рядах лекторов произвело более, чем удовлетворительный эффект. Многие студенты и студентки приходили на её нечастые лекции по второму-третьему разу, а заполняемость аудиторий, где выступала Марго, превышала установленные регламентом нормы. Начальство было в восторге, который выражался в дополнительных нулях к имеющемуся жалованию. Уже с третьей лекции было решено вести аудиозапись сеансов, чтобы включить их в архив учебных материалов.

Из архивных источников Зоны 400, Лекции на тему метареализма. Лектор Шихобалова М., 9 ноября 2015: Как вы знаете, вся дисциплина Метареалистики строится вокруг простого человеческого сознания. Может ли кто-то сказать, почему это так? — Потому что реальностью является лишь то, что мы можем осознать? Верно. Несмотря на наличие таких монструозных аномалий, как антимеры, — вещи, которые невозможно воспринимать умом, — мы, прибегнув к плодам технологического прогресса, можем определить данные объекты как реальные. Учитывая также наличие так называемых конструкторов реальности, мы также можем сделать вывод, что сознание является более могущественной силой, и, возможно даже первостепенной вещью, существующей во всех вселенных. Да, молодой человек, у вас вопрос? — А как быть с теми вселенными, где нет осознающих себя объектов? Хороший вопрос. Здесь нужно учитывать следующее: вполне возможно существование вселенных, где нет осознающего объекта, однако, законы, по которым строилась эта вселенная, содержат в себе возможность осознания. Проще говоря, оказавшись в такой реальности, вам ничто не мешает осознать её. В противном же случае, если законы не позволяют проявиться сознанию, мы даже не сможем подтвердить наличие такой вселенной. Поэтому вселенные, где невозможно осознание, по умолчанию считаются не существующими. — А могут ли существовать объекты, состоящие полностью из сознания, но не имеющие физической формы? Теоретически, да. Однако среди имеющихся данных Фонда, как и полученных данных от связанных организаций, нет информации о случаях столкновения с такими объектами. Сложность здесь состоит в том, что определить источник сознания не представляется возможным, однако, некоторые учёные настаивают, что сознанием является пресловутый Нулевой закон. Это и другие причины служат тому, что исследования сознания неизбежно связаны с исследованиями реальности, так что ключ к этим вопросам лежит, по большей части, в сфере наших интересов. Да, девушка. — Есть ли какие-то виды сознания? Ну, там, подсознание, и всё такое. Термин подсознание является лишь обозначением некоторых процессов, обусловленных человеческой психикой. Существуют более, чем убедительные доказательства того, что человек может существовать и без так называемого подсознания, если по каким-то причинам мозг не способен корректно

управлять содержимым собственной памяти и восприятия. В остальных случаях феномен осознания представляет собой один и тот же алгоритм: я и объект. — Значит ли это, что у нас на всех одно общее осознание? А гравитация в нашей галактике — это та же гравитация, что и на другом конце вселенной? Само по себе сознание представляет собой лишь алгоритм, по которому работают некоторые вещи внутри всеобщей реальности. В данном контексте вопрос приобретает философский оттенок. Всё дело в том, что вы отделены от остального мира множеством понятий и взглядов, укоренившихся в вашем мозгу. Согласно буддизму, освобождение от всех идей и концепций, принятие своего Я, как всеобщего закона сознания, является просветлением, о чём вы могли узнать из первых параграфов, вводящих в дисциплину Метареализма. Вопросы? — Как понять, что нечто существует? Очевидно, если вы способны это осознать, для вас оно существует. В это же ведро можно отнести сны и галлюцинации — они имеют место быть лично для вас, а значит существуют. Однако, в обществе метареалистов принято считать реальностью только то, что существует для более, чем одного человека. С ума сходят по одиночке, коллективному же безумию мы даём специальный порядковый номер.

Бета Центавра не давала ответов относительно реальности, однако, высасывая из людей потенциал осознания, она могла задавать правильные вопросы. Расшифровка первых сообщений наводила исследователей на множество верных мыслей, относительно общества. Годы позже, Дементьев выяснит, что люди, попавшие под влияние машины, проживали остаток своей жизни вне физического тела, застряв в одном мгновении.

— Это пугает и восхищает одновременно. Представь, что ты лишилась тела, и обнаружила, что всё вокруг застыло! Ты сможешь провести целую вечность в одном мгновении. Сможешь тысячу раз обойти мир, наблюдая, насколько разнообразен этот момент, застывший навсегда. Тот короткий отрезок времени, который мы называем настоящим, растягивается в целую эпоху. Не имея тела, ты блуждаешь во всех направлениях сразу, разглядывая недвижимый мир под всеми углами. Это звучит как безумие, но это то, что есть.

Обсуждать подобные вещи в кабинете Николая, укуриваясь травой было интересно, но ещё интереснее было расшифровывать те вопросы, что задавала Бета, разделав под нож чьё-то сознание. Вопрос, оставшийся после Наты, выглядел как целое эссе, посвящённое вопросам мира и пацифизма, что было чертовски в стиле этой растаманки. Если бы не высочайший уровень секретности, Маргарита сделала бы его своим манифестом и зачитывала бы его на каждой лекции.

Документ 643/751-4-4 А: С 1957 по 1988 годы человечество пережило момент истинного просветления. Две державы, столкнувшись в бою за умы людей, совершили невероятные прорывы в научных областях. Космическая гонка: от первого спутника, до первой женщины в космосе. Это был тот короткий момент, когда люди отстаивали своё право называться разумными. Тем больше осознавать тот факт, что всё это было лишь побочным эффектом противостояния двух сверхдержав. Космические высоты, достигнутые верхом на атомных бомбах. А десятилетиями ранее, мы совершали прорывы в медицине, подвергая пыткам узников концентрационных лагерей. Почему наш прогресс так тесно связан с ненавистью? Неужели, для того, чтобы двигать прогресс вперёд, необходимы чудовищные потери? Неужели наша тяга к открытиям продиктована болью? Почему мы смотрим друг на друга и видим врагов? Почему среди нас витает дух недоверия и ненависти? Почему мы боимся протянуть руку ближнему? Почему мы соревнуемся в силе с теми, кто нас окружает?

Почему идём по головам тех, кто не способен достигнуть наших высот, и почему не помогаем последним взять нашу высоту, сделать их равными себе? Почему бы нам не соревноваться в открытиях? Почему мы не соревнуемся за лекарство от рака? Почему мы тратим немыслимые средства на производство оружия, вместо того, чтобы дать людям свет образования, утверждая мир во всём мире? Почему бы нам не выйти на улицы не усадить всё деревьями, возвращая природе ту силу, которая дала нам жизнь? Почему бы нам не поднять глаза к небу, и не освоить Луну? Почему бы нам не отказаться от холодного расчёта, и не отдаться во власть духа первооткрывателей? Почему бы нам не сложить оружие, и не обратиться в амбассадоров мира и прогресса? Почему? Зачем мы отворачиваемся от бездомных, калек и преступников, не осознавая того факта, что нас отличает лишь один неверный шаг, или досадный случай? Зачем мы отвечаем насилием на насилие, вместо того чтобы своей волей положить конец цепочке страданий? Зачем мы тратим своё драгоценное время жизни, приобретая богатства, которые нам придётся однажды оставить? Зачем мы избегаем проблем, заставляя их множиться, чтобы в конце-концов они рухнули на нас непреодолимой волной сокрушающих катаклизмов? Зачем мы выдумываем себе врагов, зачем готовимся к битве, не замечая, что наш главный бой давно проигран? Зачем мы скрываем своих слёз, зачем улыбаемся через силу? Зачем? Посмотрите на себя! С кем мы дерёмся? Мы ведущий вид на планете, у нас нет врагов, кроме тех, что мы сами себе придумали. Поколениями мы множили свои страхи, столетия мы вели войну за собственные умы, но главная битва происходит в наших сердцах прямо сейчас. Мы делим ближних на своих и чужих, решаем, что правильно, а что нет, не замечая всё то, что творится у нас на душе. Посмотрите на себя! Взгляните в глубины своему уму, и ужаснитесь от того обилия страха, боли и ненависти, что господствуют там. Осознайте, что всё счастье и всё горе, которые вы только можете пережить, уже находятся в ваших сердцах, ожидая момента извне, чтобы начать ожесточённую битву за ваше внимание. Посмотрите на себя! И спросите, кто тот, кто злиться? Кто тот, кто страдает? Разве это вы? Разве такими вы пришли в этот мир? Волновали ли вас все эти вещи, вроде власти и денег, когда вам было пять лет? Что от вас останется, когда вы потеряете все свои средства, когда вы начнёте терять это тело? Где находится этот жадный изверг, которому постоянно мало? И являетесь ли этим извергом вы? Посмотрите на себя! Ваш ум, ваша душа тонет в обилии понятий и идей. О прошлом, с будущем, о правильном и неправильном, но кто тот, кто определяет всё это? Кто тот, кто верит в жизнь после смерти, не успевая насладиться жизнью до? Кто тот, кто в тысячный раз перематывает в голове разговор пятилетней давности, пытаясь развернуть несуществующий диалог в то русло, при котором ваше хрупкое Эго останется нетронутым? Посмотрите на себя! И поймите, что это не вы. И никогда им не были.

Мягко коснувшись плеча Маргариты, Дементьев оторвал её от чтения.

— Перечитываешь её лист? Какой раз? Сотый?

— Каждый раз, как первый, — отозвалась девушка, вытирая рукавом свитера влагу с глаз.

Глянув на числа в углу монитора, она спросила:

— Почему не спишь?

— Забыл составить отчёт за прошедший месяц. Думал, обратиться к Дарье за информацией, но она, похоже, уже ушла.

Шёл второй час ночи. Свет в пустой лаборатории был приглушён. Где-то в её недрах гудела Бета.

— Что там с Ключами? — Сонно поинтересовалась Марго, освобождая кресло.

— Завтра придёт программист. Зовут Дмитрий, грозитя написать программное обеспечение за пару дней. — Ответил Александр, занимая место.

— Уж не тот ли это программист, что учился в моей группе?

Достав из кармана халата лист бумаги, Дементьев поднёс его к монитору.

— Возможно, — задумчиво ответил он, вглядываясь в освещённые экраном строки, — год выпуска тот же, что и у тебя.

Под конец пятого года работы им удалось произвести несколько модификаций Беты. Один из них — распределение мощностей машины на нескольких индивидуумов, что позволило машине собирать потенциал не с одного человека, растворяя его в мгновении, а с нескольких сотрудников класса D одновременно. Количество исчезновений сократилось до двух человек в год. Также, всему персоналу этажа было предписано носить специальные браслеты, экранирующие сознание. К браслету прилагалась краткая инструкция:

ПОРТАТИВНАЯ СИСТЕМА ЭКРАНИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ, ВЕРСИЯ 1.4 Нец вид, модель 1.4a Описание: эластичный браслет чёрного цвета. Содержит четыре микропроцессора, генерирующих электромагнитные шумы различных частот. Подробное описание см. Документ 404/26-UA, (требуется 4 уровень допуска). Радиус действия: 2.5 метра. Используется в сферах Антимеметики, Метареализма и иных дисциплинах. Числится в более, чем 1300 подразделений Фонда SCP (официальные данные). Питается от 4-мм батарейки класса A10 (Согласно установленным международным стандартам Фонда). Нуждается в зарядке каждые три месяца. О снижении заряда сигнализирует светодиод на поверхности браслета. Активация осуществляется автоматически при контакте с кожей человека. Руководитель разработки: Спивак E.SCP TECH, Киев.

Браслеты были простым и дешёвым способом создать вокруг человека поле помех, сквозь которые не могли пробиться многие аномалии, затрагивающие сознание. С некоторых пор эти браслеты носил весь персонал этажа, включая рядовых уборщиков. Всё это было сделано, чтобы исключить вероятность воздействия Беты на случайных людей.

Со дня на день ожидалось первые опыты по направлению внимания машины на актуальные для Фонда темы. По словам Верховцева, у него на столе уже лежал список объектов, требующих "правильных вопросов", способных навести организацию на решение насущных проблем.

— Кстати, — спросила Шихобалова, обращаясь к сидевшему за компьютером Дементьеву, — если Бета похищала людей, лишь осведомлённых о её наличии, почему она не забрала Верховцева?

— Первые месяцы после старта, он совмещал работу с "таблеткой одного дня", стирая себе воспоминания о проекте. Начальству приходится прибегать к таким мерам чаще, чем можно было бы ожидать. По той же причине, в тот день, когда ты на наорала на Греджева, он разорвал подготовленные для тебя рекомендации. Они бы служили лишним триггером для его воспоминаний.

— То есть, он не помнит день, когда я его отхуесосила?

Бегая пальцами по клавиатуре, Дементьев неволью ухмыльнулся.

— Ну, учитывая, что ты известна на всю Зону, как "та молоденькая девица-лектор, — единственная, кто повысила голос в присутствии Рогволода, и осталась в живых", думаю, он осведомлён о самом факте этого происшествия. Но в силу его должности, и уровне опасности нашего объекта, сомневаюсь, что он сможет что-то предпринять. Жизнь —

ироничная сука, знаешь ли.

Удовлетворённая ответом, Маргарита накинула недавно купленную кожаную куртку.

— До завтра, Саш.

— До завтра, Марго, — отозвался начальник, не отрываясь от экрана.

Постояв ещё несколько секунд, сотрудница перекинула через плечо маленькую сумочку, и уверенным шагом направилась к выходу.

Глава XXV: Рёв тысячи машин

«Если вы стоите в правильном направлении, все, что вам нужно — это продолжить идти» — Будда.

11 июня 2019, Зона 112, 12:02

Переступив через порог Зоны 112, миновав последнюю преграду на пути к свободе, Нежилец, скрытый от глаз всякого рода жизни, позволил наконец своим лёгким вобрать свежий летний воздух. Всем своим телом, потерявшим осязаемую форму, он ощущал, как лучи июньского солнца стремятся сквозь него, натываясь на асфальтированную поверхность земли. Жар, доносившийся с ближайшей звезды, бесконечным потоком ниспадал на землю вокруг. Нежилца не волновало, как он сохраняет способность к зрению, находясь в этом необычном состоянии. Страх за свою жизнь наконец оставил его.

— Боже, — пронеслось в его сознании, — меня нет. Меня просто здесь нет.

Ворвавшись в кабинет к Антону, Шихобалова в крайне эмоциональной манере стала осыпать коллег подробностями о своей работе над Бетой Центавра. Могилевич, у которому не терпелось изложить своё видение ситуации с профессиональным интересом наблюдал за активной жестикуляцией Маргариты:

— Понимаете, подобно тому, как для проявления гравитации необходима материя, чтобы эта сила могла себя проявить, также и для сознания нужен объект, способный дать ощущение индивидуальности. Грубо говоря, сознание не находится в мозге, как думают некоторые люди, оно непосредственно вокруг нас. Сознание, как и другие законы мира, пронизывает всю реальность, но для того, чтобы оно могло себя проявить, нужен индивидуум. Нежилец не является физическим объектом, в привычном смысле слова. Он — часть мировосприятия некоего человека, жившего давным-давно! Очевидно, кто-то, кто умер две тысячи лет назад, настолько привык сражаться с аномальными силами, что, умирая, сподвиг реальность к созданию самоподдерживающейся единицы сознания. Чтобы эта сила продолжала борьбу, не думая о смерти.

Когда сотрудница закончила свой сбивчивый рассказ, Могилевич, скрестив руки на груди, одобрительно кивнул.

— Честно признаюсь, — ответил он, поворачиваясь к стене, увешанной документами, — я бы ни за что не поверил в подобное, если бы не все эти свидетельства. Вот, посмотрите. Тут написано, что он служил во всех подразделениях по борьбе с аномалиями, начиная со времён смуты на Руси. Вы знали, что на ранних этапах государственности, надзор за аномалиями осуществлял безымянный орден монахов, которые до крещения представляли собою помесь язычников и шаманов?

— Звучит интересно, — с энтузиазмом ответила Марго, — с радостью послушаю лекцию в вашем исполнении, когда мы выйдем отсюда. Наши уроки истории были главным образом поверхностными.

— Детективов обучают истории досконально. Не только России, но и всего мира. Люди вообще, скажу я вам, склонны недооценивать прошлое своего народа.

Лебедев, до сих пор, таившийся в углу лаборатории, тихонько прокашлялся:

— Я извиняюсь, а можно ли нам вернуться к обсуждению настоящего?

— Да, конечно, — спохватился Антон, закатывая распутившиеся рукава рубашки, —

вот, взгляните, этот документ датирован 1770-ым годом. В нём упоминается монах, передавший Комитету Аномалий Российской Империи несколько объектов, два из которых в данный момент числятся на счету Зоны 112. Это уже рассмотренный Маршем "Ртутный камень" и что-то ещё. Тут остался только старый порядковый номер: Фита-Сорок. Ищем в реестре Зоны зацепки, и попадаем вот на этот документ, согласно которому, теперь этот объект зовётся "Вещателем", и имеет номер...

— Шесть-три-четыре-один, — выдохнул Лебедев, — прескверная штука. Четыре головы, сшитые вместе в районе затылка. Сводит людей с ума.

— Точно, — подтвердил детектив, — именно столкнувшись с этим объектом, Нежилец впервые проявил себя как аномальная сущность. Мы полагаем, что его память может глушиться усилием воли. Вероятно, он, в течение многих своих жизней, мог заставлять окружающих воспринимать себя значительно моложе, чем он есть, играя роль обычного человека. Однако тот факт, что его природой является тяга к отлучению, заставляла самого Нежилца постоянно искать деятельности, связанной с аномалией. И столкновение с "Вещателем" стало поворотным моментом в его последней жизни, когда груз всех прожитых лет возник перед вниманием и выбил из колеи.

— Стоп, — воскликнула Шихобалова, доставая из сумочки очередную банку бодрящего пойла, — а почему мы говорим именно об отлучении? Я предполагала, что привязанность к людям, вроде сильной любви, куда более способна сподвигнуть людей на изменение реальности, в том числе и аномальными способами.

— Во-первых, — пояснил Могилевич, — истинная жажда мести является следствием утраты чего-то очень важного. Мы предполагаем, что Мнемогебмон, чьё имя упоминается в материалах "Ртутного камня", мог быть очень могущественным и жестоким существом. Вполне вероятно, что, при жизни, Нежилец, — простите за тавтологию, — потерял любимого человека, из-за действий этого монстра. Может, ходячее зло, как называли Мнемогебмона в некоторых источниках, вырезал его деревню, убив жену и детей, вроде того. Было бы неплохо спрашивать об этом самого Нежилца. Учитывая, что "Стазис" уже снят, мы можем направиться к месту возникновения комплекса имени Новикова.

— Куда?! — Одновременно переспросили Лебедев и Маргарита.

Детектив устало провёл рукой по бледному лицу.

— Чёрт, вы же не знаете. Я уже связался с Одинцовым. Он подтвердил слова Архивариуса о появлении комплекса за чертой города. И, судя по его тону, грядёт нечто страшное. Он уже собирает информацию насчёт засекреченной постройки Отдела "П".

— Ебать, — резюмировала сотрудница, рухнув на офисное кресло, — а что насчёт нас? Нежилец по-любому покинул Зону. Что мы скажем начальству?

Тяжко вздохнув, Могилевич объявил коллегам:

— У меня есть план, но вам придётся мне подыграть.

Комплекс «Рост», то же время

Направив объектив фотоаппарата себе под ноги, Владимир Марш делал снимки цветов, состоящих целиком и полностью из покрытых коррозией шипов. Вокруг него стояли вооружённые дружинники из отряда Усачёва. Сам командир возился с тяжёлым чемоданом разномастной аппаратуры недалеко от железных ворот.

Им удалось пройти двадцать метров от входа в комплекс, не столкнувшись ни с одной опасностью, что можно было считать удачным началом исследования.

— Паш, подкинь линзу под номером девять. — Крикнул Марш, выпрямившись во весь рост. — Она в такой зелёной бархатной коробочке.

Напряжение, сотрясающее его руки, ушло вскоре после принятия таблеток. С каждым вдохом, разум всё более и более прояснялся.

Подошедший командир сунул ему линзу:

— Такую вещь лучше не кидать. — Миролюбиво заметил Павел. — Разобьётся.

— Да у нас таких на складе штук триста ещё, — поведал Марш, совершая манипуляции с фотоаппаратом, — это называется асгатно-шихтовой линзой. Soviet technology, так сказать. Отдел «П» когда-то интересовался таким явлением, как завеса. Ты в курсе, что вокруг нас могут находиться множество опасных невидимых тварей?

— Ну, — протянул командир, почесав бритый затылок, — нам многое на лекциях рассказывали.

Сняв стандартную линзу, Владимир с щелчком нацепил другую.

— А знаешь ли ты, мой воинствующий друг, что Отдел в своё время устроил целый геноцид людей с аномальными способностями?

Направив взгляд камеры на пространство комплекса, доктор несколько раз нажал затвор.

— То была жизнь без комитета по Этике, — пожал плечами Усачёв. — Хорошо, что он теперь есть, наверное.

— Наверное, — задумчиво повторил Марш, взглядываясь в дисплей, на котором вырисовывались очертания завода. — Смотри!

Заглянув через плечо Владимира, командир наблюдал, как между корпусами комплекса виднеется слабо различимый силуэт.

— Фантом? — Тихо спросил он.

— Не совсем. Помнишь ту девчонку, которую швырнуло дерево перед главным корпусом?

— Да, и что?

— Её зовут Вера. Когда-то давно её мать пытали в застенках нашего учреждения. Лет восемьдесят назад. Я дам тебе потом почитать очень длинный документ.

— Ты знаешь, я не очень лажу с книгами. Расскажи лучше кратко. И самое важное.

— Самое важное? — Подняв бровь, переспросил доктор.

— Ты знаешь о чём я.

— О наиболее эффективном способе убийства? Не знаю. Их тела набиты какими-то микроскопическими тварями, думаю, пули им не нанесут особого вреда.

— Взрывчатка?

— Может быть.

С этими словами, он уверенным шагом направился вглубь комплекса.

— Эй! — Крикнул Павел. — Ты куда?

— К тому дереву. Держу пари, оно разумное. Нужно поболтать с ним.

— Твою мать, Володя! Не суйся туда. Вернись.

— Догоняй! — Крикнул он, не оборачиваясь.

— Вот же тупорылый кретин, — тихо процедил вояка, — вы двое! За мной, остальным охранять вход. При первой же возможности, открывать огонь.

Недра главного корпуса, 12:20

Комплекс "Рост", четвёртый подземный цех, 1965 г.

Они медленно двигались в тесном проходе между огромными станками, наполнявших тёмный зал. Вера вела Константина за руку, ориентируясь на силу своей прекогниции. Светло-розовая футболка мальчика была пропиталась её кровью, когда ему пришлось повиснуть у неё на шее, чтобы она, левитируя, смогла спустить их на несколько этажей вниз. По какой-то причине, в здании отсутствовали лестницы, и не было найдено ни одного обломка бетонных перекрытий или свай, указывающих на то, что они вообще когда-то здесь были.

— Вероятно, местный персонал умел летать, — предположил мальчик, — либо телепортироваться.

— Здесь невозможно провести сеанс смещения, — возразила тётя, — что-то действует на меня. Не даёт сосредоточиться.

Сначала Вера думала, что ей мешал страх, но чем дальше она находилась внутри этого здания, тем яснее ощущала давящее присутствие потусторонних сил. Ощущение матери таяло с каждым шагом, словно она стремилась к миражу, который отдаляется, по мере приближения.

Когда они спускались, глаза Константина были плотно закрыты, но Вера, чьё зрение функционировало даже несмотря на наличие опущенных век, могла видеть, как в пустых дверных проёмах возникают пугающие образы.

Опустившись на самый нижний этаж, авантюристы оказались на два этажа ниже земли. Дальнейший путь им преграждал бетонный пол, усеянный осколками стекла. В очередной раз вспомнив про обувь, Вера была вынуждена приземлиться на это ранящее кожу стоп покрывало. Дальнейший путь лежал через широкое помещение, забитое разномастными механизмами, от которых в воздух поднимался стойкий запах машинного масла. Петля между станками, Вера молилась всем богам о том, чтобы они вдруг не начали работать. Интуицией она видела, что на поверхностях этих машин не лежало ни одной пылинки. Где-то глубоко внутри её ума рождались тревожные видения, в которых рёв тысячи машин озаряет пространство, выбивая остатки сознания из Константина.

Полночь вошла через главный вход. Вероятно, там находился либо лифт, либо пустая шахта, по которой её мать могла достигнуть самого нижнего уровня строения. Сталкивалась ли она с чем-то ужасным во время своего пути? И, самое главное, смогла ли она встретить Эрион? И если она наткнулась на свою первую дочь, стало ли это причиной того, что её присутствие так сильно отделилось? Что, если Полночь канула в небытие вслед за Эрион?

Уводя за собой Константина, Вера пыталась припомнить все рассказы матери, в которых та упоминала Эрион. Прокручивая в голове воспоминания, где-то на девятом круге, она задалась вопросом, почему мать никогда не говорила ей "человеческого" имени её дочери? Как её звали до того, как она стала Эрион? Это была одна из тысячи вещей, которые она намеревалась выяснить при первой же встрече с Полночью.

Пройдя через зал, они вышли к широкому проёму. Прислонив руку к закрытым дверям, Вера сосредоточила ощущения на том, что находилось за ними. Чувства подсказали, что за ними никого нет, и тогда она их толкнула.

Тихо скрипнув, тяжёлые ставни из железа и дерева распахнулись, образуя проход. Внутреннему взору ведьмы открылся коридор, по бокам которого тянулись кабинеты. На этот раз все двери были на месте, а покрытие стен ощущалось как старое, но всё ещё целое. Перехватив ладонь Константина другой рукой, Вера двинулась дальше.

Проход уходил всё дальше и дальше, не давая девушке увидеть конец, где

предположительно должен находиться спуск на более нижние уровни. Пройдя ещё метров десять, она явственно ощутила, что перед её ногами находится что-то живое. Сплетения сосудов несли в себе чью-то кровь. Некто будто расстилался перед ней, ожидая столкновения, чтобы схватить жертву в свои объятия. В смешанных чувствах Вера застыла на месте. Напрягая все свои сенсоры, она пыталась "прощупать" то, что находилось дальше пяти шагов, но сверхъестественная тьма, заполнявшая коридоры цеха, оставалась непроницаемой. Ей нужен был свет, но Константин был слишком напуган, и она опасалась, что он совершит какое-нибудь резкое движение, которое может спровоцировать существо впереди.

Вдруг она ощутила, как на её запястье ложатся пальцы второй руки Константина.

«Я слышу тебя, — пронеслось в её голове, — я обещаю, что не буду кричать».

«Как ты делаешь это? — Насторожилась Вера, не сводя глаз с темноты перед нею».

«Не знаю, это похоже на стрекот сверчков в голове, из которых складываются слова.

Думаю, я слышу не тебя, а своих тлецов, которые, в свою очередь, слышат твоих тлецов».

«Звучит разумно. Зажигалка у тебя?».

Отпустив на секунду запястье тёти, Константин пошарил в карманах и вложил в её ладонь пластиковую зажигалку.

«Обещай, что убьёшь меня!» — Взмолился мальчик.

«Перестань».

Чиркнув зажигалкой, Вера озарила коридор неровным светом пламени. В сплетении дрожащих теней они узрели, что пол перед ними устилают несколько десятков тонких тёмно-серых щупалец. Плетями они раскинулись на покрытой зеленоватым линолеумом поверхности, напоминая странный вид лапши. Подняв зажигалку выше, Вера почувствовала, как хватка мальчика становится всё крепче.

Щупальца, змеясь по полу, брали начало из недр рта, принадлежавшего огромному мертвенно-бледному лицу, заполнившему собою всё пространство коридора, от пола до потолка. Недвижимая, словно высеченная в камне, гримаса преграждала путь. Над широким рваным ртом располагались две бездонные дыры, которые медленно сжимались, вбирая в себя воздух, и разжимались, неслышно выдыхая его в лица наблюдателей. Выше располагались два совершенно человеческих глаза, лишённых век. Судя по закатившимся вверх зрачкам, существо находилось в глубоком сне.

Шум тлецов в голове донёс до Веры мысленный крик Константина.

«Спокойно, — скомандовала девушка, погасив пламя, — медленно отходим. Ме-е-едленно».

Но едва они сделали несколько шагов назад, как за их спинами раздался грохот, ознаменовавший начало работы множества механизмов, наводнявших цех, который они прошли ранее. Шум, сотрясающий стены, прокатился по внутренностям корпуса. Лампы над их головами зажглись тусклым грязно-жёлтым светом. Переведя взгляд со ставней, отгораживающий от них кричащий механический зал, на лицо, Вера столкнулась с голодным взглядом громадного лица. Остатки губ растянулись в оскале, обнажая ряды острейших зубов.

— Едааааа, — низкий утробный голос вырвался из недр пасти, и множество щупалец, лежащих ранее плетями, потянулись к ним.

Выронив зажигалку, Вера совершила взмах свободной рукой, и несколько отростков упали, отрубленные невидимым тауматургическим лезвием. Не обращая внимания на ястное

шипение монструозной гримасы, девушка тут же щёлкнула пальцами и втолкнула Константина в распахнувшуюся дверь.

Пробежав несколько шагов по комнате, они обнаружили, что её пол состоит из вязкого вещества, напоминающее тесто, смешанное с кровью. Увязнув в этой бордовой массе, Вера захлопнула за собою дверь, отрезая себя от последнего источника света — в помещении отсутствовали лампы.

«Блять, что за хуйня?» — кричал Константин. Проваливаясь сквозь зыбучий пол, Вера старалась не поддаваться панике, но ужас, разогретый выбросом гормонов, уже прогрызал путь сквозь грудную клетку. Мотая конечностями, они всё глубже погружались в объятия месива. Где-то на периферии сознания ведьма слышала свой собственный голос:

«Вот и всё. Мы оказались в чьей-то ловушке. На что я только надеялась? Неужели моя мать сейчас также угасает, попав в чьи-то сети?»

Она знала, что происходит с носителями, когда градус ужаса достигает критической точки. Обычный человек в таких случаях теряет сознание, но тлееды поддерживают высшую нервную деятельность на пике даже в момент смертельной агонии. Поэтому носители, столкнувшись с ужасом, против которого им нечего противопоставить, сталкиваются с одной из самых страшных частей, подготовленных паразитами.

Оказавшись в безвыходной ситуации, тлееды провоцируют самое настоящее кипение крови. Обезумевший от страха носитель взрывается, распыляя заражённую кровь по округе. Таков механизм выживания тлеедов. Они будут укреплять твоё тело ценой психической здоровья, дадут способности к тауматургии, но когда ты будешь умирать, они разнесут твоё тело в пыль.

Много лет назад, когда Вера была совсем ещё молодой, Полночь застала её в черте города. Девочка, движимая любопытством воспользовалась своими силами, чтобы пересечь реку, и мать была в ярости. В качестве наказания, она привела Веру в гости к сестре Полдень, но не для того, чтобы провести воспитательную беседу за кружкой душистого чая. Достав из "того самого сундучка" несколько кассет, она включила покрытый пылью видеомэгнитофон. На украденных из Отдела «П» записях были представлены результаты опытов. Тысяча триста часов пыток, истязаний и кошмаров, преследующих Веру во снах на протяжении следующих лет жизни. Километры плёнки фиксировали одну и ту же лабораторию, куда приводили пойманных носителей.

Она помнила запись, где её искалеченная мать лежала в кресле, лишённая всех конечностей. Она помнила момент, когда незнакомая ведьма со смуглой кожей в течение трёх суток пыталась перегрызть стягивающие туловище крепления. Ей удалили почти все рёбра, поэтому она смогла согнуться практически пополам, чтобы дотянуться зубами до ремней. У неё также оставались ноги, поэтому, когда она сумела освободиться, ей удалось даже добраться до одной из покрытых железом стен, и разmozжить себе голову. Но самой страшной записью являлась та, где замученный молодой человек в какой-то момент переставал кричать, и после двух-трёх секунд тишины просто... взорвался.

И ещё Вера помнила то разочарование, которое накрывало свинцовой плитой в момент, когда ей удалось повредить себе глазные яблоки. В тот день она с ужасом обнаружила, что может видеть даже без глаз.

Глава XXVI: Точка пересечения параллельных прямых

11 июня 2019, Самара, окраина города, 13:00

Сверкая отполированным корпусом, чёрный Кадиллак поднимал пыль с городской трассы. Антон Могилевич, вращая руль левой рукой, мастерски обгонял лениво движущиеся машины.

— Я, конечно, уважаю классику, — ворчала Маргарита на соседнем сиденье, — но особо комфортабельной её не назовёшь.

Каждый манёвр Могилевича швырял стройное тело сотрудницы то на Антона, то впечатывал в дверь, нанося ушибы. Скорость на спидометре достигала девяноста километров в час.

— Кадиллак Девиль, восемьдесят пятого года, мадам, — продекламировал детектив, набирая левой рукой номер Одинцова, — безотказная машина. Алло, Денис!

— На связи, — отозвался Смотритель, — Лебедев пришёл с докладом. Это правда? Ты предлагаешь мне отправить заведомо ложный рапорт администраторам, учитывая все обстоятельства? Я и так рискую лишиться головы за этот конфуз с зеркалом.

На несколько секунд Антон отложил телефон, чтобы взяться за руль обеими руками. Перестроившись в крайний левый ряд трассы, он дёрнул рычаг коробки передач, вдавливая газ в пол.

— Не волнуйся. — Сказал он, вернув трубку к уху. — Если бы тебя намеревались убить, я бы об этом уже знал.

— Откуда?

— А ты думаешь, кого бы они послали тебя убить?

— Очень смешно! — Бросил Одинцов, обрывая связь.

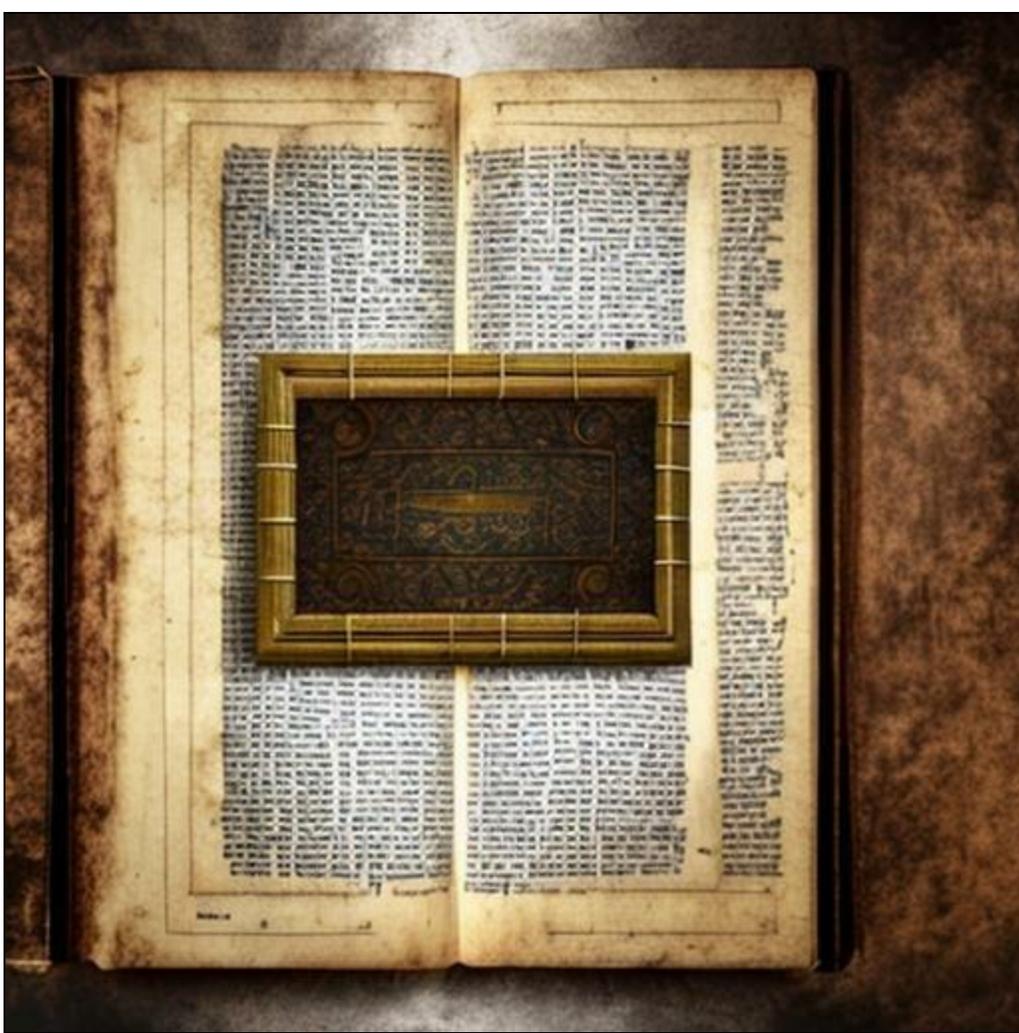
Переводя взволнованный взгляд с мелькающих на обочине деревьев на детектива, Шихобалова спросила:

— Вы когда-нибудь убивали людей?

— Нет, конечно, — рассмеялся Могилевич. — Хотя пару раз пришлось вызывать на место чистильщиков. Некоторые объекты имеют привычку оставлять за собой горы тел.

Валентин Лебедев, несмотря на всю мощь бюрократического таланта так и не смог сжать весь объём информации до стандарта в двенадцать листов, поэтому явился к Смотрителю со здоровенной кипой бумаг подмышкой.

В связке макулатуры было более сотни прямых и косвенных доказательств, указывающих на то, что Нежилец, после победы над Мнемогемноном, примкнул к группе странствующих языческих монахов, с которыми боролся со сверхъестественными силами на территории древней Руси. Используя весь свой опыт, он также помог им составить первейший в истории славянских народов перечень бестий и чудес, который пополнялся следующие несколько сотен лет силами языческого Ордена.

"Въвергнутыя во Брань" (др. рус. "Брошенные в Войну") — шестой том древнерусской летописи борьбы со сверхъестественным. Музей Зоны 300, Москва.

Одной из самых противоречивых заслуг Нежилыца стало составление трактата о проходах в иные миры, а также обряды, которые способствуют процессу, ныне именуемому как Вскрытие. Однако, по данным летописца Израила, незадолго до крещения Руси, трактат был украден из главенствующего филиала Ордена, располагавшегося в Новгороде. Обрывочные данные из этого трактата признаны особо опасными в Фонде SCP, наряду с ещё 9 памятниками письменности, из-за чего по всему миру ведутся работы по поиску и изъятию подобных материалов из оборота.

После воцарения на Руси христианства, некоторые догматы Ордена подверглись цензуре, из-за чего сложно сказать, где находился, и чем занимался Нежилец, однако, учитывая его бессмертие, можно сделать выводы, что он продолжал работать в качестве полевого агента. Вероятно, именно он руководил особо опасными операциями, в которых человеческая смерть была неминуема.

В 1740-х годах Нежилец действовал под юрисдикцией Комитета Аномалий Российской Империи, под личиной корнета Лиходеева, предположительно погибшего двадцатью годами ранее в войне России со Швецией. В архивах КАРИ осталось несколько писем, подписанных этим псевдонимом. Исследователи Отдела "П", а затем и Фонда, изучавшие историю русской борьбы со сверхъестественным, делали предположение о некоем человеке, который в силу аномальных свойств не способен умереть. Однако развитие технологий и децентрализация органов, занимающихся отловом аномалий, сделало Нежилыца скорее легендой, чем реально существующей персоной. Это объясняет, почему в период с 1800 по 1950 годы о Нежилыце не было написано ни строчки.

В 1955 году появилась новость о попытке покушения на Комиссара 1-го ранга, занимавшего один из высших постов Отдела "П" ГРУ (по другим источникам, жертвой покушения был Генерал-лейтенант). Попытка убийства провалилась, а преступник был расстрелян в 9 часов утра, 9 сентября 1955 года. Однако уже на следующий день тело убийцы таинственным образом исчезло из штатного морга, так и оставшись неопознанным. Учитывая, что в те годы стартовала компания по уничтожению "лиц, обладающими паранормальными способностями", можно сделать вывод, что Нежилец пытался предотвратить надвигающийся геноцид.

В 1992 году, когда Отдел "П" был полностью реформирован, Нежилец поступил на службу в Зону 112, под новым именем, где занял должность специалиста по условиям содержания.

Судя по имеющимся данным, в период с 1970 по 1992, Нежилец принялся за отлов аномалий, которые имели отношение к его давнему врагу Мнемогемнону. Среди них был Ртутный Камень, — устройство, источающее среднерадиоактивный вид ртути, и усиливающий аномальные свойства неорганических объектов. Также, уже на территории нынешней Германии, он оказал поддержку по отлову Ползучих глаз, оставшихся от Мнемогемнона. Сам инцидент, приведший к активизации роя, был засекречен и остаётся недоступным русскоязычному филиалу.

Отдельной строкой нужно выделить объект Вещатель. Этот объект начинает свою историю с незапамятных времён, скорее всего, с того момента, когда Мнемогемнон был повержен и скинут в портал, на остатках которого сегодня стоит Зона 400. После прохождения основной массы тела через дверь между мирами, проклятья чудовища обрели более осязаемую форму, описанной как ветер, порывы которого сводили с ума людей в округе. В 1800 годах, очевидно, не без помощи сильных тауматургов, "ветер" был заперт в связке из четырёх мужских голов, закреплённых на металлической пластине. В последующие годы, сотрудниками Отдела "П" была спроектирована система дополнительного сдерживания (СДС-7).

Известно также, что Нежилец появлялся в Зоне 112 в качестве внештатного агента до 1980 года, вероятно во время постройки и запуска Комплекса "Рост", спроектированного Николаем Новиковым, чьим именем после будет названо учреждение. Его деятельность в те годы осталась практически не задокументированной, что наводит на мысль, что, либо Нежилец ограничивался наблюдением, либо нечто мешало ему произвести какие-либо действия.

В начале 1997 года Нежилец, будучи полноправным сотрудником Зоны 112, в результате сбоя в системе электроснабжения, попал под влияние объекта "Вещатель". Учитывая, что человек после воздействия этой аномалии либо умирал на месте, либо проживал ещё несколько часов в полнейшем бреде, Нежилец был окончательно и бесповоротно раскрыт.

Действующая смотрительница Зоны Ольга Орлова, приняв в качестве стимулятора SCP-6308-RU «Ясность в таблетках», произвела задержание Нежилца, намертво усадив его на "Мумифицирующий стул".

В дальнейшей беседе, запись которой намеренно не велась, Орлова выяснила не только факт поимки бессмертной легенды, но и какие-то новые данные относительно Комплекса "Рост". Очевидно, эти данные сильно пошатнули её картину мира, из-за чего она в течении последующих лет планомерно саботировала деятельность Зоны, убирая бывших выходцев из

Отдела "П", и заменяя их новыми незаинтересованными кадрами.

В 2019 году, в Зоне 112, на столе бухгалтера появилось сообщение от Евгения Стацкого. Из него становится понятно, что Нежилец в той погибшей версии вселенной, смог наконец полностью осознать и принять своё состояние только на грани распада реальности, и поэтому предложил Евгению написать ходатайство о поставке зеркала в зону содержания своего двойника.

Фонд в нашей вселенной, получив эту просьбу, уже начал догадываться о возможных открытиях, и потому дал разрешение на поставку предмета в камеру Нежилца, используя для этого связного из комитета по Этике, Марченко Дарью. Получив зеркало в своё распоряжение, Нежилец не сразу понял, что оно для него значит. Однако, возможность смотреть на него, несмотря на отсутствие глаз и способности воспринять собственное отражение, со временем привело к тому, что он смог осознать тот факт, что отражение в зеркале, как и он сам, не обладает физическими свойствами реальности, ограничиваясь только светом. Принятие этого факта вызвало кратковременный парадокс в движениях Нулевой силы, что позволило ему освободиться.

— Ох-ре-неть, — выцедил Одинцов, закончив читать рапорт. — А я уже хотел на пенсию выходить.

Облокотившись руками на рабочий стол Смотрителя, Валентин наклонился вперёд:

— Могилевич предлагает свалить все неудачи на шпиона.

— Да вы сговорились, что ли? — Взорвался Смотритель, чей голос сотрясал стёкла в окнах. — У нас под боком возникает советский завод, набитый аномальщиной, а по городу расхаживает бессмертный бестелесный SCP, с которым невозможно физически взаимодействовать. Где то время, когда мы четыре дня размышляли, какой класс присвоить самоходному пылесосу?

— Антон говорит, что администрация осведомлена о тяжести нашего положения. Подобный трюк позволит выиграть нам время. К тому же, он выехал на территорию Комплекса не просто так. Вполне вероятно, что Нежилец направляется именно туда.

— Откуда такая уверенность?

— А куда ему ещё идти? — Воскликнул Лебедев, патетически вскидывая руки. — На набережную, мороженое лизать? Подумай сам, человеку, или кто он там, полторы тысячи лет. Если бы его интересовали убийство и насилие, он бы нас давно уже всех по одному прикончил! И администраторы это отлично понимают. Весь этот трюк, с разрешением на зеркало, был лишь одним большим экспериментом.

Обречённо вздохнув, Денис провёл ладонями по красному от напряжения лицу.

— Хорошо, а как мы объясним это?

С этими словами, он повернул в сторону Валентина монитор на своём столе. Нажав кнопку на клавиатуре, он воспроизвёл пятисекундный отрывок с камеры наблюдения, присланный минутой ранее с компьютера охраны. На нём в камере Нежилца ненадолго появляется черноволосая женщина в белом платье. Окинув взглядом дымящиеся остатки Мумифицирующего стула, она обернулась и озадаченно посмотрела прямо в камеру. После чего просто исчезла.

— Могилевич часом не сообщил, что это за девица, а?

Ошарашенный Лебедев протёр свои очки.

— Когда это случилось?

— Буквально только что. — Язвительно плевался Одинцов. — Пока мы читали рапорт.

Что там Антон говорит? Об этом нужно сообщать администрации? Или это тоже засланный шпион, или точнее, шпионка?! А? Планировщики хреновы, чтоб вас!

Взмокший Валентин отпрянул от монитора и поспешил к выходу.

— Это кто-то из тауматургов. У нас в архиве есть досье на всех носителей тлеедов в Самаре и области. Нужно прочесать архив.

Выпорхнув за дверь, он скрылся на какое-то время в коридоре, но вскоре послышалась ругань, и он вернулся:

— Денис. Что с архивариусом?

Одинцов, который уже успел вытащить из ящика стола пачку чипсов, вопросительно посмотрел на сотрудника:

— С кем?

— Ну, тот старый хрен со склада.

Набрав полную горсть хрустящего холестерина, Смотритель закинул её в широко открытый рот.

— Нешы его шуда, — проговорил Одинцов с набитым ртом. — Хошешь шипсы?

— Не, спасибо, я поел.

С этими словами, Валентин тихо вышел из кабинета. Закрыв за собой дверь, он отправился на нижние этажи.

Глава XXVII: Фантомные боли

«Я была готова уйти отсюда, прежде чем пришла.» — м\с "Дарья"

11 июня 2019, комплекс «Рост», главный корпус, 13:45

Внезапный толчок в спину прервал поток мыслей в голове Веры. Вернувшись в реальность, она поняла, что, "провалившись" под зыбучий пол, её тело рухнуло на этаж ниже. Ото всюду раздавались чьи-то болезненные стоны, но среди них не было голоса, принадлежавшего Константину. Темнота всё также скрывала от неё окружение, а тауматургические силы требовали сосредоточения, которого не хватало, в условиях пережитого ужаса. Вскочив на ноги, она повела вокруг себя руками. Обратившись внутрь сознания, она мысленно звала Константина, но тот не отзывался.

Раздался грохот открывшейся двери, и гневный мужской голос достиг её ушей:

— Вы кто? Эта территория карантина. Что вы здесь делаете?

Направив внимание на источник звука, пробиваясь сквозь стоны, расходящиеся вибрациями по пространству комнаты, она увидела кого-то очень высокого, заполнившего собою почти весь дверной проём. Не дожидаясь ответа, он широкими шагами двинулся в её сторону.

Прежде чем Вера успела что-либо ответить, ей в висок прилетело что-то очень тяжёлое и металлическое. Вскрикнув, она рухнула на пол, чувствуя, как кости черепа расходятся, выпуская ручей крови. Подняв перед собою руки, она приняла на предплечья ещё один удар, ломающий кости.

— Остановитесь! Хватит!

Ответом ей был тяжёлый ботинок опустившийся ей на грудь. Рёбра, которые ещё не срослись окончательно после встречи с фантомом, с хрустом вошли внутрь, пробивая органы. Рефлекс, приводивший ранее к телепортации, в условиях комплекса лишь откинул её тело к дальней стене, нанося ещё несколько переломов.

«Нет, — взмолилась Вера, — только не позвоночник!»

Но, к счастью, позвоночник был цел. Цепляясь за стену разбитыми руками, она, срывая ногти, старалась подняться на ноги. Едва ей это удалось, очередная вспышка озарила её зрение: на этот раз что-то тяжёлое, напоминающее рельсу, на огромной скорости вошло ей в скулу, ломая челюстные кости.

«Спокойно, Вера, — пыталась подбодрить себя ведьма, ощущая, как нижняя челюсть повисает на обрывках мышц, — это чем-то похоже на столкновение с ржавчиной. Ты это уже про...»

Ещё один удар, на этот раз ногой, заставил её колено выгнуться в обратную сторону. Крики, доносившиеся отовсюду мешали ей ориентироваться. С ржавчиной ей иногда помогал огонь, но зажигалка осталась этажом выше. Да и ожоги на ней заживали слишком быстро. Против воли, по привычке, она снова попыталась телепортироваться, но лишь налетела спиной на стену позади. Густые комки свернувшейся крови, вперемешку с зубами, забили ей горло. Дышать было невозможно. Тяжёлые шаги неумолимо приближались.

Её ум наводнили тысячи мыслей, а сердце разрывалось от обилия чувств, но внезапное осознание развеяло их в один момент, когда Вера поняла, что больше не ощущает матери. Её просто не было. Нигде. В окружающей реальности не осталось ни одного даже самого крохотного тледа, который мог бы сигнализировать о принадлежности к телу сестры

Полночь. Теперь не осталось той, на кого она могла бы рассчитывать. Цель, которой она так стремилась достичь, пропала.

Бессильная злоба, подогреваемая отчаянием, заставили её кровь кипеть. Ведьма чувствовала, как всё тело исходит судорогой, как в глубине вен рождаются сотни свернувшихся от температуры тромбов. Кровь стала вязкой, словно сгущённое молоко. Сознание затягивало водоворотом в ту часть тела, где рождался страх. Впервые то, что творилось у неё в сердце, стало весить больше, чем вся реальность внешнего мира. Перед глазами стояла бездна ужаса, и Вере ничего не оставалось, как отпустить свои мысли о надежде и пуститься в бесконечное падение внутрь себя самой. Она впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему мёртвой.

И тогда её резко выкинуло в реальность. Бездна, поглотив её внимание, также внезапно выплюнула Веру во внешний мир, и кровь, достигнув точки кипения, расщепила ей руки, высвобождая волну немыслимой силы. Сверхъестественная энергия, рождённая законами тауматургии, обратилась языками пламени, и поток огня вырвался из неё, снося на своём пути всё живое.

Глаза уже не функционировали, но ведьма видела, как огромный человек, одетый в халат, сшитый из запачканных кровью тряпок, падает, сметённый волнами пламени. Голова была закована в железо, а вместо кистей стояли протезы, к которым на цепях были присоединены две пудовые гири. Вокруг них стояли два десятка железных кроватей, с полностью перебинтованными телами. Это они стонали, когда Вера провалилась в комнату, но теперь, охваченные огнём, они метались в агонии, хором изрыгая вопли из своих беззубых ртов. Стены были покрыты тонким слоем того же "кровоавого теста", из которого состоял потолок.

Лишённая лица, она ковыляла на сломанных ногах в охваченной огнём палате. Отняв остатками пальцев у одного из пациентов уцелевшее покрывало, она обернулась им, чтобы сбить с себя пламя. Под одной из кроватей, свернувшись в позе эмбриона, без сознания лежал Константин. Его тлееды, были слишком слабы, чтобы противостоять механизму обморока. Потянув его за шкурку, Вера вытащила его, и выволокла вон из комнаты.

Из сводок Отдела «П» ГРУЭкспонат №: 200606Именование: Палата № 12Характеристика: ОдушевлённыйУровень опасности: СущественныйИзначально двенадцатая палата служила для расположения больных, проходящих курс реабилитации после полученных психологических травм на работе с особо опасными объектами. Однако, 24 мая 1969 года в палате был замечен больной, который не числился в списках. Никто не мог сказать точно, откуда взялся пациент. Страдающий от постоянных болей, замотанный целиком и полностью в бинты, ему было очень трудно изъясняться. Спустя четыре дня появился ещё один пациент, а спустя неделю, все свободные койки палаты были заняты. Разумеется, никто из сотрудников не желал находится в одной палате с аномально возникшими пациентами. Поэтому уже через месяц количество аномальных "больных" стало превышать количество пациентов, задействованных в работе комплекса. Все пациенты, обнаруженные в палате, страдали поздней стадией заражения неким грибком, вызывающим разжижение костных и мягких тканей. По-видимому, процесс распространения проказы сопровождается сильными болевыми ощущениями, которые можно сравнить с гангреной и гниением заживо. Все попытки обследовать больных пересекаются некой чрезвычайно сильной сущностью, выглядящей как мужчина крупных размеров. Это существо чрезвычайно агрессивно. Оно не реагирует ни на какие попытки контакта, и всегда вступает в открытый

конфликт с персоналом. Военными силами Комплекса было предпринято 56 сеансов устранения агрессора, 50 из которых увенчались успехом. По необъяснимым причинам, через девять минут после подтвержденной смерти, объект вновь возвращается к жизни. Фантом 12-ой палаты, 1970 г. Дополнение: Через месяц после проявления аномальных свойств, стало замечено, что грибок также поражает неорганические материалы, что выражается в размягчении потолочных перекрытий палаты. Примечательно, что данный эффект не затрагивает стены и мебель.

Комплекс «Рост», центральный вход, 14:07

Старший специалист по условиям содержания Артур Оганян прибыл на место расположения МОГ «Шторм» с запасом сигарет и кипой документов, озаглавленных грифом "Совершенно секретно". Получив от Смотрителя всю имеющуюся у Фонда информацию с явившимся в реальность заводе, он тут же рванул на место событий.

Пустырь перед комплексом был усеян несколькими пустыми палатками фургоном оперативников. У охраняющего лагерь солдата он выяснил, что группа разделилась на две части, и решил сначала провести команду Марша, для чего отправился в сторону КПП, чтобы через него пройти к вглубь комплекса.

Заметив его, командир Усачёв заметно расслабился.

— Я надеюсь, ты прибыл с хорошими новостями, — проворчал Павел, пожимая руку Оганяну.

— Отнюдь, — ответил Артур, переводя дыхание. — В Зоне дела идут не самым лучшим образом. Подробности расскажу пос...

Тут его взгляд, пройдя над широким плечом командира, уткнулся в железное дерево перед входом. Прямо перед ним виднелся белоснежный халат человека, в котором по неухоженным седым волосам можно было узнать Марша.

— Это Володя?! — Прищурился Оганян, перекладывая кипу документов из одной руки в другую.

— Он уже час с этой штукой болтает. Клянусь, я пытался его отговорить. — В подтверждение своих слов, командир стукнул себя кулаком в грудь. — Рассказывай, что там у вас творится. Что за документы?

Артур, помня предостережение Одинцова о возможном шпионаже, уклончиво ответил:

— Так, общая инфа. Сам ещё не успел прочитать. В Зоне царил настоящий хаос, когда я уезжал. Но там Могилевич, так что я уверен, что всё стабилизируется.

— Ну, не знаю, — пожал плечами командир. — Я ему не доверяю, честно тебе скажу.

— Почему?

Усмехнувшись, Усачёв отвел глаза в сторону железного древа.

— У него по роже видно, что он знает больше, чем может сказать.

— Ну, так у него работа такая.

На это командиру, похоже, нечего было возразить, поэтому он выхватил из-за пояса рацию, и рявкнул в микрофон:

— Салага, как обстановка?

Прошла секунда, и из динамика донёсся голос Стычкина:

— Обстановка стабильная. И не называйте меня салагой. Пожалуйста.

Махнув рукой перед носом командира, Оганян дал понять о своём намерении посетить вторую группу. Кивнув, Павел снова поднёс ко рту рацию.

— К вам выходит Оганян. Нужно отправить к месту базирования солдата, который его проводит. Как понял?

— Ассистентка Измайлова встретит вас у лагеря через десять минут.

— Спасибо, салага, — пробасил командир, обрывая связь. — Иди в лагерь, тебя твоя подопечная встретит.

Последняя фраза была обращена к Артуру, который вытащил из кармана две пачки сигарет.

— Вот, Марш сообщил мне о нехватке сигарет.

— Хех, спасибо. А спиртного ты не взял?

Специалист нахмурился.

— Что с ним?

— Говорит, ломка. Дал ему две таблетки парацетамола, сказав, что это крутая разработка Фонда. Как видишь, ему полегчало.

Артур недоверчиво переводил взгляд с командира на стоящего вдалеке Марша.

— Странно. Ладно, встретимся через пару часов, обсудим дальнейшие действия. Через полчаса, кстати, должен приехать и сам Могилевич.

Командир подбросил на ладони рацию.

— Могилевич, значит? Хорошо. Если что, держим связь!

Кивнув, специалист быстрым шагом направился к месту встречи.

Пустырь перед домом сестры Полночь, 14:30

Смутные неявные грёзы терзали душу Полдень. Чувствуя сначала отдаление сестры, а затем и её пропажу, к которой примешивалась паника Веры, ощутимая даже на расстоянии нескольких километров, она успела тысячу раз пожалеть о том, что позволила Вере пойти вслед за Полуночью. Её невероятно длинные тауматургические длани, которыми она однажды вытащила сестру из плена пыток, теперь натыкались на бетонное ограждение комплекса. Взором ведьмы она наблюдала бездонные окна, одно из которых проглотило Веру и Константина, а железное дерево, до этого выпустившее Полночь, теперь мирно беседовало с каким-то человеком.

Полдень уже была готова сорваться и провести сеанс Смещения к пробойне в бетонном ограждении. Дыре, которую разворотила Полночь, поняв, что телепортация непозволительна на территории комплекса. Войти в "Рост" означало добровольно отказаться от половины своих способностей, и зрачки Полдень уже заливались молочно-белой пеленою силы, давая власть тледам, обосновавшимся внутри её мозга.

Однако, когда легион паразитов уже был готов принять на себя ударную мощь сознания, рядом возникла сущность, чьи тлееды были настолько древними и излучали ауру такой силы, что душа Полдень свернулась в точку, покрываясь ледяной коркой.

Обернувшись, Сестра столкнулась взглядом с чёрными глазами, зрачки которых целиком и полностью состояли из колоний тлеедов. Напротив неё стояла женщина, одетая в белое платье. Чёрные волосы обрамляли худое лицо с острым подбородком. Впервые за долгие годы, Полдень ощутила, как из под ног уходит почва.

— Кто ты? — Спросила она, усилием воли пытаясь подавить дрожь паразитов, сотрясающие её внутренности.

— Я Гетера, — ответила ведьма, слегка поклонившись. — Шла к месту скопления силы, чтобы встретить там старых друзей. Однако, учуяла твой страх, и решила навестить

сородича.

— Гетера?! — Взволнованно повторила Полдень ломающимся голосом. — В честь древнегреческой проститутки?

Густые чёрные брови сдвинулись над глазами.

— О, какое невежество, — возмущённо проговорила женщина, — приравнивать свободу и независимость к проституции.

— Носители сами выбирают себе имена.

— Так ли это? Может быть, в случае с вами, людьми, рождёнными в последние сотни лет, такое утверждение будет верным.

Сделав шаг вперёд, Гетера приблизилась к Сестре на расстояние вытянутой руки. Не в силах отвести взгляда от бездны очей древней ведьмы, Полдень оцепенела.

— Когда я вступила в связь с тледами, люди ещё не придумали себе имён. — Тонкие губы вбивали слова в ум сестры Полдень словно гвозди. — Тысячи лет я скиталась по этому огромному миру безымянная и бездомная. Я обошла его пешком несчётное количество раз. Я видела как племена объединяются в государства, и как распадаются целые цивилизации. Я курила трубки мира с вождями враждующих племён. Я танцевала хороводы, прыгала через костёр и праздновала в окружении языческих тотемов. Я дышала воздухом высочайших гор и бескрайних равнин, тонула в бесконечности ледяных пустынь южного континента!

Сквозь вибрации, сковывающие паразитов сестры Полдень, просочился поступающий к горлу ком боли и гнева.

— Где же ты была, о, Гетера, когда наш народ умерщвляли? Где ты была, когда пытки свели с ума мою сестру, а после, и её первую дочь?

Чёрные слёзы брызнули из под век, пересечённых морщинами. Весь стресс, копившийся последние дни, доводил кровь Полдень до состояния кипения.

Крепкая хватка Гетеры опустилась на худые плечи Сестры.

— Отомри, Сестра, — голос древней ведьмы доносился до сознания Полдень словно из невообразимых далей. — Идём со мной, я расскажу тебе, историю нашего народа.

Трава под их ногами начинала тлеть. Из чащи донёсся стон умирающих деревьев.

— Изыди, — прошипела Полдень, впиваясь длинными спицевидными пальцами в шею Гетеры.

Раздался треск ломающихся брёвен, и домик Сестры полночь объяло огнём.

Кровь, хлынувшая из разорванной артерии, обжигала руки Полдень, но ведьма лишь со скучающим видом перехватила их в районе запястий, сломав несколько костей.

— Приятно видеть, что сила нашего народа всё ещё впечатляет, пусть лишь и на грани смертоносного кипения крови. — Будничным тоном поделилась Гетера. — И всё же, тебе не справиться с той, чья кровь кипит уже две тысячи лет.

С этими словами, она призвала тауматургический вихрь, который в мгновение ока унёс двух ведьм в сеансе смещения.

Глава XXVIII: Пустые комнаты

Сеанс смещения, или, выражаясь более традиционно, телепортация, у носителей тлецов всегда сопровождается шумом в голове. Этот же шум формирует мыслеобразы, когда необходим невербальный, мысленный контакт между двумя носителями. Этот процесс позволял Вере и Константину общаться между собой, когда того требовала ситуация.

Однако, когда Гетера, совершила сеанс смещения в паре с Сестрой Полдень, последней показалось, что этот вихрь образов, пронёсшийся молнией сквозь уставший мозг, должен сигнализировать о перемещении на другой конец галактики. Но Гетера, снисходительно улыбнувшись, пояснила что они всего лишь прошли сквозь защитные барьеры комплекса «Рост».

Камера № 129450870, Нижние этажи Комплекса

— Почему я не ощущаю присутствия сестры? — Резонно воскликнула Полдень, едва её лёгкие наполнились затхлым воздухом тесного помещения.

— Этот комплекс был построен весьма талантливым инженером, с применением всех имеющихся у Советов аномалий. Он нарушает множество законов природы, в частности пространства. Если смотреть со стороны, мы находимся на глубине около сотни метров ниже фундамента. Однако, реальность в этом месте устроена так, что между тобою и твоими сородичами располагается шестьдесят тысяч этажей, соединенные лишь одной вертикальной шахтой, которую мы посетим позже.

В кромешной тьме, Полдень наблюдала, как затягиваются раны на шее Гетеры.

— Откуда в таком случае, здесь берётся воздух? — Спросила Сестра, стараясь

выровнять дыхание.

— О, это очень долгая и грустная история. — Холодная ладонь ведьмы мягко опустилась на запястье Сестры. — Идём.

Раздался скрежет, и в помещение прорвался поток света. Они стояли в холодной тесной камере, лишённой каких бы то ни было предметов интерьера, если не считать подвесной кровати, крепившейся к одной из бетонных стен. Тяжёлая железная дверь, выкрашенная в грязно-зелёный цвет, открылась, движимая тауматургическими силами Гетеры, пропуская пару в ярко освещённый коридор, концы которого устремлялись в бесконечность. Вдоль стен тянулись сотни и сотни подобных пронумерованных дверей. Камера напротив была отмечена девятизначным числом.

— Это нереально, — прошептала Полдень, — здесь просто не могут работать люди!

— Согласна, — кивнула Гетера, увлекая за собой женщину. — Штат из людей занимает лишь первые десять верхних этажей комплекса, дальше в дело вступает кое-кто другой. Но всему своё время, сестра. Я немного ошиблась в расчётах, поэтому мы оказались немного дальше той камеры, где должны были появиться. Перемещение сюда отняло у меня немало сил, поэтому, рассчитываю, что ты не откажешь мне удовольствия в короткой прогулке по этому бетонному царству.

Обуреваемая смятением Полдень заметно колебалась, но жажда отыскать пропавших членов семьи, вкупе с доносящимся из соседних камер шорохов, заставили её поддаться устремлениям древнейшей ведьмы.

— Ах, — беззаботно пропела Гетера, беря под руку Сестру, — где же те времена, когда дворцы строили из малахита и янтаря?

За несколько секунд до возврата к сознанию, Константин смог ощутить тот короткий миг бытия, который Вера уже с пятой смерти воспринимала как должное. Мгновение, когда сознание уже набирает силу, разжигая в мозгу вспышки электрических импульсов, буквально за секунду до возврата памяти о прошедших событиях. Момент, вне текста и образов, чувство, которое сложно описать словами, но которое несёт за собой немое возмущение.

— Нет. Только не обратно...

Веки мальчика распахнулись против воли. Челюсти приоткрылись, впуская поток смрадного воздуха, наполненного гнилым духом. Когда-то давно, кажется, целую жизнь назад, он аккуратно поинтересовался у тёти, что происходит при умирании. Был вечер, в квартире отключили свет, а за окном бушевал ливень. В полумраке кухни, дистрофичный силуэт девушки выглядел сверхъестественно и без тауматургии.

— Ничего, — отрывисто бросила Вера, заливая в глотку оставшуюся половину бутылки вина. — Всё происходит во время жизни.

С этими словами, она швырнула опустевшую тару в кота, мирно спящего на диване.

Лёжа на холодном полу, Константин также вспомнил о том, что перед уходом они даже не покормили Барсика, и скорее всего, животное теперь просто умрёт с голоду. От этих мыслей ему страшно захотелось плакать, но слёзы почему-то не текли. Подумав об этом, он понял также и то, что его очки, привычно сидевшие на лице последние годы, теперь отсутствуют. Должно быть он их потерял, когда...

Наплывшие из памяти образы, навалившиеся на мальчика всем своим весом, заставили его перевернуться на живот и избавиться от чёрной смеси крови и алкоголя, скопившихся в желудке. Исторгая желчь, он в бессилии ползал во мраке, мысленно призывая Веру, но та не

откликнулась. Наконец, когда спазмы перестали терроризировать нутро, Константин поднял голову и понял, что ему конец.

В свете качающейся на проводе лампочки, похоже, единственной на всё помещение, подслеповатым взглядом, он разглядел выпотрошенное тело Веры. Точнее, то, что от него осталось.

Руки, лишённые кистей, оканчивались обугленными культиями. Лицо было разодрано в клочья, и представляло собою кровавое месиво из мяса и остатков носовых хрящей. Из грудной клетки были выдраны почти все органы, включая сердце и лёгкие, которые теперь были размазаны по полу. Всё, что находилось ниже, очевидно было съедено жуткой антропоморфной фигурой, напоминающей голую девушку в крайней степени истощения. Тварь, покрытая синеватой кожей, стояла на коленях перед останками ведьмы, с чавканьем пожирая её внутренности. Длинными сгнившими от времени ногтями, она проводила по внутренним стенкам грудной клетки Веры, соскребая остатки мяса, чтобы после этого жадно запихнуть их себе в пасть и медленно пережёвывать.

Иногда чудовище давилось костями, и кашляя, подавалось станом вперёд, попадая под струю света. В эти моменты Константин мог заметить, что верхняя половина головы монстра также отсутствует. Глаза, уши, нос и, в конце концов, мозг словно были вырезаны за ненадобностью. Длинную худую шею венчал острый подбородок и широкий рот, обрамлённый губами трупного оттенка.

Прожевав очередную порцию, чудовище воскликнуло хриплым голосом:

— Нет. Ты не моя мать. Ты просто воняешь ею, но ты не она. Очевидно, мне придётся сожрать твой мозг, чтобы выяснить, где она находится.

Ужасная догадка озарила сознание Константина. Когда Вера одаривала его редкими подробностями своей жизни, он по крупицам складывал картину, в которой детство его тёти было мучительным, и задавался вопросом, почему же Вера воспринимает подобное насилие как должное. И теперь он узрел воочию: детство Веры было беззаботным и счастливым, в

сравнении с тем кошмаром, во что вылилось воспитание старшей сестры.

Потеряв сознание, он не видел тех подвигов, на которые пошла Вера, чтобы вызволить их из аномальной западни. Но оказавшись в реальности, он столкнулся с концом этого опасного, и похоже, совершенно бесполезного приключения: прошлое в лице Эрион настигло их. Оказавшись в комплексе, обезумевшая от боли и ярости старшая сестра, никогда не знавшая о существовании Веры, шла на запах тлеющих, связанных с её матерью. И наткнулась на них.

Ослабленная прошлыми столкновениями ведьма оказалась бессильна против гнева старшей сестры. Сколько времени она продолжала бороться? Может быть, отсутствие верхней части головы Эрион — эта работа Веры?

Вдруг чудовище перестало поглощать внутренности Веры, и повернулось всем корпусом к мальчику. Тлеющие внутри вен Константина вновь принялись подогревать кровь. Страх, все эти минуты набравший обороты, поглощал нейрон за нейроном, обращаясь животной паникой. Волосы с головы Константина осыпались один за другим. Правый глаз, налившийся кровью, лопнул, истекая чёрной, полной тлеющих, смолою.

За секунду до потери контроля, он вспомнил поход в алкомаркет годом ранее.

— Что делать, если ты столкнулся с аномалией, против которой тебе нечего противопоставить? — Тихо спросил он у Веры, разглядывавшей витрину с вином.

— Кричать, — лениво ответила ведьма, засовывая под свитер бутылку дешёвого пойла.

В моменты телепатического контакта с Верой, мальчик обратил внимание на то, что за шумом образов в голове, излучаемых тлеющими, всегда находится глухая и прочная стена сознания. Именно это, как понял Константин, и является той самой человечностью, о которой рассказывала Вера. Однако, в момент, когда шквал вибраций Эрион столкнулся с робкими сигналами тлеющих мальчика, последний с ужасом понял, что перед ним носитель, в котором больше нет человека. По стечению обстоятельств, казавшимися ему невозможным, перед ним находилась полностью автономная колония тлеющих, разжевавшая сознание своего носителя до состояния безобразной каши. Густая смесь боли и отчаяния, обретшая форму по воле жестокого создателя.

— Кошмар, — выдохнул мальчик.

— Моё второе имя, — прошипела Эрион, выпрямляясь во весь рост.

Лампочка, качающаяся под потолком, с треском разлетелась на осколки, погребая комнату под толщей темноты. Константин хотел закричать, но доведённый до иступления ум быстро терял силы. Падая в обморок, краем тауматургического зрения он видел, как силуэт Эрион медленно приближается в его сторону.

Он устал бояться, и уже был не против смерти, лишь бы она была быстрой.

Комплекс «Рост», перед входом в главный корпус, 16:14

— Так значит, вы всё же пропустили одного человека внутрь? — Уточнял Марш, сжимая вспотевшей ладонью диктофон в кармане халата.

— Именно. — Отозвалось железное дерево.

— Но разве это не является нарушением устава, согласно которому нас же вы не желаете впускать, — осторожно заметил доктор.

— В свете происходящего я позволяю себе некоторые вольности. Беседа с вами — одна из них.

— Спасибо вам за это.

— Вам спасибо за вашу вежливость.

— И всё же. Двое следующих, — девушка и парень, если не ошибаюсь, — сумели проникнуть внутрь через окно.

— Этот манёвр уже на их совести, — пояснило растение, поведя ветвями из колючей проволоки. — Моя же уступка в отношении той женщины была мотивирована двумя обстоятельствами.

— Прольёте свет на них?

— Первая причина: она шла на поиски своей дочери, которая оказалась на нашей территории вследствие первопричинных механизмов природы.

— Процедуры Перераспределения, — добавил Владимир.

— Верно, — одобрительно склонилось дерево, — вторая причина: женщина уже несколько часов как покинула этот комплекс.

— Каким образом?

— Видите ли, всё дело в том, что её дочь находится не в этой реальности, а совершенно в другой. Из соображений этики, я не хотело бы распространяться о причинах такого положения.

— Как вам угодно, — театрально отмахнулся Марш, шаркнув ногой.

— Основная проблема, как этой матери, так и нашего комплекса, состоит в том, что в нашей реальности находится, скажем так, её негативный образ, проявленный в самой что ни на есть разрушительной форме. А вот сознание упомянутой выше дочери находится как раз таки в другой реальности. Туда и отправилась эта печальная женщина.

— Вы знаете, не хочу показаться снобом, но мои познания о носителях тлецов говорят, что эти, простите за выражение, паразиты не способны действовать вне сознания.

— Вы абсолютно правы, но позвольте заметить, что сознание, в сухом остатке — лишь строго определённый поток волевых усилий. Именно этот поток приводит в движение ваше тело и ваш ум.

— Кажется, я понял! — Радостно воскликнул специалист, хлопнув в ладоши. — Нельзя даже сварить чашку кофе, пока сознание не помыслит о чашке.

— Почти. Следует понимать, что сознание стоит задолго до всех возможных мыслей. Я не просто так сравнила сознание с потоком. Взять хотя бы этот случай с оторванными от сознания тлецами. Их носитель намертво заковал их в рамки одной идеи, заставив тысячи, если не сотни тысяч, особей выполнять одну единственную поставленную задачу. К тому же...

Вдруг голос, льющийся из-под железной маски осёкся. Постояв секунду в тишине, во время которой Марш успел представить себя разрубленным на части железными плетьюми, Дерево резко выпрямилось и проговорило:

— Прошу прощения, но за нашей беседой я совершенно отвлеклась от выполнения поставленных задач. Возникла проблема, и сейчас мне нужно отправить специалиста для её решения.

— Мы тоже специалисты, знаете ли, — тихо проговорил доктор, рассматривая свои ботинки.

— Учитывая обстоятельства, могу с уверенностью сказать, что администрация ещё прибегнет к услугам вашей организации. А до тех пор, прошу вас не приближаться ко мне до конца дня.

— Что ж, — обречённо выдохнул Марш, — позвольте откланяться. Хотя нет, можно ещё

один вопрос?

— Задайте.

— Как вы связываетесь с этой администрацией, и специалистами, если они внутри комплекса?

— Мои корни оплетают первые сто сорок этажей корпуса.

Поблагодарив дерево в очередной раз, Владимир вернулся к Усачёву.

— Ай да Марш, ай да сукин сын, — протянул командир, — ты это дерево загипнотизировал, что ли? Гляди, что Оганян принёс.

С этими словами, Павел продемонстрировал два блока сигарет, один из которых был уже вскрыт.

— Оганян тут? — Задумчиво спросил Марш, глядя в пространство.

— В компании твоего ассистента. А что?

— Сто сорок этажей, — поражённо повторил Владимир, направляясь к выходу, — сто сорок. Какого хрена?

Глава XXIX: Чрез тернии к звёздам

Комплекс «Рост», нижние этажи, 15:36

Уже час Полдень и Гетера медленно двигались по бесконечному коридору, словно пара туристов, посещавшие музей.

— Сочувствую твоему горю, — честно призналась Гетера, когда женщина поведала о нелёгкой судьбе младшей сестры, и двух её дочерях.

Полдень лишь презрительно фыркнула:

— Что ты можешь знать о сочувствии?

— Сочувствие, в первую очередь, — это остаток прошлого, сопровождающий тебя весь остаток жизни. Груз на сердце, тянущий к земле, вне зависимости от мощи твоих тауматургических сил.

— Звучит красиво, да что толку мне от твоих слов? — Резонно заметила Полдень, ступая по белоснежному линолеуму.

— Блуждающая Ржавчина, о которой ты говорила, — есть ничто иное, как застрявшее во времени людское войско, слепо следовавшее за властью чудовища. Толпа злостных, испорченных силой, женщин и мужчин, которых пришлось скрыть завесой, дабы упрятать этот позор человеческий от глаз смертных.

— Что это за чудовище, способное наделить людей бессмертием?

— Давным-давно по земле шёл ужасный, не ведающий боли и страха, великан, именуемый Мнемогемноном. Люди воспринимали его как бога, цари падали перед ним на колени, и клялись в вечной верности, в обмен на сохранение жизни.

— И где же он теперь?

— Развян по вселенным. Некоторые его части: сердце, голос и дар, в виде источающего ядовитую ртуть камня, находятся под присмотром общины из учёных людей.

— Учёных людей? — С горькой ухмылкой переспросила Сестра. — Всего лишь скопление безответственных бюрократов, если ты про Фонд. Хотя, даже они видятся ангелами, в сравнении с истязателями советского Отдела.

В очередной раз, Гетера лишь снисходительно улыбнулась:

— Боюсь, это вопрос людской природы. Чем дальше в древность уходишь, тем хуже нравы.

— Что ты несёшь? Мою сестру пытали, а всего лишь один исповедник Ржавчины способен разорвать мою племянницу в клочья!

Голос Полдень вдруг начал дрожать. Остановившись, она облокотилась спиной на светлую стену коридора, остановившись между двумя камерами, пронумерованных алгебраическими монстрами. Впервые в жизни, Сестра позволила себе посмотреть вверх, и воскликнуть:

— Повезло же мне родиться в этом проклятом мире, где я должна страдать. Родиться в месте и времени войн, пыток и убийств моего народа. За что мне всё это? В чём я так провинилась?

Слёзы вновь проступили на краснеющих глазах Полдень. Гетера, наблюдавшая за этим со стороны, взяла Сестру за руку:

— Если есть, кто-то, кто должен винить себя за происходящее на этих землях, то он стоит перед тобой. За плечами Ржавчины, геноцидом нашего народа и многими другими

несчастьями этого мира стою я.

Вырвав своё запястье из хватки ведьмы, Полдень гневно произнесла:

— Ты смогла проникнуть сюда, несмотря на барьеры, запрещающие использование развитых дисциплин. Уж не ты ли надзиратель и начальник этого каземата?

— Ахахах, совсем нет, — рассмеялась Гетера, — наоборот, всё то, что происходит здесь, и всё то, что было ранее, — по крайней мере то, что имеет отношение к нашему народу, — творилось во зло по отношению именно ко мне. Я смогла сюда войти не потому, что мне несколько тысяч лет, и моя сила превосходит твою в сотни раз. А потому что меня здесь ждут.

Сделав несколько шагов назад, Полдень выставила вперёд руки, создавая тауматургический щит.

— Выпусти меня. Я не смогла спасти сестру, и должна хотя бы найти и спасти её дочь и своего внука! Я чувствую, что они в опасности.

Закатив глаза, Гетера запрокинула голову, прислушиваясь к внутреннему видению.

— Твой внук в безопасности, но теряет сознание из-за наплыва кошмарных образов. А вот племяннице повезло меньше. Её настигла самоходная колония тлеедов, наполненная желчью ненависти к твоей сестре.

— Эрион, — выдохнула Полдень, и на лице её отразился ужас. — Она убила её?

— Почти. Однако, закончить начатое мешает некто, столь же сильный, как она сама.

Развев щит, Сестра ринулась вдаль по коридору:

— Я должна бежать к ним!

Выйдя из транса, Гетера в один миг оказалась на пути женщины, преградив ей путь.

— Стой. Между вами десятки тысяч этажей. Даже с левитацией, тебе понадобятся часы, чтобы нагнать их. К тому времени мальчишка уже покинет это место!

Выбросив вперёд длани, Полдень заставила загореться плечи Гетеры, но та лишь щёлкнула пальцами, заставляя пламя исчезнуть.

— Я не верю тебе! — Эхо, прокатившись по коридору, уносила возглас Сестры.

Несколько взмахов руками высвободили незримые лезвия, вспарывающие бледную кожу на шее Гетеры. Чёрная, наполненная тлеедами, кровь ручьём сочилась из ран, чтобы спустя секунду свернуться до состояния тягучей смолы.

Теряя терпение, ведьма выпустила из рук прозрачные как воздух нити, и связала ими руки Полдень, заставив их намертво склеится между собой.

Упав на колени, Сестра тщетно пыталась избавиться от сверхъестественных пут, но это лишь привело к тому, что её пальцы срастались между собой.

Коснувшись кончиками пальцев лба Сестры, Гетера пропустила через её мозг ударную дозу образов, среди которых можно было воочию увидеть момент, когда ведьма, тонущая в подземном озере, разверзла бездну, сотрясая мир столь мощными вибрациями, что вселенной ничего не оставалось, как раскрыть дыру между мирами, пожравшую Мнемогемнона и трёх воинственных мужчин.

Рухнув без сил на линолеум, Сестра уже не обращала внимания на нити, врезавшиеся в её кожу.

— Какой кошмар, — самозабвенно бормотала Полдень, пока Гетера водила над её телом руками, заставляя раны затягиваться. — О, боги, какой ужас!

Комплекс «Рост», Главный корпус, минус-девятый этаж, 16:00

Погрузив острые зубы в правое запястье Константина, Эрион вырывала плоть с его костей. Он пытался было отбиться левой рукой, даже смог окружить пятерню невиданным доселе слоем прозрачной брони, на манер железной перчатки, но чудовище, перехватив его кисть, одним рывком сместила локтевой сустав, ломая кости. Теперь мальчишка, избитый до полусмерти, отброшенный к стене, был вынужден наблюдать, как слои мышц и вены, минуту назад принадлежавшие его телу, исчезают в широкой глотке Эрион.

— Гнида, — задыхался мальчик, глотая остатки собственных зубов, — ты сожрёшь нас обоих, но Полночь убьёт тебя.

За время своих зверств, тварь была немногословна, но теперь, прожевав очередную порцию человечины, прошипела:

— Очень на это надеюсь.

— Видно, твоя мать очень хотела вырастить тебя сильной, но не подумала о последствиях. Что же она с тобою сделала, чтобы ты стала настолько чокнутой?!

— Всё, — прохрипела Эрион, отрывая мальчику правую руку.

Боли не было. Мозг Константина находился в глубочайшем шоке, но тлееды, подогревающие кровь, не давали ему потерять сознание. Они же, формируя из образов женский голос Древа, сплетённого из железных канатов и колючей проволоки, донесли до него, что помощь уже близко, и ему оставалось продержаться всего несколько минут. Внутренним взором, разогнавшимся в полную силу, он наблюдал переплетения железных корней в толще бетонных стен, оплетающих этажи здания, казавшегося бесконечным.

— И что же ты будешь делать, когда найдёшь Полночь? — Спросил Константин, краем глаза замечая, как открывается дверь, ведущая в комнату.

— Убью и сожру то, что останется, — ответило чудовище, хватая Константина за горло.

Подняв субтильную фигуру подростка, Эрион, сдавливая железной хваткой его шею, приблизилась, чтобы оторвать в открывшийся рот комья чёрной, наполненной тлеедами, смолы.

Трепыхающийся в конвульсиях Константин ощущал, как в желудок проваливаются ошмётки плоти, наполненные изменившимися тлеедами.

Отбросив мальчика в угол, Эрион круто развернулась, чтобы тут же быть пронзённой длинным раскалённым лезвием. В полумраке помещения над её истощённой фигурой возвышался широкоплечий мужчина, одетый в чёрную шинель с эмблемой Отдела "П". Длинные патлы закрывали изувеченное лицо. В бойца руках были мечи, один из которых проходил сквозь грудную клетку обезумевшей дочери Полночь. Лезвие, нагреваемое небольшим механическим приводом, располагавшемся на рукояти, сплавлялось с токсичными внутренностями девушки.

Хрипло расхохотавшись, Эрион схватила за лезвие, ещё глубже втыкая его себе в грудь.

— И что же ты сделаешь? — Издевательски спросила она, срывая свободной рукой висевшую на шее серебристую цепь.

Откинув в сторону аксессуар, на который крепился жетон с надписью: Капитан Алексей Звягинцев, Отдел "П" ГРУ, она провела сгнившими ногтями по форме нападающего разрывая шинель на лоскуты.

Вырвав меч из тела Эрион, Капитан, лихо повернувшись вокруг своей оси, разрубил чудовище надвое. Не прекращая своего безумного хохота, перерастающего в истерический вой, она оттолкнулась от земли руками, вгрызаясь в остатки лица Звягинцева. Отпустив меч, солдат принялся биться грузным телом о стены, в попытках сбить оставшуюся без ног Эрион.

В это время, Константин, сотрясаясь в припадке, пытался сопротивляться чужеродным паразитам, прокладывающим путь в кровеносную систему через внутренние органы. Кровь, и без того пребывавшая в точке кипения, уже обращалась в кислотный реагент, вызывая трансформации в теле. Вены, внутри оставшейся в относительной целости руки, вдруг обрели крепость и силу. Прорвавшись через кожу, они оплетали суставы снаружи, вправляя их в нужное состояние, возвращая конечности работоспособность. Одна из глазниц, в которой отсутствовал орган зрения, заполнилась свернувшейся кровью, наполненной тледами, и мальчик вновь обрёл видение, превосходящее по остроте все взятые очки в мире.

Вскочив на ноги, не обращая внимания на битву солдата с чудовищем, Константин мельком оглядел себя. Изорванная одежда, перепачканная кровью, висела лохмотьями, прикрывая вырвавшиеся на свободу кровеносные сосуды. Обрубок руки, на конце которого

уже трудились паразиты, напомнил ему одну из первых встреч с Верой, когда она явилась домой после столкновения с Ржавчиной.

Схватив упавший меч, на лезвии которого было выгравировано витиеватыми буквами имя Грета, он подбежал к телу Веры, и одним ударом отделил её голову от тела. Сняв с себя джинсовую куртку, он обернул в неё отрубленную часть тёти, и побежал к выходу. Остановившись у дверного проёма, с головой Веры подмышкой, он обернулся, чтобы увидеть Звягинцева, верхом на котором восседала визжащая Эрион, срывая с него куски плоти. Швырнув в их сторону меч, который тут же оказался в протянутой руке капитана, он выбежал из комнаты и пустился наутёк.

Село "Раннее", неподалёку от Комплекса "Рост", 16:19

Крохотная деревня, располагавшаяся рядом с заводом имени Новикова, насчитывала шесть полусгнивших деревянных домиков, напоминавших своим состоянием обычные сараи. Рядом находилось кладбище с покосившимися крестами, могилы под которыми принадлежали когда-то жившими на территории этого села. Одним из таких жителей был Пётр Семёнович Зелёный, который однажды, прогуливаясь от своей могилы к фамильному домику, обнаружил внутри команду из вооружённых солдат, сопровождаемых учёными в белых халатах. Возмутившись до крайней степени, он приказал им выметаться вон, но те что-то говорили про аномалии и фантомов. Тогда он пригрозил им личным знакомством с председателем, но какой-то молодой фронт, с фамилией Стычкин, сказал, дескать, Советский Союз давно развалился. Опешивший от такой наглости, Пётр Семёнович пошёл было жаловаться в город, но на выходе из села, он вдруг ощутил кошмарную слабость и, наверное, уснул на ходу. Очнулся он снова у креста, спустя два часа. Тогда он снова пошёл жаловаться в город, и снова уснул на ходу, оказавшись на прежнем месте. В конце концов, потеряв терпение, он вернулся в своё жилище, чтобы обратиться к мерзким оккупантам и врагам народа с требованием немедленно покинуть дом.

Доктор Марш, вернувшийся с комплекса, после беседы с деревом, обнаружил своих коллег, столпившимся вокруг полупрозрачного деда, одетого в старый пыльный костюм.

— Я сказал, вон из дома! — Сокрушался Пётр Семёнович, тыкая кулаком в грудь Стычкина. — Пиздуйте отсюда, собаки!

— Не деритесь пожалуйста, — обиженно произнёс ассистент, отмахиваясь от побоев.

Несколько оперативников неловко переглядывались, пока Марш устраивался за столом рядом с Артуром.

— Баревдзес, мой армянский друг, — приветствовал Владимир коллегу.

— Здравова, — без энтузиазма откликнулся Оганян, принимая из рук Марша диктофон. — Опять устав нарушаешь?

— Поверь, когда ты взглянешь на эту запись, ты забудешь про устав.

— Неужели? Ну, расскажи вкратце.

Облокотившись локтями на деревянный стол, Марш рассказал о том, что ему удалось выяснить в разговоре с железным растением. Так, инженер Новиков, именем которого был назван комплекс, был гениальным учёным, способным сравниться разве что с Калашниковым. За его плечами стояли сотни засекреченных разработок Отдела, включая клинки Грета и Стихия, которые были созданы для защиты от особо опасных монстров. О принципах их работы известно немного, но Марш был уверен, что найденные в 2006 и 2011 годах клинки, принадлежавшие Тульскому филиалу, вероятно, являются моделями типа

Стихия, и предложил написать Одинцову обращение с просьбой выяснить у Тульских учёных информацию относительно этих предметов. Также, Владимир высказал предположение, что чертежи обоих мечей, и ещё многих устройств, должны находиться в стенах Комплекса.

Про Новикова, кроме его фамилии, не было известно практически ничего, однако, из беседы с деревом, удалось выяснить, что при строительстве Комплекса, он использовал многие материалистические аномалии, заставляя кабинеты и коридоры множится без больших ресурсных затрат.

— То есть, ты хочешь сказать, — перебил Оганян, — что под заводом существуют ещё сто сорок этажей?

— Оно сказала: мои корни оплетают ПЕРВЫЕ сто сорок этажей. — Цитировал Владимир. — Учитывая потенциал Отдела, количество этажей, как и пространство внутренних помещений, может достигать немыслимых размеров.

— Всё же это Таумиэ́к, — с видом победителя констатировала Аврора, усаживаясь за стол.

— Доктор Марш, — вклинился Стычкин, обернувшись к специалистам, — помогите выдворить этого... человека.

Взглянув на разъярённое привидение, Марш устало потёр веки. Недавний опыт с деревом подсказывал ему, что вежливость является немаловажной частью в общении с разумными аномалиями.

— Ну, зачем же выгонять этого почтенного человека из собственного дома?

— Так... — Опешил ассистент. — Он же это... Того.

— Сам ты того, — возмутился полупрозрачный дед, потрясая рабоче-крестьянскими кулаками.

— Подождите, — воскликнул Марш, — как вас зовут?

Старик, явно не ожидавший продолжения разговора, удивлённо представился.

— Рад познакомится, Пётр Семёнович, — откланялся Марш, привстав из-за стола. — Мы с моими коллегами просим прощения за вторжение на вашу жилплощадь. Уверяю вас, как только наше начальство оснастит нас необходимыми материалами, мы тут же удалимся вершить свои учёные дела за пределами деревни. До сего времени, будьте добры, дайте нам работать. Мы не воры и не захватчики, и уйдём при первой же возможности.

Поправив съехавшую на затылок шляпу, и пригладив пиджак костюма, призрак осторожно прошёл через кухню в комнату, где стояли тумба, кровать и затхлый воздух, пахнувший плесенью.

— Ладно, хрен с вами, — донеслось оттуда, — оставайтесь. Но чтобы потом я вас не видел!

Ассистент Стычкин, пробормотав слова благодарности, присоединился к обсуждению дел за столом.

— Итак, — продолжил Марш, складывая руки в замок, — на чём я остановился?

Нетрудно было догадаться, что Комплекс, оснащённый мощнейшими аномалиями, генерирующими пространство в промышленных масштабах, начнёт влиять на окружающую обстановку. Именно поэтому село, в котором теперь располагались специалисты Фонда SCP, было заброшенной, а местные жители, судя по древним записям из архива Зоны 112, были расселены в городе, под предлогом специальной государственной программы.

Для поддержания всех аномалий в состоянии равновесия, в ядро Комплекса была заложена связка аномалий, именуемая старшим Исполнителем. Этот механизм должен был

регулировать работу всех систем, и обладать одной из крупнейших в мире вычислительных мощностей.

— Ты думаешь, — предположил Оганян, — что пропажа Комплекса связана с ошибкой в работе Исполнителя?

— Наоборот, — отрицательно покачал головой Владимир, — если верить дереву, влияние на Комплекс произошло извне. Что-то очень сильное, сильнее всех этих аномалий, составляющих Исполнителя, вырвало завод и прилегающее село из мира, сдвинув его с границ реальности в неизвестное измерение. Тем не менее, очевидно, что тот, кто осмелился совершить подобное, не всемогущ, ибо простое поступление информации из обособленного пузыря пространства-времени, смогло вернуть Комплекс обратно в реальность.

— Вы об этой печатной машинке? — Недоверчиво спросил Стычкин. — Это же незначительное явление в масштабах метавселенной.

— Именно, — подчеркнул Марш, — тот, кто стоит за кражей Комплекса, не способен противостоять процедуре Перераспределения, а значит он является частью этого мира. Также это значит, что он разумен, и способен влиять на реальность, но не трансформировать её.

— Фух, — облегчённо выдохнул Оганян, — то есть он не конструктор реальности.

— Да, но это не должно нас радовать. Мы знаем, что конструктором реальности вполне может выступать Исполнитель, ответственный за состояние Комплекса "Рост". Представьте себе, на что способен разум, способный запереть, пусть и на некоторое время, такого конструктора реальности, при этом захватив и все сопровождающие аномалии.

— Ты ошибаешься, — возразил Артур, — логично предположить, что все аномалии "Роста" связаны с Исполнителем. Тогда нашей ультрааномалии достаточно было взять под контроль только ядро Комплекса.

— Вопрос, почему в таком случае этот сверхразум снова не возьмёт под контроль Исполнителя? — Заметил Стычкин.

Марш одобрительно кивнул головой:

— Хороший вопрос. Я знаю, что по закону процедуры Перераспределения, в реальность вернулось множество неподконтрольных Исполнителю аномалий, а значит этот сверхразум просто не способен охватить всех сверхъестественные единицы одновременно.

— Что же мешает ему схватить Исполнителя, оставив неподконтрольные аномалии на произвол судьбы? — Спросил Оганян.

— Дерево, с которым я общался, осознаёт нормы морального поведения. Как мы знаем из лекций, есть немало разумных аномалий, придерживающихся мирного существования. Вероятно, за поведением этого сверхразума стоят понятия совести и греха.

— Стало быть, сверхразум на нашей стороне, — предположила Аврора.

— Хотелось бы надеяться на это, — ответил Марш, доставая вибрирующую рацию из кармана халата, — да, Усачёв, на связи.

— Могилевич явился, — голос командира доносился из динамиков сквозь радиопомехи, — с прекрасной девой на борту.

— Ах, ты похотливый старый хрен, — с улыбкой покачал головой доктор, — ждите, мы все сейчас придём.

Оборвав связь, команда стала собираться в путь. Из соседней комнаты донёсся старческий ворчливый голос:

— Вот-вот, пиздуйте отсюда, псы!

Глава XXX: Резня во славу Мира

«Человечество даже не представляет, сколь много технологий было открыто в борьбе с аномальными силами...» — Эдвард Д. Брум, метафизик, 1962 г.

Комплекс «Рост», Пустырь перед центральным входом, 17:24

Покрытый пылью кузов Кадиллака был припаркован в двадцати метрах от стоянки группы «Шторм». Прямо перед главными воротами, по вытопанной траве металась туда-сюда около двадцати единиц оперативников, учёных и исследователей. Их взволнованные голоса сливались в единый шумный поток:

— Могилевич, дружище! — Воскликнул Марш, сдавливая детектива в объятиях. — Я тебе сейчас такое расскажу, ты охренишься.

— Готов поспорить, — самоуверенно ответил Антон, похлопав по спине товарища.

Неподалёку от них, картавила Маргарита Шихобалова, эмоционально размахивая руками в разговоре с Артуром Оганяном:

— Чёрт побери, вот эта штука. Сто сорок этажей, говорите?

— Верно, — кивнул специалист по условиям содержания, передавая взятый у Марша диктофон, — здесь записи, которые вам, вероятно будет интересно проанализировать. Я надеюсь получить от вас экспертную оценку.

— Ой, как мне нравится ваша вежливость, — улыбнулась Марго, — не то, что наши хмурые индюки с Зоны 400.

— Уверен, мы ещё успеем вам надоесть.

На капоте служебной машины «Шторма» расположился обширный лист бумаги, привезённый детективом. На нем был изображён план Комплекса, совмещённый со спутниковыми снимками. Усачёв, Стычкин и Измайлова сгрудились вокруг него, разглядывая очерченную местность.

— Вот, — чёрный глянцевый ноготь Авроры уткнулся в левую часть карты, — здесь была эта пробоина.

— Говорите, их было двое? — Уточнил командир, потирая висевший на груди автомат.

— Да, первый был совсем ещё юным мальчишкой, на вид лет семнадцати, а вот вторая прям бой-баба, как говорил отец. Пацан выглядел до смерти перепуганным.

— Заложник? — Предположил Павел.

— Трудно сказать, — призналась девушка, кусая ногти. — Марш сказал ей про досье, а она такая: «Я польщенаааа». Высокомерная тётка. Лет тридцать на вид.

Нахмутив брови, Стычкин вытащил планшет:

— Владимир сказал «досье»? — Уточнил он, гуляя пальцами по сенсорному экрану. — Как она выглядела?

— Высокомерно, говорю же. Высокая, коротко стриженная. Свитер, юбка, всё в крови.

— Людоеды, — процедил Усачёв сквозь зубы.

— Что-то я ничего не могу найти, — разочарованно констатировал специалист.

Почесав затылок, командир вытащил из нагрудного кармана фотографию, на которой был сделан снимок Блуждающего. Положив её на капот, он рассказал:

— Марш говорил что-то о геноциде Отдела «П». Вероятно, досье содержится на складе в бумажном эквиваленте.

— Отправляю запрос Одинцову, — откликнулся сотрудник, отходя от капота, — сука,

не ловит ни хрена...

Отойдя в тень чащи, подальше от спящих по пустырю оперативников, Марш и Могилевич принялись устраивать словесную дуэль.

— Всё очень запутано, Володь, — вполголоса проговорил Антон.

— О-хо-хо, ты даже не представляешь, насколько! — Ответил доктор. — У нас буквально позавчера был аврал с ползающими по городу глазами, а теперь я встречаю двух носителей тлецов, которые, — сюрприз, — шли в том же направлении.

— Нежилец сбежал, — детектив сделал выпад.

— С козырей решил зайти? — Опешил Марш. — А что насчёт железного дерева, рассказавшего мне о том, что Комплекс Новикова имеет под землёй невиданных размеров пространства?

— А что, если я знаю, кто стоит за его исчезновением? — Парировал детектив.

— Ах ты сука, — скорчился Владимир, — а что насчёт шпиона, которого я сам сюда привёл?

Быстро оглянувшись по сторонам в поисках свидетелей, Антон приблизился практически вплотную к коллеге:

— Оганян сказал? — Спросил он, понижая голос до практически шепота.

— Оганян знает?! — В свою очередь удивился Владимир. — Я думал, я один в курсе.

— Администраторы направили меня сюда не только из-за инцидента с глазами. А потому что мы с тобой друзья. Фонд перехватил какие-то данные, из которых стало известно о наличии "крота" в вашем учреждении. Это какой-то особо увёртливый СвОр, интересующийся наследием Отдела «П», — вот всё, что я могу сказать. О присутствии шпиона осведомлён весь персонал Зоны, с уровнем допуска выше третьего. Но откуда ты об этом знаешь? Кто это, Володь?

Устало вздохнув, Марш потёр красные от недосыпа глаза. Он начал рассказ с озарения ассистентов, которые выяснили, что глаза Мнемогемнона движутся в конкретном направлении. Понимая, что рой сверхъестественных насекомых столь синхронно может двигаться только в направлении очень большой, и наверняка очень могущественной, аномалии, он взял в сопровождение самую мощную МОГ в штате Зоны.

Уже в пути ему позвонил Одинцов, жалуясь на то, что его никто не предупредил. Это говорило о том, что командир группы «Шторм» не написал даже строчки протокола, который необходимо было предоставить Смотрителю перед отъездом, иначе Денис обматерил бы Владимира ещё на выезде с территории учреждения. Тогда доктор не придавал этому значения, обвиняя в этом собственную торопливость.

Позже, уже по прибытию на место возникновения Комплекса, Марш решил разделить отряд под предлогом осмотра периметра, на что Усачёв взглянул с явным неодобрением. Это можно было расценить как недовольство пренебрежением нормами безопасности, но Марш уже начал почувствовать неладное, в прочем, обвиняя в этом воздействие Комплекса.

После столкновения с Верой, Аврора спросила Владимира, зачем он рассказал ей про досье. Специалист ответил, якобы он "хотел взглянуть на реакцию" ведьмы, и почти не соврал: глаза вслед уходящему короткостриженному видению.

Всё дело в том, что каждый сотрудник Фонда, поступивший на службу, прошёл не через одну сотню лекции, посвящённых истории борьбы с аномалиями. В соответствии с 36-ым пунктом устава Фонда «О безопасности и осведомлённости», все сотрудники Зон, Участков и прочих учреждений Фонда обязаны ознакомиться с имеющимися в архиве материалами

хотя бы на поверхностном уровне. Так, в Зоне 400, сотруднику, работающему на Нижних этажах, требовалось знать досье обо всех объектах своего этажа, что могло доходить до 500 сотен, а высочайшие уровни допуска увеличивали этот объём в десятки раз. Ни для кого не секрет, что Администраторы и их, так сказать, приближённые, пьют различные таблетки горстями, чтобы удерживать этот массив данных в уме.

Аврора, будучи примерной ученицей, была в курсе всех доступных её уровню секретности данных, а ведь некоторые документы, связанные с геноцидом тлеедов, находятся даже в классе 2-го уровня. Командир Усачёв, чей уровень допуска значительно выше Измайловой, должен был давно и досконально знать историю Зоны, Отдела «П» и Фонда в целом. Однако, в последующей беседе, на упоминание Марша о геноциде тлеедов, Усачёв лишь сослался на плохую совместимость с книгами. Это очень плохо состыковывалось с реальностью, где даже распоследняя уборщица, работающая в Фонде, знает о несметном количестве шкафов, набитыми скелетами, в истории Отдела «П» ГРУ.

Это говорило о том, что Усачёв явился в Зону 112, миновав четырёхлетнее базовое обучение, устроившись сразу на место предводителя МОГ. И это как никогда кстати клеилось с происшествием днём ранее, когда Марш, чувствуя, как на его шее сдавливаются створки медвежьего капкана, попытался связаться с Одинцовым в попытке предупредить последнего о наличии в его отряде крота. Устроившись возле полевой станцией связи, Владимир заметил, что в адресной строке открытого канала, спрятавшись в обилие цифр и случайных букв, можно было увидеть маркер о том, что сообщение, перед тем, как попасть к Одинцову, проходит через ещё один неизвестный приёмник. И пока Марш размышлял, как оповестить Смотрителя о появившейся проблеме, Усачёв, уже заметивший его нервоз, быстренько подбежал к нему и принялся выпытывать подробности его подозрительного поведения.

— Братан, — честно признался Марш, — я в тот момент понял, что рядом со мной шпион, возглавляющий двенадцать тяжело вооружённых человек. За плечами у меня сраный Таумиэль, сотрясающий землю, а всё что я знаю о СвОрах — это то, что они все абсолютно ёбнутые на голову.

Именно в этот момент Владимир и смирился с мыслью, что сделать в этой ситуации ему, в общем-то, уже особо и нечего. Опасаясь, что опытный боец легко учует его ложь, Марш решил говорить только правду. Поэтому он рассказал о том, что ему страшно хочется забухать. Принесённые Усачёвом две таблетки оказались обычным парацетамолом, который Марш принимал только в случае похмелья, то есть раз четырёста за время работы в Фонде.

Всё остальное время он вглядывался в стоящее у входа в главный корпус железное дерево. Находясь на противоположном конце участка, Древо Морали, раскачиваясь, оглядывала серую, затянутую тучами местность. Но чаще оно стояло почти неподвижно, направив взгляд через широкую, заваленную мусором и ржавыми сгнившими останками машин, аллею. Вдоль этой аллеи шли несколько корпусов, но самый большой из них был прямо по центру, на другом конце пути.

Во время спора с Авророй о том, как им лучше разделиться, Владимир уже осознал, что должен подойти к этому дереву. С разумными аномалиями важно не столько научное исследование, сколько попытка договорится о приемлемом поведении: **не шуметь и, желательно, не жрать людей.**

По какому-то чудному стечению обстоятельств, Древо обладало вполне себе мирным характером, и точно знало, когда собеседник врёт. Попытавшись применить всё своё

обаяние, Владимир вскоре понял, что провести манипуляции с древней аномалией не удастся. С другой стороны, в том не было необходимости, ведь главное, что его поняли и не убили в первые секунды общения.

В конце концов, учёный внутри Владимира взял верх над алкоголиком: рассказы железного дерева о заводе, о себе, об Отделе, о носителях, о взглядах на мир — всё это в миг вытеснило остальные мысли в голове доктора Марша.

Сжимая вспотевшими ладонями диктофон, Владимир спросил, может ли дерево помочь ему с устранением шпиона, которым оказался Усачёв. Дерево, конечно же, отказалось, объяснив, что устав обязывает её защищать только главный корпус.

— А что же делать с теми, для кого нет устава? — Спросил Марш, задирая голову, в попытке посмотреть аномалии в глаза.

И это был единственный раз, когда дерево не ответило.

С другой стороны, старший исследователь и не надеялся на помощь аномалии. Основная ставка была сделана на то, что следующий, кто прослушает эту запись (а за неё, учитывая ценность подобных интервью, будут рвать глотки), непременно узнает о личности шпиона.

— Где диктофон сейчас? — Округлив глаза, спросил Могилевич.

— У Оганяна.

— Отлично. План такой: я возвращаюсь в Зону 112, и используя свои полномочия, пишу запрос о помощи с компьютера Смотрителя. Такое обращение Администраторы точно не смогут оставить без внимания, и вышлют нам небольшую армию. Проблема в том, что полиция не оправилась ещё от последствий восставшего из мёртвых сварщика, а высланное подкрепление прибудет только через полтора дня. Я могу взять к себе в машину всех, кто не состоит в «Шторме», но здесь по-любому должен кто-то остаться, Марш.

— Объяснить отсутствие сотрудника в моей должности будет непросто, — заметил Марш. — Я останусь.

Кивнув, Могилевич покинул Владимира, широкими шагами направляясь в сторону Шихобаловой.

Главный корпус, минус-девятый этаж, 18:00

Нежилец двигался по длинному слабо освещённому коридору. Его разум, освобождённый от плоти, ледяными ручьями тёк между слоями материи. Остаток сознания, постигнувший свою суть лишь спустя полторы тысячи лет после собственной смерти, мог созерцать чудо инженерной мысли. Это был, в прямом смысле этого слова, ЖИВОЙ памятник человеческому эго.

— Все вещи, происходящие с нами имеют смысл, — говорила ему Гетера спустя тысячу лет после их первой встречи.

Он наткнулся на неё в шумном ирландском баре. Расследуя какое-то очередное дело, по поручению старшего Инквизитора, он прибыл в отдалённый городок, стоящий на зелёных холмах. Раньше работа Странников, как тогда называлась их должность, не предусматривала наличие у профессионала семьи и дома. Расследование могло уйти в другую страну, на другую сторону земного шара. Странник мог не возвращаться десятилетиями.

Нежилца это более, чем устраивало. Он нашёл себе работу, на которой мог коротать столетия. Он гнался за самыми опасными аномалиями! Иногда он мог пуститься в поиски очередной нечисти, и ради этого потратить десятки лет на внедрение в новое общество, ради

выгоды в этом деле. Иногда он возвращался в свой отдел Инквизиции, и оказывалось, что старший Инквизитор умер, а операция была строго засекреченной, и Нежилецу приходилось тратить ещё двадцать лет на возвращение доверия своего Круга.

Годы начали разгоняться до планетарных скоростей. Однажды он зашёл в один пар и увидел её. Всё в том же белом платье, она балериной кружилась на столе, под аккомпанемент пьяной толпы, справляющей какой-то праздник. Затаив дыхание, Нежилец подходил ближе, сопровождаемый живым исполнением народной музыки: у нескольких особо весёлых мужчин были инструменты. Поймав взгляд Гетеры, он заставил её остановиться. Музыка затихла, несколько голов обернулись, вопросительно глядя на вошедшего.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. А затем она спросила его, говоря на том древнем диалекте, который уже тысячу лет никто на Земле не слышал:

— Ты пришёл за мной?

— Нет. Но я рад, нашей встрече.

Ловко прыгнув со стола, Гетера подбежала к нему, чтобы крепко обнять.

— Прости, что оттолкнул тебя тогда, — сказал он, сжимая её в объятиях.

— Я и не вздумала злиться.

Они заказали напитков, присели за стол, и стали говорить. Спустя три бутылки вина, они перешли на виски, и Гетера сказала, что жизнь, как явление, совсем не бессмысленна.

— Посмотри на все эти предметы, которые они изобрели. Видел когда-нибудь воздушный шар? Дух захватывает! В отличие от нас, смертным приходится передавать знания при помощи устных наставлений и письма. Каждый из них должен что-то оставить следующему поколению, чтобы их род продолжался. Жизнь каждого полна смысла.

— А мы? — спросил Нежилец, отпивая из стакана жгучий напиток. — Много ли в нас от людей теперь.

— Ну, — ведьма окинула взглядом бар, — мы отлично сливаемся с ними. Логично будет подумать, что мы на них всё ещё очень похожи.

— Я имею в виду, есть ли смысл в столь долгой жизни?

— А жизнь сопровождается покоем или волнением?

Нежилец вспомнил о причинах своих путешествий.

— Волнением, в основном.

Запрокинув остатки бокала, Гетера ответила:

— Тогда смысл жизни не велик.

— Почему же?

— Волнение — самая бессмысленная штука из всех.

С этими словами, ведьма громко рассмеялась, а ему почему-то было совсем не смешно.

Теперь же, двигаясь сквозь толщу из ледяной арматуры, окружённой слоем бетона, он понял, что его появление здесь и было смыслом жизни. Комплекс тянул его к себе по причине самого факта его существования. Ибо он был создан, чтобы включить в себя даже самые мощные аномалии.

Снаружи, под открытым небом, стояли несколько величавых корпусов, источая клубы дыма. Вход в его недра охраняло существо, которое верило в то, что оно не может лгать. Само Древо также верит, якобы оно прибыло из другого мира, что также не является истиной. Нежилец прошёл сквозь него часом ранее, и ясно увидел, что оно было сделано из вполне себе человеческой колючей проволоки и троссов. Эта аномалия абсолютно

рукотворна и вполне способна ко лжи, но хитрецы, давшие ей жизнь, убедили её, что она не такая, как они.

Чем дальше под землю уходили корни Древа, тем более могущественные силы населяли оплетаемые коридоры. На первых пяти подземных этажах работали люди. Обширные корпуса, уставленные производственными станками с неизвестными принципами работы. Туалетные комнаты, душевые, мест для сна, два госпиталя, множество кабинетов, и, — самое главное, — пустая шахта, где, очевидно, раньше располагался лифт.

Следующие пять этажей принадлежали глубинному персоналу, людей, которые не должны покидать комплекс до конца своих дней. Люди, намертво приращённые к Комплексу. По задумке архитектора Новикова, которого Нежилец видел лишь раз в жизни издалека, мощь Исполнителя продлевала бы им жизнь, в обмен добросовестный труд. Глубинный персонал получал указания через железные корни, прорастающие в стенах. По этой причине планировалось отвести для них с шестого по сто сороковой. Эти этаже по размеру, конечно уступают Нижним этажам Зоны 400, но их обилие предусматривает целую систему вертикального транспорта ради скорейшего перемещения.

Всё, что было ниже не предусматривало нахождения людей. Коридоры тянутся в бесконечность, а этажи связаны между собой шахтой шириной в пятьсот метров. Дальнейшее количество этажей может выражаться в совершенно невысказанных цифрах, но известно точно, что в самом низу этой шахты располагается Исполнитель. Окруживший себя бесконечностью он вбирает в свои бетонные сети всё новые и новые аномалии, запирая их в бесконечные лабиринты белых коридоров. Никто не выберется отсюда, без его воли.

Нежилец понял, что люди затеяли неладное, когда они начали давить т. н. внутренних врагов. Гонения носителей, ведьм и Шаманов, с которыми их Орден когда-то объединялся в борьбе с Исполинскими аномалиями, вызвали в его душе сомнения и тревогу. Пытаясь выяснить причины такого поведения, он, прорываясь через множество слухов и документов, представляющих "официальную позицию", вскоре наткнулся на обрывки плана, сопровождавшего проект Новикова.

— Ты не понимаешь, — сказал он Гетеро в их вторую встречу, — фундамент этой постройки стоит на крови. Они поручили мне вывоз на территорию Германии одной страной технологии, которую, я уверен, они получили, исследуя запертый голос Мнемогемнона. Пришлось соврать, что я был атакован силами противодействующих сил внешнего врага, — на них эта отмазка всегда работала.

Однако, груз всё же попал в Германию. Спустя много лет, он будет приведён в действие, и спровоцирует то, что в засекреченных папках Фонда будет описываться как выход Роя: полчища глаз вылезли на просторы городов. Тогда для Нежилца локализация этого инцидента была делом чести.

Но в тот день, он мог лишь сказать:

— Они собираются построить что-то очень большое и злое.

Гетера лишь улыбнулась:

— Ты слышал о Вавилонской башне?

Во второй раз она сама нашла его. Сказала, что соскучилась.

— Кто-то очень не хочет, чтобы я туда попал, — предполагал Нежилец, — некто очень боится моего вторжения.

Глава XXXI: And all the light will be, will be...

— Я заметила однажды, как зимой кусты сирени, расцвели как будто в мае, ты мне веришь, или нет? — Людмила Берлинская "Ты мне веришь?".

Дверь в камеру медленно открылась. Вошедшая следом за спокойной Гетерой сестра Полдень, увидела одиноко сидящую фигуру. Обезьяноподобный человек тихо сидел в камере, глядя в пространство.

— Кто это? — Шёпотом спросила Полдень.

— Носитель тлецов. Вернее, один из первых.

— Что? — Оторопела женщина разглядывая существо, сошедшее с учебника древнейшей истории.

— Тлецы продлевают жизнь, оказывая воздействие на человека, но самое сильное воздействие распространяется на того, чьё сознание не забито мыслями, логическими связями и ассоциациями. Мне тысячи лет, а вот ему — сотни тысяч.

— Он должен быть чрезвычайно могущественен! — Поразилась женщина, прижимаясь к противоположной стене.

— Да, — со скучающим видом отозвалась ведьма, — но его амбиции сведены до нуля. Ему не нужно есть, размножаться, ходить в туалет, его род не понимает ни праздников, ни искусства. То, что заставляло его сородичей двигаться вперёд, теперь не имеет смысла — тлееды дают ему всё. Вот причина, по которой наш с тобой вид преуспел: нам постоянно мало, нам вечно нужно куда-то бежать. И всё же, как мы видим, простое спокойствие ценится в этой вселенной больше всего. И поэтому, влияние тлеедов так ничтожно на современного человека. Беспокойства замутняют поток сознания, и с этим тлееды уже ничего не могут поделать.

Полдень обречённо опустила глаза. Гетера, подошедшая к ней, взяла её за руку.

— Твой внук проявил невероятную силу, и спас вторую дочь твоей сестры. Понадобится время, пока чтобы выйти на поверхность, но я вижу, что он справился. Паразиты указывают ему путь.

— А как же моя сестра? А её первая дочь, Эрион?

— Твоя сестра прислушалась к голосу матери внутри неё самой. Она шагнула в ту часть бытия, где осталось сознание Эрион. А колония тлеедов, бушующая здесь, выберется ещё не скоро. Не нужно волноваться. Просто дыши.

Когда дыхание сестры Полдень выровнялось, Гетера тихо, чтобы не шуметь в присутствии предка, закрыла дверь изнутри. Поманив за собою женщину, она присела на кушетку рядом с древним носителем, предложив Сестре устроиться рядом.

Её история начиналась с тех времён, когда ещё не существовало наций, религий и государств. Когда люди ходили по жаркой земле, принося и унося все свои незатейливые инструменты. Когда мужчина охотился, а женщина хранила очаг. Когда всё было одновременно простым и непостижимым, понятным и непредсказуемым.

Однажды в их племя пришли гордые войны с другого конца долины. Они желали найти себе союзника, чтобы отправится охотой на крупного зверя. Жестами они объяснили, что у него острые рога и огромные крылья. Он пожирает людей. Истребим же его!

Вождь племени предложил в помощь своих сыновей, но те отказались, сказав, что бойцы недостаточно крепки для битвы. Рассмеявшись, вождь отправил с ними свою дочь, пообещав, что она женится на том, кто убьёт зверя.

Один из Войнов, самый гордый, решил убить зверя и заполучить сердце красивой девушки. Толкнув товарищей, он сообщил, что с радостью примет в отряд ту, что спустя тысячу лет назовётся Гетерой.

Но планам не суждено было сбыться. Спустя четыре дня пути, они застали зверя в его логове. Огромными когтями чудовище раздирало своих жертв, насаживая их на рога, сбрасывая с высоты в полёте. Метко отправленные стрелы не могли пробить толстой шкуры, остро заточенные копья ломались одно за другим. Войны были опытны, но зверь был сильнее.

Испугавшись за свою жизнь, Гетера мановением рук заставила тело чудовища вывернуться на изнанку, и упасть на землю с противным хлопанием. После чего раствориться в порывах ветра, молнией возвращаясь в своё племя.

Дочь честно призналась вождю, что все охотники мертвы, но она ошибалась. Тот самый воин, что согласился взять её в жёны, пришёл в себя истекающим кровью. Уязвлённый в лучших чувствах, он дополз до ручья, промыл раны и как следует отдохнул. Спустя две

недели он вернулся в свой лагерь. Спустя пять лет, после смерти отца, также являющегося вождём, он собрал своё племя в поход против людей на другом конце долины. Он предлагал пожрать из сердца и присвоить их силу себе.

Но когда они явились на чужую землю с оружием, племени уже и след простыл. Тогда гордый воин погнал своё племя дальше. Они покинули долину, прошли через густой лес, пересекли горы. Гордый воин встречал на своём пути шаманов и колдунов, прося у них помощи в войне с племенем носителей. Те кто, соглашались на его уговоры, делились с ним силой. Те же, кто посмел отказаться, расплачивались собственной жизнью.

Шли годы, и вот им удалось настигнуть их. Молодое, ни разу не постаревшее племя, обошлось с ними жестоко: войско варваров было уничтожено, а их гордый предводитель бежал. Слеплённый амбициями, он принялся постигать природу вещей. Последний представитель своего племени совершал обряды, читал заклинания изменял структуры тела и сознания, в попытках превзойти силу носителей.

Время от времени, ему удавалось застать племя врасплох, и убить пару-тройку жителей, но те становились лишь сильнее.

Шли столетия, сменялись поколения, основывались города, рушились цивилизации. Племя тлецов распалось, оседая в чужих общинах и умирая в различных ситуациях. В какой-то момент, Гетера осталась одна.

Скитаясь по планете, она выбрала себе имя, чтобы жить среди новых, освоивших речь людей, но преследователь и не думал что-либо менять в себе. Гонимый гордостью, он пожирал всё больше сердец, в надежде заполучить больше силы. В своих поисках, он давно утратил воспоминание о том, что зверь, на которого когда-то охотились его братья, теперь уже казался бы назойливой мухой, — настолько он стал могущественным. Проходя через множество трансформаций, он постепенно терял человечность, обращаясь в существо, в котором уже нельзя было разглядеть война. Старческое тело, жизнь в котором поддерживалось паразитированием на силах природы.

Этот остаток человека, направляемый корыстью, объединял вокруг себя людей, подобных ему: напуганных осознанием своей слабости. Он направлял их на священную войну, смысл которой состоит в простой ненависти к тем, кто сильнее нас. Ведь сила означает, прежде всего, уверенность, а это прямой путь к спокойствию, и как следует, счастью.

Она не боялась его. Когда он, или его клеветы приближались слишком близко, она брала кости своих предков, и уходила. Можно было бы назвать это бегством, но она боялась лишь беспокойства, так как отец сказал, что это обратная сторона расчеловечивания. А что может быть хуже потери человечности?

В попытках призвать на свою сторону всё более могущественных тварей, гордый человек, уже в виде лесного колдуна, слившегося с деревом, совершил Вскрытие, развернув дыру в другой мир. Оттуда он выпустил исполинского роста чудовище с тысячей глаз и способностью проклинать материю словом. Однако монстр, назвавшийся Мнемогемном, совершенно не горел желанием прислуживать к высохшему от времени старику. И стал нести смерть под собственным знаменем.

Спрятавшись в горах, неподалёку от портала, Гетера наблюдала, как люди объединяются в стаи, а затем и в армию, чтобы противостоять силам зла. Она боялась вмешиваться в ход вещей, боялась лишней раз испытать отдавать сознание мрачным мыслям, но появление на кипящих болотах трёх отколовшихся от тел душ, было воспринято

как вселенское знамение.

Столкнув неуёмную силу Мнемогемнона с вихрями, гуляющими на дне волшебного озера, она в один миг заставила чудовище исчезнуть, а его войско обратится в изуродованные изваяния, покрывшиеся коррозией. Она продемонстрировала гордому колдуну, чего стоят его усилия, избавив планету от ужаса, который он выпустил. Оставив Нежилца лежать разбитым у подножия горы, она переместилась к слившемуся с деревом Колдуну, дабы сказать ему:

— Видишь? Твои дела не приводят ни к чему хорошему. Ты изуродовал себя, ты уродуешь мир. И всё же, посмотри, как легко миру оправиться от твоих увечий. Тебе нужно принять этот мир, и научиться любить его, а не пытаться его изменить, паразитируя на нём.

Но колдун лишь всё глубже опадал внутри массивного древесного ствола. В порыве ветра Гетера услышала его голос:

— Однажды я превзойду тебя.

Следующую тысячу лет она провела в заснеженной пустыне ледяного континента. Вечно пустой и неизменный, он оберегал её от каких — либо вторжений в размеренную жизнь, где сотня лет проходит как один день. Когда же она решила выбраться в цивилизацию, не прошло и сотни лет, как она встретила Нежилца.

— Люди часто говорят, что земля мала, — поделилась она с ним, глотая виски в ирландском баре, — но и представить не могут, насколько.

Минула ещё несколько веков, и она, ощутив возмущения в течении атомов, которые Гетера научилась замечать, находясь в эпицентре, раскрывающегося портала, поняла, что близится очередная катастрофа. Она была спокойна, но хотела предотвратить возможные человеческие жертвы. Отыскав Нежилца, она узнала о планах на строительство безумного учреждения, и всё поняла.

— Этот гордый воин и есть тот, кто построил этот каземат? — Шёпотом спросила Полдень.

— Нет. Он и есть этот каземат. Каждый атом этого места держится на силе обезумевшей гордости и бесчеловечного самомнения этого человека. Бессмертная, покрытая кровью душа, застывшая в ржавом железе и бетоне. И сердце его в самом низу огромной шахты, соединяющей бесконечное число этажей.

Полдень прикрыла руками рот.

— Какой ужас.

— Ужас? Нет. Вот когда я заперла по ту сторону завесы, тогда был ужас.

Когда Гетера осознала ту силу, которую удалось подчинить колдуну, спасти кого-либо уже было поздно. Отдел "П" не зря прятал следы Комплекса от глаз Нежилца. Исполнитель, как теперь называли её преследователя, чётко понимал состояние того, что осталось от странника, одержавшего победу на Мнемогемноном. Осознав свою природу, Нежилец мог бы беспрепятственно вторгнуться во владения Комплекса, так как в этом случае, у него бы уже не было тела. И это означало бы полную незащитность для сердца Исполнителя.

В очередной раз прибегнув к силам природы, взывая к Нулевому закону, Гетера скрыла под завесой весь Комплекс имени Новикова. Она снова использовала неудержимые амбиции Исполнителя против него самого. Он притягивал самые могущественные аномалии, а завеса, способная скрывать целые куски реальности, была первой из могущественнейших аномалий. Схватив реку бытия, Гетера приложила все свои усилия, чтобы направить её против Комплекса.

Однако малейший толчок в виде присланного кем-то послания извне, сместил чаши весов, и Комплекс вскоре вышел из-под её влияния. По меркам жизни Гетеры, её триумф был мимолётным. Однако, пока ведьма держала в руках сердце Исполнителя, она ощутила всю его тяжесть и обречённость мыслей, что тянули его к земле. После стольких лет, сменив множество тел, гордый воин по-прежнему пытался превзойти мир, не понимая, что его существование проистекает из самой сути этого мира.

— Бесконечные возможности открываются перед дураками, что спорят с Богом, — молвила Гетера, заканчивая свой рассказ.

— И что же ты будешь делать теперь? — Спросила Полдень.

— Отправлю тебя домой. А сама пойду к шахте, дожидаться своего бессмертного друга. Вместе нам предстоит пересечь бесконечность вниз по шахте. Кто знает, возможно, на это уйдёт ещё тысяча лет.

— Хватит ли ваших сил, чтобы остановить Исполнителя? — Взволнованно прошептала женщина.

— Никто не может остановить нас, кроме нас самих.

Комплекс рост, Центральный корпус, 19:40

Спрыгнув из окна первого этажа, Константин двинулся вдоль красной кирпичной стены, освещаемой медленно заходящим солнцем. Отыскав в куче мусора, тянущейся вдоль здания, сумку, он положил туда голову Веры и направился к аллее.

Поздоровавшись с железным деревом, мальчик поблагодарил его за помощь, получив в ответ несколько добрых напутствий. Пройдя бодрым шагом по аллее, он ощущал присутствие рядом Исповедников Ржавчины, но не придавал этому значения, будучи уверенным в прочности завесы.

Оказавшись у главного входа, он прошёл через главные ворота, уверенно идя навстречу направленным на него автоматам. Дюжина тяжело вооружённых оперативников не сводили с него прицелов. Несколько красных точек расположились у него на груди. Остановившись перед толпой солдат, среди которых был один знакомый человек в белом халате, он медленно поднял руки, держа в одной из них подобранный саквояж.

Доктор Марш, выйдя вперёд, дал команду не стрелять. Подойдя к мальчику, он осторожно спросил:

— Где же та симпатичная девушка?

— В сумке.

Заплывшим чёрной смолой глазом, Константин наблюдал, как лицо Владимира медленно приобретает выражение ужаса.

— Как же так? И что с твоей рукой?

— Это не важно. Веру ещё можно спасти! Достаньте мне столько человеческой крови, чтобы я мог наполнить целую ванну. В обмен расскажу всё, что захотите.

— Наше учреждение находится под прикрытием банка крови. Раздобыть такой материал будет не сложно. Да что там, я своей поделюсь, если нужно будет.

— Подойдите ближе.

Затаив дыхание, Марш сделал шаг вперёд, вставая между мальчиком и прицелом Усачёва.

— Этот тип, — Константин посмотрел сквозь тело доктора на командира, — не тот, за кого себя выдаёт.

— Я знаю. Нужно подождать, пока придёт подкрепление.

— Можно отойти к тому дереву и заманить их в засаду. Пяти-шести человек хватит, чтобы наполнить корыто, в котором раньше мешали бетон.

— А можно без лишних жертв? — Спросил Марш, переходя на шёпот. — Всё-таки, шпион тут только один.

Переведя взгляд на доктора, Константин посмотрел ему в глаза.

— А если будет слишком поздно?

— Для Веры или для нас?

— Для меня. Я не переживу пули в лоб, ровно как и её смерти.

— Н-да, — Владимир потёр лоб трясущейся рукой, — а я-то думал, у меня сложное положение. Ладно, отойди пока что на территорию, а я переговорю с бойцами.

Дав Константину уйти, Марш вернулся к Усачёву.

— У тебя на роже написано, что ты опять что-то задумал, — неодобрительно высказал командир, — чего этот пацан наговорил тебе?

— Что среди нас есть шпион, — выплюнул Владимир, подходя ближе к Усачёву.

Невольно сжав рукоять автомата, командир смерил его взглядом.

— Что за бред? — Возмутился он, смотря то на Марша, то на отдаляющуюся субтильную фигуру мальчика, то на траву у себя под ногами. — Ты умом тронулся!

Солдаты вокруг начали заметно суетиться.

— Тебя раскрыли, командир. Очень давно.

Глаза Павла презрительно сузились.

— Не-у-же-ли, — протянул он, — что же меня тогда не повязали?

Владимир засунул руку в карман халата.

— Сам знаешь, — процедил он, нащупывая пистолет Могилевича, — бюрократия.

Глава XXXII: Удел смертных

«Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в океане-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках.»

— Александр Сергеевич Пушкин, "Сказка о рыбаке и рыбке".

Подземный этаж № 10438. Зал, прилегающий к Центральной шахте.

Комплекс "Рост", Центральная связующая шахта.

В полном одиночестве Гетера прогулочным шагом брела вниз по бесконечно длинной шахте. Серые бетонные кольца, радиусом в добрые триста метров, накладывались друг на

друга, образуя этажи. По всей длине шахты, на стальной колонне в центре, вращались огромные прожекторы, распространяя аномальный свет, проходящий сквозь стены и перекрытия, заменяя Исполнителю систему визуального наблюдения.

Босые ступни ведьмы ступали по вертикальной поверхности также уверенно, как и в день, когда она столкнулась с Нежилецом и его товарищами.

— Господи, — воскликнула Гетера, глядя в зияющую пропасть тоннеля, — какой же ты глупец! Тебе не удалось убить меня в сеансе вскрытия, и ты решил раскрыть бездну, чтобы убить нас обоих. Безумец!

На территории древнего племени, в которой родилась Гетера не было ни письменности, ни прав, ни законов. Когда ты вооружён лишь жестами и мимикой, всё, к чему ты можешь призвать человека — это твои собственные чувства. Ты не можешь врать или приукрасить. Ты либо смеёшься, и другие начинают смеяться вместе с тобой, либо плачешь, но не в одиночестве.

Предки Гетеры были невообразимо сильны. Они могли жить где угодно, потому что всегда трансформировали реальность под себя. Подвинуть реку. Проложить путь через горы. Присущие всем людям амбиции росли, и вскоре племени пришлось столкнуться с последствиями. Разрушительные катаклизмы сметали всё на своём пути, унося за собой древних носителей. Даже дисциплина смещения не могла спасти рьяных конструкторов реальности от штормов, землетрясений и безумствующего неба, насылающего грозы.

— Ударишь море, и вернётся цунами! — Говорила Гетера спустя тысячу лет подрастающему поколению носителей. — Ударишь лес, и всё, что его населяет, проклянёт тебя. Не бейте также и землю, потому что она разверзнется и проглотит вас! Поняли?

И трое маленьких детишек, испуганно махали маленькими головами.

С огромной силой не должна приходиться власть или какая-то особая ответственность. Достаточно того, чтобы великую силу уравнило также и великое спокойствие.

Давным-давно, когда Старейшие узнали, что к ним движется отряд, возглавляемый гордым воином, Вождь сказал так:

— Мы, конечно, можем порвать их задницы в клочья, — сообщал он жестами всем собравшимся, — но будет проще, если мы просто свалим.

— Почему? — Кто-то из толпы замахал руками. — Давайте просто поймем пару стай здоровых кабанов, и закидаем их до смерти!

— Согласен, это будет весело, — ответил Вождь, — но я боюсь, имея за душой всех этих убитых, я стану хуже спать.

Необходимо быть чрезвычайно аккуратным, когда манипулируешь силами природы. Вечный преследователь, теперь носивший имя Исполнитель, в попытках увеличить свою мощь, заключал всё больше договоров с необъяснимыми силами. В конце концов, он затребовал у вселенной бесконечное количество пространства, используя несколько аномалий-репликаторов. А мать Вселенная, как известно, имеет отличное чувство юмора. Сотворив внутри Комплекса неистощимое число этажей из бетона и стали, вишенкой на торте она положила младшую дочурку Гравитацию. В одно короткое мгновение вся эта масса обратилась сингулярностью, и схлопнулась в чёрную дыру, границы которой удерживались силой самого Исполнителя. Нарушая законы пространства, Комплекс мог предоставить несколько десятков тысяч совершенно пустых этажей. На некоторых из них, в результате сеанса Реструктуризации, обосновались твари самых разных форм и размеров. Однако, где-то должен быть этаж, после которого начинается полнейший метафизический

хаос. Уставший, но не теряющий зоркости взгляд Гетеры тонул в далёком пространстве, где огромный тоннель сходил в точку.

Некогда сильное молодое тело обратилось монолитом ледяных железобетонных конструкций, а горячее сердце сжалось в бесконечно тяжёлый пласт бытия. И лишь гнев и досада нависали тучами над просторами Комплекса. Таков конец её вечного преследователя — скучный и бесславный. Утопленное в сингулярности сознание, ведомое помрачённым умом.

— Ты могла себе представить такое? — Чьи-то потоки сознания тёплыми потоками коснулись её ушей.

— Мой неживой друг, — улыбнулась Гетера, — я держала его тяжёлое сердце в своих руках на протяжении полувека, и гадала, что же с ним стало. Теперь мне всё ясно. А что насчёт тебя?

— Ты пыталась тысячу лет донести до меня, что я не тот человек, которого постигло несчастье. И вот, кажется, я понял, кто я.

— Мне очень интересно узнать, как ты обрёл понимание своей сути, — призналась ведьма, — прогулка предстоит долгой, у нас может уйти целые месяцы, чтобы достигнуть сердца того, кто считает меня своим врагом.

Сознание Нежилца потоком омывало бетон под ногами Гетеры, делая его чуть теплее.

— Первые пять лет после пропажи Комплекса, — ответил он, — я тщетно пытался с тобой связаться. Я пересёк в поисках твоей персоны все континенты...

— О, я была на самом южном из них. Мне требовалась полная, беспредельная тишина, чтобы удержать этого псевдобога под покровом Завесы.

— Твоё причастие к происходящему я, к сожалению осознал значительно позже. Вскоре, после пропажи Комплекса, произошла трагедия. Я случайно оказался под влиянием объекта, в который был заключён проклинаящий голос Мнемогемнона.

— Случайно ли? — Философски добавила ведьма.

— В этот момент, — продолжал Нежилец, — в моём уме впервые прозвучал вопрос: как я могу осознавать себя, если Я умер? А если погибло только моё тело, где же Я находился до этого? Все эти мысли привели меня в давно забытое чувство паники и деперсонализации. Я обратил на себя слишком большое внимание, и спустя всего несколько минут, был схвачен с помощью стула, который должен был вытянуть из меня всю жизнь.

Когда до Орловой дошло, что человек не собирается иссыхать, как прочие жертвы стула, она приказала запереть его в самой глухой камере. Если не считать несколько интервью, которые проводила Ольга, можно сказать, что следующие тридцать лет Нежилец провёл в полной изоляции. Он явно ощущал, как стул стремиться высосать из него все соки, и иногда даже казалось, что жизнь действительно покидает тело Нежилца. Но где это тело? Люди не замечали его до тех пор, пока он не обращал на себя их внимание, и складывалось впечатление, что каждый человек видит его по-своему. Что касается самого Нежилца, то он давно уже не видел своего тела и лица, но очень ясно ощущал его. Он точно знал, где находится его рука, где находятся его глаза, мог видеть, слышать и щупать, но... Как? Возродившись после битвы с Мнемогемноном, его разум позволял видеть своё тело, но со временем, спустя столетия, он забывал всё больше и больше фактов из своей жизни. И вот однажды, скитаясь по миру, он вдруг понял, что больше не видит своего тела. Смятение сменил ужас, когда Нежилец осознал, что совершенно не заметил того момента, когда тело перестало существовать, оставив лишь за собой лишь образ чувств и ощущений.

В камере Зоны 112 Нежилец провёл за размышлениями о своей природе тридцать лет. В этот раз, лишённый своих привычных занятий, он переживал каждую секунду в полной тишине, и, — о, Создатель! — как же долго тянулись эти секунды.

Невозможно даже предугадать, сколь долго он сидит в этой камере в одной из своих бесчисленных вселенных. Что, если план Орловой претворился где-то в жизнь, и его держат взаперти целыми тысячелетиями? С другой стороны, сколько бы версий происходящего не было, каждая из них рано или поздно придёт к тем же выводам, что и Нежилец во вселенной Евгения Стацкого.

Ощувив, как материя скорейшим образом опадает в небытие, он понял, одну простейшую вещь: чем бы он ни был, он не способен пережить эту вселенную. Потому что всё вокруг, включая него самого держится на силе этой самой вселенной. Это открытие прервало в его уме серию душевных истязаний, потому что буквально через два часа бытие прекращало своё существование. Какие ошибки? Какие успехи? Что это вообще такое? Как его всё это может касаться? Он никогда не умирал. Он появился на месте сожжённого эго, которое однажды прокляло и изничтожило неведомое человечеству зло. Он никогда не был тем человеком, которое полегло в схватке с чудовищем. Он тот, кто это чудовище победил!

Отправив послание в параллельный мир, он дождался гибели всего, и когда весь космос сжался до размеров замочной скважины, просто отпустил ситуацию, ибо держатся больше было не за что.

Так Нежилец в этой вселенной, запертый в камере, получил послание от себя самого. Обычное зеркало. Он смотрел в него, не наблюдая отражения, и задавался вопросом, кто же тот, кто видит? Если тело является иллюзией, которую окружающие принимают за тело, то что воспринимает стул, на котором эта иллюзия сидит? И как эта иллюзия может сидеть?

Переходя от слова к слову, совершая робкие ментальные шаги по своим мыслям, Нежилец понял, что есть только один способ увидеть истину о своём существовании, — это просто хорошенько всмотреться в то, что ты ощущаешь как себя самого. Его разум в течении полутора тысяч лет переваривал раз за разом неизмеримое количество впечатлений и понятий. Каждое слово, каждая мысль была прожёвана миллионы раз, и расшатанный ум продолжал это ежесекундно.

Сидя перед зеркалом, Нежилец понял, что в его уме нет тех ответов, которые он так ищет. И никогда не было. Какие ответы могут быть в толще мыслей о прошлом и будущем? Все эти предположения, догадки, крамолы и догматы — всё это удел смертных. В этом мире для Нежилца не осталось ничего нового. Он тысячу раз обдумал свою смерть и ту невыносимо долгую жизнь, что была после. И лишь сидя взаперти, прикованный самой судьбой к старому деревянному стулу, он понял, что его ум, как и бывшее когда-то тело, — лишь иллюзия. Привычка, оставшаяся от того человека, которым он на самом деле никогда и не был.

И на вопрос, кто же тогда тот, кто видит, ум Нежилца, кажется, просто сломался и... исчез. Стул обьяло пламенем. Стекло, покрытое слоем амальгамы, разлетелось на куски.

— Так кто же ты, в таком случае? — Спросила Гетера, когда Нежилец закончил свой рассказ.

— Я не знаю, — признался голос. — Я способен распознать каждый атом этой планеты, могу просочиться сквозь самые твёрдые материи. Я наблюдаю волны, управляющие пространством, и вижу, как они подчиняются первейшим принципам бытия.

— Каким образом? Ну же, давай, ты так близко подошёл к истине.

— Потому что...

— Ну?

— Я и есть бытие.

— Аминь, — насмешливо воскликнула Гетера, — он прозрел, услышьте все! Ты, как и всякое сознательное существо, — это автономная часть вселенной, которая способна наблюдать себя. Твоя аномалия состоит не в том, что ты бессмертен, ибо нет того, кто мог бы умереть. Твоя аномалия состоит в том, что когда вы трое легли на поле брани, поверженные врагом чрезвычайной силы, по закону равновесия, открылись дыры, сквозь которые первостепенная, фундаментальная суть бытия могла взирать на то, что с ней происходит. И поэтому Мнемогемнон не мог поразить вас ни своим оружием, ни своими проклятиями. Что ты чувствуешь теперь?

— Спокойствие.

— Добро пожаловать. И как долго ты желаешь сохранять свою индивидуацию?

— У меня больше нет никаких желаний. Я уже имел радость излить душу одному старику, тем самым прощаясь со своей человечностью, и сейчас, необременённый ничем, провожаю старую подругу в последний путь.

— О, какая честь. — Ответила ведьма. — Я рассчитывала на твою помощь, спускаясь в этот каземат. Нужен тот, кому не страшна губительная тяжесть агонизирующей материи. Этому эпохальному противостоянию должен прийти конец!

Комплекс рост, Пустырь перед главным входом.

Солнце медленно заходило за горизонт, освещая последними лучами лица Марша и Усачёва, стоящих друг напротив друга. Вибрация, распространявшаяся по участку, становилась ощутимее с каждой секундой. Владимир понимал, что однорукий пацан, вернувшийся из недр Комплекса с головой Веры, явно пережил какой-то кошмар. И если он смог выбраться, значит кошмар может следовать за ним по пятам.

Гул, доносящийся откуда-то из под земли, ранее был еле слышен, но теперь он нагнетал напряжение не хуже музыкального сопровождения из фильмов ужасов. Марш планировал дожидаться Могилевича с отрядом МОГ "Дождь", но ждать больше было нельзя. Солдаты вокруг нервно переглядывались, не решаясь вмешаться, а Усачёв не спешил что-либо рассказывать.

— Что за СвОр подослал тебя? — Допытывался доктор.

— Тебя не касается.

В голове Владимира крутились несколько вариантов, откуда мог прибыть Усачёв. Самым страшным для него являлась организация **Мясной Цирк**: креативные, но напрочь лишённые хоть каких-нибудь морально-этических понятий. Эти ребята построили карьеру на выращивании монструозных экспонатов из человеческих тел.

Вторым по списку шла пресловутая и назойливая **Длань Змея**. Хотя они орудуют, в основном, на Западе, их нельзя было недооценивать. Шпионов этой организации находили в самых защищённых филиалах Фонда, но что-то подсказывало Маршу, что командир "Шторма" был слишком туповат для того, чтобы входить в одну из самых квалифицированных организаций.

Маршалл, Картер и Дарк? О, да, они славятся своей любовью к подкупу и взяточничеству среди агентов Фонда. Мог ли старый советский объект вызвать их внимание? Не исключено. От этого клуба можно было ожидать чего угодно, но логично предположить,

что они бы подкупили кого-то более высокопоставленного, нежели стареющий вояка. Значит, у действующей против Зоны 112 организации должен быть не самый большой уровень финансирования. Это вызывало облегчение, потому что больше Мясного Цирка доктор опасался лишь **Повстанцев Хаоса** — ублюдков, наделённых практически неограниченной властью.

— Завод принадлежал ранее Отделу, — размышлял Владимир, всматриваясь в лицо командира, — значит твоё начальство должно было быть осведомлено о нём. Значит, это чисто "постотделовский" СвОр.

— Прекращай Марш, — выцедил Павел, снимая автомат с предохранителя, — убийства не входят в мои распоряжения.

Оперативники, стоящие рядом, взяли командира на прицел.

— Без глупостей! — Рывкнул Усачёв, вода дулом из стороны в сторону. — Ваши патроны холостые.

Несколько солдат, матерясь, проверили свои магазины. Кто-то выпустил пустую очередь в землю, заставив сорваться в полёт всех птиц в округе. Медленно отходя спиной к фургону, командир целился в своих недавних товарищей.

— Что ж ты делаешь, сука? — Прорычал доктор, махнув в сторону Комплекса. — Ты только погляди на эту махину. Ты хоть представляешь, что там может скрываться? Ты видел, в каком состоянии пришёл мальчишка?

— Кажется, Володя, работа Фонда отлавливать подобных ему, а не беседовать с ними, а?

— На что ты намекаешь?

— Ваша кучка бюрократов исчерпала себя. Сейчас я сяду в эту чёртову машину, а вы будете стоять смирно. В противном случае, доктор Марш, вам в скорейшем порядке придётся бросить пить, курить и ругаться матом.

— Исчерпала, говоришь? Так ты, стало быть, не просто тупой солдафон? Ты с идеями.

Держа Марша на прицеле, Усачёв на секунду отпустил цевьё автомата, чтобы открыть дверь фургона. Глянув на место водителя, он недоумённо произнёс:

— Твою мать, а где ж ключи?

— Обменял на это.

Раздался звук выстрела, и левое плечо Павла резко дёрнулось, пронзённое пулей. Закричав от боли, командир выпустил из рук оружие и упал на вытопанную траву, заливая её собственной кровью. Головы оперативников удивлённо повернулись к Маршу, сжимающего пистолет детектива. Лицо доктора выражало крайнюю степень испуга и замешательства.

— Аааай, гнилой ублюдок, чтоб тебя! — Стонал Усачёв, катаясь по земле.

Совладав с эмоциями, Владимир проговорил дрожащим голосом:

— Что вы стоите? Помогите ему. Он нужен нам живым. Нам нужно во что бы то ни стало продержаться до приезда Могилевича, слышите?

— Без лишних жертв, да? — Раздалось позади Марша.

Обернувшись, доктор столкнулся взглядом с Константином.

— Зачем ты вышел? Тут опасно!

— Думаете? — Ответил мальчик, окинув Владимира снисходительным взглядом.

Не в силах оторвать взгляда от сумки в руке Константина, Марш вспомнил про Веру.

— Зачем тебе столько крови? — Спросил он, убирая оружие в карман халата.

— Когда от Носителя остаётся одна голова, нужен материал, из которого будут создаваться новые клетки. — Пояснил пацан, ловя на себе косые взгляды оперативников, тащивших матерящегося Усачёва. — Так сказала Вера.

— Я читал, у вашего народа очень сильные способности к регенерации.

— Да. Тлееды могут видоизменяться, заменяя собой утраченные клетки. Но не в таких количествах. Мне нужна кровь как можно скорее! Литров двести, не меньше.

Проведя рукой по бледному, заросшему щетиной лицу, Владимир крепко выругался.

— Ох, дерьмо собачье. — Протянул он, доставая из кармана джинсов ключи от фургона. Подозвав одного из солдат, он отдал ему ключи. — Слушай внимательно, боец. Берёшь командира и этого пацана, и на всех парах мчите на базу. Доложи начальству о произошедшем. Я останусь тут, и буду следить за обстановкой. Когда приедешь, отведи мелкого к моему ассистенту, либо, к ассистентке Оганяна. Скажи, что я просил дать ему... Боже, не верю, что вообще говорю такое! Скажи, что я просил выделить из банка крови двести литров материала. Пацан знает, что с этим делать. Всё понял? Отлично, а теперь топайте. Пошли, пошли!

Глава XXXIII: Послушайте!

"Ведь, если звезды зажигают - значит — это кому-нибудь нужно?"

— Маяковский Владимир Владимирович, "Послушайте!"

Комплекс "Рост", вход в Центральный корпус, 22:35

Привалившись спиной к стволу железного дерева, доктор Марш устало прикрыл веки. Вспотевшие пальцы правой руки скользили по прохладному металлу пистолета, лежащего в кармане халата, покрывшегося пылью и грязью. Ему никогда ещё не приходилось стрелять в людей, и произошедший часом ранее инцидент выбил из него последние остатки сил.

Группа "Шторма" покинула его, взяв на борт раненного командира и искалеченного мальчика. Он не волновался насчёт их судеб, так как знал, что в Зоне 112 находится Антон, а значит всё будет под контролем. Опытный детектив непременно допросит Усачёва, и не даст в обиду пацана. Также, он не откажет и в просьбе о воскрешении Веры — Фонд в одинаковой мере заинтересован как в знаниях о Комплексе, так и в знаниях о таинственном клане тауматургов.

Сверкая зелёными искорками-глазами, Железная маска, венчавшая ствол Древа, обратила взгляд на человека, усевшегося под её колючими ветвями.

— Усталость, — констатировал женский голос, — чувство, незнакомое моим металлическим сокам.

— Тяжёлый день, — отозвался Владимир, позволяя векам закрыть от него внешний мир.

— А это чувство мне знакомо. Однажды, ещё на первых днях работы в этом учреждении, Исполнитель укоренил свои силы глубоко под землёй, и на некоторое время, природный механизм Завесы пошатнулся. Несколько десятков ходячих останков, покрытых коррозией, оказался на поверхности бытия, и мне пришлось сражаться с их неистовством в компании смертных.

— Расскажите об этом Исполнителе, — попросил доктор, борясь с желанием заснуть.

— Я не могу.

— Тогда расскажите о себе.

— Да было бы что рассказывать. Я прилетело сюда верхом на падающей звезде тысячу лет назад, и пустило корни в эту землю, по обоюдному соглашению с Исполнителем.

— Звучит очень красиво. А откуда вы прилетели?

— С неба.

Открыв глаза, Марш поднял голову, пытаясь разглядеть металлическое "лицо" дерева.

— Я понял, что с неба. А с какой части космоса вы явились? — Вопросил доктор.

— Космоса? — Переспросило Древо, слегка качнув кроной.

— Ну, да. Типа, можно указать определённое созвездие, или планету, откуда произрастает ваш, так сказать, род?

На секунду повисла тишина.

— Я не совсем понимаю, о каких вещах вы говорите, — призналось растение. — Я прибыло сюда верхом на звезде.

Сон, уже почти одолевший Марша, вдруг начисто исчез. Вскочив на ноги, он всмотрелся в искорки "глаз" дерева.

— Ближайшая к нам звезда — это солнце, — сказал он, указав на запад, где небо ещё

сохраняло остатки зарева, — это огромное облако пылающего вещества, там не может быть жизни. По крайней мере в том виде, который есть на Земле. Однако под "падающей звездой" люди предполагают, как правило, метеорит или астероид. Однако, это явление редкое, и оборачивается катастрофическими разрушениями.

— Я не понимаю ваших речей.

Кусочки пазла медленно собирались на уставших извилинах Владимира.

— Исполнитель не существовал тысячу лет назад, кем бы он ни являлся. — Пояснил доктор. — Возможно, он существовал в виде аномалии, но непосредственно "Исполнителем" он стал только ввода этого Комплекса в эксплуатацию, 1967 году. В августе 1971 года завод исчез.

— Да, — искры в глазницах Древа померкли, показывая, что растение погрузилась в омут собственной памяти. — Одиннадцатого августа. Это был сущий кошмар...

— Послушайте, — вдруг сказал Марш, хватаясь за те части двух ветвей, где не было шипов, — вас обманули. Ваш, так называемый, ствол сделан из обычных советских тросов. Колючая проволока, составляющая ваши ветви, используется по всему миру, для ограждения тюрем, вроде этой.

— Тюрем? — Голос Древа Морали дрогнул.

— Да. Вы даже не представляете, сколько на Земле таких мест. И представьте себе, в большинстве из них содержатся только люди. Вы находитесь среди существ, которые очень много знают про обман и убийство.

Откуда-то из под маски, через глазницы протекала грязно-коричневая смесь дождевой воды, пыли и частиц ржавчины. Голос существа, тёплый, как нагретый солнцем лист алюминия, вдруг сменился на скрип расстроенный виолончели:

— А как же моё лицо?

Шагнув вперёд, Марш приблизился к дереву почти вплотную.

— Лицо меняет постоянно форму: оно отражает эмоции, запас сил и здоровье организма. То, что вы называете лицом — это очень красивая, сделанная из нержавеющей стали маска, выполненная по образу и подобию человеческого лица.

Мощные тросы, сплетающиеся в тело Древа, угрожающе заскрипели.

— Нет! Так не бывает.

— Бывает хуже. Гораздо хуже! Прямо под вами находится вышедшая из-под контроля орда преступников. Ваш, так называемый, Исполнитель до сих не в курсе, что организации, на которую он работал, больше не существует.

Оглянитесь. Всё заброшено! Между вашей пропажей и возвратом прошла целая человеческая жизнь. Здесь другие люди, другое поколение, другие правила. Неужели, вы не видите этого?

— Я вижу только скотскую животную натуру.

Марго вдруг горько ухмыльнулся.

— Да уж, пожалуй именно такой характеристики мы и заслуживаем. И всё же, думаю, что мы не безнадёжны.

— Вы не безнадёжны. Вы отвратительны! Вы создали меня, чтобы заключить меня в этот... кусок бетона, — ржавчина ручьями хлынула из глазных отверстий, ветви дерева оцетинились шипами, а ярость нагревала стальное лицо.

Протянув руки, Владимир обнял дерево:

— Блин, подруга, сочувствую. Я своим родителям тоже однажды нечто подобное сказал,

когда мы из деревни в город переехали.

Гневно нависающие ветви вдруг замерли.

— Н-не трогай меня, — проворчало дерево. — Я тебе не подруга.

— Ладно-ладно, — смеясь, Марш отошёл от ствола.

— Вы двуличны!

— Иногда.

— Вы жестоки!

— Временами.

— Вы лжецы!

— Бывает.

— Вы невежественны!

— Что есть, то есть.

— Вы безответственны!

— Чего нет, того нет.

Не останавливаясь даже на вдох, Древо Морали продолжало поносить человечество на чём свет стоит. А человек перед ним стоял, и подтверждал каждое его слово.

Зона 112, Зал брифинга и совещаний, 23:00

Люминесцентные лампы, еле слышно гудя, распространяли по помещению седой искусственный свет. Отражаясь от белоснежных стен, он ложился на бледные лица, придавая им совершенно безжизненный оттенок. Все присутствующие не спали уже несколько ночей. Спонтанно разбившись на небольшие группы по три-пять человек, они безостановочно говорили. Речи докторов, исследователей, начальников и ассистентов, сливались в плотную стену шума мыслей, предположений, догадок и выводов.

— Я повторяю. — Грозно проговорил детектив, нависая над микрофоном передатчика. — Передайте старшему администратору Зоны 300, что Антон Могилевич, внештатный агент Фонда, при филиале Санкт-Петербурга, подтверждает появление угрозы 67-Тау, и просит выслать дополнительный отряд перехватчиков для передачи им связанного агента захваченной организации.

Несколько секунд Одинцов и Лебедев, стоящие по обе стороны от Антона, молча пялились то на детектива, то друг на друга.

— Тьфу ты, — выругался Могилевич, — то есть, захваченного агента связанной организацией. Господи, не день, а апокалипсис какой-то!

Тремя метрами от их мест, за столом вели обсуждение Оганян, Стычкин и Аврора. Напротив них Маргарита, надев наушники, молча прослушивала запись разговора Марша с Древом.

— Нифига себе, — воскликнула Аврора, всматриваясь в число, заполняющее половину строки жирным шрифтом, — это наше новое финансирование?

— Это только за первый квартал. — Заметил Стычкин, читая документ через плечо начальника.

— Мда, впечатляет, — ответил Оганян, откладывая лист, и беря другой из папки, лежащей на коричневой поверхности стола. — А вот тут указания к персоналу, в котором говорится... Нихуясебе!

Поднеся документ почти к самому носу, Артур перечитывал отпечатанные буквы, складывающиеся в его собственное имя.

— Да ладно, — ухмыльнулся ассистент, косясь на специалиста по условиям содержания.

Вытянув из рук Оганяна документ, Аврора вчиталась:

— Они предлагают вам занять место зрителя Комплекса. И подготовить замену на место ушедших спецов. Вы же повысите меня, правда?

— Так, — нахмурился Артур, забирая листок обратно в папку, — Цыц! Куда бежите вперёд поезда?

Погружаясь в каждое слово, снимаемое диктофоном с плёнки, Марго составляла в голове картину происходящего.

В беседе Марша был момент, когда он спрашивал о праве на проход внутрь Комплекса. Древо объяснило, что её работа в том, чтобы не впускать кого надо, и не выпускать кого не надо. Также, оно добавило, что ей мимо неё всё же иногда проходят сущности, которые готовы попасть внутрь любой ценой.

Первой из них была женщина в чёрном платье. Когда древо услышало причину её шествия внутрь главного корпуса, она пропустила её из глубокой солидарности.

Затем, были двое: мальчик и девушка, которых пришлось слегка потрепать. Тем не менее, и они вошли, воспользовавшись "входом для грабителей".

Далее мимо неё просочился некто, обладающий сознанием, но не имевший имени и формы.

Также Древо сообщило, что внутри Комплекса возник ещё кто-то, обладающий столь могущественной силой, что смог не только противостоять системе запретов на тау-дисциплину смещения, но и привести с собой спутника.

— Однако, — голос Древа доносился из наушников, — они явились на очень глубокий уровень, докуда мои корни не достают.

Шихобалова понимала, что "не имевший имени и формы" — это, скорее всего, Нежилец, но тот, кто явился позже, при всей мощи, явно имеет отношение к исчезновению комплекса. Интуицией Маргарита ощущала связь между Зоной 400, откуда её выслали явно не просто так.

Вскочив со стола, она подбежала к Одинцову.

— Денис, — окликнула зрителя Марго, — а где архивариус?

— Домой отправился. Я побеседовал с ним, и отпустил на пенсию.

— Вы не обсуждали с ним Зону 400?

— Нет, мы говорили только о нашем учреждении.

— Где он сейчас?

— Прощается с архивом. Очень уж сентиментальный дедок.

Выругавшись, Шихобалова пулей вылетела из зала.

Зона 112, Архив, 23:15

Ступая между длинных стеллажей, закрыв глаза, Архивариус медленно проводил кончиками пальцев по лежащим на них коробкам, железным ячейкам и некоторым экспонатам. Касаясь очередной пыльной бумажки, в столь же пыльном и старом уме возникали слова: Досье № 43856, от 5 января 1994 года, на тему Инцидента под номером 112–708... Выдержка из газеты "Самарский маяк" о взошедшей луне в ночь с 20 на 21 число мая 1983-го. Копия древнего документа, датируемая 1300-ым годом, высланная из столицы в 1967 году. Документ содержал в себе сведения о некоем чудовище, жившем очень давно.

Обычно матерящиеся головы, учтиво молчали, наблюдая, как он проходит мимо, касаясь их лиц.

— Прощайте, друзья, — молвил старик, возвращаясь к столу. — Пора отдыхать.

Взяв со стола железный ключ советского образца, он вышел в коридор, и привычным движением запер дверь архива на два оборота, активируя сверхъестественные печати в последний раз. Дойдя до кабинета охраны, он отдал им ключ и свой пропуск. Пообещав зайти за окладом и заполнить все бумаги на следующий день, Архивариус попрощался и вышел с территории Зоны 112 в вечерний полумрак.

Отойдя от КПП уже на полсотни метров, он обернулся на чей-то голос:

— Товарищ Архивариус, — запыхавшись, догоняла его Маргарита, — подождите.

— Что? — Пробурчал дед, стоя под светом фонарного столба. — Опять пришли крутить меня?

— Нет, боже, простите, — выдохнула специалистка, опираясь на колени, — я хочу задать вопрос.

Дав девушке отдышаться, старик молча смотрел на неё в ожидании.

— Из ваших слов мы знаем, что Нежилец присутствовал при открытии портала под Зоной 400. Но, согласно новым данным, он явился на территорию "Роста". Какое отношение "Ни живой, ни мёртвый" имеет к этому комплексу?

— Он явился не в Комплекс. Он находится там, потому что должен отдать долг одной очень старой женщине. Ну, как старой. Не как я, но как Нежилец.

Убрав несколько рыжих прядей с глаз, Маргарита озадаченно переспросила:

— Женщине?

— Видите ли, происхождение Нежилца стало возможным только после очень долгого и однонаправленного деструктивного воздействия на наш мир. Среди людей существуют те, кто обладает практически неограниченной, божественной силой. Их бытие настолько долгое, что простая жизнь обывателя для них не более, чем мгновение. Нам непонятны их мотивы не потому, что они слишком сложны для нас, нет. Просто начало их планов и путей было положено задолго до нашего рождения. Они исходят из обычных, вполне себе человеческих чувств страха, обиды и гнева. Они открывают двери в иные миры, сталкивая между собою легионы потусторонних сил, и закрывают их, когда перестают в них нуждаться. Нежилец должен исполнить свою последнюю волю той, что когда-то помогла исполнить последнюю волю Нежилца.

— И в чём эта воля заключается?

— Остановить давнее противостояние.

— А что же будет с нами?

— То же, что и всегда. Фонд, Отдел "П", КАРИ и ещё великое множество сообществ и орденов, — каждый в своё время пытается навести порядок, и не сдохнуть по дороге в будущее.

— А что насчёт вас? — Спросила сотрудница, понизив голос.

— Моя работа в этом учреждении закончена. И я направляюсь домой.

С этими словами, Архивариус повернулся к выходу, и оставил её одну.

Выйдя на главную улицу, скрываемый сумерками Самарских улиц, он двинулся по тротуару, чтобы достичь остановки. Автобус, совершавший последний рейс в эту смену, подхватил его, чтобы унести в центр города. Оставив его на одной из улиц исторического центра, он двинулся дальше.

Ровно в полночь мужчина зашёл в пахнущий сыростью и плесенью подъезд, поднялся на второй этаж и вошёл в пустую квартиру. Не зажигая нигде света, он разулся, снял своё старое пальто и двинулся в спальню. Затем, впервые за всю жизнь не утруждая себя снятием одежды, Архивариус расположился на мягкой и удобной перине. Под подушкой, на котором лежала седая голова, был спрятан небольшой фонарик в железном корпусе, в котором уже лет десять как сели батарейки. Архивариус так ни разу и не воспользовался им.

Из-за окна доносился шум колёс, проезжающих мимо машин. Давным-давно, протирая пыль с подоконника, он застыл на целый день, наблюдая как мимо его дома проносится жизнь. Он имел глупость винить всех в своём одиночестве и недостатке хороших воспоминаний, не осознавая того факта, что этот "пост ума" продиктован самой статичной сутью его памяти.

Едва информация попадала в его мозг, она тут же застывала обсидианом на его извилинах. Она сковывала его нейроны, превращая их в бесконечную картотеку. Даже во сне он занимался тем, что обрабатывал свою память, ограняя её, и придавая ей блеск. Но теперь всё кончено. В его способностях более не нуждаются. Он отработал всё, что был должен. Он отдал всё, что у него было. Конец.

Закрыв глаза, Архивариус медленно вздохнул, и позволил своей памяти раз и навсегда раствориться в стирающем океане забвения. Нагромождение лабиринтов памяти в один миг провалилось в пустоту. Воздух медленно выходил из лёгких, оставляя старое, покинутое жизнью тело.

Глава XXXIV: Кипение крови

"В своей работе я всегда пытаюсь объединить истину с красотой, но когда мне приходилось выбирать одно или другое, я обычно выбирал красоту." — Герман Вейль, немецкий математик.

Комплекс "Рост", Минус-третий этаж, Полночь

Сотрясая бетонные стены мощнейшими волнами тауматургических сил, обнажая арматуру яростными выпадами, Эрион и Звягинцев кружились в облаках струящейся от стен пыли. Размахивая раскалёнными до красная клинками с рабочим названием "Грета", Капитан разбивал одну за другой вышедшие из-под запястий сумасшедшей чертовки сверхъестественные лезвия. Электростатические двигатели, встроенные в рукояти мечей, были разогнаны до сверхъестественного максимума. Механизмы, собранные по лекалам Отдела "П", генерировали мощнейшее давление, заставляя тлеющих, замороженных в эпоксидной смоле, приходиться в неистовство и метаться по крохотной центрифуге, заставляя вскипать гремучую смесь жидких металлов. Атомы, составляющие сплав клинка, передавали друг другу невысказанное количество энергии. Аномальная кровь, закалённая для службы ординаторам Комплекса, сталкивалась в битве с аномальной кровью автономной колонии тлеющих.

Пару раз Звягинцеву удалось подобраться к Эрион на расстояние выпада, и тогда он вкладывал всю мощь, протекающую через его мышцы, в удар. Их битва длилась уже несколько часов, но яростные крики, оглашавшие коридоры нижних этажей, не затихали ни на минуту. Капитан наносил удар за ударом, он несколько раз отрубал ей конечности, но чудовище, закованное в тощее тело безумной дочери, раз за разом отращивало новые.

Распространяя невидимые сети внутри стен, Эрион заставляла бетон отрываться кусками от общей толщи корпуса, чтобы с неистовством метеора влететь в тушу капитана. Чаще всего, ему удавалось разбивать летящие камни на подлёте к телу, в противном случае, бледная кожа, укрытая обветшавшей формой Отдела, расходилась по швам от полученного удара.

Полотно застывшего цемента трещало под яростью Эрион, и вскоре, показавшаяся на поверхности арматура изошла смертельной судорогой, пытаясь пронзить тело ординатора. Вращая клинками по невысказанным траекториям, ординатор шинковал стремящуюся к нему материю на мельчайшие кусочки.

Остатки мыслей в мозгу, искали корни железного Древа в толще стен, посылая им сигнал о нужде в помощи, но охранник у входа молчал. Он бы узнал о нападении, если бы такое имело место быть, но гробовая тишина в аномальном эфире говорила о том, что Древо больше не желает осуществлять свою работу.

Обращая же внимание к своему хозяину, всемогущему двойнику Бога, — Исполнителю, — он наткнулся на ужас перед угрозой, что двигалась десятком тысячами этажей ниже. Неведомое существо, нарушавшее законы физики десятки лет, вдруг оказалось не исполненным мудрости универсумом, а обычным сгустком человеческого страха.

Перегружая двигатели обеих клинков, капитан сорвал клапаны, предохраняющие клинки от самопроизвольного возгорания. Кровь, кипящая в крохотных центрифугах мечей, вошла в необратимую реакцию, обращая кропотливо выверенную симфонию инженерии в хаос тупого милитаризма.

Разрывая на куски некогда человеческие тела противников, ударная волна локомотивом пронеслась по длине невероятно длинного коридора. Массивные железные двери слетали с петель, люминесцентные лампы, закреплённые на потолке, срывались одна за другой в потоках разогретого до солнечной температуры воздуха. Бесконечной толщины стены поглощали разрушительные вибрации, покрываясь трещинами, уходящих вглубь на многие метры.

Распылённые в мелкую труху останки разметало в противоположные стороны пламенным ветром, воцаряя на этаже гробовую тишину. Луч света, рвущийся с линзы одного из бесконечно многих прожекторов центральной шахты, зафиксировал, как толпы аномальных созданий покидают открывшиеся камеры. Как сотни глаз, рук и щупалец ощущывают пространство, изувеченное взрывом. Как множество ртов, пастей и жвал жадно

раскрываются, поглощая поступающий из недр Исполнителя кислород. Как миллионы песочных тлецов, осевших пылью на поверхностях, вновь собираются в единое целое.

Зона 112, то же время

Двери лифта открылись перед Константином, приглашая его в ярко освещённое пространство минус-третьего этажа. Сопровождавший его Могилевич, тянул за собою маленькую тележку, нагруженную пакетами донорской крови.

— Не бойся, — сказал Антон, мягко кладя руку на плечо мальчика, — всё будет хорошо. Сколько, говоришь, тебе лет.

— Я не говорил, — отстранённо ответил Костя, уворачиваясь от рук детектива и прижимая к груди окровавленную сумку, — мне семнадцать.

— Моему сыну почти столько же. Дочери чуть побольше.

Двое оперативников, идущие чуть впереди, открыли дверь в одну из лабораторий. Оказавшись в помещении, где целая стена была увешана какими-то документами и газетными вырезками, мальчик молча наблюдал, как в центр комнаты ставят весьма обширного объёма аквариум, вроде того, который использовался при изучении ползучих глаз. Не дожидаясь разрешения от подошедшего Лебедева, вызвавшегося зафиксировать все процедуры, Константин принялся зубами рвать пластиковые пакеты, выливая алое содержимое в стеклянную ёмкость.

С тяжестью на сердце, детектив не мог оторвать взгляда от трясущегося, покрытого ожогами от сигарет, запястья. Рядом, застыв в немом смятении, Валентин переводил взгляд с Константина на Могилевича, забыв про блокнот в кармане халата.

Наблюдавший за этой картиной через камеру слежения Одинцов, одной рукой размешивал сахар в чашке кофе, а другой писал отчёт администраторам по поводу всего случившегося. Когда на пороге Зоны появился оперативник с задержанным шпионом и малолетним невротиком, исповедующим тауматургию, его и без того перегруженный прошлыми событиями разум, уже не мог трезво осмысливать происходящее.

Шпионом оказался командир ведущей военной силы учреждения? Окей, спасибо, что схватили. Носитель-подросток с оторванной рукой и лопнувшим глазным яблоком требует два центнера литров крови для воскрешения двоюродной тётки? Без проблем, вам какая группа, первая или четвёртая.

Увлечённый собственными мыслями, он несколько раз перечитал собственное послание, выискивая те маты и непристойности, которые крамолой проскользнули по его пальцам к клавиатуре:

"...на данный момент состояние Комплекса, не смотря на *(весь этот пиздец)* возникшие трудности, остаётся стабильным. Надзор осуществляет ведущий исследователь паранормальных явлений *(пахарь, жнец, на дуде игрец)*, сотрудник 4 уровня, Владимир Марш. В ближайшее время руководство Зоны 112 рассчитывает *(забить болт и пойти спать)* на максимальный уровень помощи от столичных сил Фонда."

Испустив красноречивый вздох, Смотритель устало облокотился локтями на стол и закрыл лицо руками. Не менее красноречивое "Бляяяяяяя" донеслось из-под ладоней Дениса спустя секунду. А спустя ещё минуту, дверь со скрипом открылась, и в кабинет ворвалась раздражающе бодрая Маргарита Шихобалова.

— Сука, — против воли выругался Одинцов, заставляя сотрудницу уставиться на него в непонимании.

— Что? — Спросила Марго, глядя на него исподлобья.

— Не, это я не вам, простите. Что у вас?

— Я думаю, вам стоит написать обращение в Зону 400.

— Марго, — взмолился Смотритель, — я отчитываюсь только перед Москвой. О вашем устройении в нашем учреждении я напишу в Челябинск завтра, так как важность вашего сообщения не является критической.

На секунду взгляд Шихобаловой стал именно таким, который рано или поздно увидят на себе все сотрудники Фонда, старше сорока пяти: **ТЫ ГОВОРИШЬ КАК КРЕТИН БЮРОКРАТИЧЕСКИМ ДЕРЬМОМ В ГОЛОВЕ.**

Однако, Марго ответила следующее:

— Не злитесь на меня. Поверьте, я заинтересована в успехе компании Зоны 112 не меньше вас. И если ваша лояльность к Фонду выше, чем у схваченного боевика-шпиона, вы доверитесь решению администрации перевести к вам специалиста с одного из важнейших международных узлов организации в мире.

— Лояльность? Всё-таки вас прислали, чтобы подглядывать за нами, — потирая ладони, сощурился Одинцов.

— Отнюдь. Я не меньше вашего знаю, как по-скотски ведёт себя Администрация. Но она и не просит, чтобы мы любили её. Она просит, чтобы мы соглашались с её методами. Да, у нас кошмарная бюрократия, но у нас также есть Комитет по этике, — во многих случаях, эта решающая вещь. Каждый сотрудник сам выбирает причину любви к Фонду SCP: священная борьба со злом, образование и путешествия, открытия, деньги, но никогда не любовь к Администрации. Да, администраторами и полумифическим Советом О5 можно восхищаться, но любить — никогда.

— Вау, — поразился Смотритель, — честно говоря, это именно то, что мне нужно было услышать.

— Отлично, — улыбнулась сотрудница, — а теперь я очень прошу вас написать в Зону 400, что для Беты Центавра нашёлся идеальный кандидат на должность задающего вопрос. А я пока буду с Могилевичем.

Круто развернувшись, Марго устремилась к двери.

— Подождите, — воскликнул Денис, — я должен написать только это? Это же не имеет смысла?

— Как говорила одна из моих наставниц, — сказала Марго, замерев на пороге, — в этом мире мало что имеет смысл. И недавно я убедилась, что миром, похоже, правят идеи, а не смысл. В зоне 400 поймут, о чём я. Напишите так.

Хмыкнув вслед упорхнувшей сотруднице, Одинцов открыл на компьютере внутренний реестр Фонда, чтобы найти контакты Зоны 400.

Комплекс "Рост", Центральная связующая шахта, то же время

— Ты жалеешь его? — Спросил Нежилец, кружась невидимым туманом вокруг идущей по вертикали Гетеры.

— Сочувствую. — Ответила ведьма, вглядываясь внутренним взором вглубь Исполнителя. — Собрать столько мощи, столько сил и ради чего?

— Чтобы превзойти тебя, — предположил спутник.

— Да, так он сказал, но мне почему-то думается, что он слукавил. Всё, что Исполнитель творил, выходило лишь извращённой пародией на мою деятельность. Я живу тысячи лет —

он тысячи лет паразитирует на аномалиях. Я закладываю порталы, возрождая природные места силы, а этот идиот расшатывает их, выпуская в мир потоки сверхъестественных нечистот. Я, сливаясь с мрамором, воздвигая колонны внутри пещер, — он сливается с бетоном и превращает собственное сознание в сингулярность. Даже железное дерево перед входом — не более, чем насмешка над моим хрустальным садом.

— Хрустальным садом?

— Да, — отмахнулась ведьма, — я раньше любила сооружать целые подземные дворцы. По всей планете осталось два из когда-то восьми. Первый ушёл под воду, там я бываю чаще всего. А второй облюбовали люди, меня теперь там нет.

— Как многого я о тебе не знаю. А что стало с остальными дворцами?

— Природа. Землетрясения, цунами, движения процессов гнили и коррозии. Я могла путешествовать столетиями, оседая лет на двадцать-тридцать в недрах какой-нибудь горы. От скуки я принималась за изменения окружающего мира, стараясь не обвалить при этом на собственную макушку пласт какой-нибудь руды.

— Тем не менее, — заметил Нежилец, — в своих странствиях я встречал тебя крайне редко.

— Потому что большую часть времени я гуляю по дну океанов. Эти территории куда более разнообразные. Прекрасные коралловые рифы и тысячи видов пёстрых водоплавающих малюток. Лишённые солнечного света, укрытые покрывалом ила, низины, изобилующие массой кошмарного вида членистоногих. Некоторые даже в темноте светятся.

Когда Гетере надоедало бродить под давлением в миллионы Паскалей, где вода перенимает плотность у гранита, она выбиралась на сушу. Как правило, после многолетнего нахождения под водой, её кожа раздувалась, а глаза набухали и вываливались из орбит. Случайный свидетель мог упасть в обморок с криком "Русалка!" или "Водяной!", иногда самые ярые безбожники начинали молиться. Тем не менее, в течении недели-двух, внешний вид возвращался к своему первоначальному состоянию. Даже белоснежная тога, приглянувшаяся ей ещё во времена Аристотеля, всегда оставалось в том же виде, изредка подстраиваясь под нужды времени, дабы слить ведьму с толпой. Иногда одежда покрывала всё тело с ног до головы. Иногда обращалась в вечернее платье с откровенным вырезом. Она могла пройти куда угодно. Говорить с кем угодно. Спать с кем угодно.

Она посещала оперные театры великих актёров и театры боевых действий великих полководцев. Среди людей она гуляла не так, как по дну океана. На смену молчаливому движению в медитации приходил скорый темп бытовой жизни. Учительница, медсестра, научная исследовательница, бродячая скрипачка, и ещё тысяча жизней, прожитых на одном дыхании.

В противовес её увлечённости, Исполнитель всегда следовал по её пятам, стараясь нанести как можно больше злоключений. Внешний мир его интересовал только как инструмент для сворачивания шеи Гетеры, и всё, что последняя в нём оставляла, должно было быть вычищено, как мусор. Своими перформансами эта наглая ведьма уводила человечество с дороги развития по губительному пути праздности. Всё, что она создавала, Исполнитель стремился обратить против неё. В конце концов, он даже приказал поймать и всесторонне изучить поведение её народа, чтобы понять слабости носителей. К его великому удивлению, носители вели себя как обычные люди, что совершенно сбивало с толку исследователей. Некоторая часть персонала, из соображений совести, даже написала заявление об уходе, и Исполнителю пришлось сделать из них отряд верных Ординаторов, в

назидание другим. Звягинцев до сих пор, наверное, носит за пазухой обиду: он-то думал, что приходит в "Рост" за последней зарплатой, даже табельное на складе оставил. Видит Бог позже ему очень не хватало этого пистолета.

А ведь Гетера могла бы быть вместе с ним, строить дворцы, направляя всё человечество ввысь, пока он строил бы тюрьмы, напоминая двуногим, с какого дна они их поднимают. Древние, безымянные боги в царстве смертных слуг.

Но вместо воздвижения утопии из хрусталя и бетона, вместо крыльев, покрытых лунной пылью, она выбрала плесень болот и темноту пещер. Он желал двигать континенты силой мысли ради неё, а она бережно хранила кости своих предков ради себя самой. Ради Гетеры он отказался от мира, от людей, от дружбы, от любви, даже от собственного тела, чтобы купить и потратить ещё одно столетие на то, чтобы переубедить её. Он показывал ей, как страшны порталы, которые она воздвигает из наивных чувств к Матери-природе. Он явил ведьме нутро человечества, слившись с организацией, где работал Нежилец. И вот, доведённый до отчаяния, он поднял на плечи груз вселенской бесконечности, но и тогда она его проигнорировала. И тогда терпение исполнителя подошло к концу. В единственный раз за всю жизнь, он позволил себе по-настоящему разозлиться. Проклиная Гетеру, он со зла сбросил с себя груз неисчерпаемой ноши, но слишком поздно осознал свою ошибку. В своих устремлениях он зашёл слишком далеко, чтобы повернуть назад.

Метафизические силы помноженные на бесконечность, намертво привязанные к неутомимому и огромному Эго, потянули его сознание в пропасть. Весь ум Исполнителя и вся его личность, пропитанная ядовитой обидой, свернулись в бесконечно плотный сгусток бытия, навсегда отрезая своего обладателя от внешнего мира. Он оказался заперт в непомерно тесной ловушке собственного сознания, где все тоскливые мысли одновременно находятся в поле твоего зрения. Где невозможно закрыть глаза. И ничего нельзя отпустить.

Конец первого тома

Больше книг на сайте - Knigoed.net